ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

88 a

6 M 30

84

~~25/x 575 ad~~

~~21/XI-4305 ad~~ 83

OL

~~3/X 83 u 2/70~~ 93

18/VIII 88 4/ -384

88

Семен Михайлович
БУДЕННЫЙ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С. М. БУДЕННЫЙ

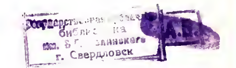
ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1965

В 1959 г. вышла в свет первая книга воспоминаний заслуженного полководца гражданской войны С. М. Буденного. В новой своей книге он как бы продолжает задушевный разговор с читателем. Но в то же время это вполне законченное, самостоятельное произведение. Оно посвящено событиям борьбы с белополяками в 1920 г.

В книге рассказывается о героическом тысячеверстном походе Конармии с Северного Кавказа к Днепру, о ее боях против интервентов под Житомиром, Бердичевом, Новоград-Волынским, Ровно, Львовом, на реке Стырь и под Замостьем.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю вторая книга воспоминаний «Пройденный путь» повествует о боевых действиях Первой Конной армии на польском фронте в 1920 году.

Вторжением на Украину войск буржуазно-помещичьей Польши начался новый антисоветский поход Антанты. Кончилась кратковременная мирная передышка.

Помню, многие из нас тогда задумывались, почему небольшое польское государство рискнуло напасть на великую страну, державшую под ружьем трехмиллионную молодую, но уже закаленную в боях регулярную армию, спаянную классовым единством.

Не находилось вроде бы и политических мотивов для оправдания войны. Ведь мы знали, что только победа Великой Октябрьской социалистической революции в России создала условия для возрождения независимого польского государства. Советское правительство признало право на самоопределение польского народа — и не покушалось на его суверенитет.

Но вскоре все стало ясно. Войну начали белополяки — такие же, как русские рябушинские и керенские, в союзе с империалистами Антанты.

Из полученных тогда Реввоенсоветом Конармии информационных материалов и центральных газет мы узнали, что власть в возрожденной Польше захватила буржуазно-помещичья верхушка во главе с контрреволюционером националистом Юзефом Пилсудским. Под его руководством буржуазия и шляхетская знать разгромили созданные трудящимися Польши Советы, обрушили жестокие репрессии на Польскую коммунистическую рабочую партию и руководимый ею пролетариат.

Реакционеры развернули антисоветскую пропаганду, разжигая ненависть к русскому народу. Нашу молодую республику они изображали агрессором, будто бы стремящимся поработить Польшу. Вскоре последовали откровенные призывы к войне, к расширению польской территории от Балтики до Черного моря за счет украинских и белорусских земель.

Летом 1919 года, пользуясь тем, что основные силы Красной Армии были заняты борьбой с Колчаком, Деникиным и Юденичем, белопольские войска вторглись в западные районы Украины и Белоруссии. Они захватили большую территорию, на которой восстано-

вили власть помещиков и капиталистов, ликвидировали рабочие организации, закрыли школы, запретили украинский и белорусский языки в качестве государственных языков. В оккупированных районах реакционные белопольские офицеры расстреливали коммунистов, бросали в тюрьмы и концентрационные лагеря рабочих и крестьян, заподозренных в симпатиях к Советской власти.

Советское правительство неоднократно протестовало против агрессии и бесчинств, призывая польские правящие круги к миру. В ноте от 28 января 1920 года Совнарком РСФСР заявил, что между Польшей и Россией не существует ни одного вопроса — территориального, экономического или иного, которого нельзя было бы разрешить мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений. При этом Советское правительство указывало, что свои взаимоотношения с Польской республикой оно строит не на случайных военных или дипломатических комбинациях, а исходя из незыблемого принципа национального самоопределения польского народа. Настойчиво добиваясь мира, наше правительство шло даже на большие территориальные уступки.

Но буржуазные правители Польши не вняли голосу разума. Мирные предложения Страны Советов они восприняли как проявление слабости. 5 марта польская буржуазия двинула в наступление свои войска, находившиеся в Белоруссии. 6 марта Советское правительство повторило свои мирные призывы, подчеркивая, что состояние войны в высшей степени невыгодно для обоих народов.

Наконец, 23 апреля Советская республика обратилась к правительствам Польши и государств Антанты с новыми мирными предложениями. Предлагалось начать переговоры о мире в Лондоне или Париже и даже в Гродно либо Белостоке — в городах, занятых польскими войсками. И снова ответа не последовало.

Чем больше мы изучали отношения Польши к Советской республике, тем отчетливее понимали, что за спиной польской буржуазии стоит международный империализм. Тогда не являлось секретом, что правительства стран империалистической Антанты готовят новый военный поход против Советской России. Об этом нам с К. Е. Ворошиловым рассказал В. И. Ленин, когда мы были у него в Москве.

Мы узнали от Владимира Ильича, что еще до полного краха деникинской авантюры империалисты приступили к поискам пушечного мяса для продолжения войны против Республики Советов. Навербовать контрреволюционную армию внутри России Антанта уже не могла. Подавляющее большинство населения страны стояло за Советскую власть, а отдельные буржуазно-националистические и кулацкие банды не представляли серьезной силы.

Использовать свои войска в борьбе с Советской республикой империалисты не решались. Солдаты армий буржуазных государств все больше проникались революционным духом и могли повернуть штыки против своих угнетателей.

Тогда-то Антанта и использовала захватнические устремления буржуазно-помещичьего правительства Польши, оказавшейся к этому времени в полной экономической зависимости от могущественных империалистических держав. Рассматривая польские войска в качестве тарана против Советской России, империалисты толкали их на агрессивные действия. Из Франции была переброшена семидеся-

титысячная польская армия генерала Галлера, сформированная иа французской территории в 1917—1918 годах для участия в войне с Германией. В Польшу потоком двинулись военные грузы. Польские войска фактическн подчннялись Союзническому совету Антанты, точнее, штабу французского маршала Фоша. В Варшаву выехала французская военная мнссия. С ее помощью разрабатывался и план войны.

Этот план предусматривал прежде всего разгром советских войск между Днестром и Припятью и овладение Правобережной Украиной. Затем намечалась перегруппировка сил для широкого наступления в Белоруссии. Расчет строился на молниеносный удар крупных соединений, способных в кратчайшнй срок уничтожить советские части.

В стратегическом отношении выбор направлення первоначального удара предусматривал выход польских войск к границам дружественной нм Румынии и захват Правобережной Украины.

Полнтическая цель войны оставалась прежней — лнквидация Советской властн в России и восстановление буржуазно-помещичьего строя. Но не последними по значимости былн и экономнческие интересы. Захватом богатых промышленных, сырьевых и продовольственных районов Украины польское правительство рассчнтывало поправить истощенную экономику своей страны. Французские империалисты надеялись наложить руку на зону своих интересов — Донбасс и укранчский железорудный район, куда до революции французы вложили больш̥не капиталы.

Для того чтобы начать широкое вторженне на территорию другой страны, надо было нметь какой-то предлог. И он был найдеи. Оккупацию Украины решили прнкрыть демагогическими заявлениями о якобы стремлении Польшн «освободить» украинский иарод от большевиков. Главарь украинских буржуазных националистов, авантюрист и предатель своего народа атаман Симон Петлюра пошел на соглашение с захватчиками. Он заключнл с Пилсудским договор, по которому Польша признавала «независимость» Украины, а за это должна была получить Галицию, Волынь, часть Полесья, Холмскую область. Более восьмн миллионов украинцев Петлюра продавал в рабство пол ским помещикам н капнталистам.

Неисчислимые беды и страдания принесла нашему народу развязанная польской буржуазией война. И без того в стране царнли разруха, голод и нищета. Там, где проходилн бои с белогвардейцамн, оборудование фабрик и заводов было разграблено, рудники завалены землей нлн затоплены водой. Освободив Доибасс, мы, например, не нашли шахты, годиой для добычи угля. Из шестидесяти пяти доменных печей Донецкого бассейна ни одна не работала.

В плачевном состоянии находнлся железнодорожный транспорт. Почти весь подвижной состав вышел из строя. Шестьдесят процентов паровозов не годились для эксплуатацнн. Сотни километров путей были разобраны, рельсы растащены, шпалы сожжены, телеграфные столбы спилены. Вокзалы, пакгаузы, водокачки лежали в развалинах.

Жалкое существование влачнла деревня. Многие хутора н села вообще исчезли с лица земли, другие опустели. Зарастали бурьяном поля.

Холера, тиф, дизентерня уносили тысячи жизией истерзанных голодом и иуждой людей.

Все эти бедствия надо было побороть. И партия большевиков призвала народ к борьбе с разрухой. «Смерть или победа на промышленном фронте» — так ставил вопрос Ленин. Советские люди с жаром откликнулись на призыв родной партии и ее вождя. По инициативе армейских коммунистов в восстановительные работы включились и войска. У нас, в Первой Конной армии, личный состав частей, не занятых боем, тоже оказывал помощь трудящимся городов и сел.

Вопросам народнохозяйственного строительства был в основном посвящен IX съезд партии, на котором мне выпала честь присутствовать. Советский народ воспринял решения съезда как ближайшую программу новой жизни. Наш народ, освобожденный от эксплуатации, расправлял свои могучие плечи.

Вторжение интервентов вызвало бурю негодования трудящихся нашей страны. Во всех городах и селах рабочие и крестьяне клеймили позором польскую шляхту и ее вдохновителей — империалистов Франции, Англии и США.

На пятый день после нападения белополяков ВЦИК и Совнарком РСФСР опубликовали в печати обращение «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России». В обращении, подписанном М. И. Калининым и В. И. Лениным, говорилось, что Советская власть ничем и ни в чем не проявляла враждебных стремлений по отношению к Польше. Даже тогда, когда польские помещики и капиталисты, уничтожив военной силой братские нам советские республики Белоруссию и Литву, заняли их территорию, мы, несмотря на наши пламенные симпатии к крестьянам и рабочим Белоруссии и Литвы, готовы были к заключению мира с Польшей, ибо были убеждены, что ее героический рабочий класс, связанный с нами многолетней совместной борьбой против царизма, сумеет обуздать своих эксплуататоров и тем поможет освобождению Литвы и Белоруссии.

Указывая на необходимость отпора интервентам и возлагая всю ответственность за тяжелые последствия войны на польские правящие круги, Советское правительство вместе с тем подчеркивало, что и после разгрома захватнических войск Пилсудского независимость Польши останется для нас неприкосновенной.

Решительно выступили против войны польские коммунисты. В обращении ЦК Коммунистической рабочей партии Польши «К пролетариям всех стран» указывалось, что польские рабочие не имеют ничего общего с нападением польского милитаризма на Советскую Россию; что они самым решительным образом осуждают эту войну, проводимую не в защиту независимости, а в защиту господства мирового капитала; что в лице Красной Армии они видят не захватчиков, угрожающих нашей свободе, а союзников в нашей революционной борьбе за свободу.

Миролюбивая политика Советского правительства нашла отклик в сердцах трудящихся Польши, особенно у мужественного, закаленного в революционной борьбе польского пролетариата. Массовыми забастовками и митингами рабочие Польши выражали гневный протест против войны и требовали мира с Советской республикой. В марте и апреле 1920 года политическими, антивоенными забастовками были охвачены десятки тысяч шахтеров Домбровского угольного бассейна, польских железнодорожников, металлистов и строи-

телей Варшавы, текстильщиков Лодзи и рабочих других городов Польши.

Это было большой моральной поддержкой трудящимся Украины, Белоруссии и Советской России.

По призыву Коммунистической партии народы Советской России поднялись на защиту своих завоеваний. В городах и селах началась запись добровольцев. Первыми шли на фронт коммунисты и комсомольцы. Многие районные комитеты партии и комсомола превращались в своего рода штабы по формированию воинских подразделений.

Большой патриотический подъем царил на фабриках и заводах. Рабочие оборонной промышленности брали на себя повышенные обязательства по выпуску винтовок, пулеметов, артиллерийских орудий, патронов и снарядов. «Наш ответ на это наглое наступление польской буржуазии ясен — усилить всеми средствами Западный фронт, усилить выпуск оружия и патронов», — говорилось в резолюции рабочих Тульского патронного завода. Ткачи, швейники, обувщики давали слово работать не покладая рук для обеспечения Красной Армии обмундированием и обувью. Железнодорожники и шахтеры, крестьяне и молодая советская интеллигенция — все стремились внести свой вклад в дело борьбы против интервентов.

«Все для фронта!» — под этим лозунгом страна перестраивалась на военный лад. «..Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет не допустимо», — говорил В. И. Ленин 5 мая на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета фабрично-заводских комитетов профсоюзов.

С призывом грудью встать на защиту Советской республики выступили делегаты состоявшихся в апреле — мае 1920 года 1-го Всероссийского съезда трудового казачества, съездов Советов в Иваново-Вознесенской, Челябинской и Киевской губерниях, Центрального Всероссийского съезда железнодорожников, IV Всеукраинского съезда Советов, республиканских и губернских конференций профсоюзов, члены заводских и фабричных рабочих комитетов.

Коммунистическая партия и Советское правительство принимали экстренные меры по усилению Красной Армии не только добровольческими отрядами коммунистов, комсомольцев, членов профсоюзов, но и срочно перебрасывали на запад с других фронтов закаленные в боях с колчаковцами и деникинцами советские части.

Командующим Западным фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, членом Военного совета — видный деятель большевистской партии И. С. Уншлихт. Начальником политотдела фронта стал испытанный революционер, член партии с 1906 года А. Ф. Мясников.

В неимоверно тяжелых условиях Советское государство при активной моральной поддержке трудящихся Европы и Америки отстояло свое право на существование. Красная Армия, в рядах которой сражалось немало интернациональных бойцов — чехов, поляков, болгар, венгров, сербов, немцев, румын, не только остановила врага, но и отбросила его за пределы советской земли. Свыше 700 километров прошли с боями наши войска от Днепра до стен Варшавы и Львова. Это был выдающийся подвиг молодых рабоче-

крестьянских полков, если учесть, что они постоянно испытывали недостаток вооружения, боеприпасов, продовольствия, обмундирования.

Вместе с другими советскими войсками громили интервентов и части Первой Конной армии. Почти без хлеба и фуража по весеннему бездорожью конармейцы совершили более чем тысячеверстный марш от Майкопа до Умани и с ходу прорвали неприятельский фронт. История войн не знала примера, когда бы конница самостоятельно прорывала хорошо подготовленную оборону. Стремительное продвижение Конармии в глубокий тыл интервентов создало коренной перелом в нашу пользу и положило начало освобождению оккупированных территорий Украины и Белоруссии.

В основу настоящей книги легли мои личные воспоминания. Но в процессе работы широко использовались и архивные документы. Выражаю глубокую признательность подполковнику С. Н. Молодых и полковнику в отставке С. В. Чернову, оказавшим мне большую помощь в создании книги. Сердечно благодарю и уважаемых читателей — бывших участников гражданской войны, приславших свои записи о тех событиях, фотоматериалы и добрые пожелания.

С. М. БУДЕННЫЙ

1. У ИЛЬИЧА НА ПРИЕМЕ

1

К концу марта 1920 года Красиая Армия разгромила полчища Деникина и освободила Дон, Северный Кавказ, большую часть Украииы, Ставрополье, миогие стаиицы Кубаии. Могучим валом надвигались советские войска иа юг — к Черному, Азовскому и Каспийскому морям, ликвидируя отдельные очаги сопротивлеиия деникиицев.

Вместе с войсками 8, 9, 10 и 11-й советских армий бойцы Первой Конной завершали разгром белогвардейцев иа Севериом Кавказе. Миогие из иих уже иадеялись иа скорое возвращение в родиые края — к семьям, мечтали обиять матерей, жеи и детей, взяться за плуг и поднять первую борозду освобожденной земли. Но, видио, не все версты к мирной жизии и семейному счастью были пройдены. Стране Советов грозил иовый враг.

К 24 марта 1920 года Первая Конная армия с подчииенными ей в оперативиом отношении 34-й стрелковой, 1-й Кавказской и 2-й имеии Блинова кавалерийскими дивизиями, преследуя деиикинцев, достигла казачьих станиц южиее и юго-западнее Майкопа. В Майкопе нас и застала телеграмма Реввоенсовета Кавказского фронта.

Комаидоваиие фронта — М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоиикидзе — сообщало, что армии предстоят иовые задачи, и главком приказал мне и Ворошилову прибыть в Москву. Нам предлагалось подготовить с собой в столицу маршрутиый состав с нефтью или машиииым маслом.

На сбор эшелона с нефтепродуктами потребовалось три дия. За это время подготовили для доклада главко-

му сведения о боевом и численном составе дивизий, о материальном и техническом обеспечении войск.

И вот наконец наш поезд тронулся в путь. Утром 29 марта прибыли в Ростов. Город встретил хлопотливой суетой. На вокзале и привокзальных улицах толкались сотни пассажиров с узлами, корзинами, сундучками. В толпе виднелось много военных. И не удивительно: в Ростове размещались штаб Кавказского фронта и штабы двух армий, в том числе и основной штаб нашей Конной.

С трудом добрались до ожидавшей нас машины. Почти на каждом шагу приходилось останавливаться — знакомые или просто знавшие нас расспрашивали о Конармии, делились радостью по случаю разгрома белых.

В основном штабе словно в разворошенном улье. Командиры и политработники в приподнятом настроении: они уже прослышали, что мы с К. Е. Ворошиловым едем в Москву и там будет решаться вопрос о переброске Первой Конармии на другой фронт.

Начальник штаба Н. К. Щелоков доложил о неотложных делах. Из его сообщений меня особенно обеспокоил приказ фронта к 30 марта овладеть городом Туапсе. Были веские причины, чтобы сомневаться в возможности его выполнить. Мы с Климентом Ефремовичем решили сразу же направиться в Реввоенсовет фронта и просить М. Н. Тухачевского об отмене приказа. К тому же следовало получить у него указания перед поездкой к главкому.

В штабе фронта первым увидели Г. К. Орджоникидзе. Встречи с Григорием Константиновичем всегда доставляли мне большое удовольствие. В этом человеке я видел партийца-ленинца, жизнь которого полностью подчинена интересам революции. Орджоникидзе был человеком необычайной сердечности и простоты. Его умные ясные глаза располагали к дружбе и доверию.

— Ну вот и освободители Майкопа! — улыбаясь, приветствовал он нас.

— Ну какие мы освободители. Вы, Григорий Константинович, преувеличиваете наши заслуги, — заметил Ворошилов. — Эту честь следует отдать черноморцам [1].

— Нет, нет, не скромничайте. Все прекрасно пони-

[1] Бойцы повстанческой Красной армии Черноморья.

мают, что без натиска ваших частей с фронта повстанцы не смогли бы освободить город... И вообще, нужно сказать, дела наши идут блестяще, — оживился Орджоникидзе. — Народы Кавказа прониклись доверием к Советской власти. Со всех мест поступают сообщения о том, что еще до прихода войск Красной Армии горцы свергают белогвардейцев. Вы понимаете, как меня это радует?

Подошел М. Н. Тухачевский. Пожимая нам руки, спросил:

— Как дела на фронте, товарищи? Чем порадуете?

— Все складывается очень хорошо, — доложил я. — Разбитые и деморализованные части второго Кубанского корпуса и примкнувшие к нему подразделения Чеченской и Астраханской дивизий под прикрытием бронепоездов отходят в направлении станиц Хадыжинской и Кабардинской. Наши передовые войска успешно преследуют их. Но теперь мы достигли горных районов, где действия крупных масс конницы затруднены. К тому же в горах совершенно отсутствует фураж. Все это заставляет просить вас освободить Первую Конную армию от боев за Туапсе и вывести ее на отдых. В предвидении новых задач, которые нам предстоит выполнять, это крайне необходимо.

— Противник основательно потрепан, теперь его добьют наши стрелковые части, — добавил Ворошилов. — Можно использовать тридцать четвертую дивизию, а также приданные нам две кавалерийские — Кавказскую и имени Блинова.

— Но они малочисленны и тоже утомлены, — возразил командующий фронтом.

— Как малочисленны?! — не сдавался Ворошилов. — Все три пополнены добровольцами и усилены отбитым у противника оружием.

— Михаил Николаевич, а ведь товарищи, пожалуй, правы, — поддержал нас Орджоникидзе. — От Кабардинской до Туапсе вдоль железной дороги, на перевалах и в ущельях коннице действовать будет трудно. Кроме того, нельзя не учитывать, что Кубань скоро разольется и тогда Первая Конная окажется отрезанной в голодных местах.

— Все это правильно, — согласился Тухачевский. — Я представляю, Григорий Константинович, с какими труд-

ностями встретится конница в горах. Но удар по противнику всеми силами скорее бы решил дело. Нам нужно прижать белых к морю и не позволить им ускользнуть через порты. Поэтому-то я и рассчитывал использовать Конную армию, надеясь после овладения Туапсе предоставить ей отдых.

Тухачевский взглянул на карту и на минуту задумался. Потом поднял голову:

— Ну хорошо, убедили. Учитывая, что вам предстоит переброска на другой фронт, и, вероятно, даже походным порядком, считаю возможным удовлетворить вашу просьбу. Только учтите — противника в районе Хадыжинской и Кабардинской Конармия должна уничтожить. После этого можете отвести дивизии на отдых на северный берег Кубани. А тридцать четвертую направьте к Туапсе, она перейдет в девятую армию.

Затем командующий фронтом начал расспрашивать о состоянии войск, их нуждах, интересовался настроением конармейцев, просил рассказать о начдивах и начальниках штабов дивизий.

Выслушав нас, он заметил:

— У нас Первая Конная на хорошем счету. Но в центре по чьим-то недобросовестным докладам о ней сложилось неправильное мнение.

— А какие к нам претензии? — поинтересовался я.

— Да вот, говорят, что конармейцы разграбили Новочеркасск. И вообще, мол, из-за низкой дисциплины армия потеряла боеспособность.

— Но ведь это же клевета! — воскликнул Ворошилов.

— Мы знаем и сами не меньше вас возмущены, — отозвался Тухачевский.

— И что особенно неприятно, — Орджоникидзе поднял глаза от документов, которые рассматривал, — ложно информировали даже Владимира Ильича. Вы помните, еще при первой нашей встрече в Батайске я говорил вам о телеграмме Ленина, в которой выражалось беспокойство «полным разложением у Буденного».

Видно, Григорий Константинович заметил мое волнение. Он обменялся взглядом с Тухачевским, улыбнулся в усы и подошел ко мне:

— Не волнуйтесь, дорогой Семен Михайлович. Все будет в порядке. Мы с Михаилом Николаевичем опровергли эти нелепые утверждения ваших и наших недоб-

рожелателей. Вот познакомьтесь, — и протянул копию письма В. И. Ленину и главкому С. С. Каменеву.

— «Со слов Лебедева, — прочитал я, — нам стало известно, что в РВСР[1] благодаря неточной информации создалось неправильное представление о Конной армии и об ее командарме... Конная армия в смысле боеспособности выше всяких похвал. Отличается дисциплиной в бою и чрезвычайной смелостью... Ни одна кавчасть противника, даже сильнейшая, не выдерживала стремительных атак частей Конной армии. Начдивы очень способные и смелые начальники... Неправда абсолютная, будто бы 11-я кавдивизия разгромила Новочеркасск. Ни одна часть Конармии в Новочеркасск не заходила. ...Начиная с Воронежа Конная армия не получала жалованья и не имела надлежащего продовольственного аппарата. Почему и приходилось заниматься самоснабжением, что при условии обычной скученности Конной армии, конечно, не могло пройти безболезненно для населения»[2].

Все же мы были серьезно встревожены. Еще неясно, удалось ли Реввоенсовету фронта разбить сложившееся в Москве предвзятое мнение о Конармии? Как-то нас встретит главком? Но М. Н. Тухачевский и Г. К. Орджоникидзе успокоили нас, заверив, что они еще переговорят с С. С. Каменевым.

— Теперь о цели вашего вызова в Москву,— сказал Тухачевский. — Вероятно, речь будет идти о способе переброски Конармии на запад. Главком запросил наше мнение. Мы ответили, что целесообразнее всего двигаться походом. У нас нет подвижного состава, чтобы за короткий срок перебросить такую массу конницы по железной дороге. Командующий Юго-Западным фронтом согласен с нами и свое мнение тоже сообщил главкому.

В этом мы были единодушны с Реввоенсоветом фронта. Действительно, из-за малой пропускной способности железные дороги юга не могли обеспечить своевременную переброску армии. Кроме того, и это являлось не менее важным, на станциях не было запасов фуража, продовольствия, а подчас и воды.

---

[1] Революционный Военный Совет Республики.
[2] Архив Научного военно-исторического отдела Генштаба РККА, д. 27, л. 1.

Когда мы уже уходили, пожимая нам на прощание руки, Орджоникидзе сказал:

— Завидую вам. Едете в Москву. Там сегодня открывается девятый съезд партии.

— А вы, Григорий Константинович, почему не на съезде? — удивился я.

— Нельзя, Семен Михайлович. С Деникиным надо кончать, да и в Закавказье неспокойно. Меньшевики, дашнаки и мусаватисты не сидят сложа руки.

2

В 8 утра 30 марта тронулись в путь. С нами в Москву выехал секретарь Реввоенсовета армии С. Н. Орловский. Наш поезд «особого назначения» представлял собой большой состав цистерн с нефтью. В конце его прицепили два вагона — один для нас, служебный, другой с мукой и сахаром — подарок Владимиру Ильичу от конармейцев.

На преодоление пути от Ростова до Москвы ныне требуется часов около двадцати, а мы ехали несколько суток. Эшелон часто останавливался и подолгу стоял: то оказывалось неисправным железнодорожное полотно или чинили мост, то на станции не было топлива или воды для паровоза, а то просто пропускали встречный поезд.

Но вот наконец добрались до столицы. Остановились в гостинице «Националь», а через час уже были в полевом штабе РВСР. Там нас принял Главнокомандующий Вооруженных Сил Республики С. С. Каменев.

С Сергеем Сергеевичем я до того времени не встречался, а слышал о нем много хорошего. Мне было известно, что он — бывший полковник старой армии — с первых дней революции встал на сторону Советской власти. Уже в борьбе против Колчака, командуя войсками Восточного фронта, показал себя талантливым военачальником. Ему принадлежали большие заслуги и в разгроме Деникина. Г. К. Орджоникидзе отзывался о Каменеве как о человеке, достойном уважения, пользующемся доверием Владимира Ильича.

Главком встретил нас приветливо, попросил рассказать о состоянии Конной армии. Выслушав мой краткий доклад, он пригласил к себе начальника полевого штаба

Реввоенсовета Республики П. П. Лебедева и начальника Оперативного управления Б. М. Шапошникова.

Их я тоже видел впервые. Оба они — в прошлом офицеры русской армии — после Октября преданно служили Советской республике. П. П. Лебедев отличился в боях против Юденича, затем служил начальником штаба Восточного фронта, а теперь успешно работал на высоком посту начальника полевого штаба РВСР. Б. М. Шапошников с отличием окончил Академию Генерального штаба, в звании полковника участвовал в первой мировой войне. В мае 1918 года вступил в Красную Армию и проявил недюжинные способности на оперативной работе.

Борис Михайлович вошел в комнату первым. Выше среднего роста, с крупными чертами лица, причесанный на пробор и почему-то одетый в штатский костюм, он вежливо поздоровался с нами и отошел в сторону.

В противоположность Шапошникову Павел Павлович Лебедев был невысок, подвижен, в тщательно выглаженном френче, с лицом, обрамленным коротко подстриженной русой бородкой, и волнистой шевелюрой. Встретил он нас довольно холодно. Возможно, все еще находился под впечатлением ложного доклада о Конной армии и обо мне. Резкий его тон в последовавшем затем разговоре оставил у меня неприятное впечатление, хотя после мы с ним были в самых дружеских отношениях.

Как только Лебедев вошел, главком спросил его:

— Павел Павлович, каково ваше мнение о порядке переброски Конной на Западный фронт?

— Считаю целесообразным направить ее по железной дороге в район Знаменки. Борис Михайлович может доложить расчеты потребности подвижного состава и времени.

— Ну что же, давайте посмотрим, — кивнул Каменев Шапошникову.

Тот, разложив перед главкомом бумаги, обстоятельно доложил.

— А теперь послушаем мнение Реввоенсовета армии, — обратился к нам Сергей Сергеевич.

Я ответил, что вопрос этот обсуждался нами детально. Из-за плохого состояния путей, неисправности водонапорных башен и, главное, из-за отсутствия на станциях баз с фуражом и продовольствием мы считаем переброску Конармии по железной дороге невозможной.

Лебедев недовольно поморщился:

— Что же вы предлагаете?

— Двигаться походным порядком.

— Но ведь сейчас не времена Чингис-хана. Наш век — век техники, и ныне все цивилизованные войска перебрасываются с фронта на фронт железнодорожным транспортом. Марш потребует много времени... Да дело и не только в этом, — продолжал Павел Павлович после небольшой паузы. — Движение походным порядком измотает армию, снизит ее боеспособность. И с подходом к фронту окажется, что ее не к операции надо привлекать, а выводить на отдых. Таковы мои соображения. Надеюсь, Борис Михайлович согласится со мной.

Шапошников промолчал.

— Каждому понятны преимущества переброски войск по железным дорогам, — ответил я. — Но это, если говорить вообще, не учитывая состояния транспорта. При существующем же положении на юге страны перевозка Конармии эшелонами займет в лучшем случае три с половиной — четыре месяца.

— Откуда у вас такие расчеты? — резко спросил Лебедев.

На помощь мне пришел Ворошилов:

— А вы посмотрите представленные вам сведения о боевом и численном составе армии. Из них видно, что для погрузки людей, лошадей и вооружения потребуется четыре тысячи шестьсот вагонов, или девяносто два эшелона по пятьдесят вагонов. Перевозка автобронеотрядов, авиации, тылов, штабов займет еще пятнадцать — двадцать эшелонов. Следовательно, всего необходимо будет что-нибудь около ста десяти. Принимая во внимание недостаток подвижного состава, трудности комплектования эшелонов, время, необходимое на погрузку, можно легко понять, что нам не удастся отправлять более одного поезда в сутки. Вот и выходит, что на переброску армии уйдет четыре месяца.

— Но ведь на движение походом при сохранении полной боеспособности войск времени потребуется не меньше, — заметил Каменев. — Не так ли, Семен Михайлович?

— Меньше, и почти в два раза, — ответил я. — От Майкопа до Знаменки примерно тысяча верст. При суточном переходе в тридцать — тридцать пять верст для

Зак. 291

преодоления этого расстояния необходимо тридцать — тридцать пять суток. Прибавим еще десять — двенадцать — на дневки после каждого трехсуточного перехода, пять — семь — на возможные стычки с бандитами и на неблагоприятные условия погоды. Следовательно, через полтора-два месяца армия выйдет в район сосредоточения.

— Надо учитывать также потребность в продовольствии и фураже,— снова заговорил Ворошилов.— При движении походом дивизии смогут удовлетворять свои нужды за счет местных ресурсов, в случае же переброски поездами такой возможности не будет. Кроме того, в ходе марша части всегда останутся в поле зрения командиров, комиссаров и Реввоенсовета армии. А это, как вам известно, имеет немаловажное значение для поддержания дисциплины и укрепления боеспособности.

Казалось, наши доводы были убедительными, но Каменев все еще колебался.

— За дивизиями будут следовать обозы, как и во время боевых действий, и, значит, армия подойдет к фронту готовой прямо с марша вступить в бой, — решил я использовать последние аргументы. — И еще: в полосе движения мы ликвидируем контрреволюционные банды.

Все же окончательного решения главком не принял. Закончив разговор, он поднялся с кресла и, пригладив ладонью свои пышные усы, повернулся к Лебедеву:

— Павел Павлович, вы с Борисом Михайловичем еще раз проверьте расчеты и подумайте над предложением Реввоенсовета Конной армии.

Мы ушли от Каменева неудовлетворенными. Удивляли его колебания, неуверенность после того, как за предложение перебросить армию походным порядком высказались командующие Кавказским и Юго-Западным фронтами. А что, если вопреки очевидной выгоде он согласится с Лебедевым?

Решили попытаться попасть на прием к председателю Реввоенсовета Республики Троцкому. Но он нас не принял. Через секретаря передал, что занят работой на съезде партии, а по вопросу переброски Конармии рекомендовал разговаривать с полевым штабом Республики.

Вернулись в гостиницу расстроенными. Хорошо еще удалось связаться по телефону с М. И. Калининым и

И. В. Сталиным. Они пригласили нас на IX съезд РКП(б) и обещали организовать встречу с Владимиром Ильичем.

И вот мы в Кремле, в Свердловском зале, где после обеденного перерыва собирались делегаты съезда на очередное заседание. Остановились в коридоре с группой военных, приехавших из действующей армии. Видно, многие знали, что именно здесь пройдет Ленин.

Сильное волнение овладело мной. «Вот, — думал, — и сбывается мечта. Может, через минуту увижу Ильича».

Из разговоров с красноармейцами я знал, что каждый боец, каждый командир и политработник, сознательно вставший на путь вооруженной борьбы за Советскую власть, носил образ Владимира Ильича в своем сердце. С именем Ленина связывались сокровенные надежды на получение земли и воли, на свободный труд и счастье. Без него никто не мыслил победы Советской республики, не представлял себе власти рабочих и крестьян.

В голове пронеслись незабываемые картины совсем близкого прошлого. Вот лето грозного 1918 года. Я вижу бойцов своего отряда и тысячные толпы беженцев. Терзаемые со всех сторон озверевшими белоказаками, мы пробивались на север, к Царицыну. Тифозные больные и раненые стонали на тряских скрипучих повозках; душераздирающе кричали измученные голодом, жаждой и страхом дети; задыхаясь едкой пылью, кашляли и ругались старики; прижимая к высохшим грудям умирающих младенцев, в отчаянии проклинали судьбу женщины.

Все это было страшным кошмаром. Но когда под Царицыном до нас дошла весть о злодейском покушении эсерки Каплан на Владимира Ильича, люди, казалось, забыли свои муки. Для них жизнь вождя была дороже собственной, тревога за него оттеснила все личные переживания. Бойцы потребовали подробного отчета о покушении на В. И. Ленина и постановили послать делегацию в Царицын. Вскоре из штаба 10-й армии привезли газету «Правда», поместившую бюллетень о состоянии здоровья Владимира Ильича. Комиссар прочитал сообщение. Несколько минут длилось гнетущее молчание. Все словно оцепенели. Потом тишина взорвалась сотнями возмущенных голосов. Люди плакали, грозили сжатыми кулаками, потрясали оружием, сыпали проклятиями и успокоились лишь тогда, когда осознали, что Ильич жив, что Ильич будет жить.

Мне было известно, как ценили бойцы мудрое ленинское слово. «Правду», напечатавшую речь В. И. Ленина, читали и перечитывали, берегли не меньше, чем винтовку. Часто приходилось наблюдать, как неграмотный красноармеец протягивал аккуратно разглаженный газетный лист грамотному и просил: «А ну-ка, брат, почитай еще раз, сам Ленин пишет...»

Да и я, когда мне было невыносимо тяжело, писал Ильичу. Сейчас в ожидании Ленина на память пришли строки из письма, которое я посылал ему из станицы Багаевской в феврале 1920 года. «Глубокоуважаемый вождь Владимир Ильич! — мысленно повторял я слова, написанные в минуту горьких переживаний. — Я очень хочу лично Вас видеть и преклониться перед Вами как великим вождем всех бедных крестьян и рабочих. Но дела фронта и банды Деникина мешают мне сделать это. Я должен сообщить Вам, товарищ Ленин, что Конная армия переживает тяжелое время... Мне стыдно Вам об этом говорить, но я люблю Конную армию и еще больше люблю революцию...»

Великие дела, совершаемые Владимиром Ильичем, создавали в моем воображении образ его какой-то особенный, могучий. И хотя я слышал, что Ленин на вид обыкновенный человек, мое воображение все-таки рисовало его высоким, широкоплечим, с большой головой и суровым взглядом, в одежде рабочего и кожаной фуражке пролетария-металлиста. Почему в одежде рабочего? Да потому, видно, что в сознании крестьянина с обликом Ленина связывалась руководящая роль рабочего класса...

Мои мысли прервало движение среди делегатов. Я посмотрел туда, куда устремили свои взоры окружающие, и увидел Владимира Ильича. Он быстро шел по коридору. Смотрю — и действительно человек он такой же, как все: среднего роста, совсем обыкновенный, только голова большая, широколобая. Сверкающие глаза, живое, подвижное лицо придавали Ильичу какую-то особую привлекательность.

Ленин направлялся к нам, а я, робея, лихорадочно соображал, что же мне сказать, да так, чтобы от всех бойцов?

А Владимир Ильич уже подходил, окидывая нас проницательным взглядом. Остановившись, подал мне руку.

— Вот это и есть тот самый Буденный? — быстро спросил, щуря свои умные глаза и внимательно рассматривая меня. — Как дела, товарищ Буденный?

Я смутился и, сам того не замечая, выпалил:

— Слава богу, Владимир Ильич!

— Это, выходит, по-русски хорошо. Значит, «слава богу»? — повторил он и рассмеялся звонко и заразительно.

От простоты, с которой держал себя Ленин, робость моя как-то сразу пропала, и я почувствовал себя легко, непринужденно.

— О вашем приезде мне известно, но не ожидал видеть вас так скоро. Сейчас пойдемте на заседание, а о ваших делах поговорим позже.

Во время работы съезда, который обсуждал важнейшие вопросы хозяйственного строительства и роли профсоюзов, я слушал выступавших делегатов, но смотрел больше на Владимира Ильича. Он весь был поглощен работой. Что-то записывал, тихонько обращался к рядом сидящим, в знак согласия или несогласия покачивал головой, снова делал пометки в блокноте. На его лице живо отражались и чувство одобрения, когда оратор высказывал правильные мысли, и недовольство ошибочными взглядами.

После заседания В. И. Ленин пригласил нас с К. Е. Ворошиловым к себе в кабинет, здесь же, в Кремле.

— Прошу вас рассказать, и как можно подробнее, о ваших делах, о бойцах, об армии, — сказал он, заботливо усаживая нас в кресла.

Мы доложили обо всем, что Ленина интересовало. А он хотел знать буквально все: состояние политической работы в частях, отношение конармейцев к политике партии, к Советской власти, настроение бойцов, классовый, национальный и даже возрастной состав армии.

Рассказывая о людях, я упомянул, что у нас есть и моряки, которые с кораблей пересели на коней и стали отчаянными рубаками.

Глаза Ленина как-то по-особому заискрились.

— Вы подумайте, какие герои! — воскликнул Владимир Ильич. — Будто созданы для революции! Да они и начали ее выстрелом «Авроры». Это есть образец борьбы за социализм!

— Советскую власть бойцы считают родной властью, партии нашей верят. Доказательством этому служат рост партийных рядов армии и высокая политическая активность красноармейских масс.

— Очень хорошо. Используйте этот подъем. Постоянно опирайтесь на коммунистов и беспартийный актив, — посоветовал Владимир Ильич. — Будьте в самой гуще красноармейцев, прислушивайтесь к их мнению, запросам, советуйтесь с ними, направляйте их революционную энергию к единой цели — к победе над врагом.

С живым интересом выслушал В. И. Ленин мой рассказ о действиях конницы на Южном и Кавказском фронтах.

— Что же, выходит, мы правильно поступили, создав Конную армию. Таких армий не было в истории. Белые имели только конные корпуса... Да, товарищи, — продолжал Ильич, воодушевляясь, — революция ломает все старое, отжившее и выдвигает новые, прогрессивные формы организации, в том числе и в военном строительстве.

В. И. Ленин поинтересовался результатами наших переговоров с главкомом о переброске Конной армии на Украину. Мы ответили, что вопрос остался нерешенным.

— Какие же у вас встретились трудности? — спросил Владимир Ильич.

— Не сошлись в способе переброски армии, — ответил я. — Нам предлагают перевозить армию поездами, а это невозможно.

— Почему? — удивился Ильич.

— Железные дороги плохие, разрушены войной. Мы вот, когда ехали в Москву, насмотрелись. На станциях ничего нет, порой даже воды не найдешь. Не прокормим мы ни людей, ни лошадей, если закупорим их в вагоны.

— Да, Владимир Ильич, — добавил К. Е. Ворошилов, — это действительно так. Мы хорошо понимаем стремление главного командования как можно быстрее перебросить Конармию на новый фронт. Но перевозить тысячи бойцов и лошадей железнодорожным транспортом нельзя. Таково же мнение товарищей Тухачевского и Егорова.

— А вы что предлагаете?

— Двигаться походом, — ответил я.

— И сколько же для этого потребуется времени?

— Гораздо меньше, чем может быть затрачено на перевозку по железной дороге.

Мы доложили все расчеты, которые были представлены главкому. Владимир Ильич внимательно выслушал, подумал и сказал:

— Хорошо, я с вами согласен. Так и передайте Сергею Сергеевичу Каменеву. Он очень внимательный товарищ и нас с вами поймет. — Потом добавил: — Только, пожалуйста, не растягивайте сроки, нужно торопиться.

Владимир Ильич рассказал нам о внутреннем и международном положении страны, с большой теплотой говорил о трудовом энтузиазме рабочих и о победе Красной Армии над Деникиным.

— А как вы думаете, — неожиданно обратился он ко мне, — белополяки нападут на нас или нет?

Я пожал плечами:

— Вам, Владимир Ильич, виднее. У вас больше данных о намерениях белополяков.

— Вы хитрый, уклоняетесь от прямого ответа, — добродушно засмеялся Ильич. А затем уже серьезно добавил: — Пилсудский готовит армию, берет на службу иностранцев, главным образом французов. Империалисты Антанты вооружают его войска и готовят к войне.

— Ну, раз так, то, видно, нападут, — согласился я. — А что империалистам? Они же будут воевать руками рабочих и крестьян.

— Верно, очень верно, — быстро проговорил Ильич. — Вы правильно заметили: империалисты намерены именно польский пролетариат и беднейшее крестьянство бросить в новый пожар войны, а на их крови умножить свои богатства.

— Но мы постоим за себя, — сказал я. — На Конную армию, Владимир Ильич, можете положиться. Врагов Республики будем бить беспощадно, кто бы они ни были.

— Это великолепно, что вы так уверены в своих бойцах. А драться с врагами еще придется. Именно поэтому я и прошу вас, товарищи, поторопиться с переходом.

Прощаясь с Владимиром Ильичем, я сообщил, что конармейцы прислали ему скромный подарок — вагон муки и сахара.

— Да, ничего себе, скромный!.. Хотя, как сказать, — Ленин посмотрел на меня, прищурив улыбающиеся глаза, — как-то Михаил Иванович Калинин рассказывал, что в память пребывания его в Конном корпусе вы прислали ему несколько вагонов с продовольствием и каменным углем. Вероятно, тогда расщедрились потому, что он Всероссийский староста? — И тут же стал серьезным. Пожимая мне руку, сказал: — Большое спасибо, товарищ Буденный. Передайте мою благодарность и мой привет конармейцам. Скажите им, что партия и наш народ высоко ценят их героизм и преданность Советской власти... Что же касается вашего подарка, то, извините, лично для себя принять его не могу, не имею права. Прошу передать муку и сахар детским домам. Для меня же лучшим подарком являются ваши победы на фронте.

На другой день, в перерыве утреннего заседания съезда, мы еще раз встретились с В. И. Лениным. И снова Ильич подтвердил свою просьбу поторопиться с переходом армии.

Днем нас с К. Е. Ворошиловым пригласили к главкому. У него был и П. П. Лебедев. Мы рассказали о встрече с В. И. Лениным.

— Владимир Ильич поддерживает наше предложение о переброске Конармии походом и просил сообщить вам об этом, Сергей Сергеевич, — доложил я главкому.

— Ну что ж, будем считать вопрос решенным, — согласился Каменев. — Пока можете планировать марш на Ростов. Дальнейший маршрут вам укажет командующий Юго-Западным фронтом. Армия переходит в его подчинение.

— Но эшелоны нам все-таки потребуются, — заметил Ворошилов. — Придется перевозить бронеотряды, авиацию, медикаменты, артиллерийские и оружейные мастерские, госпитали, небольшие запасы продфуража.

— И сколько составов вам необходимо? — спросил Сергей Сергеевич.

— Пятнадцать — двадцать.

— Почему так много? — Лебедев поднял глаза на Ворошилова. — Вы же сами утверждали, что с желез-

нодорожным транспортом у нас плохо. Больше чем восемь-десять эшелонов не дадим.

Может быть, я был не совсем прав, но резкий тон Павла Павловича вывел меня из равновесия:

— Товарищ Лебедев, зачем так ставить вопрос: «дадим — не дадим»? Разве вагоны ваша собственность, или они нам с Ворошиловым нужны?

Я, очевидно, сказал бы еще кое-что, если бы Ворошилов не дернул меня за рукав.

Павел Павлович решил сгладить впечатление от своего тона.

— А горячиться не следует, — улыбнулся он. — Поймите, что нам тоже не легко. Приходится учитывать не только эшелоны, но и вагоны. Вы сами это хорошо знаете. Однако будьте уверены в моем искреннем расположении к вам и славной Конной армии. Сделаем все, что в наших силах.

— Да, да, — заверил главком. — Дадим указание Реввоенсовету Кавказского фронта и начальнику Управления военных сообщений о всемерном содействии вам.

После этого мы обсудили вопрос о материальном обеспечении Конной армии, снабжении ее обмундированием, вооружением и автомобильным транспортом. Каменев и Лебедев сочувственно отнеслись к нашей просьбе.

Главком делал для себя какие-то пометки.

— Что еще? — спросил он, закончив писать.

— Нам представляется очень важным усилить Конармию двумя-тремя стрелковыми дивизиями, — сказал я. — У нас имеется удачный опыт взаимодействия конницы с пехотой. На Южном фронте приданные нам девятая и двенадцатая стрелковые дивизии сковывали противника с фронта, обеспечивая коннице маневр для удара по флангам и тылу неприятеля. Столь же успешно использовались на Северном Кавказе подчиненные Конармии двадцатая, тридцать четвертая и пятидесятая стрелковые дивизии.

— Хорошо, я дам указания командующему Юго-Западным фронтом, — пообещал Сергей Сергеевич.

В заключение я попросил подчинить Конармию главному командованию, мотивируя тем, что частое переподчинение не позволяет широко использовать ее в об-

щих интересах фронтов и отрицательно сказывается на снабжении.

Каменев ответил, что он подумает над этим предложением, обсудит его в Реввоенсовете и, если будет положительное решение, сообщит...

Вечером мы отправили Н. К. Щелокову телеграмму с приказом начать движение дивизий из Майкопа к Ростову. Основному штабу армии дали задачу готовить переправы через Дон и эшелоны для погрузки армейских тылов.

☆

2. НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

1

Завершив служебные дела в Москве, мы выехали в Харьков, в штаб Юго-Западного фронта. Надо было представиться А. И. Егорову, поскольку Конармия передавалась в его подчинение, доложить ему о наших переговорах с главкомом и получить указания на организацию марша.

У нас с Александром Ильичом существовала большая искренняя дружба. Я считал его одним из наиболее талантливых советских полководцев, высоко ценил за мужество и отвагу в бою. Еще летом 1919 года, командуя 10-й армией под Царицыном, он сам водил красноармейцев в атаку на белоказаков. Это тогда произвело на меня исключительное впечатление и вызвало восхищение бойцов. Егоров нравился мне постоянной собранностью, скромностью, выдержкой и особенно душевной простотой в общении с бойцами.

С харьковского вокзала на машине командующего мы приехали в штаб фронта.

— Здравствуйте! — встречая нас, пророкотал Александр Ильич своим густым баритоном. — Давно жду вас. Опять, видно, виновата железная дорога?

— Да, сейчас путешествие поездом превратилось в сложное дело, — улыбнулся я, пожимая его руку.

— Но мы хитрые, — шутя добавил Климент Ефремович. — Взяли с собой вагон дров. Иначе и сейчас бы еще находились в пути.

— Ну хорошо, садитесь, — предложил Егоров, — и выкладывайте все как на духу.

Подсев к полукруглому столу, мы с Ворошиловым рассказали о своих впечатлениях от столицы, о IX съезде

партии, встречах с В. И. Лениным, передали разговор, состоявшийся в полевом штабе РВСР.

Потом Егоров ознакомил нас с положением на фронте. От него мы узнали, что польское командование сосредоточивает против 12-й и 14-й армий Юго-Западного фронта сильную группировку.

— Обстановка накаляется с каждым днем, — подчеркнул Александр Ильич. — Нужны крупные силы, чтобы предупредить белопольское наступление и одновременно ликвидировать засевшего в Крыму Врангеля. А их-то у нас и не хватает. Положение осложняется тем, что ближайший фронтовой тыл буквально кишит антисоветскими бандами, на борьбу с которыми приходится отвлекать воинские части. Вот почему на вас я возлагаю большие надежды. Только с подходом Конной армии мы сможем отразить возможное наступление противника и нанести ему ответный сокрушительный удар.

Егоров сообщил нам, что ему известно о движении Конармии к Ростову.

— От Ростова планируйте марш на Екатеринослав[1], а дальнейшее направление уточним в зависимости от обстановки на фронте. Только, разрабатывая маршруты дивизий, учтите необходимость прочесывать охваченные бандитизмом районы, особенно в Екатеринославской губернии.

Далее Егоров стал интересоваться состоянием Конармии, спросил, в чем мы нуждаемся.

— Боевой дух конармейцев высокий, — ответил я. — Только помогите нам материальными средствами, особенно обмундированием.

Егоров заверил, что он сделает все возможное и возьмет под свой контроль обеспечение Конармии всем необходимым...

Из Харькова мы дважды связывались с Н. К. Щелоковым и получили полную информацию о Конной армии. Он сообщил, что, выполнив поставленную М. Н. Тухачевским задачу, дивизии к исходу 7 апреля сосредоточились на правобережье Кубани, в районе станиц Воронежская, Тифлисская и Ново-Донецкая. Там, используя предоставленный им кратковременный отдых, готовились к напряженному походу. Бойцы кормили и

[1] Ныне Днепропетровск.

ковали лошадей, приводили в порядок оружие и снаряжение, занимались боевой учебой. У снабженцев была горячая пора заготовок продовольствия и фуража.

Армия в те дни жила предстоящими новыми задачами. Это можно было определить по всему, даже по частушкам, сочиненным нашими конармейскими поэтами. На берегах Кубани, на площадях и окраинах станиц в свободное от службы вечернее время под аккомпанемент гармоники звонкие голоса бойцов распевали:

По весенней жидкой топи
Отдыхаем мы в Майкопе,
Чистимся и моемся,
На ученья строимся.

Отдыхать бы так подольше,
Да нужны мы против Польши,
С белыми попутчики,
Балуют пилсудчики.

Много верст до них от Дона,
Но не просим мы пардона,
Коль до красных дело им,
Мы те версты сделаем.

Политработники тоже не теряли времени даром. При политотделах дивизий и в Упраформе[1] организовали курсы. Партийные ячейки выдвигали туда лучших бойцов и командиров. И хотя курсы были краткосрочными, обучающиеся прослушали сравнительно обширную программу, в которую входили такие важные вопросы, как коммунизм и диктатура пролетариата, империалистическая война и крах капитализма, аграрный и экономический вопросы, история революционного движения в России, история РКП(б), Конституция РСФСР, партработа, школа и государство, строительство Красной Армии, национальный вопрос, и другие. Глубоких знаний курсанты получить, конечно, не могли, но в целом курсы сыграли важную роль в воспитании кадров низового звена политработников.

11 апреля армия двинулась к Ростову. Кроме старых наших 4, 6 и 11-й дивизий в поход выступила новая, 14-я кавалерийская, сформированная из добровольцев — шахтеров и металлистов Донбасса, рабочих Та-

---

[1] Управление формирований Конной армии.

ганрога и крестьян южных губерний страны. Начдивом ее был назначен член партии большевиков с 1904 года герой гражданской войны луганский слесарь А. Я. Пархоменко, состоявший до этого особоуполномоченным Реввоенсовета Конармии.

В состав армии включили также 9-ю кавалерийскую дивизию. Небольшая численностью, она была хорошо вооружена и обмундирована.

Нам придавалась и бригада кавдивизии Якимова, сформированная в основном из пленных белоказаков. Она вошла в соединение А. Я. Пархоменко.

Во время марша 15—16 апреля в станице Кущевской состоялась 3-я армейская партийная конференция. Делегаты ее заслушали и обсудили доклад политотдела армии о IX съезде РКП(б) и доклады политотделов дивизий о партийной работе в частях. Конференция горячо одобрила решения съезда и направила приветственное письмо В. И. Ленину.

Конференция приняла решение об усилении партийно-политической работы в частях во время похода. В нем особо подчеркивалось требование воспитывать конармейцев в духе братского отношения к трудящемуся населению.

Задачи, выдвинутые 3-й армейской партийной конференцией, обсуждались затем в эскадронах и полках на собраниях коммунистов совместно с беспартийным активом. Они легли в основу всей идеологической и организаторской работы на марше.

2

Утром 17 апреля мы с К. Е. Ворошиловым и секретарем Реввоенсовета С. Н. Орловским приехали в Ростов и сразу же с головой окунулись в дела. Оказалось, что движение дивизий застопорилось и они уже третий день стоят в районе станиц Кущевской, Ново-Михайловской, Канеловской. Причина этому — неподготовленность переправ через Дон.

— Почему заранее не позаботились о наведении переправ? — спрашиваю начальника штаба армии Щелокова.

— Ошибка произошла, — отвечает. — Рассчитывали использовать разводной деревянный мост у Нахичева-

ни, а он, оказывается, будет пригоден только после паводка, когда Дон войдет в свои берега. Теперь единственный выход — переправляться по железнодорожному мосту на ветке Ростов — Батайск. Будем его готовить.

У нас имелись все основания высказать недовольство нераспорядительностью Н. К. Щелокова. Николай Кононович — красивый, черноусый, всегда опрятно одетый, средних лет человек — прибыл в Конармию в январе 1920 года. Бывший подполковник, артиллерист, умный, хорошо подготовленный, он быстро освоился с обязанностями начальника штаба такого нового оперативного объединения, как Конная армия. Работал он старательно, как говорят, с душой, но в данном случае не проявил свойственной ему сноровки. Пришлось спешно наверстывать упущенное.

Во второй половине дня состоялось совещание Реввоенсовета с начальниками учреждений армии. На нем было решено подготовить железнодорожный мост для пропуска войск к исходу 19 апреля. Вообще-то трудность состояла не столько в приспособлении моста, для чего достаточно было соорудить деревянный настил, сколько в подготовке железнодорожной насыпи, затопленной вешними водами. К дамбе следовало проложить подъездные пути, засыпать землей разбитые участки, в ряде мест сделать деревянные настилы.

Чтобы быстрее завершить работу, было решено силами команд, выделенных от дивизий и местных жителей, начать подготовку дамбы со стороны Батайска. От Ростова готовить мост и дамбу должны были инженерные подразделения Кавказского фронта, пленные казаки и трудящиеся города.

С утра 18 апреля на всем перегоне Ростов — Батайск закипела работа. Сотни подвод везли доски, бревна, кирпич, землю. Тысячи людей с пилами, топорами и лопатами в руках сооружали настил, засыпали землей шпалы и канавы. Многие вышли трудиться семьями. Я видел подростков, которые носили землю вместе со взрослыми.

Вечером загорелись огни костров. Люди не хотели покидать рабочих мест, чтобы с утра пораньше продолжать начатое дело.

К концу дня 19 апреля переправа была готова. И рано утром на следующий день Конармия двинулась в путь. Уже в 10 часов на одетые в нежную, весеннюю зе-

лень и залитые солнцем улицы Ростова вступили наши части.

В сопровождении полка Особого назначения первым вошел в город полевой штаб, возглавляемый С. А. Зотовым — крепким русоусым казаком, неутомимым тружеником, постигшим всю сложность штабной работы в ходе войны. За ним следовала 4-я кавалерийская дивизия. Ею по-прежнему командовал О. И. Городовиков, словно отлитый из бронзы, спокойный, умудренный боевым опытом военачальник, страшный для врагов своим хладнокровием в атаках. Слева от начдива ехал комиссар дивизии В. И. Берлов, член партии большевиков с 1917 года, ветеран Конармии, один из организаторов боевой газеты «Красный кавалерист». В рядах дивизии были храбрейшие бойцы. Многих из них я знал с первых дней 1918 года, знал по имени, запомнил по отличию в боях, видел около себя в самое тяжелое время.

Первую бригаду вел человек легендарного мужества, наш конармейский Чапаев — Федор Михайлович Литунов, коммунист, блестящий оратор, командир с железной волей. За ним, красиво подбоченясь, гарцевал на сером коне чубатый казак, бессменный командир 19-го кавполка П. Я. Стрепухов. По своим способностям он был достоин командовать бригадой, но ни за что не хотел расставаться с родным полком. Все знали, что в бою он храбр до безумства и отчаянной дерзости. На его теле, как говорят, не оставалось живого места, не тронутого пулями и осколками снарядов.

Неподалеку от Стрепухова ехал командир 20-го полка К. С. Гончаров, бывший унтер-офицер, награжденный в первую мировую войну Георгиевскими крестами. В бою он отличался спокойствием и разумной осторожностью. Гончаров, как всегда, хмурился, казался сердитым. Но бойцы хорошо знали, какое доброе, отзывчивое сердце у их командира, и любили его, как любят дети сурового, но справедливого отца.

В 19-м и 20-м полках служили многие мои первые боевые соратники по борьбе с контрреволюцией на Дону. Среди них я видел и энергичного, лихого в бою командира эскадрона Я. Т. Черевиченко, ставшего в Великую Отечественную войну генерал-полковником, и комиссара 19-го полка П. К. Случевского, выдвинутого

потом на должность начальника политотдела 14-й кавдивизии, и бесстрашного разведчика Ф. К. Новикова.

2-ю бригаду дивизии возглавлял комбриг И. В. Тюленев. Ему, одному из первых конармейцев, удалось учиться в советской Академии Генерального штаба, созданной по инициативе В. И. Ленина. Долгое время Иван Владимирович был начальником разведотдела Конного корпуса, а затем — Конармии. Но он не мог усидеть в штабе и отпросился в боевую часть. Рядом с комбригом ехал его соратник — бессменный комиссар бригады Ф. А. Мокрицкий, блестяще умевший подкреплять большевистскую агитацию личным примером отваги в бою.

21-й кавполк 2-й бригады вел казак В. В. Коробков. награжденный за подвиги орденом Красного Знамени. Этот полк, как и многие другие полки Конармии, был школой героев. В его рядах я видел командиров эскадронов ставропольца Федора Ремизова и царицынского рабочего Антона Лопатина. В годы Великой Отечественной войны первый из них командовал танковой дивизией, другой корпусом и некоторое время армией. А вот четыре брата Овчаренко, три брата Скляровы, Аким и Артем Зинченко и братья Лелюшенко. Младший из Лелюшенко, Дмитрий, молоденький коренастый паренек, за храбрость и смекалку в бою был назначен командиром отделения. В Великую Отечественную войну он командовал гвардейской армией, стал дважды Героем Советского Союза, генерал-полковником, а затем генералом армии. Здесь гарцевал на красавце дончаке и помощник командира полка Феофан Пархоменко — отчаянный рубака, человек большой физической силы и неукротимой отваги.

Трудно перечислить всех отличившихся в боях конармейцев, следовавших в строю 3-й бригады 4-й дивизии. Многие из них, начиная с отважного комбрига А. А. Чеботарева и его заместителя К. Я. Наумецкого, были достойны самой высокой похвалы. Командир 23-го кавполка краснознаменец С. Г. Разумовский, командир 24-го кавполка отважный казак П. В. Чекунов и многие другие являлись гордостью бригады.

Вслед за 4-й вступала в город 14-я кавалерийская дивизия, еще молодая и менее опытная.

Позади соединений двигались пулеметные тачанки и

артиллерия. В конноартиллерийском дивизионе 4-й дивизии служили известные всей армии мастера меткого огня П. Е. Шаповалов, Д. Е. Бондаренко и И. Е. Мирошниченко.

Рядом с русскими, украинцами, белорусами, грузинами, армянами, калмыками можно было видеть конармейцев-интернационалистов: немца Шорре и китайца Ли Фу-цина, серба Сердича и чеха Гудечека, лодзинского ткача Станислава Лавржинского, латыша Крэйля и турка Османа — всех тех, для кого Советская власть была одинаково близкой и родной.

Тепло и восторженно встречали конармейцев трудящиеся Ростова. Мостовые Темерницкого проспекта и Садовой улицы, по которым двигались наши части, были запружены народом. Широкие тротуары не вместили всех, и многие устроились на балконах, выглядывали из раскрытых окон. Вездесущие подростки забрались на заборы, деревья, крыши домов.

Женщины прорывались к строю и, рискуя попасть под ноги лошадей, протягивали бойцам узелки с продуктами. Как знать, может, хлеб, которым они угощали, был испечен из муки, подаренной Реввоенсоветом Конармии ростовчанам в голодные мартовские дни.

Трогательную сцену я наблюдал, когда проходил 22-й полк. Светловолосый мальчик лет восьми некоторое время бежал рядом с правофланговым загорелым всадником. Потом уцепился за стремя и, семеня босыми ножонками, вытянул вперед худенькую правую руку с букетиком полевых цветов. Проехав мимо нас, боец склонился, подхватил мальчонку и посадил впереди себя в седло. Следовало бы указать конармейцу на нарушение порядка в строю. Да куда там! Даже строгий командир эскадрона промолчал, улыбнувшись в седые усы. А счастливый мальчуган сиял от восторга и уже вместо цветов сжимал в кулачке большой кусок сахару.

Два дня ростовчане рукоплескали конармейцам: 21 апреля по улицам города проходили 6-я и 11-я кавалерийские дивизии. А ведь как раз 6-й дивизии принадлежала честь освобождения Ростова. Ее полки первыми ворвались на улицы города в январскую ночь 1920 года.

Снова мимо нас двигались бойцы, командиры и ко-

миссары, боевая биография которых была мне знакома порой до мельчайших подробностей. Во главе 6-й кавдивизии ехали два могучих всадника — начдив С. К. Тимошенко и комиссар П. В. Бахтуров. Первый из них уроженец Бессарабии, второй — донской казак. Кто из конармейцев не знал этих сильных и мужественных людей, кто не восхищался их смелостью в бою!

За ними следовал ветеран дивизии невысокий черноусый бессменный командир 1-й бригады В. И. Книга. Глядя на него, я вспомнил, как отважно вел себя он под Воронежем во время боя с корпусом Шкуро. Не умея еще как следует рубить шашкой, он размахивал ею «для острастки», а врага истреблял из винтовки.

31-й Белореченский полк возглавлял один из организаторов партизанского движения в Ставрополье К. А. Трунов, бывший вахмистр, Георгиевский кавалер полного банта. Мне рассказывали, как он, будучи командиром партизанского отряда, явился в родное село на митинг, организованный белыми. Подъехав к трибуне, Трунов у всех на глазах зарубил белогвардейского полковника и ускакал.

2-ю бригаду вел И. Р. Апанасенко, один из организаторов Ставропольской кавалерийской дивизии. В 6-й кавалерийской служили два его брата — Дмитрий и Федор. Четвертый из братьев, Петр Апанасенко, командир эскадрона, геройски погиб в 1919 году...

Идет 33-й полк. В его строю командир 2-го эскадрона Михаил Малиновский, которого у нас называли красным орлом. Это он тогда, в январе, с двадцатью бойцами первым ворвался в Ростов. Около сотни белогвардейцев пало под ударами храбрецов.

А вот помкомбриг М. И. Чумаков, командиры полков И. Г. Долгополов и И. В. Селиванов. В атаках их всегда можно было видеть впереди, при отходе — позади.

Лихими рубаками зарекомендовали себя воины 3-й бригады. Здесь я видел комбрига Н. П. Колесова, крепко сбитого командира 35-го полка П. Л. Рудчука, командира 36-го полка Ефима Вербина, понравившегося мне своей удалью в боях под Царицыном.

В 35-м полку служила храбрая пулеметчица Павлина Кузнецова. На ее боевом счету был не один десяток уничтоженных белогвардейцев.

Много героических женщин дрались с врагом в рядах Конной армии, их имена я еще назову. Но разве не достойна высокой похвалы самоотверженная работа женщин-политработников Екатерины Ворошиловой, Татьяны Соболь-Смолянинновой, Натальи Кузнецовой, славной дочери армянского народа Васкунаш Акопян? Убыв по болезни из Конармии с польского фронта, Акопян после выздоровления была назначена начальником одного из отделов политуправления Отдельной Кавказской армии.

Немало интересных своей боевой судьбой воинов служило в рядах 6-й дивизии. Из массы артиллеристов ярко-красными галифе выделялся командир 2-й батареи 6-го конартдива Наливайко. Сослуживцы знали, что эти красные галифе — награда командиру батареи от И. Р. Апанасенко. «За преданность революции и умелое командование батареей,— говорилось в приказе комбрига,— красному артиллеристу, командиру 2-й батареи тов. Наливайко преподношу от имени Революции красные шаровары».

Рассказ о награждении за боевой подвиг, например, нательным бельем теперь вызывает у читателя улыбку, а тогда это было в порядке вещей. Помню, под Царицыном проявившие в бою мужество и отвагу чаще всего награждались комплектом обмундирования, кожаной тужуркой. Особенно завидовали тем, кто получил в награду оружие. А что касается ордена Красного Знамени, то к нему представлялись лишь герои из героев.

Легко представить себе удаль бойцов 11-й кавалерийской дивизии, если я скажу, что грудь многих из них украшал орден Красного Знамени. Дивизию сформировали в тяжелые дни борьбы с деникинскими полчищами, рвавшимися к Москве. В ее рядах была самая большая прослойка рабочих-коммунистов Москвы, Петрограда, Тулы, Иваново-Вознесенска. Этим во многом объяснялись необычайная стойкость дивизии в обороне и напористость в наступлении.

Прославленной дивизией командовал Ф. М. Морозов, прошедший за два года войны путь от рядового бойца до начдива. Казалось, что он абсолютно лишен чувства страха. Даже известный в армии смельчак легендарный Дундич говорил, что вряд ли может быть человек отважней Морозова.

Под стать начдиву был комиссар 11-й латыш К. И. Озолин. По улицам Ростова Константин Иванович ехал с перевязанной головой, бледный, но счастливый тем, что снова вернулся в дивизию после тяжелых ранений. Если бы меня попросили назвать образцового красноармейского комиссара, я указал бы прежде всего на Константина Озолина.

Рядом с Озолиным я вижу А. В. Хрулева — начальника политотдела дивизии. Он пришел на фронт из революционного Питера. В боях не раз проявлял завидное хладнокровие и мужество.

Мимо, поглаживая правой рукой небольшие темные усы, проезжает комбриг С. М. Патоличев. В первую мировую войну его ратные подвиги отмечены Георгиевскими крестами всех четырех степеней. Отличился он и в Красной Армии: за бои против деникинцев на Северном Кавказе удостоен ордена Красного Знамени. Патоличев, грозный для врагов, по-отечески заботлив к подчиненным. Мне известно, как любят его и гордятся им бойцы бригады.

Комбриг Григорий Колпаков — высокий, худой и чуть сутулый, как всегда в серой папахе. С ней он не расставался ни зимой, ни летом. Постоянно видя впереди себя папаху комбрига, бойцы смело шли в самый жаркий бой.

Поминутно осаживая горячего коня, свой 61-й полк вел А. А. Поткин-Посадский, бывший драгунский унтерофицер. В боях он зарекомендовал себя опытным, храбрым командиром и был представлен к ордену Красного Знамени. Черная черкеска как-то особенно подчеркивала бледность его сурового, волевого лица.

В строю 61-го кавполка ехал рядовой боец, казак лет сорока, в черной кубанке, с изрытым оспой лицом и без правой ноги. Имени его, к сожалению, память не сохранила. Потеряв в бою ногу, он не ушел из полка и благодаря упорной тренировке наловчился садиться на коня и спешиваться с такой же быстротой, как и все бойцы. Это ли не герой!

И тогда и после в Конармии служило много людей, ставших впоследствии знаменитыми деятелями нашей Родины! Бывший командир радиодивизиона А. Л. Минц, ныне академик. А кто мог угадать в скромном бойце Конармии будущего известного советского ученого, тоже

академика, И. И. Минца, в молодом стройном бойце Андрее Гречко — будущего Маршала Советского Союза? Кто мог предполагать, что рядовой конармеец Павел Жигарев станет Главным маршалом авиации, командир артвзвода Кирилл Москаленко — Маршалом Советского Союза, пулеметчик Алексей Леонов — Маршалом войск связи, командир взвода Ефим Славский — Министром СССР, боец Андрей Стученко — генералом армии, а комиссар бригады Павел Рыбалко и командир эскадрона Семен Богданов — Маршалами бронетанковых войск?

И снова приходится сожалеть, что невозможно перечислить всех конармейцев, чьи имена украсили бы эти воспоминания.

Все они — и те, кто уже к тому времени стал известным в армии героем, и те, кому еще предстояло прославиться подвигами на фронте, трудовыми делами в народном хозяйстве, выдающимися достижениями в науке и культуре,— в то далекое время ехали по улицам Ростова, обласканные радушной встречей трудящихся. Даже слишком скромные от природы шире расправляли плечи, выше поднимали голову, поправляли оружие, бодрили усталых лошадей, стараясь и видом своим походить на героев.

Прохождение частей Конармии через Ростов оставило в моей памяти неизгладимое впечатление. Я, как никогда раньше, почувствовал любовь трудящихся к Вооруженным Силам Советской республики.

Тут я должен отступить от хронологического порядка повествования и вернуться к событиям прошедшего дня. В три часа 20 апреля на Ростовском ипподроме состоялся митинг, посвященный встрече конармейцев с представителями советских, партийных и общественных организаций города и войсками местного гарнизона.

Напротив наших 4-й и 14-й кавалерийских дивизий, стоявших в резервных колоннах, выстроились стрелковые части. Слева, около трибуны, разместились делегации трудящихся с транспарантами и красными знаменами. Справа, ближе к выходу, городские организации приготовили столы с угощением для конармейцев.

С приветствием Конной армии выступил командующий войсками Донской области и Северного Кавказа активный участник обороны Царицына и разгрома де-

никинских войск Г. Д. Базилевич. Затем на трибуну поднялся рабочий. Он вручил Реввоенсовету армии знамя от трудящихся Ростова. Мощное троекратное «ура» пронеслось над ипподромом.

В заключение на трибуну поднялся представитель Донского комитета РКП(б). Он вручил Реввоенсовету армии знамя, присланное московским пролетариатом. В ответном слове я от имени личного состава армии заверил Коммунистическую партию и Советское правительство, трудящихся Москвы и Ростова, что конармейцы в боях с врагом оправдают высокую честь, оказанную им рабоче-крестьянским государством.

3

К исходу 21 апреля Конармия сосредоточилась северо-западнее Ростова, в районах Троицкое — Самбек, Кирпичево-Александровский, Греково — Ульяновка, Алексеевка. Здесь дивизии затратили сутки на последние приготовления к длительному маршу. Приводили в порядок вооружение, перековывали лошадей, чинили снаряжение и повозки, пополняли запасы продовольствия, фуража, боеприпасов.

Мы напряженно работали в штабе. Организация большого и своеобразного марша армии для нас была делом новым и сложным.

Чтобы сохранить к концу перехода боеспособность, требовалось выбрать наилучшие дороги, запланировать для ночлегов и дневок удобные населенные пункты, предусмотреть заготовку продовольствия и фуража. Зная, к тому же, что на нас возложен разгром анархо-кулацких банд, мы решили двигаться в полосе шириной до 80 километров.

Каждая дивизия получала самостоятельный маршрут. Ей указывались рубежи, которых она должна достигнуть за суточный переход, а также время и районы ночлегов и дневок. 14-я кавалерийская дивизия должна была прочесать район Гуляй Поле, рассадник махновщины.

Предстоявшая борьба с бандами требовала максимально приблизить марш к условиям боевой обстановки. Частям было приказано принять меры боевого обе-

спечения: высылать разведку, прикрывать штабы и обозы, назначать на марше походное, а при ночлегах и дневках — сторожевое охранение.

Выступление назначили на 23 апреля. А 3 мая соединения должны были выйти к Днепру. 4-й дивизии в дальнейшем предстояло двигаться на Полтаву, Киев; 6-й — на Кременчуг, Золотоношу; 11-й — на Чигирин, Таращу; 14-й — на Ново-Миргород, Тетиев, а 9-й — на Умань. По решению штаба Юго-Западного фронта все четыре бронепоезда Конармии направлялись в Киев. Автоотряд имени Я. М. Свердлова, три авиационных и три автоброневых отряда перебрасывались по железной дороге. Основной штаб решено было пока оставить в Ростове для связи со штабом фронта и для руководства отправкой эшелонов с тыловыми учреждениями.

23 апреля выдался теплый, погожий день. Мы с К. Е. Ворошиловым сели на коней и выехали на маршрут 4-й кавалерийской дивизии. Встреченный там С. А. Зотов доложил, что все соединения выступили точно в установленное время.

На проводы конармейцев собралось много народу. Люди стояли по обочинам дороги, женщины вытирали концами платков покрасневшие от слез глаза. Некоторые из них провожали мужей, братьев, сыновей.

Тяжело покидать родные места, но грустить бойцу не пристало. К тому же в каждом эскадроне и даже взводе находятся веселые ребята. Сбив на затылок кубанку, такой боец толкает в бок соседа:

— Эх, не журись, братуха. Родился казаком,— значит, горе под ноги.

Другой весельчак бросает шутку чернооким казачкам, и от их звонкого смеха на душе становится теплее. А там, впереди, глядишь, эскадрон грянул походную песню, и понеслась она по широким степным просторам, вырывая из сердца тоску...

Уже несколько дней двигалась армия по весенним, размытым дождем дорогам. Реввоенсовет следовал поездом. На крупных станциях останавливались, чтобы связаться с основным и полевым штабами, со штабом фронта.

С. А. Зотов регулярно информировал нас о походе. В частях сохранялся порядок, только непросохшие, раз-

битые дороги сильно затрудняли движение. Иногда повозки вязли в грязи по ступицы и ломались. Слабые лошади выходили из строя.

Н. К. Щелоков, продолжавший погрузку в Ростове тыловых учреждений, регулярно передавал нам фронтовые оперативные сводки, различные директивные указания. Из них мы видели, как с каждым днем накалялась обстановка на советско-польском фронте.

Вечером 26 апреля Николай Кононович доложил содержание своего разговора по прямому проводу с начальником штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Петиным. Петин сообщил, что на рассвете 25 апреля войска буржуазно-помещичьей Польши перешли в наступление. В связи с этим от имени командующего фронтом он потребовал, чтобы мы направили 4-ю кавдивизию на станцию Лозовую. Оттуда она эшелонами двинется в район боевых действий 14-й армии. Петин просил Щелокова сообщить об этом приказании Реввоенсовету и выяснить, не будет ли у нас возражений.

Мы с К. Е. Ворошиловым возразили против переброски дивизии железной дорогой опять же по причине плохого состояния транспорта и из-за отсутствия продовольствия и фуража.

В ответ командующий фронтом прислал телеграмму следующего содержания:

«Ввиду весьма серьезной обстановки на польском фронте приказываю:

Первое. Экстренно перебросить 4-ю кавдивизию желездорогой по маршруту Лозовая, Полтава, Кременчуг, Знаменка, Бобринская в район, который будет указан дополнительно. На станцию погрузки Лозовая дивизия должна прибыть 30 апреля.

Второе. Все остальные дивизии перебросить самым форсированным маршем по маршрутам, выводящим на переправы через Днепр, не севернее Кременчуга. Район сосредоточения этих дивизий будет указан также дополнительно по приезде моем на ст. Лозовая, куда Вам надлежит прибыть к вечеру 30 апреля.

Третье. Обеспечить 4-ю кавдивизию на время перевозки ее по ж. д. всем необходимым довольствием. Начснабюгзапу приказано подготовить в Лозовой, Полтаве и Кременчуге возможное количество ведер для водопоя лошадей.

Четвертое. З. Ф. Югзапу[1] принять самые срочные меры к подаче на ст. Лозовая не менее 25 оборудованных эшелонов, обеспечив таковые соответствующим количеством паровозов и топливом. При этом перевозка должна быть совершена не менее как пятью эшелонами в сутки, продолжительностью следования до ст. Бобринская не более двух суток»[2].

Указанные в телеграмме сроки погрузки и перевозки были явно нереальными. Дивизия еще находилась у Караванной — в 180—200 километрах от Лозовой. За два дня выйти к станции погрузки она физически не могла. Невозможно было грузить и отправлять по пяти поездов в сутки, а тем более за двое суток продвинуть эшелоны до Бобринской.

Но главное — Реввоенсовет не мог согласиться с раздергиванием Конармии. Мы хорошо понимали, что положение на фронте тяжелое. Превосходящие силы врага теснили 12-ю и 14-ю армии. Но ведь одна 4-я кавдивизия оказать им серьезной помощи все равно не могла. По нашему убеждению, успешно нанести ответный удар противнику, остановить его и создать условия для перехода в решительное контрнаступление в состоянии была только мощная группировка свежих соединений. Такой группировкой могла явиться Первая Конная армия в полном составе.

Мы донесли командующему фронтом и в копии Реввоенсовету Республики о том, что перевозка 4-й кавдивизии по железной дороге невозможна. Мы просили А. И. Егорова вызвать нас на переговоры по прямому проводу или разрешить немедленно выехать в Харьков для личного доклада.

Всю ночь ожидали ответа. Но только днем 28 апреля командующий фронтом вызвал нас к прямому проводу. Вот сохранившаяся запись разговора.

«Егоров: Здравствуйте, товарищ Буденный. Говорит командюгзап Егоров.

1) Прибудет ли 4-я дивизия в Лозовую 30 апреля?

2) По вашей телеграмме видно, что при движении походом есть значительная потеря конского состава да

---

[1] Начальнику Управления военных сообщений фронта.

[2] ЦГАСА, д. 61—225, л. 117 (шифр 1935 г.).

н обоза. Следовательно, при дальнейшем это будет возрастать.

3) Между тем посадка на желдорогу даст возможность этого избежать, а главное, конский состав и люди не будут измотаны. В чем же дело?

Буденный: Здравствуйте, товарищ командующий. В чем дело? Дело в том, что походом мы теряем лошадей, а также часть обоза только потому, что быстро двигаемся по чрезвычайно скверной местности. Если бы нормально производилось движение, то даже этих потерь можно было избежать. Что же касается движения по желдороге, то мы можем потерять две трети, а то и всю дивизию, ввиду того, что фураж совершенно отсутствует.

Другое дело, если бы были впереди фуражные интендантства, чтобы можно было получить фураж на том или другом пункте. Погрузить четыре тысячи лошадей, а всего с пулеметами, артиллерией, обозом 1-го разряда более восьми тысяч при настоящих условиях с водопоем и состоянием транспорта абсолютно невозможно. Кроме того, бросить одну дивизию в условиях общего отхода наших частей на фронте также представляется недопустимым. При создавшихся условиях на фронте можно и нужно бить только кавкулаком.

Егоров: 1) Перевозка желдорожная отменяется.

2) Всем дивизиям армии двигаться форсированным маршем, при этом правая колонна должна следовать не севернее Павлограда с расчетом переправиться на правый берег Днепра у Кременчуга.

3) 30 апреля вам надлежит прибыть в Лозовую, куда также прибудет Реввоенсовет фронта, для решения дальнейших вопросов...»[1]

29 апреля мы получили от командующего фронтом телеграмму, копия которой адресовалась главному командованию. Телеграмма подтверждала, что перевозка 4-й дивизии железной дорогой отменяется по условиям транспорта.

Между прочим, главком согласился с нашими доводами против раздергивания конницы и в телеграмме № 2387 командующему фронтом так определил принципы использования Конармии: «Основная задача, для

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 3, д. 253, л. 146.

которой Конармия направлена на Юго-Западный фронт, заключается в нанесении такого удара польским войскам на Украине, которым был бы сломан весь польско-украинский фронт. Для выполнения этой задачи и наиболее выгодно нанести всей Конармией удар по правому флангу польско-украинского фронта, занятому наиболее слабыми галицийскими войсками, и, прорвав его глубоким движением в тыл в общем направлении на Ровно, разрушить весь фронт. При таких условиях нынешнее продвижение польского фронта на восток, на Киев, представляется для нас выгодным, так как неизбежно приведет к растяжке правого фланга поляков и заставит повиснуть его в воздухе. Данное вами направление Конной армии отвечает изложенной обстановке, и необходимо лишь обратить особое внимание на то, чтобы ее части не были отвлечены никакими второстепенными задачами. При выходе на правый берег Днепра и приближении к линии фронта следует подчинить Конной армии две более прочные пехдивизии, которые и явятся опорой в ее действиях» [1].

☆

[1] Л. Клюев. Первая Конная армия на польском фронте в 1920 г. М., Госвоениздат, 1932, стр. 16.

3. ЗАПИСЫВАЙТЕ НАС В ПАРТИЮ...

1

Большие остановки мы с Ворошиловым использовали для посещения дивизий. И каждый раз убеждались, что марш проходит организованно, а боевой дух бойцов высок. Дружный, авторитетный коллектив армейских коммунистов трудился на совесть.

Нужно сказать, что после разгрома Деникина популярность Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина на фронте необычайно возросла. Помню, еще когда возвратились из поездки в Москву, Е. А. Щаденко рассказывал мне, как однажды к нему явился целый эскадрон бойцов.

— В чем дело? — спросил их Щаденко.

— Записывайте нас в партию, — ответил за всех командир эскадрона.

— Как так — записывать? Вы же командир и должны знать, что в партию принимают не группами, а индивидуально.

— Я-то знаю. Но бойцы так постановили. Говорят: в атаку ходим сообща, все боремся за Советскую власть, следуем за товарищем Лениным и партийным Реввоенсоветом, так и в коммунисты вместе пойдем.

— Это похвально, что все желаете вступить в партию, — ответил Щаденко, — но я записать вас в коммунисты не имею права. Подавайте каждый заявление в полковую ячейку...

Эпизод, рассказанный Е. А. Щаденко, показателен. Теперь каждый боец беспредельно верил партии. Именно поэтому в период марша шел бурный рост партийных рядов Конармии. Если на 1 марта у нас было 800 членов и 500 кандидатов в члены партии, то к 15 мая чле-

нов партии стало 2153, а кандидатов — 1246. Число же командиров-коммунистов увеличилось почти в 4 раза[1].

С ростом численности партийных организаций крупные полковые ячейки — свыше 15 членов партии — разделялись на эскадронные и взводные. Это приближало партийную работу к самой гуще красноармейских масс. В полку создавалось бюро эскадронных комячеек, в эскадроне — бюро взводных комячеек, а взводные комячейки выделяли на каждое отделение чтеца-беседчика.

На дневках в ячейках проходили собрания, на которые приглашали и беспартийный актив. Обсуждались как общеполитические вопросы: «Советская власть и партия коммунистов», «Программа РКП(б)», «О коммунистических субботниках», «Отделение церкви от государства», так и конкретные: «О работе среди населения», «Об отношении к пленным», «О борьбе с дурными наклонностями, оставленными нам в наследство от буржуазного строя».

Интересно, что работа коммунистов не ограничивалась воспитанием только армейских масс. Начальники политотделов соединений П. Г. Глебов, П. К. Случевский, А. В. Хрулев, комиссары дивизий В. И. Берлов, П. В. Бахтуров, К. И. Озолин, комиссары бригад И. А. Ширяев, Ф. А. Мокрицкий, И. В. Овечкин, комиссары полков В. Н. Борисов, С. М. Кривошеин, Г. И. Гончаров оказывали практическую помощь населению в создании и укреплении органов Советской власти. При необходимости наши политработники на некоторое время оставались в ревкомах и после ухода своих частей.

Часто в селах и хуторах, где останавливались войска, проводились коммунистические субботники. Бойцы помогали крестьянам пахать землю, ремонтировать жилье, хозяйственные постройки, инвентарь, исправлять дороги и мосты. А вечером, после совместного труда, конармейцы с селянами вели задушевные беседы о Советской власти, о партии Ленина.

Запомнился мне боец по фамилии Яковенко из команды трубачей 11-й кавдивизии. На одной из дневок дивизия расположилась в селе. Днем музыканты вышли на площадь и исполнили несколько маршей и вальсов. А в перерыве Яковенко окружили крестьяне, и завяза-

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 8, л. 110.

лась оживленная беседа. Я с интересом прислушивался к тому, что он рассказывал о политике Советской власти, и видел, как светлели лица людей. Может, говорил и не очень складно, но крестьяне верили бойцу потому, что он, как и они, простой человек.

В одном из хуторов махновцы схватили и зверски замучили нескольких бойцов-фуражиров. Убитых обнаружили, когда к хутору подошла наша часть. Животы бойцов были разрезаны и набиты ячменем. Удалось поймать одного из бандитов — местного кулака.

Секретарь комячейки части здесь же, на месте совершенного преступления, провел митинг. Воочию увидев звериное лицо махновщины, крестьяне хутора прямо на митинге постановили отдать Красной Армии все излишки зерна. Многие тут же записались к нам добровольцами.

О размахе у нас культурно-просветительной работы можно судить по тому, что в Конармии к 15 мая имелось 9 партшкол, 30 читален, 115 библиотек, 4 клуба, 11 театров, 38 школ грамоты. Во всех частях были созданы культурно-просветительные комиссии. Только в 4-й кавдивизии работали к этому времени 23 культпросветкомиссии, которые вовлекали бойцов в различные секции и кружки. Конармейцы знакомились с искусством, литературой, учились декламации, разучивали новые песни.

Я уверен, что именно в наших кружках и секциях получили первое вдохновение конармейцы писатели Николай Островский, Всеволод Вишневский, Александр Листовский. Песни для самодеятельных коллективов сочиняли конармейские поэты, музыку к ним писали конармейские композиторы. В Конармии начали свой творческий путь известный композитор-песенник Дмитрий Покрасс, художник-баталист С. Зелихман.

Большой популярностью пользовались у бойцов концерты. В них наряду с профессиональными артистами выступали участники кружков художественной самодеятельности.

Как-то мне довелось послушать концерт в одной из дивизий. И должен сказать, он произвел на меня большое впечатление. С тех пор прошло много времени, но тот вечер сохранился в моей памяти до мельчайших подробностей. Возможно, этому способствовали необычайная обстановка, своеобразные судьбы исполнителей, экстравагантность их костюмов.

Как сейчас, вижу опушку большой рощи, освещенную электролампочками, питаемыми от радиотелеграфного двигателя. Сосредоточенные лица зрителей — бойцов и местных крестьян. Артисты играют отрывок из спектакля. Отсутствие сцены не снижает достоинств постановки, а, напротив, усиливает впечатление естественности.

И вот кончилось представление. Артисты уже скрылись в темноте рощи, а зачарованные зрители молчат. Лишь через несколько минут послышались одобрительные возгласы, грохнули аплодисменты.

Потом под аккомпанемент старенького пианино боец-пулеметчик исполнил арию Ленского. Я и сейчас вижу его перед глазами, опоясанного патронной лентой.

В конце первого отделения худенький русоволосый юноша скрипач исполнил «Венгерский танец» Брамса. Его потом долго вызывали на «бис».

Второе отделение было отдано мастерам художественного слова. Выступающие читали стихи, рассказы из боевой жизни, фельетоны, высмеивающие Антанту. Ряд вещей был посвящен атеистической теме.

Поэты-самоучки читали свои стихи. И хотя они были несовершенны по форме, слушали их с огромным вниманием, ибо стихи эти выражали подлинные чувства и мысли бойцов. Мне запомнилось произведение конармейца П. Горского, прочитанное на этом вечере.

Я сын восставшего народа,
Я воин рати трудовой,
Я авангард передовой,
Я рыцарь верный твой, свобода.

Меня Россия в бой послала
За вольный труд, за́ бедняков,
Чтоб их избавить от оков,
Чтоб свергнуть иго капитала.

Не для на́живы, не для славы
Я смело встал под алый стяг,
А чтоб разбит был грозный враг,
Чтоб чтили все наш красный флаг!

Закрывая концерт, ведущий программу предложил спеть «Интернационал». И еще он объявил, что собранные деньги будут переданы местному ревкому на строительство школы.

А наутро по разбитым дождями дорогам вместе с частями направлялись вперед и наши артисты. Свой несложный реквизит они везли в повозках рядом с газетами, брошюрами, книгами, которые тоже состояли на вооружении Конармии и являлись активными пропагандистами идей Коммунистической партии, желанными спутниками бойцов в походе и на отдыхе.

Среди конармейцев широко распространялись центральные газеты, и прежде всего «Правда». Большой популярностью пользовалась и своя армейская газета «Красный кавалерист».

Подвижность Конной армии требовала от газеты большой гибкости и умения держать постоянную связь с бойцами и командирами, с населением занимаемой местности. Корреспондентами и сотрудниками «Красного кавалериста» были сами бойцы. Они делали газету довольно интересной.

«Красный кавалерист» освещал все стороны жизни армии, учил коммунистов и беспартийных быть сильными и мужественными. Из номера в номер он напоминал партийцам о их высоких обязанностях.

«Запомни, товарищ коммунист, — писала газета, — что, если в твоей части бывают случаи нарушения дисциплины, ты виноват, что мало заботился о политическом воспитании бойцов.

Если комячейка слабо работает, ты виноват, что молчал об этом и не писал, чтобы подтянуть ее.

Помни, что партийно-политическую работу нельзя прерывать ни на один день.

Какую беседу провел ты сегодня с бойцами о Коммунистической партии?

Если в твоей части бывают случаи грубого обращения с населением, то какие меры ты принял для искоренения этого зла?

Рассказал ли ты сегодня бойцам, что Красная Армия идет не завоевывать Польшу, а помочь рабочим и крестьянам Польши расправиться с панами и буржуями?» [1]

Газета держала конармейцев в курсе жизни Советской республики, рассказывала об огромном патриотическом подъеме трудящихся страны, поднявшихся на

[1] «Красный кавалерист», 12, 13 и 27 июля 1920 г.

Л. Л. Клюев

Н. К. Щелоков

Заседание Реввоенсовета Конармии с начальниками и военкомами дивизий. Слева направо: С. Ф. Грай, С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, С. К. Минин, П. В. Бахтуров, Ф. М. Морозов

С. Н. Орловский

И. С. Стройло

А. Я. Пархоменко

П. К. Случевский

защиту своих завоеваний. «Четыре городские ячейки Тобольска, — сообщалось в «Красном кавалеристе», — объединяющие 200 коммунистов, изъявили желание пойти на Западный фронт в полном составе. Плохо придется шляхтичам — вся трудовая Россия против них» [1].

«Крестьяне села Никольского, Тамбовской губернии, по выполнению целиком государственной разверстки сделали подарок Западному фронту, пожертвовав красным бойцам 300 пудов хлеба» [2], — писала в одном из номеров газета. А рядом сообщалось, что по решению комячейки одной из частей Конармии «выделены пайки и деньги из довольствия бойцов для голодающих детей Севера». И еще: «Собранные деньги в сумме 1937 рублей от постановки конармейцами спектакля «Наталка-Полтавка» передаются на строительство бани в селе Майкове» [3].

В мае Конармия получила подарки от московских рабочих. И «Красный кавалерист», сообщая об этом, публикует письмо бойца Игнатьева:

«23 мая с. г. я, красноармеец дивизионного перевязочного отряда 6-й кавдивизии, получил дорогой подарок... перочинный нож, одну пачку папирос, книжку курительной бумаги, мундштук, красный кисет, лист почтовой бумаги, конверты, спички...

Я от чистого сердца приношу искреннюю благодарность за подарок. Дорого то, что рабочие нас не забывают» [4].

«Красный кавалерист» активно поддерживал борьбу за ликвидацию неграмотности.

Одним из инициаторов организации школ грамоты была работник политотдела Конармии жена К. Е. Ворошилова — Екатерина Давыдовна. Обучение неграмотных было делом трудным. Не хватало учителей, бумаги, времени. Но энтузиазм и сознание величия дела, за которое они взялись, воодушевляли и учителей и учеников.

Находчивые конармейцы обучались даже на походе, в движении. На спины бойцов прикреплялись буквы, и ехавшие позади заучивали их.

---

[1] «Красный кавалерист», 10 июня 1920 г.
[2] «Красный кавалерист», 1920 г., № 171.
[3] «Красный кавалерист», 4 июля 1920 г.
[4] «Красный кавалерист», 1920 г., № 184.

Когда учеба дала первые плоды, в газете появился «Уголок политграмоты» с несложными текстами, по которым знающий азбуку мог продолжать свое образование.

В жажде бойцов к знаниям, даже когда они шли на фронт, проявлялся величайший оптимизм людей, твердо веривших, что Советская власть непобедима и тем, кому будет суждено остаться в живых, без знаний не обойтись, так как им придется строить свою жизнь поновому.

Многообразной была партийно-политическая и культурно-просветительная работа в Конармии на марше. Она закладывала основу наших будущих побед на новом фронте.

2

30 апреля наш поезд прибыл на станцию Лозовую.

Как раз в этот день здесь намечалась встреча с командующим фронтом. Но кончился день, наступила ночь, а Егорова все не было. Не приехал он и 1 мая.

Мы послали в штаб фронта телеграмму с просьбой сообщить, ждать ли нам в Лозовой или встреча отменяется.

Ответ пришел утром 2 мая. Начальник штаба фронта Н. Н. Петин известил нас, что неотложные дела на фронте задержали А. И. Егорова. Но 4 мая он будет в Павлограде, где хочет посмотреть одну из дивизий Конармии на марше.

Третьего мы были в Павлограде. В городе уже разместился полевой штаб. Дивизии тоже сосредоточились в указанных им районах.

— Но бойцы и лошади очень утомлены, — доложил С. А. Зотов. — Сказались пять суток непрерывного марша, да еще погоня за бандитами. Кстати, есть интересное донесение о махновцах, — улыбаясь, добавил он.

— А ну посмотрим, что там такое?

Ворошилов взял у начштаба бумагу и углубился в чтение. Постепенно лицо его расплывалось в улыбке, и, наконец не выдержав, он громко расхохотался:

— Ай-яй-яй! Не пойму, Семен Михайлович. Воюете за Советскую власть, сам член партии большевиков и в то же время идете против коммунистов? Что же это

получается, Степан Андреевич, — с притворным удивлением добавил Ворошилов, поворачиваясь к Зотову. А тот уже с трудом сдерживал душивший его смех и только вытирал пестрым платком мокрые от слез глаза.

— Да покажите же мне, что там написано.

— Пожалуйста, читайте, — протянул мне Ворошилов бумагу.

Это оказалось донесение командира 3-й бригады 6-й кавдивизии. Он сообщал о махновском митинге в селе Максимилиановке. По словам местных жителей, выступавший на митинге Махно заверял всех, что к нему на соединение идет Буденный, который вместе с ним выступит против коммунистов и будет бороться за анархию.

— Вот подлый бандюга! — возмутился я. — Хитрит. Думает получить поддержку населения и завербовать в свою банду малосознательных. Степан Андреевич, подтвердите дивизиям приказ Реввоенсовета: уничтожать «махновских союзников» беспощадно. А захваченных главарей пусть сразу же направляют ко мне. Я им разъясню, с кем мы и против кого.

— Конармейцы, товарищ командарм, уже многим махновцам это «объяснили».

Действительно, с крупными махновскими бандами наши соединения встретились 28 апреля в районе большого села Гуляй Поле — родины и «столицы» Махно, — прозванного бандитами Махноградом. При подходе к Гуляй Полю разъезды и походное охранение частей 14-й кавалерийской дивизии были обстреляны. Схваченные бандиты и опрошенные жители показали, что в селе расположилась банда в 2000 человек. У Махно имелось 3 орудия и 50 пулеметов на тачанках.

С утра на второй день Пархоменко двинул против бандитов бригаду. Один полк атаковал село с востока, другой начал обходить его с юга, чтобы отрезать бандитам пути отхода на юго-запад. Вначале махновцы пытались сопротивляться. Но уже через полчаса, боясь окружения, обратились в бегство. Выделив для преследования банды два эскадрона, дивизия продолжала двигаться по маршруту.

30 апреля махновцы были атакованы частями 4-й кавдивизии у Ново-Павловки. Захваченные врасплох, они бросили несколько пулеметов и пустились бежать в сто-

рону села Богатырь. Но здесь подверглись удару подошедшей бригады 6-й кавдивизии. Словом, попав в полосу движения маршевых колонн армии, бандиты заметались, как загнанные звери.

В конце концов, опасаясь полного окружения и гибели, Махно вынужден был распустить банду на мелкие отряды. Громя их, части Конармии только в Гуляй Поле захватили 12 станковых пулеметов, несколько сот винтовок и обрезов, много револьверов и боеприпасов.

Банды Махно состояли из кулаков, дезертиров и из различного деклассированного уголовного сброда. Какой-нибудь бандит собирал таких же, как он, головорезов и объявлял себя атаманом, а банду именовал «полком». «Полки» обычно носили название населенного пункта, в котором банда создавалась, например «Гуляйпольский», «Пологовский». Анархист Махно — маленький, нервный, хитрый и жестокий человек с крутым нравом — объединил несколько таких банд и именовал их «повстанческой армией Украины». Он создал штаб и даже выпускал анархические газетки.

Моральный облик этой «армии» ярко нарисовал командир бригады Н. П. Колесов в донесении начдиву С. К. Тимошенко: «Сегодня части бригады столкнулись с бандами Махно. Махновцы ехали на повозках, по три человека на каждой, горланили песни и палили в воздух из обрезов. На каждой повозке находились бочка самогону и пьяные женщины».

Махновцы оперировали в основном на левобережье Украины, в Екатеринославской, Таврической и в южных уездах Полтавской и Харьковской губерний. Они особенно обнаглели после вторжения на Украину польских войск. Бандиты взрывали мосты, разрушали линии связи, захватывали и грабили эшелоны с военным имуществом, портили железные дороги. Иногда они нападали на воинские части и подразделения.

Так, 25 апреля махновцы внезапно напали на станцию Марьинка, где располагался 377-й стрелковый полк Украинской трудовой армии. Они захватили оружие и зверски расправились с командирами, политработниками, коммунистами.

Особенно жестоко поступали махновцы с рабочими отрядами, посланными на заготовку хлеба для промышленных центров страны.

Как-то, в период работы XXI съезда КПСС, в Кремле ко мне подошел представительный мужчина и, крепко пожимая руку, сказал:

— Спасибо, Семен Михайлович. Я и мои товарищи обязаны вашим конармейцам жизнью. Давно хотел поблагодарить лично, да все не удавалось.

Познакомились. Разговорились. Мой собеседник оказался первым секретарем Астраханского обкома КПСС Ганенко Иваном Петровичем. Он рассказал, что как раз во время марша на запад в одном из сел Украины конармейцы буквально вырвали его вместе с товарищами — тоже членами продотряда — из рук бандитов.

Злейший враг Советской власти, выразитель интересов кулачества, Махно наносил удары в спину Красной Армии. Несмотря на тяжелое положение на фронте, командование вынуждено было выделять отряды регулярных войск для действий против махновских банд. Руководить борьбой с бандитизмом на Юго-Западном фронте был послан Ф. Э. Дзержинский. На Украину направили подразделения ЧОН (частей особого назначения). Во многих селах создавались отряды самообороны из беднейших крестьян. И все-таки ликвидировать махновщину долго не удавалось. Это было не удивительно.

Бандиты, повсеместно имея агентуру и отлично зная местность, своевременно скрывались от крупных сил Красной Армии и в то же время внезапно нападали на мелкие ее отряды. Они имели достаточно оружия — пулеметы на тачанках, даже легкую артиллерию. Вся махновская «братия» ездила на отличных конях, благодаря чему банды были весьма подвижными и легко уходили от преследования. Частям Красной Армии редко удавалось полностью ликвидировать даже застигнутый врасплох бандитский отряд. Когда не было возможности сопротивляться, махновцы прятали оружие и выдавали себя за мирных жителей. А бедняки не всегда решались открыть истину, не без основания опасаясь репрессий после ухода красноармейцев.

Первая Конная тоже не могла на этот раз полностью ликвидировать махновщину, хотя и разгромила ряд крупных бандитских отрядов. Для погони за бандитами в сотне километров от указанных дивизиям маршрутов или для облавы в населенных пунктах и лесах у нас просто не хватало времени.

3

Мы задержались в Павлограде, ожидая командующего войсками Юго-Западного фронта. Утром 4 мая его поезд прибыл. Вместе с Егоровым приехал С. К. Минин, назначенный членом Реввоенсовета Конармии вместо Е. А. Щаденко.

Сергея Константиновича Минина, сухого, слегка сутулого человека с проницательными, глубоко сидящими голубыми глазами, я знал как хорошего политработника еще по обороне Царицына. Он был членом партии большевиков с 1905 года. За революционную деятельность подвергался тюремному заключению и ссылкам. После Февральской революции возглавлял Царицынский комитет РСДРП(б), избирался председателем городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 году С. К. Минин являлся членом Реввоенсовета 10-й Красной армии, а затем его отозвали в Москву, где он работал членом коллегии НКВД. Словом, назначением Сергея Константиновича к нам мы были весьма довольны.

— Хочу посмотреть ваши дивизии, — заявил командующий фронтом, здороваясь. — Какие ближе к Павлограду?

— Четвертая — в пятнадцати верстах, в районе Богуслава, шестая — в десяти, — уточнил я и предложил вначале посетить 4-ю.

— Отлично, — согласился Александр Ильич. — Шестую посмотрим завтра.

Минут через сорок машины подкатили к утопающему в зелени Богуславу. На окраине его нас встретил Д. Д. Коротчаев, недавно сменивший О. И. Городовикова на посту начдива 4-й. (Позже Оке Ивановичу предстояло возглавить Вторую Конную армию).

Новый начдив доложил, что полки для смотра готовы.

Объехав строй, Егоров обратился к бойцам с речью. Он говорил, что войска 12-й и 14-й армий с трудом обороняются против численно превосходящего противника и ждут подхода Первой Конной. Поэтому мы должны двигаться как можно быстрее, но при этом сохранять в порядке вооружение и конский состав, чтобы выйти к фронту готовыми сразу же вступить в бой.

Выступивший затем К. Е. Ворошилов рассказал о мирной политике Коммунистической партии и захватнических планах польской буржуазии, о готовности нашего народа до конца отстаивать свою свободу и независимость.

После краткого митинга наиболее отличившимся в боях на Северном Кавказе бойцам, командирам и комиссарам были вручены ордена Красного Знамени. В заключение дивизия прошла мимо командующего фронтом торжественным маршем.

Смотром Александр Ильич остался доволен:

— Хорошая дивизия! Только лошади заметно устали, да бойцы плохо обмундированы.

— Усталость естественная, — ответил я. — Лошади прошли несколько сот верст по грязным весенним дорогам. К тому же с фуражом у нас плохо. Что же касается обмундирования, то здесь мы снова просим вашей помощи. В походе одежда и обувь бойцов вконец износились, белье перепрело.

Егоров заверил, что сразу же по приезде в Харьков выяснит, чем можно помочь Конармии.

К обеду вернулись в Павлоград. У вагона командующего фронтом ждали представители павлоградских властей. Они пригласили всех принять участие в торжественном заседании местного Совета, посвященном проводам Конармии.

На заседании был заслушан доклад о международном положении и очередных задачах Советской власти. После доклада несколько минут не смолкали бурные аплодисменты, слышались возгласы «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует Красная Армия!». В заключение спели «Интернационал»...

На другой день чуть свет выехали в село Троицкое, где располагалась 1-я бригада 6-й кавдивизии. И снова Егоров увидел плохо одетых бойцов.

Комиссар дивизии П. В. Бахтуров доложил, что недостаток обмундирования и обуви вызывает у бойцов недовольство, а скрытые контрреволюционные элементы пытаются использовать это в своих целях.

Так же, как и накануне, перед конармейцами выступили Егоров и Ворошилов. Командующий фронтом говорил о предстоящих задачах Конармии. Он обещал сделать все от него зависящее, чтобы в ближайшее время

конармейцы получили необходимое для жизни и боя.

Возвратившись в Павлоград, А. И. Егоров пригласил нас в свой вагон и подробно информировал о положении на польском участке Юго-Западного фронта. Только сейчас, глядя на карту, мы поняли, насколько усложнилась обстановка.

12-я армия под натиском превосходящих сил противника отошла к Киеву и, по мнению Александра Ильича, вынуждена будет оставить город, чтобы закрепиться на левом берегу Днепра до подхода подкреплений с востока, в частности 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Тяжелое положение сложилось и на одесском направлении, которое прикрывала 14-я армия. Агенты Антанты спровоцировали мятеж двух галицийских бригад. Мятежники открыли фронт и перешли на сторону противника. Правда, здесь наступление неприятельских войск было сравнительно медленным. Егоров объяснял это не только героическим сопротивлением 14-й армии, но и тем, что противник уделял первостепенное значение захвату Киева, где действовала самая сильная на украинском фронте 3-я польская армия генерала Рыдз-Смиглы.

Войска 14-й армии проявляли большое упорство, но они были малочисленны, растянуты на широком фронте, да к тому же сильно изнурены неравными боями. А усилить их командующий фронтом не мог, не было резервов. Он предполагал было перебросить на направление действий 14-й армии с крымского участка 8-ю Червонноказачью дивизию В. М. Примакова, однако во время наступления белополяков активизировались и врангелевцы.

Ближайшую задачу Конармии А. И. Егоров сформулировал так: как можно быстрее переправиться через Днепр в районе Екатеринослава — Кременчуга и форсированно двигаться в общем направлении на Елисаветград[1]. В ходе марша по Правобережной Украине очистить от петлюровских банд районы Александрии, Чигирина, Знаменки и Елисаветграда.

Затем А. И. Егоров предложил нам доложить, в чем еще нуждается Конармия кроме обмундирования.

---

[1] Ныне Кировоград.

Мы попросили пополнить авиагруппу армии новыми аэропланами и запасными частями и расширить район закупки лошадей, недостаток которых тормозил пополнение дивизий добровольцами. И еще просили дать указание Управлению военных сообщений фронта о том, чтобы четыре наших бронепоезда, двигавшиеся к Киеву, направили в Кременчуг.

— Хорошо, — сказал Александр Ильич. — Обещаю вам, что забота о Конармии у меня будет на первом плане...

Вечером мы проводили командующего фронтом в Харьков. А через день получили копию его телеграммы главкому. «При осмотре частей Конармии,— сообщал он в Москву, — выяснилось полное отсутствие у бойцов белья, летнего обмундирования и обуви. Неугасимый боевой дух красных кавалеристов, идущих выполнять важнейшую задачу, омрачается указанными выше недочетами бытового характера... Прошу распоряжения в оперативном порядке выслать для Конармии в Кременчуг 30 000 летнего обмундирования и шинелей, 30 000 пар сапог и такое же количество белья. В базах фронта наличия не имеется» [1].

Александр Ильич сдержал свое слово, данное конармейцам. Несколько позже нам стало известно, что главное командование дало указание о немедленной отгрузке для Конармии шинелей, брюк, гимнастерок, белья. Из Сарапула вышли вагоны с тридцатью тысячами пар сапог. Они еще не поступили, но это уже объяснялось слабой пропускной способностью железнодорожного транспорта.

4

В соответствии с указаниями командующего фронтом Реввоенсовет армии вечером 5 мая отдал приказ о новых сроках и порядке движения. 4-й дивизии переправа была назначена на 12 мая в Кременчуге, 6, 11 и 14-й дивизиям — на 7 и 8 мая в Екатеринославе, а 9-й — на 10 мая в Александровске [2]. 20 мая соединения должны были выйти на рубеж Жаботин — Телепино — Панчево.

---

[1] ЦГАСА, д. 166—388, л. 363 (шифр 1935 г.).
[2] Ныне Запорожье.

6 мая мы с Ворошиловым и Мининым выехали поездом в Екатеринослав, чтобы посмотреть прохождение дивизий через город. К нашему приезду поврежденный махновцами мост у Екатеринослава был восстановлен. Узнав, что переправа через Днепр нужна Первой Конной, сотни жителей Екатеринослава добровольно вышли на восстановительные работы.

В самом городе царило праздничное настроение. Все ближайшие к вокзалу дома и постройки были украшены флагами, транспарантами, лозунгами, прославляющими победы советских войск, призывающими к борьбе на двух фронтах — военном и трудовом.

Наш поезд встречали многочисленные представители екатеринославского пролетариата. Самодеятельный духовой оркестр исполнил «Интернационал». Окончание гимна слилось с возгласами «ура».

Рано утром 8 мая началось движение кавалерийских полков через город.

Тысячи людей заполнили тротуары и свободные участки мостовых. Бойцов осыпали цветами. Букеты летели со всех сторон — с тротуаров и балконов, из окон и с крыш. Воедино слились приветственные возгласы, звуки духовых оркестров и полковых трубачей, топот лошадей и стук пулеметных тачанок. А вокруг без конца флаги, транспаранты, лозунги.

На красных полотнищах полуметровыми белыми буквами начертано: «Трудовой Екатеринослав горячим пролетарским приветом встречает храбрые полки красной кавалерии». И еще: «Освобожденный мир никогда не забудет великих подвигов конармейцев!» Или вот огромный фанерный щит. На нем изображен всадник на вздыбленном коне. В правой руке он держит обнаженную шашку, а в левой — Красное знамя с надписью: «За коммунистическую революцию!»

Вечером состоялся торжественный пленум губернского Совета, посвященный проводам Конармии. С теплой речью обратилась к собравшимся секретарь Екатеринославского губкома РКП(б) Серафима Гопнер. От конармейцев на пленуме выступил С. К. Минин. Его в городе хорошо знали, ведь перед назначением к нам он был председателем Екатеринославского губисполкома.

Мы вышли из здания Совета в полночь, но на улицах и площадях все еще продолжались стихийно возникшие

митинги горожан. Теплая встреча с трудящимися Екатеринослава, как и братский прием, оказанный нам в Ростове, говорили о многом, и в частности о любви, доверии, которое питает народ к своей армии-защитнице.

Кстати, в этом мы еще раз могли убедиться в тот же день, получив письма от трудящихся Москвы и Нижнего Новгорода. Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов выразил воинам сердечный привет и горячую благодарность за продукты, посланные Первой Конной армией рабочим Москвы.

Много добрых чувств проявилось и в послании Правления Нижегородского отделения Всероссийского профсоюза текстильщиков. «Наш душевно-братский привет вам, дорогие наши братья красноармейцы, — писали нижегородцы... — Мы... гордимся и поем славу вам, стойким бойцам. Вы показали поистине небывалый еще в мире героизм, ваши дела, ваши подвиги история мировой социальной революции не забудет...

Мы также терпим всякие лишения, но знаем, что, не вкусив горького, не видать сладкого. Мы стараемся... делиться с вами, дорогие товарищи красноармейцы, чем можем.

Получив частным образом сведения, что вы нуждаетесь в некоторых вещах, мы посылаем вам 20 тысяч ложек, и вы это примите от чистого нашего сердца.

Товарищи красноармейцы! На вашу долю выпала серьезная и тяжелая задача, но вы должны ее выполнить до конца...» [1]

В какой другой стране могла быть такая тесная связь народа и армии?! Рабочие и крестьяне, испытывая неимоверные лишения, делились с бойцами всем, чем только могли, дарили белье, обувь. В свою очередь красноармейцы отчисляли часть продуктов из своего скудного пайка трудящемуся населению.

9 мая телеграмма А. И. Егорова принесла неприятную весть о падении Киева. В телеграмме сообщалось, что польские войска совместно с перешедшими на их сторону галицийскими частями продолжают наступление по всему фронту. В новой боевой обстановке Егоров конкретизировал задачи подчиненным ему войскам.

[1] «Красный кавалерист», 7 мая 1920 г., № 120.

12-й армии предписывалось упорно оборонять рубеж Днепра от устья Припяти до Киева. 14-я армия должна была до подхода Конармии во что бы то ни стало удержаться на линии Канев — Богуслав — Юстин-Город — Иван-Город. Наша задача оставалась прежней: как можно быстрее двигаться в назначенный район сосредоточения, а по пути уничтожать петлюровские банды.

Из телеграммы командующего фронтом можно было заключить, что он только ждет подхода наших частей, чтобы перейти в контрнаступление, и поэтому времени для отдыха у Конармии не будет. Она могла вступить в бой прямо с ходу. Учитывая это, Реввоенсовет решил уже на марше позаботиться об укреплении боеспособности и боеготовности частей и соединений.

Были решены некоторые вопросы организационного характера. Начать с того, что наши дивизии имели различный боевой состав: 4-я, например, насчитывала 3265 активных сабель, 117 пулеметов и 12 орудий; 6-я — 5500 сабель, 89 пулеметов, 12 орудий; 9-я — 1100 сабель, 25 пулеметов, 8 орудий; 11-я — 2329 сабель, 30 пулеметов, 12 орудий; 14-я — 3518 сабель, 59 пулеметов, 12 орудий. 11-я и особенно 9-я дивизии нуждались в пополнении, а пополнять их было нечем. И тогда мы решили расформировать одну дивизию и за ее счет пополнить другую. Расформировали 9-ю кавалерийскую. Бригаду ее, укомплектованную немцами Поволжья, свели в полк, который вошел вторым в Особую кавалерийскую бригаду Реввоенсовета армии.

До последней телеграммы Егорова наши части двигались налегке, не загружая свои обозы большим количеством боеприпасов. Основная масса патронов и снарядов перевозилась по железной дороге. Теперь полкам пришла пора пополнить свои запасы.

К тому времени основные базы снабжения Конармии перебазировались в Полтаву и Кременчуг. Дивизии тоже выдвигались к участку железной дороги Кременчуг — Николаев. И Реввоенсовет приказал начальнику артиллерийского снабжения армии Литуновскому перебросить в вагонах боеприпасы на станции, расположенные в полосах движения соединений. Туда же направлялись кузнецы, запасы подков и ковочных гвоздей, артиллерийские и обозно-вещевые мастерские, прачечные и поезд-баня «Красный кавалерист».

13 мая нам донесли, что бронепоезда Конармии прибыли в Кременчуг. Одновременно поступило приятное сообщение о пополнении авиагруппы новыми самолетами. Теперь у нас оставалось лишь одно больное место — обмундирование. Но имелись основания надеяться, что и этот вопрос на грани окончательного разрешения.

14 мая командующий фронтом вызвал меня к прямому проводу и сказал, что к нам через Полтаву идут вагоны с обмундированием. Он обещал «нажать все кнопки», чтобы экстренно продвинуть их в Кременчуг. Кроме того, Александр Ильич сам надеялся побывать в Кременчуге и в этом случае намерен был прицепить к своему поезду находящиеся в Харькове вагоны с пятнадцатью тысячами пар белья для Конармии.

Однако вскоре с фронта поступило сообщение, что поездка командующего в Кременчуг отменяется. Позже мы узнали причину этого: оказывается, приезжал главком С. С. Каменев.

5

Вечером мы возвратились из 11-й кавдивизии в полевой штаб, разместившийся в маленьком уютном хуторке Алферово. С нами приехал комиссар дивизии К. И. Озолин.

После ужина кто-то предложил ночевать в саду. Все согласились. Кто мог отказаться от сна на воздухе!

Легли, но спать не хотелось. Климент Ефремович вспоминал о Стокгольмском съезде РСДРП, о первой встрече с Г. В. Плехановым.

Потом я попросил Озолина рассказать, что с ним произошло во время боя на Маныче в феврале 1920 года. Тогда мы считали его погибшим и в память о нем одному из отбитых у белых бронепоездов присвоили имя «Константин Озолин» .

Константин Иванович не любил говорить о себе, но на этот раз, уступая нашим просьбам, согласился.

— Вы помните, бой завязался рано утром, — начал он. — Противник, отброшенный четвертой кавдивизией, навалился на нас. Сначала мы сдерживали его, а затем ввели свой резерв и сами перешли в контратаку. Все шло хорошо. Но начдив увлекся и забыл про фланги, а

белоказаки, отступив в центре, уже начали обходить нас слева. Плохо бы для нас это кончилось, не подвернись мне штабной эскадрон. Взял я его и бросился на фланг.

Началась рубка. Белых не меньше двух полков, а наших всего сотня. Внезапно поднялась пурга. Вокруг загудело, засвистело. Все перемешалось, ничего не видно, и нельзя понять, раненые стонут или ветер воет.

— Я не знаю, сколько это продолжалось, — рассказывал Озолин. — Только так же неожиданно настала тишина. Оглядываюсь — никого живого, кроме моего ординарца. А вокруг нас трупы. Даже жутко стало. Поехали к нам в тыл. Но только спустились в небольшую лощинку, откуда ни возьмись белоказачья сотня. Казаки увидели нас — и в погоню. Ординарца убили. У меня конь хороший. Думал, уйду. Не тут-то было. На первой сотне шагов конь споткнулся и медленно осел в снег. «Подстрелили лошадь, хотят взять живым, — понял я и тут же решил: — Этому не бывать!»

Оставив коня, бросился на казаков. В одной руке шашка, в другой — наган. Последняя пуля, решил, моей будет.

Трудно сейчас восстановить подробности. Только помню, здоровенный усатый казак поначалу пырнул меня пикой, пробил шлем, скользящим ударом ожег голову. Что потом со мной делали казаки, не знаю. Очнулся, содрогаясь от холода, раздетый, наполовину занесенный снегом. На голове — кровавый лед. И такая боль, что, казалось, мозги вываливаются. Поднял руку, потом вторую. Ощупал голову, подтянул ноги — понял, что жив. Однако встать не мог. Пришлось ползти к раскинувшемуся на бугре хутору. В пути натолкнулся на убитого ординарца. «Ну, брат, и мертвым тебе придется выручать комиссара». С трудом стащил с него брезентовый плащ и надел на себя.

Немного согревшись, я даже на ноги встал и заковылял к стоявшей отдельно от других избушке. Шагов двадцати до нее не дошел, упал в снег. Силы окончательно оставили. «Ничего, ничего, — успокаиваю сам себя, — отдохну немного и доберусь. Только бы не потерять сознания». Лежу так, вдруг вижу, выбегает из хаты мальчонка лет двенадцати, в больших, не по росту, валенках. Задержался у покосившейся постройки, что-то собирает. А я хочу его позвать и не могу: голос на моро-

зе потерял. Рукой машу, а он не видит. Страх меня берет: убежит — и тогда все пропало. Мальчик уже действительно собрался уходить, но на какое-то мгновение задержался, оглянулся и заметил меня. Осторожно, с опаской, подошел и, опершись руками на свои худенькие колени, пригнулся, посмотрел на меня большими черными глазами, в которых одновременно отражались испуг и любопытство.

— Тебя как звать? — через силу шепотом спрашиваю мальчугана.

— Мишкой.

— Так вот, Миша, позови мать.

Он убежал. А минут через пять привел седобородого старичка с такими же, как у него, большими черными глазами.

С помощью мальчика старик молча волоком потащил меня к избе. В хате он снял с меня шлем и бросил в печку, сказав, что в хуторе белые. Я спросил, нет ли у него бинта или куска чистой материи, чтобы перевязать голову.

— Нет, сынок, ничего. Вот разве мешок из-под картошки, он чистый.

Перевязали голову мешковиной. Ночью мне сделалось плохо. Я задыхался, терял сознание, на короткое время приходил в себя и снова проваливался в кошмарную бездну. Утром в хату пришли белоказаки.

— Кто это? — спрашивают.

Опередив старика, я сказался обозником, мобилизованным из Витебска.

— Жаль, не попадается комиссар или командир, а все только дрянь обозная, — выругался старший из казаков и сдернул с моей головы мешковину.

— Пустить в расход, чтобы не портил воздух, — предложил второй казак.

— Да не трожьте его, сам помрет, — недовольно пробасил третий. — Разберись тут, кто прав, кто виноват. Офицеры теперь Деникина клянут не меньше, чем большевиков. Получается: паны дерутся, а мы страдаем, как этот, — кивнул казак в мою сторону.

Из дальнейших разговоров я заметил, что недовольство проявляется и у других казаков. Большинство из них ко мне отнеслись беззлобно. Больше того, сварив суп, плеснули немного мне и даже отрезали кусок бара-

нины. А когда уходили, тот, который заступился за меня, вытащил из сумки рваную рубаху и бросил старику:

— Замотай парню голову.

Еще день пролежал я в надежде, что мне будет лучше. Но лучше не стало, хотя хозяин изо всех сил старался выходить меня. Он достал гусиного сала и смазал обмороженные места.

— Худо тебе, сынок,— участливо говорил старик,— а нам с Мишуткой ни кормить, ни лечить тебя нечем. Мать у него давно померла, — кивнул старик в сторону молчаливо сидевшего Мишки. — И все, что осталось не взятого казаками, спустили мы с ним, чтобы прокормиться.

К вечеру меня увезли в здание школы, где белые устроили лазарет. Он скорее походил на мертвецкую. Раненые и больные лишены были всякой медицинской помощи. Умерших долго не убирали, и они лежали тут же, рядом с живыми.

Когда рассвело, я осмотрелся. Возле меня лежал мертвый казак.

Часов в одиннадцать в лазарет пришли жители. Они вытащили мертвых, а живым сварили похлебку из костей. Если бы не старик и его внук Мишка, не выйти бы мне живым оттуда. Старик два раза приводил местного лекаря. Тот остриг и смазал чем-то голову. Старик выстирал обмундирование умершего казака и помог мне переодеться. Мишка приносил воду и кусочки хлеба. Мне тяжело было жевать, но я ел, чтобы сохранить жизнь. А Мишка, молчаливо смотревший на меня широко открытыми, полными сострадания глазами, торопливо собирал крошки в костлявый кулачок.

Константин Иванович вздохнул и, вынув из кармана платок, вытер глаза.

— Что же было дальше? — нетерпеливо спросил кто-то из темноты.

— Потом я немного окреп и задумал бежать. Просил старика достать лошадь, но он принес мне зипун и сказал:

— Лошадей, сынок, у всех казаки позабирали. Если под силу, уходи пешком. Только идти надо перед рассветом, а то, неровен час, беляки поймают.

До Маныча меня провожал Мишка.

— А тебе не страшно?— спрашиваю его. — Темно, да и казаки близко.

— Чего бояться-то! Батя говорил: «Бойся только своей трусости», — коротко ответил он.

У Маныча мы простились. Осторожно ступая, я пошел по оттаявшему, изборожденному трещинами льду на правый берег реки, а Мишка, присев на потемневшую кучу снега, махал серой кубанкой. Постепенно густая дымка предрассветного тумана скрыла левобережье Маныча и моего юного спасителя.

Я благополучно добрался до Ростова и лег в госпиталь.

А когда выздоровел, захотелось повидать старика и Мишку. Пользуясь предоставленным мне отпуском для восстановления сил, я с попутной машиной поехал в освобожденный от белых хутор. Приехал поздно вечером. Забросив на плечи мешок с подарками Мишке и деду, зашагал к хате, где начиналась моя вторая жизнь. Но хаты не нашел. На ее месте чернела закопченная полуразрушенная печь с железной трубой. Соседи сказали, что старик умер от тифа, а Мишка куда-то исчез. К горлу подкатился комок. Не знаю, жив ли этот маленький хлопчик с большим добрым сердцем и грустными черными глазами,— закончил свой рассказ комиссар Озолин.

6

Поезд Реввоенсовета вышел в город Александрию. Сюда выходили главные силы Конармии, сюда же перемещались полештарм и Особая кавалерийская бригада. По плану как раз здесь, в районе Александрии, войскам предстояло привести себя в полную боевую готовность перед выполнением боевой задачи. И мы собрались объехать дивизии, осмотреть их после проведенных оргмероприятий, проверить подготовку к предстоящим боям.

В город приехали вечером 12 мая. Комендант станции, матрос саженного роста, доложил, что в Александрии собралось около трехсот конармейцев.

— Каких конармейцев?! — удивился я, зная, что дивизии от города еще на расстоянии суточного перехода.

— Известно каких, ваших, — ответил комендант и, указывая на вокзал, добавил: — У меня здесь большая группа. Просят допустить к вам.

На вокзале нас окружили люди, вооруженные шашками, а некоторые — винтовками и револьверами. Это действительно были конармейцы. Одни из них только что возвращались из госпиталей, других в свое время местные военные власти задержали для тыловой службы. И теперь, узнав, что Конармия движется на новый фронт, все они правдами и неправдами старались вернуться в свои части.

Было здесь и немало отпускников, просрочивших время, и даже тех, кто отлучился из частей самовольно.

Надо иметь в виду, что большинство бойцов Конармии являлись жителями только что освобожденного Дона, Ставрополья, Кубани и Терека. Воевали они с 1914 года, многие не были дома по четыре-пять лет, не знали о судьбе родных. Понятно, что после разгрома белогвардейщины на Северном Кавказе их потянуло домой, к семье. Считая, что война окончилась, они терпеливо ждали демобилизации. Но когда на западе появился новый враг и Конная армия двинулась на новый фронт, к командирам посыпались сотни просьб отпустить на побывку. Некоторых отпускали, другие ушли самовольно «хоть одним глазом взглянуть», что делается дома.

Многие из «самовольщиков» нашли свое хозяйство разоренным, хаты сожженными, а семьи еще не вернувшимися «из беженцев». Оставаться со своим горем одному было тяжело, и бойцы возвращались в свои части, ставшие для них вторым домом, большой дружной семьей. Страх перед суровым наказанием не останавливал.

— Почему нас задерживают?

— Мы к себе хотим, в Конармию, — слышались вокруг возбужденные голоса.

Побеседовав с бойцами и успокоив их, я пообещал:

— Ждите здесь. Сюда прибудут представители дивизий.

Реввоенсовету Республики мы в тот же день послали телеграмму следующего содержания:

«В Реввоенсовет Конармии поступают заявления, что бойцы, возвращающиеся из лазаретов, задерживаются в Ростове, Воронеже и по линии следования комендантами для несения тыловой службы. Ввиду особо острой нужды в старых кавалеристах, Ревсовет ходатайствует

о вашем распоряжении возвратить задержанных и впредь не задерживать следующих в свои части бойцов»[1].

В течение 13 мая Конармия сосредоточивалась в районе Федоровка — Верблюжка — Александрия. Здесь части пополнялись боеприпасами, приводили в порядок оружие, обозы, перековывали лошадей. На отдых и подготовку к боевым действиям отводилось двое суток.

Утром 15 мая пришла телеграмма от А. И. Егорова. Командующий фронтом ставил задачу в кратчайший срок сосредоточиться в районе Жаботин — Ново-Миргород — Николаевка. В конце, как обычно, предлагалось по пути разгромить петлюровские банды.

В своем приказе Реввоенсовет армии определил срок выхода на указанный рубеж — 20 мая.

Во второй половине дня мы отправились на субботник, инициатором и организатором которого была не знавшая устали Е. Д. Ворошилова. Под ее руководством отряд из 130 человек — весь состав Реввоенсовета, политуправления и полевого штаба армии — совместно с александрийскими железнодорожниками расчищал второй подъездной железнодорожный путь к городу, еще со времени мировой войны заваленный землей и различным хламом.

К вечеру усталые, но довольные вернулись в свой вагон. Здесь нас ожидал С. А. Зотов. Он доложил, что почти все дивизии имели стычки с бандитами в районах Александрии, Знаменки, Елисаветграда. Несколько банд по 150—200 человек разгромлены либо рассеяны. Захваченные живыми бандиты показали, что их отрядам приказано в бой с Конармией не вступать, а отходить, дезорганизуя наши тылы. В дальнейшем вливаться в отряды атамана Куровского.

Стычки с бандитами продолжались и в последующие дни. Сильный бой произошел в районе Чигирина. Разведка 4-й кавдивизии установила, что там действует банда Петра Коцуры численностью до 1500 человек. И хотя это было в стороне от полосы марша Конармии, Реввоенсовет приказал начдиву 4-й уничтожить Коцуру. Через два дня поступило сообщение, что 21-й кавалерийский полк окружил банду в Субботово, около Чигирина.

---

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 49, л. 40.

Большинство бандитов было истреблено, несколько десятков рассеялось по лесам. Сам Коцура был убит.

В последние дни мы с К. Е. Ворошиловым стремились побывать в каждом полку, чтобы помочь командирам и комиссарам поднять боеспособность, повысить дисциплину и собранность войск перед предстоящими боями.

Наконец-то была окончательно решена и проблема обмундирования. Пришли вагоны с одеждой, обувью. Теперь специальные комиссии во главе с комиссарами дивизий распределяли все это по полкам.

В установленный срок армия вышла на рубеж Жаботин — Телепино — Панчево — Плетеный Ташлык. Полевой штаб разместился в Елисаветграде.

К этому времени 3-я польская армия, овладев Киевом, форсировала Днепр и захватила плацдарм на левом берегу в районе Дарницы. Правда, попытки противника расширить плацдарм натолкнулись на упорную оборону 12-й армии, но и наши войска оказались не в силах сбросить противника в Днепр. 2-я польская армия выходила на рубеж Белая Церковь — Липовец. На одесском направлении 6-я польская армия, встретив упорное сопротивление 14-й армии, утратила наступательный порыв.

В целом фронт стабилизировался на линии, которая проходила по правому берегу Днепра от Чернобыля до Киева, огибая занятый противником киевский левобережный плацдарм, и далее тянулась через Белую Церковь, Липовец до Ямполя-на-Днестре.

Несмотря на временную потерю значительной территории, 12-я и 14-я армии в единоборстве с почти в четыре раза превосходящим противником не были сломлены. Напротив, они сорвали разработанный Пилсудским и военными специалистами Антанты план разъединения и разгрома красных войск на Украине по частям.

В этом была заслуга в первую очередь соединений 12-й армии, которой командовал С. А. Меженинов. Они приняли на себя главный удар польских войск. В труднейших условиях самоотверженно дрались с врагом бойцы, командиры и политработники 58-й стрелковой дивизии, отдельной кавалерийской бригады Г. И. Котовского, 44-й и 45-й стрелковых дивизий, Башкирской кавбригады М. Л. Муртазина, 7-й стрелковой дивизии,

которой командовал А. Г. Голиков. Большой героизм проявила и 14-я армия под командованием И. П. Уборевича. В упорных оборонительных боях войска 12-й и 14-й армий измотали противника, растянули его силы на широком фронте, заставили две его ударные группировки действовать по расходящимся направлениям и выиграли время для переброски на Украину свежих сил.

7

20 мая мы получили директиву Реввоенсовета Юго-Западного фронта № 348. Для выполнения предстоящей боевой задачи войска на Правобережной Украине делились на три части. На фастовском направлении создавалась Фастовская группа в составе 44-й и 45-й стрелковых дивизий, кавалерийской бригады Г. И. Котовского и 3-го отряда Днепровской флотилии. Левее ее, на казатинское направление, выдвигалась Первая Конная армия. Нам приказывалось не позднее 24 часов 24 мая развернуться на линии Тальное — Умань — Теплик. Южнее нас, на жмеринском направлении, должна была действовать 14-я армия в составе 63-й бригады 21-й стрелковой дивизии, 60-й и 41-й стрелковых дивизий, 21-й бригады 7-й дивизии и 8-й кавдивизии червонного казачества.

В директиве указывались направления и полосы действий армии и Фастовской группы, места размещения штабов и тыловых учреждений, порядок связи со штабом фронта. Хотя боевые задачи директивой не ставились, было ясно, что готовится контрнаступление и для этого производится соответствующая замыслу командования перегруппировка войск.

25 мая Конная армия сосредоточилась в районе Умани. Завершился беспримерный в истории марш красной конницы. За 52 дня она прошла около 1200 километров, причем непосредственно на движение было затрачено 30 дней. Таким образом, средняя маршевая скорость составляла 40 километров в сутки. Но в районах, где приходилось вести бои с бандами, дивизии совершали и по 60—70 километров.

Несмотря на высокую скорость и большую продолжительность марша, убыль конского состава была сравнительно невелика. Правда, чувствовалась утомлен-

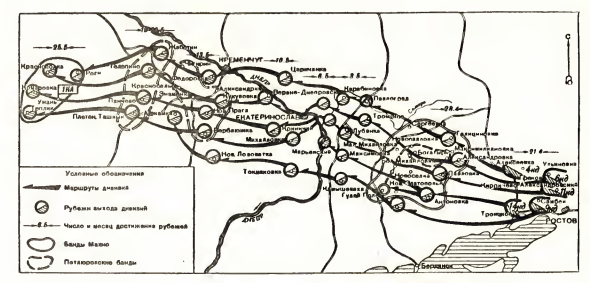

Схема 1. Марш Конармии на Юго-Западный фронт

ность лошадей, но восстановить их силы легко мог непродолжительный отдых.

Марш проходил в трудных условиях. Постоянно ощущался острый недостаток продовольствия и особенно фуража. Обильные весенние дожди испортили дороги. Осложняла поход и борьба с бандами. Дивизии находились в постоянном напряжении, а погони за бандитами изнуряли лошадей.

Но все трудности были преодолены. И это являлось заслугой прежде всего самих бойцов, командиров и политработников армии, понимавших величие дела, которое им предстояло защищать.

☆

4. ПЕРЕД БОЯМИ

1

Директива № 348 оставила для нас кое-что неясным. Мы попросили у А. И. Егорова встречи.

Он назначал ее несколько раз: сначала в Знаменке, затем на станции Шпола, а 23 мая сообщил, что утром следующего дня обязательно будет в Ново-Миргороде. Нам это было удобно. В Ново-Миргород как раз перемещался наш полештарм.

А встреча с комфронта стала особенно нужной, так как поступила новая директива, теперь уже на наступление. Пользуясь разобщенностью двух групп польских войск на Украине — киевской и одесской, — А. И. Егоров решил вначале разгромить наиболее сильную из них — киевскую.

Главную ударную группировку фронта составила Первая Конная. Ей предстояло «с рассветом 27 мая перейти в решительное наступление в общем направлении на Казатин в разрез между киевской и одесской группами противника. Стремительным натиском, сметая на своем пути встретившиеся части противника, не позднее 1 июня захватить район Казатин — Бердичев и, обеспечив себя заслоном со стороны Старо-Константинов, Шепетовка, действовать на тылы противника»[1].

12-я армия должна была 26 мая форсировать Днепр севернее Киева и перерезать железнодорожную линию в районе станций Бородянка — Тетерев, чтобы не допустить отхода противника в северном направлении. Глав-

---

[1] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 39, л. 2.

ная ее задача — захватить железнодорожный узел Коростень.

Фастовская группа, которую возглавил начдив 45-й стрелковой дивизии И. Э. Якир, с рассветом 26 мая переходила в решительное наступление в общем направлении Белая Церковь, Фастов, стремясь оттянуть на себя возможно больше сил киевской группы противника.

14-я армия обеспечивала Первую Конную с юга. Для этого она сосредоточивала главные силы на своем правом фланге. 1 июля ей предстояло овладеть районом Винница — Жмеринка.

Из Шполы в Ново-Миргород наш автомобиль выехал на рассвете, и с первыми лучами солнца мы уже въезжали в тихий, уютный городок. Остановились около станции у белых, утопающих в нежной зелени хат.

Поезд командующего фронтом прибыл в 10 часов. Мы с Ворошиловым вошли в вагон. Александр Ильич обнял нас, потом представил новому члену Реввоенсовета фронта Р. И. Берзину.

— Рад вас видеть, товарищ Буденный, — с характерным для прибалтов акцентом произнес Берзин, осматривая меня с головы до ног.

В свою очередь, окинув его взглядом, я отметил про себя, что член Реввоенсовета фронта довольно приятный на вид человек. Особенно понравился его смелый, открытый взгляд. Р. И. Берзин был сыном бедного латышского крестьянина. В партию большевиков вступил в 1905 году. В гражданскую войну отличился в борьбе против Колчака, командуя 3-й армией Восточного фронта.

После обычных приветствий Александр Ильич усадил нас и попросил рассказать, что нам неясно.

Я доложил, что общая идея директивы ясна. Понятна и задача Конармии. Сомнение вызывает лишь одно: необходимость прорывать позиционную оборону противника без пехоты. Это будет трудно.

— Товарищ командующий, — попросил я, — подчините нам хотя бы одну стрелковую дивизию.

Егоров ответил не сразу. Сначала внимательно посмотрел на меня и только потом заговорил:

— Что я могу на это сказать? Ну конечно же, ваше требование резонно. И главком рекомендовал подчинить вам две стрелковые дивизии. К сожалению, сделать этого пока не могу. Двенадцатая армия измотана предыдущими боями и до подхода двадцать пятой стрелковой дивизии с трудом будет выполнять поставленную ей задачу. В Фастовской группе, как вам известно, всего две дивизии, а четырнадцатая армия вообще малочисленна. Весь мой резерв — это три слабенькие бригады, к тому же связанные борьбой с бандами. Как видите, взять пехоту неоткуда. Знаю, вам будет нелегко. Но я глубоко убежден, что Конная армия сможет прорвать фронт противника и выполнить свою задачу. — Александр Ильич улыбнулся: — Ну как, вы и теперь настаиваете на своей просьбе?

— Нет, с этим, кажется, все ясно. Но у меня имеется еще вопрос: в директиве не указано, где проходят рубеж обороны противника, его инженерные заграждения, не определена группировка неприятельских сил в полосе наступления Конармии.

— Кроме того, — добавил Ворошилов, — совершенно неясно положение наших соседей — Фастовской группы и 14-й армии.

Командующий фронтом пригласил нас к карте. Из его информации мы узнали, что фронт 12-й армии проходил от устья реки Припять по правому берегу Днепра, затем в обход киевского плацдарма противника на левом берегу до Ржищева. Южнее, на линии Поток — Богуслав — Медвин — Буки, оборонялись соединения Фастовской группы, 14-я армия занимала рубеж Соболевка — Жабокрин и затем по левому берегу реки Ольшанка до Диестра.

— Нас, Александр Ильич, особенно интересует противник, с которым придется иметь дело, — повторил я свой вопрос.

— Сведения фронтовой разведки весьма скудны. Известно, что примерно на участке Липовец — Сквира действует тринадцатая познанская пехотная дивизия, а в районе Белая Церковь — Тараща расположена кавалерийская дивизия генерала Карницкого. Но не исключено, что там имеются и другие соединения.

— Александр Ильич, — спросил я. — А не тот ли это Карницкий, который служил в русской армии?

— Он самый. Можете иметь удовольствие встретиться на поле брани со своим бывшим начальником.

— Наша разведка доносит, что местность, по которой предстоит наступать Конармии, кишит бандами какого-то атамана Куровского. Какими сведениями об этом располагает штаб фронта? — поинтересовался Ворошилов.

Ответил ему Берзин. Он сказал, что Реввоенсовету фронта известно о скопище банд во многих прифронтовых уездах. Польское командование использует бандитские отряды в качестве прикрытия своих войск и в известной мере координирует их действия.

— Прежде чем доберетесь до польской обороны, — добавил Егоров, — вам придется уничтожить эти банды.

— Это вполне естественно, — согласился я. — Но не можете ли вы уточнить участок прорыва и указать, в каком направлении Конармии придется действовать после овладения Казатином и Бердичевом?

— Я думаю, в ходе боев вам будет яснее, где у противника окажется наиболее слабое место. Вообще, увидим, как будут развиваться события, и сделаем соответствующие уточнения.

— А к какому времени двенадцатая армия должна выйти в район станций Бородянка — Тетерев?

— Ее ударной правофланговой группировке приказано перехватить железную дорогу Киев — Коростень первого июня, — ответил Александр Ильич. — Однако опять-таки все будет зависеть от общего развития операции.

Последним обсуждался вопрос о связи.

Егоров сказал, что поскольку успех фронтовой операции будет зависеть от Конармии, то и связь фронта с нею как по проводам, так и по радио должна работать беспрерывно. Было решено связываться через наш основной штаб в Елисаветграде. Но параллельно наш полевой штаб должен был держать постоянную связь с полевым штабом фронта в Кременчуге.

Приходилось считаться с тем, что после прорыва вражеского фронта и нашего выхода в тылы 3-й польской армии мы сможем использовать только радио. Для этого в наших полевом и основном штабах имелось по радиостанции. Мы тут же закодировали два экземпляра оди-

наковых карт, назначили позывные для меня, Ворошилова и начдивов, установили условные наименования действий — наступления, обороны, отдыха и т. д. Если, к примеру, 4-я дивизия будет вести бой с противником, то шифрованное донесение во фронт по радио должно было гласить: «Казбек гуляет 28 Сокол», то есть: «4-я дивизия ведет бой с противником в районе квадрата 28 Буденный». Или: «Прима спит 32 Коршун». Это надо было понимать так: «6-я дивизия на отдыхе в районе квадрата 32 Ворошилов».

Поздно вечером маленький паровозик, отдуваясь, покатил наш вагон дальше на запад. К ночи погода испортилась. Подул сырой западный ветер, пошел дождь.

Часы показывали за полночь. Мы уже обо всем переговорили и теперь сидели молча, прислушиваясь к стуку колес и оглушительному треску грозовых разрядов.

2

На рассвете 25 мая приехали в Умань. Из телеграммы командующего фронтом узнали, что в Конную армию едет Председатель ВЦИК М. И. Калинин.

Весть о приезде Михаила Ивановича все у нас встретили с большой радостью. Популярность его была исключительно велика. У конармейцев он после В. И. Ленина считался самым высокочтимым советским государственным деятелем. Скромность, душевная простота и обаятельная, как говорили бойцы, «рабоче-крестьянская» внешность Калинина, его доступные для сознания простых людей речи и беседы снискали ему любовь и уважение.

Приезд Михаила Ивановича ожидался как раз в тот день, на который мы назначили совещание командиров и политработников частей, чтобы ознакомить их с задачей. Это было очень кстати. Мы рассчитывали, что Михаил Иванович поприсутствует на совещании, поможет своими советами, а может, и сам выступит. Но, к сожалению, поезд Калинина задержался...

В большом помещении, занятом полештармом, шумно и сизо от густого табачного дыма. Собрались все, но я все еще жду, надеясь, что Михаил Иванович подъедет.

Прошло много лет, а перед моими глазами и сейчас, как живые, стоят эти мужественные, не раз проливавшие свою кровь люди. Я вижу смуглых от загара, высоких и плечистых, похожих друг на друга начдива С. К. Тимошенко и его комиссара П. В. Бахтурова. Павел Васильевич что-то рассказывает, по всей вероятности смешное, и его собеседник то и дело сотрясает воздух громоподобным хохотом. А рядом подвижные, горячие, как огонь, начдив Ф. М. Морозов и комбриг Ф. М. Литунов. Морозов запальчиво говорит, энергично жестикулируя. Литунов, видно, возражает. За ними спокойно, с доброй усмешкой наблюдает комиссар дивизии К. И. Озолин.

Группа командиров окружила С. А. Зотова. Здесь, конечно, начштабы дивизий И. Д. Косогов, К. К. Жолнеркевич, Б. М. Попов-Раменский, С. М. Савицкий. Они допрашивают Степана Андреевича, о чем будет идти речь на совещании. А Зотов, как обычно невозмутимо спокойный и неторопливый, вытирает платком багровое обветренное лицо и степенно отговаривается:

— Раз собрали, значит, дело серьезное...

Мы переглянулись с Ворошиловым. Времени уже много, приходится открывать совещание.

Ознакомив собравшихся с директивой Реввоенсовета фронта от 23 мая и результатами переговоров с Егоровым и Берзиным, я обратил внимание присутствующих на трудность нашей задачи. Кавдивизиям предстоит прорывать оборону, занятую пехотой, и, по сути дела, без серьезной подготовки, при условии весьма поверхностных данных о противнике.

Как всегда на подобных совещаниях, мы решили послушать мнение подчиненных, чтобы выбрать все ценные предложения и приобщить к предварительно принятому Реввоенсоветом решению.

И мы не ошиблись. Выступавшие высказали много дельных соображений по организации наступления в новых, необычных условиях. В заключение мы с Ворошиловым подвели итоги и дали указания о подготовке соединений к предстоящим боям. Особо подчеркнули необходимость вести непрерывную разведку, чтобы установить рубеж обороны противника, характер его инженерных укреплений, раскрыть группировку сил неприятеля и наиболее слабые участки обороны. Начальник развед-

отдела армии И. С. Стройло получил указание разработать перечень сведений о противнике, которые должны собрать разведывательные органы дивизий, бригад, полков и авиации.

Начальников политотделов и комиссаров дивизий обязали усилить работу по политическому воспитанию и подготовке личного состава к предстоящим боям.

На совещании решено было издать листовки с обращением к польским солдатам на их языке. Начвоздухфлота армии М. П. Строев получил указание разбросать эти листовки с самолетов над территорией, занятой противником.

3

Во второй половине дня прибыл М. И. Калинин. И сразу же пожелал выехать в части.

Мы сели в автомобиль. Погода после ночного дождя установилась теплая, солнечная. Михаил Иванович снял с себя поношенную кожаную куртку. Одет он был в простой хлопчатобумажный свитер и серые брюки, заправленные в обыкновенные яловые сапоги. Заметив, что я пристально осматриваю его экипировку, Калинин, улыбаясь, спросил:

— Что, не президентский вид у меня? — Помолчав, добавил: — В рабочей одежде как-то чувствуешь себя удобней. Да и с красноармейцами проще разговаривать, они принимают по-свойски.

— Ну что вы, Михаил Иванович! Вас в любой одежде встретят как своего.

— Не говорите, Семен Михайлович, — хитровато посмотрел на меня Калинин. — Вот помню, в прошлом году приехали мы с группой товарищей на Восточный фронт. Зимой дело было, и холод стоял ужасный. Так я, чтобы не замерзнуть, напялил на себя богатую шубу. Перед красноармейцами выступил, а после один из них, шустрый такой, совсем юный паренек спрашивает: «Что же это вы, товарищ Калинин, староста пролетарского государства, а одеваетесь вроде министра-капиталиста?» Поначалу я даже растерялся. Потом говорю: «А как вы думаете: хорошо будет, если наше пролетарское государство оденет Председателя ВЦИК в дырявый армяк,

да еще в такой мороз?» Почесал паренек затылок и отвечает: «Нет, не хорошо! Стыдно будет перед мировым пролетариатом»

За разговорами незаметно подкатили к селу Тальное. На его окраине уже выстроилась 1-я бригада 6-й кавдивизии.

Приняв рапорт комбрига В. И. Книги, Михаил Иванович обошел строй конармейцев, поздоровался, затем поднялся на пулеметную тачанку. С этой импровизированной трибуны он произнес речь, и голос его, спокойный, негромкий, в наступившей тишине звучал внушительно и убежденно.

Оратор не скрывал трудностей предстоящей борьбы. Но он убедительно показал патриотизм советских людей, их твердую решимость защитить свою страну и неизбежность поражения интервентов.

Во время митинга в синеве майского неба появился самолет. Сделав круг, он начал снижаться. Никого это не встревожило: на крыльях отчетливо виднелись красные звезды. А оказалось, враг использовал коварную уловку. Мы это поняли слишком поздно, когда летчик обстрелял нас из пулемета.

От неожиданности бойцы метнулись в разные стороны. Некоторые схватились за винтовки и открыли огонь. Лошади, напуганные беспорядочной стрельбой и шумом пропеллера, сбились в кучу.

А Михаил Иванович и не шелохнулся. Он продолжал спокойно стоять на тачанке, словно ничего не произошло. Я предложил ему укрыться хотя бы под тачанкой.

— Что вы, Семен Михайлович! Прятаться на глазах бойцов? Нет! — решительно отказался он.

Получив отпор, самолет набрал высоту и ушел в сторону противника. Бойцы снова окружили Михаила Ивановича, и по их глазам, по отдельным фразам, которыми они перебрасывались, можно было легко угадать восхищение мужеством нашего гостя. Сами отчаянно храбрые, они и в других особенно ценили хладнокровие и выдержку.

На следующий день М. И. Калинин снова побывал в частях. Он выступал на митингах, беседовал с красноармейцами, награжденным вручал орден Красного Знамени.

Наблюдая за ним, нельзя было не восхищаться его удивительной простотой и скромностью, умением вызвать собеседника на откровенный разговор, по душам. С кем бы он ни встречался, с командиром или с рядовыми бойцами, Михаил Иванович ни словом, ни жестом не подчеркивал своего высокого положения, самое большее — он держал себя, как заботливый отец. Беседуя, он вроде бы между прочим подмечал, что у бойца не в порядке обувь, не пришита пуговица. А потом с частных, бытовых вопросов как-то незаметно переводил разговор на общие, рассказывал о положении в стране, о жизни рабочих и крестьян, разъяснял задачи Красной Армии.

После обеда, вернувшись в полевой штаб армии, мы собрали заседание Реввоенсовета. Здесь при активном участии Михаила Ивановича еще раз детально обсудили задачу Конармии.

Поскольку точного начертания переднего края обороны противника, как и группировки его сил, ни штаб фронта, ни мы не знали, решено было начать наступление на широком фронте, во всей шестидесятикилометровой полосе армии. На этом этапе нам предстояло очистить местность от петлюровских банд, обезопасить свой тыл и выйти к оборонительному рубежу польских войск. Здесь мы рассчитывали произвести тщательную разведку, чтобы установить силы и средства противника и определить наиболее уязвимый участок его обороны, а затем, перегруппировавшись, нанести удар.

Начало операции назначили на 27 мая. 4, 6 и 11-я дивизии с приданными автоотрядами должны были наступать в первом, а 14-я — во втором эшелоне. Особая кавбригада оставалась в резерве.

Предусматривались довольно высокие темпы движения в первые три дня — по 30—40 километров в сутки. В результате к 1 июня армия должна была прорвать фронт противника и выйти в район Казатин — Бердичев. После овладения этими пунктами нам предстояло повернуть на северо-восток и ударить в тыл киевской группировке белополяков.

Здесь же, на заседании Реввоенсовета, было утверждено обращение политотдела Первой Конной армии к польским солдатам. Михаил Иванович внес в него не-

М. И. Калинин выступает перед бойцами Конармии

В перерыве между боями проходят занятия школы грамоты

П. С. Поленов

М. П. Строев

Конармия проходит через Ростов

сколько поправок, подчеркивающих братскую интернациональную роль трудящихся Советской страны.

Рано утром 27 мая мы отправились в 4-ю дивизию. М. И. Калинин вручил Почетные Красные знамена ВЦИК 21-му и 22-му кавалерийским полкам и 2-й артиллерийской батарее. Выступая на митинге, он сказал:

— Товарищи из двадцать первого и двадцать второго полков и артиллерии! За заслуги этих полков и второй артиллерийской батареи в кампании против Деникина ВЦИК посылает вам Красное боевое знамя с орденом Красного Знамени. Вручая через командующего армией товарища Буденного Красные знамена, я думаю, что могу передать ВЦИК и Совету Народных Комиссаров, что эти знамена никогда не попадут в руки врага. Товарищи, я надеюсь, что тот враг, который осмелится поднять руку на Советскую власть, скоро узнает, какую силу, организованность и мощь имеет Советская власть.

— Умрем, но не уроним чести! — послышались возгласы.

— Ура-а-а! — покатилось по рядам, и в воздухе засверкали клинки.

От награжденных выступил комиссар бригады Ф. А. Мокрицкий.

— Я прошу товарища Калинина передать ВЦИК и Совнаркому, — сказал он, — что мы эту гидру контрреволюции разобьем через несколько недель. А еще хочу от вашего имени, товарищи, выразить сердечную благодарность товарищу Калинину и всему ВЦИК за их работу на общее дело.

После митинга бойцы долго не отпускали Михаила Ивановича. Его засыпали десятками вопросов. Конармейцев интересовало все: здоров ли Ленин и что он делает, как обстоит дело с хлебом, что говорит мировой пролетариат о нападении Польши?

Из 4-й мы направились в 11-ю кавдивизию. В ней много бойцов из рабочих губерний, и поэтому их встреча с М. И. Калининым прошла особенно сердечно. Михаил Иванович рассказал бойцам о положении в стране и на фронте, призвал их до конца выполнить свой долг перед советским народом.

С яркой ответной речью выступил комиссар дивизии К. И. Озолин. Выслушав, М. И. Калинин обнял его, и это вызвало у бойцов необыкновенный восторг.

На обратном пути Михаил Иванович подробно расспрашивал меня об Озолине, высказывая восхищение его мужеством, проявленным на Южном фронте.

Это был последний день пребывания у нас дорогого гостя. После небольшого отдыха мы проводили его, попросив передать от конармейцев привет и добрые пожелания Владимиру Ильичу.

☆

5. НАСТУПЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

1

27 мая Конная армия перешла в наступление. Но вначале серьезных боев не произошло. Сведения о противнике были слишком общи — разведка дивизий еще не вошла в соприкосновение с передовыми польскими частями, а наша авиация давала лишь разрозненные, не связанные между собой данные.

Только на следующий день начались столкновения с крупными бандами атамана Куровского. 4-я дивизия под Александровкой, Пятигорами и Ненадыхой уничтожила отряд численностью около 500 человек. Несколько бандитов были схвачены. На допросе они показали, что во всех уездах впереди польских позиций оперируют такие же отряды. Польское командование вооружило их винтовками большей частью немецкого образца и даже артиллерией. Отряды имели задачу заставить Конармию развернуться и вступить в бой до подхода к обороне противника, выяснить ее силы, направление движения, а затем, измотав наши части, отойти в расположение польских войск.

Банды Куровского не смогли полностью справиться с возложенными на них задачами. Под ударами наших соединений они либо гибли, либо разбегались по лесам и балкам. Впоследствии было подсчитано, что за несколько дней, предшествовавших прорыву обороны противника, Конармия разгромила отряды общей численностью до 15 тысяч человек.

Вслед за тем начались бои и с войсками польской армии. Вначале это были небольшие стычки разведывательных подразделений, переросшие затем в напряженные схватки передовых частей. Особенно ожесточенное

сопротивление враг оказывал в полосе наступления 6-й кавалерийской дивизии.

Утром 29-го, когда части готовились к выступлению, внезапному обстрелу подверглась деревня Сологубовка. Находившийся там 32-й кавполк 1-й бригады развернулся и, несмотря на сильный ружейно-пулеметный огонь, атаковал прямо в конном строю. В коротком жарком бою вражеская рота оказалась разгромленной.

После этого 32-й и 31-й полки вместе ударили на село Чернявку и разбили там неприятельский батальон. Но, преследуя отступающего врага, бригада натолкнулась на ожесточенное сопротивление крупных сил в селе Плисково. Польские части укрылись в окопах за проволочными заграждениями. Бригада неоднократно бросалась в атаку и каждый раз с потерями откатывалась.

Тяжелая обстановка сложилась на участке 2-й бригады. Возглавляемая комбригом И. Р. Апанасенко и комиссаром И. А. Ширяевым, она атаковала позиции неприятеля у Животова. В первой атаке конармейцам удалось подойти к окопам и даже захватить пленных. Но сильнейший пулеметный огонь заставил их отойти в исходное положение.

Конармейцы увели лошадей в укрытие и атаковали в пешем строю. Осыпаемые градом пуль, они стремительно шли на врага. Но вот упал тяжело раненный командир 33-го полка Селиванов. Почти тут же, зажав ладонями смертельную рану на груди, опустился на колени помощник командира Сараев. Полк залег. Завязался огневой бой.

В самый напряженный момент во весь рост поднялся комиссар 33-го полка Писщулин и с возгласом «ура» бросился вперед. Увлекаемые им, конармейцы ворвались во вражеские окопы и, уничтожив врага в рукопашном бою, очистили Животов. Нашим достались значительные трофеи: 6 английских орудий, около 40 пулеметов, 60 подвод со снарядами, много винтовок и патронов. Но радость победы была омрачена. Сраженный пулеметной очередью, погиб комиссар Писщулин, один из старейших политических работников 6-й дивизии, любимец бойцов, храбрый воин и мужественный большевик.

2-я бригада понесла большие потери в значительной мере потому, что ее командир И. Р. Апанасенко предпо-

чел маневру в обход Животова лобовые атаки сильно укрепленных позиций.

3-я бригада 6-й дивизии большую часть дня не могла сломить сопротивление 50-го Познанского полка у Малой и Большой Ростовок.

И здесь комбриг Н. П. Колесов допустил ту же ошибку, пытаясь выбить врага атаками с ходу в конном строю. А в результате — большие потери. В бою был тяжело ранен командир 36-го кавполка Ефим Вербин, погибло несколько командиров взводов и бойцов. Вышло из строя много лошадей.

Правда, к вечеру бригада уничтожила противостоящего противника, захватила много пленных, 33 ручных пулемета. Но какой дорогой ценой была добыта победа!

В этом бою отличилась отважная пулеметчица 35-го кавполка Павлина Кузнецова. Во время одной из контратак противника она оказалась отрезанной и дралась в кольце врага, пока не подошла помощь. Преследуя неприятеля, 3-я бригада вклинилась в главную полосу его обороны и захватила важный опорный пункт Андрушевку.

4-я кавалерийская дивизия в тот день встретилась с передовыми частями кавдивизии генерала Карницкого. Решительными действиями 1-я бригада сбила противника с рубежа реки Березянка, 2-я, развивая наступление, подошла к Новофастову.

Упорные бои развернулись в полосе 11-й кавалерийской дивизии. Отбросив охранение белополяков, передовые ее отряды подошли к сильно укрепленному опорному пункту Дзюньков. Ф. М. Морозов ввел в дело главные силы, но успеха не добился. У противника здесь были отлично оборудованные оборонительные позиции, опоясанные проволочными заграждениями.

Поздно ночью мы с Ворошиловым и Зотовым подвели итоги первых серьезных боев с противником. Главное состояло в том, что нам удалось разгромить банды Куровского, установить точное начертание обороны и характер укреплений белополяков, состав некоторых соединений, а также способность врага к сопротивлению. Стало известно месторасположение кавдивизии генерала Карницкого, нависшей над правым флангом Первой Конной.

Из наших соединений наиболее успешно действовала 6-я кавалерийская, фактически взломавшая оборону противника. Надо бы использовать ее успех для наращивания удара. Но на перегруппировку не было времени. Армия действовала на широком фронте. Чтобы, например, сосредоточить 4-ю или 14-ю дивизию на фронте 6-й, потребовалось бы совершить сорокакилометровый марш. Значит, главные силы могли оказаться в районе Андрушевки только к вечеру 30 мая. К тому же за три предыдущих дня войска прошли с тяжелыми боями около 100 километров и серьезно устали. Противник в глубине обороны держал крупные резервы. Возможно, в ходе боев мы и разбили бы их, но уставшая армия все равно не смогла бы продолжать движение в тыл неприятеля. Учитывая все это, Реввоенсовет решил дать соединениям небольшой отдых, подтянуть тылы, подготовить резервы, а тем временем лучше изучить противника.

С утра 30 мая мы с Ворошиловым направились в 6-ю дивизию. В пути встретили ее начальника штаба К. К. Жолнеркевича. Он ехал в полештарм, чтобы доложить результаты боя и соображения начдива о дальнейших действиях.

— Ну, так садитесь в автомобиль, — предложил я Жолнеркевичу. — Мы как раз к вам направляемся.

В дороге Константин Карлович подробно рассказал о событиях последних дней, о боях и отличившихся бойцах, командирах и комиссарах. Запомнился мне его рассказ о подвиге пулеметчика Ивана Проценко.

Случилось так, что один наш полк, действовавший в пешем строю, под натиском превосходящих сил противника начал отходить. В самый острый момент с фланга на него внезапно выскочили уланы. Если бы им удалось отрезать конармейцев от леса, то полк оказался бы под угрозой полного разгрома.

Когда уланы уже, казалось, были близки к своей цели, навстречу им из леса вырвалась одинокая тачанка. На полном ходу пулеметчики лихо развернулись и в упор ударили по врагу. Все же вырвавшейся вперед небольшой группе противника во главе с офицером удалось подскочить к тачанке. Помощник наводчика был зарублен. Пулеметчик же Иван Проценко стал яростно отбиваться шашкой и револьвером. Он пристрелил офи-

цера, зарубил двух улан и, воспользовавшись замешательством остальных, погнал лошадей. Оторвавшись от преследователей, пулеметчик вновь открыл огонь и с подоспевшими на помощь товарищами окончательно отбил контратаку врага. За этот подвиг Иван Проценко был награжден боевым орденом Красного Знамени...

А вот и село Скала, где размещался штаб 6-й кавдивизии. Начдива С. К. Тимошенко и комиссара П. В. Бахтурова мы застали в приподнятом настроении. Первый успех дивизии радовал их.

— А ценой каких жертв досталась вам эта победа, — укоризненно сказал им Ворошилов. — Убиты Писщулин, Сараев, два командира и три помощника командира эскадрона. Ранены командиры полков Вербин и Селиванов. Тяжело ранен начальник разведки второй бригады Иван Зиберов. Этак у вас весь командный состав перебьют.

— Но ведь, Климент Ефремович, война без потерь не бывает, — ответил Тимошенко. — Мы же противника побили куда сильнее.

— Потери потерям рознь, — вмешался я. — За один день у вас только вторая бригада потеряла свыше ста человек. А сколько перебито лошадей!

— Товарищ командарм, не все же убиты, — оправдывался Бахтуров. — Из того числа, что вы назвали, больше половины ранены.

— В общем, так воевать не годится, — оборвал я комиссара. — Вы берете противника на «ура», злоупотребляя патриотизмом людей. Надо искать новые способы борьбы, новые тактические формы применительно к тем условиям, в которых теперь приходится действовать.

Комиссар замолчал, чувствуя, что оправдания не помогут. Я повернулся к Тимошенко:

— Почему вы атакуете противника в лоб, а не пытаетесь охватить его фланги?

— Так где же у него фланги, товарищ командарм? У белополяков сплошная линия обороны, и, куда ни ударь, обязательно в этот самый лоб попадешь.

— Значит, надо лучше изучать противника. У него действительно оборона сплошная, но прочность ее не одинакова. Важно установить слабое место и прежде

всего бить туда. Учтите первые свои ошибки и постарайтесь их больше не повторять.

С. К. Тимошенко доложил, что из опроса пленных офицеров ему стало известно о замысле польского командования. Оно сосредоточивает в Липовце группу полковника Шиллинга с целью нанести удар по открывшемуся левому флангу Конармии. Чтобы упредить этот удар, начдив решил утром атаковать Липовец и попросил утвердить его решение.

— Ваш план приемлем, — согласился я. — Кстати, подошли два бронепоезда, и они вас поддержат. Но помните, что вы берете на себя трудную задачу. Липовец — это город. И противник там, как видно, серьезный.

Перед отъездом решили посмотреть пленных. Многие из них были ранены и производили гнетущее впечатление. Когда мы подошли, поляки заволновались, но, увидев, что зла им не причиняют, успокоились.

Мы приказали сменить раненым повязки и отправить их в походные госпитали. А Ворошилов наставлял Бахтурова:

— Старайтесь привить бойцам гуманное отношение к пленным. Польские солдаты должны знать, что в плену насилия над ними не учинят.

— Наши и так душевно к ним относятся, — ответил Бахтуров. — Делятся, чем могут, угощают махоркой...

В тот день нам удалось побывать и в 11-й дивизии. Она все еще вела борьбу за Дзюньков. В ночь на 30 мая части преодолели проволочные заграждения и ворвались в село с юга и севера. Понеся потери, противник отступил за речку на западную окраину, во вторую линию окопов.

— Поляки держатся упорно, — докладывал Морозов. — Когда атакуем, такой адский огонь открывают, что кажется, будто весь воздух свинцом насыщен. А в окопы ворвемся — забрасывают гранатами. Сил у них здесь много, около двух тысяч солдат. Да еще бандиты из пяти сел. Мы по-всякому пробовали наступать, но решительного успеха не добились. Теперь ввиду усталости людей я приказал отвести бригады в Долотецкое и Борщаговку.

— Хорошо, — согласился я. — Пусть части приводят себя в порядок. А к утру ждите наших указаний.

2

Вечером я был в Тетиеве, куда к тому времени переместился полевой штаб армии.

Поездка в соединения дала возможность изучить на месте обстановку. Мне стало ясно, что противник перед Конармией сильный, умело сочетающий позиционную оборону с маневром, смело контратакующий, и в большинстве случаев ночью. Стойкость врага, по моему мнению, объяснялась не только опытностью польских офицеров, мужеством солдат и хорошим вооружением. Было очевидно, что пехота противника воспитана в духе пренебрежения к кавалерии.

Не бояться конницы, как позже мы узнали, польского солдата приучали с первого же дня службы в армии. Генералы и офицеры постоянно внушали ему мысль, что при современной силе огня конница пехоте не страшна. При этом они ссылались на опыт первой мировой войны, когда наблюдался упадок роли кавалерии. Справедливости ради следует признать, что ошибки отдельных наших командиров в первые три дня боев укрепляли у поляков уверенность в преимуществе пехоты над конницей.

Добиться перелома в ходе боев и овладеть инициативой мы могли, только решительно отказавшись от тактики лобовых атак, которые приносили успех в схватках с деникинской кавалерией и пехотой на равнинах юга России. Свои письменные выводы о действиях армии с указанием допущенных ошибок мы направили в соединения, рекомендуя начдивам ряд новых тактических приемов.

В тот же вечер Реввоенсовет принял решение о прорыве основных оборонительных позиций противника. Теперь уже был точно установлен рубеж его обороны, проходивший по линии Черкассы — Новофастов — Дзюньков — Липовец. Более слабым, по нашему мнению, являлся участок Сквира — Погребище шириной до 30 километров. Здесь мы решили нанести главный удар 4, 11 и 14-й дивизиями. При этом 14-я кавалерийская круто поворачивалась на север, чтобы прикрыть правый фланг армии от возможных контратак частей генерала Карницкого. 6-я дивизия получила задачу овладеть Липовцом и обеспечить наш левый фланг. Начальник бронесил

армии П. С. Поленов должен был двумя бронепоездами поддержать 6-ю дивизию.

С рассветом 31 мая наши соединения перешли в наступление. Исключительно ожесточенные бои разгорелись на липовецком направлении. 6-я кавалерийская дивизия, сбив охранение противника, устремилась к городу. Крупные силы белополяков при поддержке двух бронепоездов предприняли контратаку с севера, стремясь отрезать наши вклинившиеся войска и прижать к укрепленным позициям у Липовца. Противнику удалось выбить бригаду И. Р. Апанасенко из Спиченцы и развить успех на Богдановку. Возникла угроза правому флангу и тылу дивизии. Однако начдив С. К. Тимошенко упорно продолжал наступать.

Все же на линии Нападовка — Россоша — Скитка белополяки остановили дивизию ураганным артиллерийским и пулеметным огнем. Начдив подтянул свои батареи, приданные бронеавтомобили, бронепоезда, и они в течение длительного времени обрабатывали позиции противника. После этого конармейцы в пешем строю атаковали снова.

Белополяки ожесточенно сопротивлялись, но в конце концов вынуждены были отступить. Помогли этому и их бронепоезда, которые, выйдя в район Богдановки и не разобравшись в обстановке, открыли огонь по своей же пехоте.

В 13 часов, прорвав оборону противника на подступах к городу, 1-я и 3-я бригады ворвались в Липовец. Большинство улиц оказались забаррикадированными. Из окон домов, с чердаков, из садов и огородов конармейцев встречали залпами, забрасывали гранатами. Артиллерия противника с западных окраин города обстреливала кварталы, захваченные нашими эскадронами. Почти десять часов продолжался кровопролитный бой, но закрепиться в Липовце дивизии не удалось. Она вынуждена была отходить. Оставленные в качестве прикрытия бронепоезда и бронеавтомобили оказались отрезанными и вели неравный бой.

Машину командира 9-го автобронеотряда П. Н. Бахарева подбили. Враги бросились к одиноко стоявшему броневику в надежде захватить его, но, встреченные пулеметным огнем, откатились. Полтора часа команда, возглавляемая тяжело раненным коммунистом Павлом

Бахаревым, дралась в кольце противника, пока на выручку не подошли эскадроны 6-й дивизии.

Большое мужество проявил личный состав бронепоезда № 82 «Смерть директории». Поезд получил повреждение. Несколько раз противник подступал к нему вплотную. Но команда во главе с заместителем командира Пантелеймоном Шеховцевым в рукопашной схватке отбрасывала его. Враг так и не смог ничего сделать. В самый критический момент на выручку окруженным храбрецам пришел бронепоезд № 72 имени Николая Руднева. Прикрываясь сильным огнем, он оттянул подбитый поезд в расположение наших частей.

К ночи 6-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в районе Кожанка — Чернявка — Плисков. Она понесла большие потери. Выбыли из строя многие командиры взводов и эскадронов. Смертью храбрых погиб начальник штаба 3-й бригады Н. А. Шабанов. Этого смелого человека было особенно жаль. Я видел его в бою под Белой Глиной 22 февраля 1920 года. С пятью бойцами он бросился тогда к вражеской батарее и, захватив орудие, расстрелял из него контратаковавшую белоказачью конницу.

Многих еще славных бойцов и командиров недосчитались мы в тот день. И все-таки потери были не напрасными. Решительные действия 6-й дивизии вынудили вражеское командование оттянуть к Липовцу свои резервы и ослабить внимание к участку Сквира — Погребище, где мы намечали прорывать фронт.

Однако значение боев за Липовец этим не исчерпывается. На мой взгляд, было весьма важно, что удары дивизии С. К. Тимошенко заставили противника переменить свое мнение о силе красной конницы. Недаром участник тех событий полковник Клеберг писал потом: «6-я дивизия Конной армии выказала в этот день не только храбрость, которая делает ей честь, но и совершенно исключительное искусство маневрирования. Все движения выполнялись с превосходным применением к местности, в блестящем порядке, и атаки на польские батареи и пулеметы велись с решимостью и хладнокровием, заслуживающими особого внимания» [1].

---

[1] Клеберг. Прорыв Буденным польского фронта в нюне 1920 г. М., Изданне журнала «Военный вестннк», 1924, стр. 21.

На фронте 11-й кавалерийской дивизии события развивались довольно успешно. Начдив Ф. М. Морозов решил не ввязываться в бой за Дзюньков. Оставив для демонстративных атак с фронта 66-й кавполк, главные силы дивизии, поддерживаемые артиллерией и бронеавтомобилями, он двинул севернее, в обход этого узла сопротивления. Дивизия легко смяла роту противника в деревне Быстрик и устремилась на Новофастов, где разгромила еще два батальона пехоты. Затем, резко повернув на юг, она вышла к реке Сомец в район Старостинцы — Гопчица и начала охватывать с северо-запада крупный узел сопротивления неприятеля Погребище. Первая полоса обороны белополяков оказалась прорванной, под угрозой находилась уже и вторая.

Однако польское командование сумело перебросить сюда войска и создало для борьбы с 11-й кавдивизией ударную группу генерала Савицкого. Ночью она вытеснила из Старостинцев, а затем окружила 62-й полк и два эскадрона 65-го. После напряженного боя наши подразделения вырвались из окружения. Все же не выдержав давления превосходящих сил на оба фланга, дивизия начала отходить. К сожалению, хорошо начатое наступление не было поддержано 4-й дивизией.

Особое обстоятельство не позволило 4-й дивизии действовать решительно. Дело в том, что 14-я кавдивизия в соответствии с нашим планом выдвигалась на правый фланг армии. Она вышла в тылы 4-й, когда в ее 3-й бригаде, как раз той, что перешла из дивизии Якимова, произошла измена. Во главе 83-го полка оказался бывший офицер-деникинец, который сумел сколотить вокруг себя единомышленников.

Изменники решили, что настал благоприятный момент, и собрались уйти к противнику. Склонив к бегству часть казаков своего полка, они направили одного из заговорщиков в соседний, 82-й. Но тут их ждала неудача. Три взводных командира доложили об измене военкому и начальнику штаба бригады. И все же предатели успели бежать. С криком «мы окружены, спасайся!» они увели три эскадрона 83-го полка. Эскадроны 14-й и 4-й дивизий бросились в погоню, однако настигнуть изменников не смогли.

Эти события и ослабили наступление 4-й дивизии.

Нам пришлось выехать в 14-ю дивизию. На месте

разобравшись в случившемся, Реввоенсовет Конармии принял решение срочно укрепить ее. В 3-ю бригаду из Особой был передан кавполк немцев Поволжья. Командовать бригадой назначили донского казака Д. И. Рябышева, орденоносца, награжденного за боевые подвиги и умелое командование полком на Южном фронте. На должность начальника политотдела дивизии выдвинули комиссара прославленного 19-го полка 4-й дивизии П. К. Случевского. Особый и политический отделы дивизии укомплектовали опытными работниками тоже за счет других соединений.

1 и 2 июня армия продолжала активные действия на всем фронте. В свою очередь противник использовал малейшую возможность для выхода маневренных групп на открытые наши фланги и в тыл.

Ночью 2 июня крупные его силы навалились на станцию Оратов, занятую бронепоездами «Смерть директории» и «Красный кавалерист». В ожесточенном бою первый из них получил шесть пробоин, но команда продолжала сражаться. Несколько раз бойцы ходили в контратаку, внося в ряды противника замешательство. Бой продолжался до утра, когда на выручку осажденным подошли полки 6-й кавдивизии и отбросили неприятеля.

А днем польские войска ударили по правому флангу Конармии. Оттеснив части Фастовской группы от Сквиры, уланские полки генерала Карницкого обошли 4-ю кавалерийскую дивизию и стали развивать стремительное наступление в тыл Конармии.

Связавшись с А. Я. Пархоменко и Д. Д. Коротчаевым, я приказал 14-й дивизии ускорить движение на север, а 4-й, оставив сильный заслон на фронте, круто развернуться на восток и во взаимодействии с бригадами Пархоменко разгромить части генерала Карницкого.

К полудню 4-я дивизия искусно выполнила маневр. Ее полки вышли на рубеж Рубченки — Татариновка, нацелившись во фланг наступавшим уланам. Чтобы создать ей более выгодные условия для атаки, мы приказали начдиву 14-й встретить противника огнем, а затем демонстративно отходить.

Когда неприятельская конница оказалась в огненном мешке, Карницкий понял, что попал в ловушку. И тут я опять хочу сослаться на свидетельство очевидца. Начало этого боя тот же Клеберг описывает так: «В не-

сколько мгновений, насколько хватает глаз, горизонт наводняется буденновцами, которые в гигантском облаке пыли, предшествуемые бронеавтомобилями, прикрываемые огнем артиллерии, тачанок и конных стрелков, начинают надвигаться на поляков... и польский солдат, следивший взглядом за облаком пыли, быстро продвигающимся на север, должен был ощущать, что он сражается в центре гигантского кольца, которое скоро сомкнется за его спиной. Чтобы парализовать эту опасность и несколько приостановить дальнейшее продвижение противника, начальник 1-й дивизии бросает последовательно все свои полки в атаку»[1].

Но ничто уже не могло остановить лавину конармейцев. Дивизия генерала Карницкого была опрокинута и отступила к городу Сквира.

3

К исходу первого июня Конная армия не смогла прорвать оборону противника и овладеть районом Казатин — Бердичев. Срок, определенный директивой Юго-Западного фронта, оказался нарушенным по многим причинам.

Начать с того, что у нас не было точных разведданных о противнике и характере его обороны. Их удалось получить только в упорных боях с многочисленными бандами Куровского и частями прикрытия белополяков. Оборонительные позиции оказались тщательно подготовленными и представляли собой систему траншей с ротными опорными пунктами и батальонными узлами сопротивления. Важнейшие из них находились в Новофастове, Дзюнькове, Наказном посту, Андрушевке, Нападовке и Липовце. Они имели огневую связь, обеспечивая друг друга фланкирующим артиллерийским и пулеметным огнем. Опорные пункты и участки между ними прикрывались засеками, завалами и проволочными заграждениями в несколько рядов.

Но, пожалуй, главное даже не в обороне, на устройство которой неприятель затратил более трех недель.

---

[1] Клеберг. Прорыв Буденным польского фронта в июне 1920 г., стр. 25.

В ходе боев удалось установить, что Конармии противостояла не одна 13-я пехотная дивизия противника, как указывалось в директиве Реввоенсовета фронта, а и части 7-й пехотной дивизии, конница генералов Савицкого и Карницкого, то есть фактически силы всей 2-й польской армии.

К тому же надо отдать должное неприятелю. Его войска были великолепно обучены, отлично вооружены и дрались с отчаянным упорством. Причем стойкость их во многом объяснялась шовинистическим угаром, навеянным лживой буржуазной пропагандой. Правительство Пилсудского бесстыдно клеветало на Красную Армию, называя ее армией-захватчицей, ничем якобы не отличавшейся от старой царской армии. Армейскую массу пугали тем, что, мол, наши бойцы свирепо расправляются с поляками: отрезают носы и уши, отрубают руки, выкалывают глаза, что они жгут польские города и села, разрушают костелы, грабят имущество, насилуют женщин. И солдаты, в основном патриотически настроенная молодежь, первоначально поддались этому чудовищному обману. Они считали, что защищают Польшу от «варваров», сражались ожесточенно и отказывались сдаваться в плен даже в безнадежном положении.

На Южном и Кавказском фронтах Конармия дралась тоже с сильным, как правило, превосходящим по численности противником, но на равнинной местности, где неприятель не имел сплошного фронта и почти не применял полевой фортификации. Это определяло и тактику нашей конницы, отличительными чертами которой были обходы и охваты врага, внезапные удары по его флангам и тылу, завершавшиеся атакой в конном строю лавой.

Теперь борьба с новым противником в своеобразных условиях местности и при наличии оборонительных сооружений требовала коренной перестройки тактических форм действий нашей конницы. Но ведь это не легкое дело — в каких-нибудь три-четыре дня овладеть новыми тактическими приемами.

И наконец, на успехах Конной армии не могло не сказаться отставание ее соседей. Командующий 12-й армией С. А. Меженинов из-за недостатка сил не смог создать сильной группировки на своем правом фланге и переправиться через Днепр севернее Киева. Фронтальное наступление на Киев окончилось неудачей.

Наиболее неблагоприятно отразилась на действиях Конармии слабость соседних с ней Фастовской группы и 14-й армии. Правда, Фастовской группе в начале наступления внезапными действиями, особенно кавалерийской бригады Г. И. Котовского, удалось прорвать фронт противника восточнее Белой Церкви. Но этот успех был временным. Опомнившись после первого удара, неприятель подтянул резервы и перешел в контратаку. Малочисленные, утомленные весенними оборонительными боями, растянутые на широком фронте соединения Фастовской группы не выдержали натиска превосходящих сил и вынуждены были отойти в исходное положение.

14-я армия должна была 1 июня овладеть районом Винница — Жмеринка. Но наступление, начатое 26 мая, не получило развития, и части армии вели бои с сильно укрепившимся противником.

Все это привело к тому, что, когда Первая Конная, пройдя с боями около ста километров, достигла оборонительного рубежа польских войск, фланги ее оказались совершенно открытыми. Вынужденные оттягивать для обеспечения флангов крупные силы, мы ослабили ударную группу, а поэтому и не могли использовать тот частный успех, которого добивались наши передовые дивизии.

И все же прошедшие бои имели положительное значение и дали очень многое. Главное — нам удалось основательно прощупать оборону противника и установить ее наиболее уязвимое место — на участке Самгородок — Снежна. Здесь был стык между 13-й и 7-й пехотными дивизиями, которые после расформирования в эти дни 2-й польской армии оказались фланговыми: первая 6-й, а вторая — 3-й польских армий. На стыке этих дивизий и решено было прорвать вражеский фронт.

☆

6. ПРОРЫВ

1

2 июня в Тетиеве состоялось совещание руководящего командного и политического состава армии. Мы решили обменяться опытом первых боев и подумать о наиболее эффективных приемах борьбы против неприятельской пехоты.

Все командиры и комиссары дивизий, выступая, подчеркивали, что бойцы сражались мужественно, проявили большую волю к победе, а решительного успеха не добились. И объясняли это прочностью вражеской обороны, стойкостью и боевой выучкой белопольских войск.

— Мы пытались обходить укрепленные пункты неприятеля, стремясь нанести ему удары во фланг и тыл,— говорил С. К. Тимошенко. — Да как обойдешь, если у него сплошная оборона.

— Недостатки у нас есть, действовали иногда шаблонно, кидались в лобовые атаки, забывая, что противник здесь не тот, — как всегда откровенно, заявил начдив Ф. М. Морозов. — Надо отказаться от тактики, которую мы применяли на Дону и Северном Кавказе, а вести комбинированный бой в конном и пешем строю.

— Правильно! — поддержал Морозова А. Я. Пархоменко. — Там не было таких укреплений. Нужна новая тактика.

П. В. Бахтуров, А. В. Хрулев, П. К. Случевский, В. И. Берлов и другие политработники высказывались за разъяснение бойцам особенностей тактических способов борьбы с пехотой противника на собраниях комячеек. А К. И. Озолин добавил:

— Разъяснять конармейцам, как здесь следует воевать, конечно, нужно. Но первая обязанность коммунистов — показывать пример в бою, в цепи. Их место — впереди.

Начальник разведывательного отдела штаба армии И. С. Стройло отметил, что в частях еще неудовлетворительно поставлена служба разведки и охранения. Это позволяло противнику незаметно для нас обходить наши фланги и делать внезапные налеты ночью.

В заключение выступили мы с Ворошиловым. Наши указания, а также все ценные предложения, высказанные на совещании, легли в основу специального приказа по тактике действий в предстоящем наступлении.

Приказ требовал от командиров большой гибкости, инициативы и в то же время рекомендовал ряд оправдавших себя тактических приемов.

При наступлении на обороняющуюся пехоту, например, предлагалось с фронта сковывать ее огнем спешенных подразделений, а в обход флангов и в тыл бросать конницу. Атаковать в конном строю разрешалось лишь в том случае, если пехота захвачена врасплох и не успеет развернуться для боя или поспешно отходит.

В случае контратак противника рекомендовалось спешенным подразделениям демонстративно отступать, а главным силам скрытно в конном строю сосредоточиваться на флангах и в удобный момент внезапно атаковать. «Всякий бой, — подчеркивалось в приказе, — должен быть развит в неотступное преследование врага до полного его разгрома или пленения».

Особое внимание уделялось искусному применению пулеметов на тачанках и конной артиллерии. Приказ требовал широко маневрировать огнем. Конная артиллерия и пулеметные тачанки должны были, используя свою подвижность, в бою менять огневые позиции, чтобы создавать фланговый и перекрестный огонь. Действовать артиллерии надлежало не только в составе дивизионов, но и батарей, взводов и даже отдельными орудиями. Частям предлагалось усилить разведку, повысить бдительность сторожевого охранения.

Уже на следующий после совещания день полештарм разослал этот приказ во все соединения и в специальные части Конармии. Его тактические положения были изу-

чены в каждом подразделении и стали руководящими в последующих операциях.

Утром 3 июня поступила директива Юго-Западного фронта. Наша армия получила задачу прорвать польский фронт на линии Новофастов — Пустоваров и стремительным ударом захватить город Фастов. После этого, действуя по тылам противника, Конармия должна была разбить его киевскую группировку.

Изучив директиву, мы пришли к выводу, что наступление на Фастов явилось бы в лучшем случае ударом во фланг, а вовсе не в тыл 3-й польской армии. При этом Конармия не только не получала оперативного простора, а, напротив, сама могла стать объектом атаки войск противника непосредственно с полосы обороны.

Мы доложили командованию фронта свои доводы. Оно согласилось с нами и оставило для Конармии прежнее направление удара — на Казатин, Бердичев.

В разговоре по прямому проводу А. И. Егоров порекомендовал нам укрепить основной штаб Конармии и предложил на должность начальника штаба Л. Л. Клюева. У нас не было возражений против этого назначения. Мы хорошо знали Леонида Лавровича по царицынской обороне, когда он успешно руководил штабом 10-й армии. Клюев — полковник русского Генерального штаба — вступил в Красную Армию в 1918 году. Он отличался исключительным трудолюбием, скромностью и хорошо знал штабную работу. После гражданской войны Леонид Лаврович работал в Военно-химической академии, за крупные военно-научные труды был удостоен ученой степени доктора военных наук.

В тот же день Реввоенсовет армии издал приказ на прорыв неприятельского фронта.

Операция намечалась на утро 4 июня. Но выпавший вечером сильный дождь расквасил дороги. Возникло опасение, что войска не успеют выйти в исходные районы к назначенному времени, да и конский состав утомится так, что не в состоянии будет после прорыва неприятельского фронта сделать в тот же день двадцатипяти-, тридцатикилометровый бросок в оперативную глубину противника.

С разрешения командующего фронтом начало наступления перенесли на 5 июня.

По нашему замыслу главные силы армии сосредото-

чивались в мощный кулак на участке Самгородок — Озерна — Снежна шириной 10—12 километров. Оперативное построение войск предусматривалось в два эшелона. В первом эшелоне наступали 4-я, а за ее флангами, уступами назад, 14-я и 11-я кавалерийские дивизии, последняя без 3-й бригады. При этом правофланговой 14-й дивизии приказывалось наносить удар на Самгородок, 4-й, в центре,— на Озерну, левофланговой 11-й — на Снежну. Для развития успеха после прорыва от дивизий первого эшелона требовалось в первый день выйти на рубеж реки Растовица и нарушить железнодорожное сообщение противника между Казатином и Киевом.

Сложный маневр предстояло совершить назначенной во второй эшелон 6-й кавалерийской дивизии. В ночь на 5 июня она должна была сдать свой участок в районе Липовца и к утру сосредоточиться в селе Бурковцы. С началом наступления ей приказывалось двигаться на Снежну и быть готовой развить успех любой из дивизий. 6-й конартдив направлялся в район сосредоточения 4-й дивизии, где создавалась артиллерийская группа обеспечения прорыва.

3-я бригада 11-й дивизии, усиленная всеми нашими бронепоездами, сменяла 6-ю дивизию у Липовца. Ее задача — с рассветом 5 июня под прикрытием всех огневых средств демонстрировать наступление и этим отвлечь внимание противника от направления нашего главного удара. В дальнейшем бригаде предстояло, обеспечивая левый фланг ударной группы, оказать правофланговым частям 14-й армии помощь в овладении Гайсином.

В резерве оставался Особый кавалерийский полк, который к утру 5 июня сосредоточивался в населенном пункте Татариновка, куда переходил и полевой штаб армии.

Начальнику воздухофлота армии М. П. Строеву ставилась задача с рассветом 5 июня вести разведку, следить за движением колонн противника в районах городов Бердичев, Казатин, Белая Церковь, Липовец и наносить бомбовые удары.

Предстоящая операция, и особенно действия в оперативной глубине противника, требовали от соединений большей маневренности. Поэтому Реввоенсовет армии принял решение освободить дивизии от лишнего груза. Разрешалось брать только обозы первого разряда с бое-

припасами, продовольствием и санитарные перевязочные отряды.

Обозы второго разряда сводились в отдельную группу и направлялись на станцию Поташ. Здесь предусматривалось пополнить их патронами, снарядами, продовольствием, фуражом из армейских баз, а затем подтянуть к армии либо через образовавшийся прорыв, либо за Фастовской группой. Руководство этим поручалось С. К. Минину и С. Н. Орловскому.

2

С утра 4 июня армия начала перегруппировку. Погода стояла отвратительная. Прекратившийся было ночью дождь к утру пошел снова, и не было надежды, что он скоро кончится. Хмурые промокшие бойцы нехотя строились в колонны, покрикивали на лошадей и на чем свет стоит кляли распутицу.

И все-таки даже непогодь имела свои преимущества. Хоть и неприятно было долгие часы качаться в седле под потоками воды да месить грязь, зато гарантия — польская авиация не нападет. Думалось, и наземный противник в такую погоду был менее бдительным. Дождь обеспечивал нам скрытность передвижения.

Польское командование, озадаченное затишьем, предприняло разведку боем. В 12 часов крупные силы пехоты и конницы из района Сквиры перешли в наступление против 14-й дивизии. Они оттеснили наши правофланговые части и создали угрозу тылу Конармии. Чтобы ликвидировать опасность, пришлось ввести в бой всю 14-ю дивизию и одну бригаду 4-й. Только к вечеру удалось отбросить противника и продолжать начатую перегруппировку.

После обеда мы с К. Е. Ворошиловым выехали в 4-ю дивизию, чтобы утром следующего дня лично руководить операцией. Погода по-прежнему была пасмурной. Небо, обложенное сплошными мутно-серыми тучами, поливало землю мелким дождем.

Сопровождаемые эскадроном Реввоенсовета, мы ехали молча, кутаясь в плащи, придерживая лошадей на размытом проселке.

Ночевать решили в Татариновке, в пяти километрах от Рыбчинцев, куда к утру должны были прибыть на-

чальники дивизий для доклада о готовности к атаке и для получения последних указаний.

Татариновка встретила нас тишиной. Она казалась вымершей, не слышалось даже лая собак на околице. Остановились в доме, утопающем в зелени большого сада.

День подходил к концу. Быстро опустились сумерки. Дождь понемногу слабел, а к полуночи совсем прекратился.

Поужинав, стали укладываться спать. Ворошилов аккуратно свернул свою видавшую виды кожаную тужурку и положил на широкую лавку. Расстегнув воротник гимнастерки, он прилег и закрыл глаза. Я последовал его примеру.

Но заснуть в эту ночь не удалось. В комнате было душно, а на душе неспокойно. Казалось, все рассчитано, предусмотрены любые случайности. А получится ли, как задумано? Успеют ли дивизии к утру выйти в исходные районы? И не раскроет ли противник нашего замысла?

Ворошилов ворочался с боку на бок, а потом привстал и начал растирать большими пальцами рук свои тронутые сединой виски. Это было первым признаком, что у него разболелась голова. Как-то Климент Ефремович рассказывал мне, что головные боли стали донимать с тех пор, как в 1905 году во время одной из забастовок в Луганске жандармы избили его до потери сознания.

Понимая, как он мучается, я предложил выйти во двор, на воздух. Ворошилов согласился, и мы присели на мокром крыльце, всматриваясь в темноту, прислушиваясь к ночным звукам.

Прямо против нас, в дальнем углу двора, похрустывали овсом и позванивали удилами лошади. Справа от крыльца раскинулся густой сад, огороженный низким частоколом. Оттуда тянуло туманной сыростью и прохладой. Слева, под навесом, тихо переговаривалась разместившаяся на ночлег группа бойцов.

Откуда-то издалека прилетел гул артиллерийского выстрела, и как бы отзвуком его раскатилась длинная пулеметная очередь. На западе небосвод озарился багровыми вспышками ракет. И снова все тихо.

Мы сидели молча. Я думал о бойцах, которые в эту сырую, туманную ночь по раскисшим дорогам и просто

без дорог, по лощинам и через темные перелески двигались на новый рубеж, помогая лошадям тянуть по липкой грязи орудия, пулеметные тачанки, повозки. А с восходом солнца, не успев отдохнуть, они пойдут на штурм неприятельской обороны...

3

На рассвете прискакал Зотов, мокрый с головы до ног и страшно расстроенный.

— Что случилось, Степан Андреевич? — удивленный его видом, спросил я.

— Выкупаться пришлось, — сердито ответил Зотов, стряхивая с фуражки воду. — В тумане да в темноте свалился вместе с конем в грязную яму, будь она неладна.

Степан Андреевич доложил, что все соединения вышли в исходные районы. Противник, по всему видно, ничего не заметил.

Наскоро позавтракав, мы с К. Е. Ворошиловым выехали в Рыбчинцы. Отдохнувшие за ночь кони шли бодрой рысцой, гулко шлепая копытами по грязной дороге. Густой туман скрывал широкие лощины, серой пеленой окутывал перелески и разросшийся в низинах кустарник.

Первые километры проехали в сравнительной тишине, особо не ощущая близости фронта. Но вот с юга, со стороны Липовца, донесся гул артиллерийской канонады, и сразу же на некоторых участках обороны противника в небо взвились ракеты. Это 3-я бригада 11-й дивизии и бронепоезда начали демонстрацию наступления.

Через полчаса мы были на месте. У деревенской церкви уже ожидали Д. Д. Коротчаев, Ф. М. Морозов и А. Я. Пархоменко. Отсутствовал только С. К. Тимошенко. Его 6-я дивизия форсированным маршем двигалась из-под Липовца в Бурковцы.

— Ну как у вас дела? — спросил я начдивов.

— Все идет хорошо, — за всех ответил Коротчаев. — Туман нам на руку. Части занимают исходное положение. Вторая бригада спешилась и продвигается к восточной окраине Озерны. Третью направил в обход этой деревни. Первая бригада Литунова в резерве, здесь, на окраине Рыбчинцев. Дивизионная артиллерия и артдивизион шестой дивизии заняли огневые позиции. Правда,

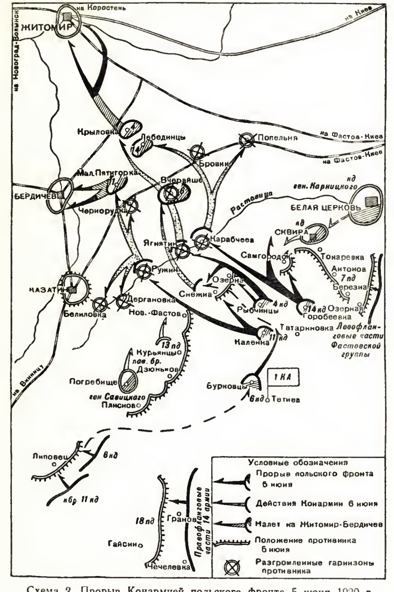

Схема 2. Прорыв Конармией польского фронта 5 июня 1920 г.

в грязи застряли броневики, которые должны сопровождать в атаке части второй бригады. Послал эскадрон вытаскивать их.

— Третья бригада осталась у Липовца, — доложил Ф. М. Морозов. — Остальные здесь. Первую спешил и двинул в обход Снежны с юго-запада, а вторую нацелил на северную окраину. Не могу использовать автоотряд имени Свердлова — машины буксуют.

— А твои где? — повернулся к Пархоменко Ворошилов.

— Головная вторая бригада выдвигается к юго-восточной окраине Самгородка. Главные силы идут туда же по большой дороге из Горобеевки. Противник проявляет беспокойство: местность освещает ракетами, периодически ведет огонь из Самгородка.

Потом мы вместе с начдивами поднялись на колокольню, надеясь рассмотреть положение дивизий и передний край обороны противника. Но увидеть ничего не удалось. Туман, словно дымовая завеса, закрывал все вокруг. Только когда стреляли вражеские батареи или в небе вспыхивали ракеты, на мгновение выступали смутные очертания высот.

Противник вел огонь вслепую. Мне вспомнилось, как два дня назад на допросе пленные показали, что польское командование если и ожидает наступления Конной армии, то только на липовецком направлении, где в последние дни активно действовали наша самая многочисленная 6-я кавдивизия и бронепоезда. А вообще среди неприятельских войск ходили слухи об отходе красной конницы к станции Поташ. Вероятно, противник заметил перемещение обозов второго разряда, и это ввело его в заблуждение.

Словом, все говорило за то, что наступление будет для него неожиданным. Конная армия, словно сжатая пружина, изготовилась для нанесения сокрушительного удара.

Посоветовавшись, мы с К. Е. Ворошиловым решили начинать атаку. Вместе с Д. Д. Коротчаевым и А. Я. Пархоменко отправились в 4-ю дивизию.

Миновав притихшую деревню, оказались на холме, вблизи артиллерийских позиций артгруппы. Туман начал редеть, и на широком ржаном поле стали видны полки 2-й бригады И. В. Тюленева. Совсем недавно

М. И. Калинин вручил им Почетные Красные знамена ВЦИК.

Спешенные эскадроны под покровом тумана без выстрелов приближались к восточной окраине Снежны. Вначале все шло тихо. Но потом послышались беспорядочные выстрелы. Очевидно, конармейцы натолкнулись на боевое охранение противника.

Из Рыбчинцев вышли три броневика 32-го автобронеотряда А. Ю. Войткевича. Набирая скорость, они устремились к эскадронам. Как только броневики поравнялись с передовыми цепями наступающих, бригада И. В. Тюленева с криком «ура» поднялась в атаку. Левее наступали полки 3-й бригады А. А. Чеботарева.

Казалось, никто и ничто не может остановить эту стремительно надвигавшуюся на врага лавину. Но противник не дрогнул. Из Озерны ударила артиллерия, тут же застрочили пулеметы, раздались винтовочные залпы. Прижатые ливнем свинца, наши цепи залегли, а затем стали откатываться назад, в рожь. Только броневики, лавируя между столбами вздымаемой разрывами земли, продолжали огневой бой, прикрывая отход.

Почти то же самое произошло и в 11-й дивизии. Бригада, атаковавшая юго-восточную окраину Снежны, смяла боевое охранение противника и устремилась к его окопам, но, встреченная в упор сильнейшим ружейно-пулеметным огнем, отскочила назад, залегла и завязала перестрелку. Попытка другой бригады ворваться в Снежну в конном строю также успеха не имела.

Итак, атака захлебнулась. Противник выдержал наш первый натиск. Орешек оказался более крепким, чем мы думали. И все-таки я ни на минуту не сомневался в окончательном успехе.

Решили очередную атаку подготовить огнем артдивизионов. Условились, что К. Е. Ворошилов останется здесь и будет руководить наступлением 4-й и 11-й дивизий, а я отправлюсь в 14-ю.

Вскочив на коней, мы с А. Я. Пархоменко поскакали на север. За нами следовали полуэскадрон ординарцев и связные.

Километрах в двух от Рыбчинцев, в лощине у небольшого ручья, заросшего мелким ивняком и осокой, заметили около сотни всадников. Это оказался эскадрон 2-й бригады дивизии Пархоменко, выдвинутый сюда еще

ночью. Промокшие и озябшие, с серыми, небритыми лицами, бойцы, съежившись, сидели на понуро опустивших головы лошадях.

— Откуда здесь лучше виден противник?

— А вот с той высотки, товарищ командарм, чуток левее ветряка, — показал рукой командир эскадрона.

Действительно, от ветряной мельницы была видна вся местность впереди. Осмотрев позиции неприятельской пехоты перед собой, я перевел бинокль левее, на лощину, полого спускавшуюся к ручью прямо против только что встреченного эскадрона 14-й дивизии. И вдруг среди кустов в туманной дымке заметил всадников на светло-серых лошадях. Они стояли неподвижно, словно изваяния, метрах в десяти друг от друга, растянувшись в цепочку на всю ширину лощины. «Стык между частями или опорными пунктами», — осенила меня мысль.

— Ручей здесь топкий? — повернулся я к командиру эскадрона.

— Нет.

На карте же это место значилось болотистым. Видимо, потому и не оборонялось противником, а только контролировалось.

— Александр Яковлевич, где же ваша дивизия? Давайте ее сюда быстрее, медлить нельзя ни минуты.

— Должна сейчас подойти, — ответил Пархоменко, прощупывая взглядом лесок восточнее Самгородка, из которого как раз начали выходить колонны конницы. — Да вот и она.

— Быстрее развертывайте! — крикнул я и, круто повернув коня, поскакал назад.

Меня подгоняло стремление ворваться в лощину и удержать ее до подхода 14-й дивизии. Желание использовать благоприятный момент было настолько велико, что я решил сам повести в атаку оставшийся внизу эскадрон и своих ординарцев.

— Эскадрон, шашки к бою! За мной, в атаку — марш, марш!

И вот мы перед польскими всадниками. Их немного. К тому же наше неожиданное появление ошеломило улан, и они нервно дергали поводья, стараясь повернуть лошадей и ускакать.

Одного из зазевавшихся я настиг и столкнул с седла. Решил взять живым и уточнить у него, не ошибочно ли

мое предположение о стыке. Мой конь проскочил вперед, а когда я остановил его, сзади раздался выстрел. Стрелял вышибленный из седла улан, но не попал. Тут же последовал еще выстрел, и снова мимо.

Подняв коня на дыбы, я бросил его на поляка и тупой стороной шашки выбил у него карабин. Обезоруженный улан присел, прикрыв голову руками и ожидая второго удара. Я попытался было допросить его, но от страха он совсем не мог говорить.

Подъехал мой адъютант Петр Зеленский.

— Передай пленного ординарцам, а сам быстрее гони к Литунову. Пусть ведет бригаду сюда.

Прошло несколько томительных минут. Было ясно, что мы нашли слабое место в обороне противника, и следовало как можно быстрее использовать это. А 14-й дивизии все не было.

Но вот наконец показались конники. Впереди вместе с комбригом Григорием Бондаревым скакал Пархоменко. Шла, значит, 2-я бригада. Перевалив через ручей, она покатилась на меня, сверкая сотнями клинков и оглашая лощину мощным «ура».

Я выехал навстречу и шашкой указал Пархоменко путь на север, в обход Самгородка. С востока уже атаковала 1-я бригада 14-й дивизии, которую вел комбриг Алексей Корниенко.

А от Рыбчинцев во весь опор мчалась резервная 1-я бригада 4-й дивизии. Я узнал ее по фигуре Литунова. Он скакал метрах в двадцати впереди полков, размахивая над головой клинком.

20-й полк бригады под командой донского казака Петра Чекунова недалеко от меня стремительно развернулся фронтом на юго-запад и, выравнявшись с 19-м полком Петра Стрепухова, понесся к окраине Озерны.

Бригада катилась так быстро, что я начал опасаться, как бы она с ходу не попала в полосу, обстреливаемую нашей артиллерией. Но, к счастью, взрывы стали перемещаться на окопы противника против левого фланга 4-й дивизии.

Участь Самгородка была решена. Пришла пора возвращаться в Рыбчинцы. Я направился к Коротчаеву, осматривая в бинокль поле боя. Здесь всюду кипели ожесточенные схватки. Спешенные бригады И. В. Тюленева и А. А. Чеботарева при поддержке двух броне-

автомобилей штурмовали позиции противника. Бойцы бросали на проволочное заграждение верхнюю одежду, доски, бревна, связанные из сучьев маты. Другие рубили колючую проволоку шашками, рвали ее прикладами, растаскивали руками. В ряде мест заграждения были уже преодолены, и в окопах шла ожесточенная борьба. Тут и там слышались взрывы гранат, беспорядочная стрельба.

Противник сопротивлялся упорно и умело, пуская в ход штыки, которых наши бойцы не имели. И все-таки выдержать натиск красноармейцев было уже невозможно. Если бы польские солдаты своевременно это поняли, многие из них сохранили бы жизнь. Но, охваченные яростью, они бешено отбивались, сражаясь даже в полном окружении без всякой надежды выстоять.

Полки 2-й бригады 4-й дивизии овладели польскими позициями и, круто завернув правый фланг, начали отбрасывать неприятеля на юг, под удар атаковавшей с юго-запада 3-й бригады. К тому времени и одна из частей 11-й дивизии, обойдя Снежну с запада, в конном строю устремилась в тыл противника. Кольцо вокруг Снежны и Озерны замыкалось. Прорыв медленно, но неотвратимо расширялся.

И тут в поле моего зрения попала группа польских всадников. Они выехали из леса в полутора километрах северо-западнее Озерны. Вначале я решил, что уланы принадлежат к какой-нибудь разбитой в бою польской части. Но сразу же понял, что ошибся. Вслед за первой группой из леса стала выходить и разворачиваться в боевой порядок крупная кавалерийская часть. Это, как мне после стало известно, была бригада генерала Савицкого.

Противник явно намеревался атаковать 4-ю дивизию во фланг. Чтобы предупредить Коротчаева, послал к нему Зеленского с двумя ординарцами.

Продолжая наблюдать за уланами, я вскоре увидел, как блеснули сотни клинков и бригада перешла на галоп. А почему же медлят наши? Успеют ли они перестроиться для контратаки?

Пока тревожные мысли проносились в голове, произошло то, чего я никак не ожидал. Из окопов, очищенных от противника, где не должно было остаться ни одной живой души, вдруг застрочил пулемет. Длинная

очередь резанула по неприятельской коннице. Упал один улан, другой, третий. Несколько лошадей поднялись на дыбы и рухнули на землю. Боевой порядок атакующих расстроился, часть улан повернула назад.

Замешательство поляков еще больше усилилось, когда от Озерны навстречу им выскочила бригада Литунова.

Но пулемет, неожиданно застрочивший, также неожиданно и умолк, хотя большая часть вражеской конницы оставалась еще в зоне досягаемости огня. «Что случилось?» — подумал я и, повернув коня, поспешил к пулеметчику. Мне захотелось увидеть его и выразить благодарность за инициативу и героизм.

Через несколько минут мы были у окопов. Кругом, куда достигал взгляд: в окопах, в воронках, на колючей проволоке, — иногда полузасыпанные землей, лежали трупы людей, валялись исковерканные винтовки и пулеметы, карабины и артиллерийские орудия.

Объехав разрушенный блиндаж, я оказался у пулемета и остановил коня. Рослый белокурый боец лежал без движения. На его теле, казалось, не было неповрежденного места. С перебитыми ногами, в изодранной одежде, он посиневшими руками намертво вцепился в рукоятки пулемета и так замер, уронив голову на скомканную фуражку.

Соскочив с коней, мы с ординарцами в скорбном молчании склонились над телом героя. Стоявший напротив меня молоденький боец молча слизывал языком набегавшие на обветренные губы крупные слезы.

К сожалению, документов у героя пулеметчика не оказалось и выяснить его имя не удалось. В кармане его обнаружили лишь небольшой кусочек ржаного черствого хлеба, завернутого в обрывок газеты «Красный кавалерист».

Я приказал похоронить его с воинскими почестями...

Вскоре встретился с К. Е. Ворошиловым. Не слезая с коней, мы по-братски обнялись и расцеловались, радуясь успеху армии.

Ветер разогнал жидкие облака. Выглянуло солнце и стало щедро поливать промокшую землю жаркими лучами. А впереди то справа, то слева вспыхивали и угасали крики «ура», изредка рвались снаряды, торопливо стучали пулеметы. А потом там, где только что

происходила схватка, появлялись санитарные линейки.

Наши войска, развивая наступление, двинулись в тыл киевской группировке противника. За Снежной виднелись колонны 4-й дивизии, уходившие на запад. К Самгородку тянулись обозы 14-й дивизии, наступавшей на Карапчеев.

Подъехал С. А. Зотов, доложил, что полештарм «на колесах» и готов двинуться за армией.

— Обозы первого разряда уже пошли за своими соединениями, — добавил он с несвойственной ему поспешностью.

— Где дивизия Тимошенко? — спросил я.

— На подходе к Озерне. Тыл армии обеспечен надежно, — ответил начальник полевого штаба и снова: — Ну так что, поедем?

— Нет, Степан Андреевич, подождем подхода шестой дивизии и двинемся впереди нее. А пока отдайте распоряжение начдивам, чтобы выделили команды для отправки в тыл раненых, для похорон убитых и сбора трофеев.

— Пленных много набирается. Как с ними поступим? — спросил Зотов.

— Тяжелораненых отправьте в тыл, в госпитали, а здоровых и легкораненых следует отпустить, — подсказал Ворошилов.

☆

7. В ТЫЛУ ВРАГА

1

Конная армия устремилась в тыл вражеских войск, захватывая по пути небольшие гарнизоны, обозы, технические и комендантские подразделения. Наше продвижение было настолько внезапным и ошеломляющим, что застигнутые врасплох польские солдаты и офицеры сдавались в плен без сопротивления.

К вечеру 5 июня соединения вышли в оперативную глубину обороны противника на 25 километров, к реке Растовица. 14-я дивизия заняла Карабчеев, 4-я — овладела Ягнятином, а 11-я — Ружином.

Реввоенсовет армии вместе с полевым штабом и Особым кавполком остановились на ночь в большом селе Молчановке.

До рассвета мы с К. Е. Ворошиловым и С. А. Зотовым изучали донесения дивизий и данные разведки.

Обстановка оказалась весьма сложной. Продвинувшись далеко на запад, Конармия оторвалась от соседей. Нам не ясно было положение 12-й, 14-й армий и Фастовской группы. В довершение всего прекратилась связь с фронтом и своим основным штабом.

Предшествовавший наступлению тяжелый двухдневный марш по непролазной грязи под непрерывным дождем и напряженный бой во время прорыва неприятельского фронта сильно измотали наши войска. Им требовался хотя бы небольшой отдых. Но мы не могли позволить себе этого. По сведениям, добытым нашей разведкой, неприятель вел перегруппировку войск в районе Липовца и Сквиры, а также спешно перебрасывал крупные силы в Казатин и Белую Церковь.

Значит, следовало стремительно идти в тылы белополякам, не давая им опомниться и организовать оборону на выгодных рубежах. Чтобы предотвратить фланговые удары вражеских бронепоездов и нарушить железнодорожное сообщение между Киевом и Казатином, 14-я кавдивизия получила задачу взорвать пути на станции Попельня, а 11-я — на станции Чернорудка.

И вот с утра 6 июня армия устремилась вперед, чтобы овладеть районом Нехворощ — Пятигорка — Вчерайше. Уже к полудню 2-я бригада 14-й дивизии, разгромив до двух рот противника, ворвалась на станцию Попельня. Находившийся там неприятельский бронепоезд «Генерал Довбор-Мусницкий» успел уйти в сторону Казатина. По пути он на всех парах влетел на станцию Бровки, тоже занятую 14-й дивизией. Сильным огнем выбил наши подразделения и, зацепив стоявший в Бровках эшелон, тронулся дальше. Однако ускользнуть ему не удалось. 4-я кавалерийская дивизия к тому времени овладела Вчерайше и разобрала железнодорожный путь. Бронепоезд налетел на поврежденный участок. После короткого боя команда его — 4 офицера и 100 солдат — сдалась. В качестве трофеев конармейцам достались 4 орудия, 16 пулеметов, 30 вагонов с мукой, сахаром, боеприпасами.

Успешно развивались события и на нашем левом фланге. 11-я дивизия, выбив небольшие силы противника из сел Белиловка и Дергановка, к полудню вышла к железной дороге Фастов — Казатин и, взорвав ее, продолжала наступать.

В этот день пришлось принять бой и 6-й дивизии, двигавшейся во втором эшелоне. В районах Чехова и Снежны она разгромила пехотный батальон поляков, который пытался закрыть брешь в своей обороне.

Вечером в полевом штабе во Вчерайше допросили пленных. Выяснились любопытные подробности. Оказывается, польское командование, полагая, что после прорыва мы на некоторое время задержимся, создало две ударные группировки — в Липовце и Сквире. В их задачу входило стиснуть Конармию с флангов и разгромить.

Утром 6 июня сквирская группа, в которую входили части 7-й пехотной и кавалерийской дивизий генерала Карницкого, начала наступление на Самгородок. Одновременно липовецкая, состоявшая из частей 13-й пехот-

ной дивизии и кавбригады генерала Савицкого, повела атаку через Погребище на Озерну и Снежну. Но и тот и другой удары пришлись по пустому месту. Не удалось неприятельскому командованию задержать Конармию. «Как вода смыкается, покрывая уходящий на дно камень, — писал после Клеберг, — так и польский фронт восстанавливается в тылу красной конницы. Но Буденный мало об этом заботится. Он достиг своей первоначальной цели; он в тылу польских позиций и в настоящее время не видит перед собой ни одной части противника, способной его остановить. Он тщательно избегает всякой задержки, уклоняется от всякого боя, стремясь прямо к своей основной цели: с одной стороны — к Житомиру, главной квартире командующего Украинской группой армий, с другой — к польским войскам, прикрывающим район Киева»[1].

Довольно ценные показания дали пленные с бронепоезда «Генерал Довбор-Мусницкий». Они сообщили, что город Казатин основательно укреплен и обороняется крупными силами. В его гарнизон входят и части, переброшенные из состава 6-й польской армии.

Один из офицеров несколько дней назад побывал в Житомире, где стоял штаб украинского фронта поляков. Он показал, что туда приехал маршал Пилсудский, взявший в свои руки руководство всеми войсками на Украине.

Большинство сообщений пленных подтвердили местные жители. Один рассказал, что наблюдал, как в сторону Казатина двигались эшелоны с войсками. Другой видел на улицах Казатина много пехоты, артиллерии и танков.

Очень важными для нас были данные о том, что в полосе нашего наступления польское командование стремится создать голодную зону, подчистую забирая у крестьян продовольствие и фуражное зерно.

— Денег за продукты и фураж не платят, говорят, что рассчитается Петлюра, — рассказывали местные жители.

Изучив данные разведки и сопоставив их с показаниями пленных и рассказами местных жителей, мы уяс-

[1] Клеберг. Прорыв Буденным польского фронта в июне 1920 г., стр. 30.

нили обстановку. Но по-прежнему неизвестно было положение соседних армий, отсутствовала связь с Реввоенсоветом Юго-Западного фронта. Поэтому нам самим предстояло определить направление дальнейших действий.

Имелось два возможных варианта: двинуться на Казатинский железнодорожный узел, овладение которым намечалось директивой фронта от 23 мая, или ударить в направлении Бердичева и Житомира. После обсуждения мы отказались от первого плана по тем соображениям, что сильно укрепленный, приспособленный к круговой обороне Казатин мог втянуть Конармию в затяжные бои и в конечном счете сорвать наш удар в тыл 3-й польской армии.

Наиболее целесообразным нам представлялось овладение Бердичевом и Житомиром. С выходом армии в эти районы польский фронт на Украине разрезался на две части. Появлялась возможность разгромить крупные неприятельские штабы, прервать связь между двумя оперативными группами противника, перехватить его важные коммуникации и оказать на вражеские войска наибольшее моральное воздействие.

Последний вариант и лег в основу нашего приказа. 4-я кавалерийская дивизия получила задачу выступить в направлении Котельня, Левков и после пятидесятикилометрового марша внезапным налетом овладеть станцией и городом Житомир, а 11-й дивизии предстояло тоже внезапным ударом захватить Бердичев.

Бригады А. Я. Пархоменко должны были остаться в районе Лебединцы — Павелки — Миньковцы, чтобы обеспечить 4-ю дивизию от возможных ударов противника со стороны Фастова. На соединение С. К. Тимошенко возлагалась задача выдвинуться в район Городковка — Кашперовка и прикрыть 11-ю кавдивизию и тыл армии с юго-востока.

Войска, направляемые в Житомир и Бердичев, получили указание привести в негодность всю техническую связь между Житомиром — Киевом; Житомиром — Новоград-Волынским — Бердичевом. В случае захвата складов, оружие и боеприпасы русского образца предписывалось забирать, а иностранное — уничтожать. Пленных штабных офицеров мы распорядились присылать в полевой штаб армии, а остальных после операции отпустить.

Специальным распоряжением командирам 4-й и 11-й дивизий было строжайше приказано принять все меры к охране городов, населения и имущества. «...Сами же города и мирное население, — указывалось в нем, — ни в коем случае не должны быть подвергнуты каким бы то ни было насилиям. Гражданское население, его имущество и порядок в городах должны быть охранены красными войсками, за что отвечают комсостав и военкомы, ибо этого требует честь Красной Армии и достоинство Советской республики» [1].

2

С рассветом 7 июня наши войска приступили к выполнению поставленных им задач, а полевой штаб переместился в село Нехворощ.

Надо сказать, все мы в полештарме очень волновались. Как-то пройдет марш 4-й дивизии? Выдержит ли она, не нарвется ли в пути на крупные силы противника? А 11-я? Сумеет ли она выйти к Бердичеву незаметно для противника? И будет ли удар достаточно мощным, ведь в ее составе только две бригады, притом испытывающие недостаток боеприпасов? Понятно поэтому нетерпение, с которым мы ожидали донесений начдивов.

Сведения, и совсем не обнадеживающие, поступили только от Ф. М. Морозова. Он сообщил, что взять Бердичев с ходу не удалось. На подступах к городу дивизию встретила пехота противника. Завязался тяжелый бой.

Наступила ночь, а больше донесений ни от Морозова, ни от Коротчаева не было. Мы с Ворошиловым вышли из помещения полештарма и спустились к реке. Выбрав удобное место, присели на шелковистую траву, с наслаждением отдаваясь минутам отдыха, которого в последние дни были лишены.

Погода стояла теплая. Легкий ветерок доносил аромат луговых трав. В чистой глади воды, как в зеркале, отражались луна и безбрежный, усыпанный звездами небосвод.

— Совсем как у Пушкина, — нарушил молчание Ворошилов. — Помните: «Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут».

Ответить я не успел. Неожиданно донесся гул, похо-

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 3, д. 6, л. 6.

жий на отдаленный раскат грома. Мы замерли, понимая, что это звуки артиллерийской канонады. Они то затихали, то возобновлялись с новой силой.

Напрягая слух, я старался определить, где это может происходить. Но, как назло, заквакали лягушки. Я обругал их и вскочил на ноги. А Ворошилов расхохотался. Поднявшись с земли, он дернул меня за руку и молча указал на запад, где медленно разгоралось зарево огромного пожара.

— Климент Ефремович, скорее бежим в штаб, — предложил я. — Это в районе четвертой дивизии.

На пороге хаты, занимаемой полештармом, повстречался возбужденный Зотов:

— Хотел разыскивать вас. Получены приятные новости. Четвертая заняла Житомир. И Морозов доносит, что скоро возьмет Бердичев. Кроме того, получена радиограмма фронта с оперативной сводкой.

Мы набросились на документы, читали и перечитывали их. Донесение Коротчаева было предельно лаконично: «В 18 часов после боя у Левкова дивизия заняла Житомир. Жители встречали цветами...». Морозов на помятом листке полевой книжки писал: «Веду бой. Противник отчаянно сопротивляется. Бердичев возьму».

Обрадовала нас и радиограмма. Войска Юго-Западного фронта повсеместно наступали, хотя им и не удалось полностью выполнить ближайшие задачи. 25-я стрелковая дивизия 12-й армии заняла Горностайполь и Пиляву в 60 километрах севернее Киева. Соединения армии переправлялись через Днепр у Окунинова. 7-я и 58-я стрелковые дивизии уже вышли на рубеж Дымерка — Требухов — Борисполь — Воронков. Фастовская группа с помощью Днепровской флотилии и десантного отряда моряков овладела Ржищевом. Ее стрелковые дивизии выдвинулись к укрепленному пункту Кожанки восточнее Белой Церкви. Правый фланг 14-й армии вышел в окрестности Гайсина.

Морозов сдержал свое слово. В 2 часа от него поступило донесение о занятии Бердичева.

Утром стали известны подробности о боях за Бердичев и Житомир.

4-я дивизия почти весь путь прошла рысью, задерживаясь лишь на короткое время в крупных населенных пунктах, чтобы напоить лошадей. Появление в глубоком

тылу польского фронта наших конников было настолько неожиданным, что встречающиеся обозы и отдельные группы противника сдавались без сопротивления.

В местечке Левков, на подступах к Житомиру, конармейцы разбили неприятельский отряд численностью до 200 человек и, преследуя отходившего противника, устремились к городу. Гарнизон Житомира — до 300 человек — пытался оказать сопротивление, но после короткого боя часть его была пленена, а часть бежала в Новоград-Волынский. К сожалению, Коротчаев не догадался заранее выслать подразделение для перехвата Новоград-Волынского шоссе. А в результате польские штабы смогли убежать.

За городом наши части настигли и освободили колонну пленных красноармейцев численностью до 5000 человек. Польские офицеры пытались увести их, но не успели — настолько стремителен был рейд дивизии. Получили свободу и около 2000 заключенных городской тюрьмы, главным образом бывших политработников и красноармейцев.

В Житомире наши бойцы вывели из строя все средства технической связи с Бердичевом, Киевом, Новоград-Волынским, разрушили железнодорожный мост, пути и стрелки на станции, взорвали артиллерийские склады, оставленные на путях 10 вагонов со снарядами и орудиями английского образца, 2 вагона с пулеметами. Весьма кстати оказались захваченный эшелон с лошадьми и продовольственные склады.

Оставив небольшой отряд для комендантской службы, дивизия покинула город и сосредоточилась в районе Левков — Калиновка — Вацков.

Что касается Бердичева, то овладеть им оказалось сложнее. В 16 часов обе бригады 11-й дивизии атаковали город с трех сторон. А ворваться в него удалось только в 23 часа. После упорного уличного боя противник отошел на южную окраину, к Лысой горе. Драться за эту сильно укрепленную позицию не имело смысла, так как основной цели дивизия достигла.

Разрушив проводную связь с Казатином, Житомиром и Шепетовкой, взорвав артсклады с запасом до миллиона снарядов и выведя из строя железнодорожные пути, дивизия вышла из города и к утру сосредоточилась в районе Журбинцы — Скаковка — Хмелище.

На следующий день соединения отдыхали, приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами, продовольствием и фуражом, ковали лошадей. Но не все. Для 6-й кавалерийской 8 июня было весьма горячим.

Около полудня две бригады улан генерала Карницкого атаковали 2-ю бригаду И. Р. Апанасенко в Кашперовке. Застать конармейцев врасплох неприятелю не удалось. Стремительной контратакой части Апанасенко опрокинули врага и преследовали его до села Глуховцы. Здесь, уйдя под прикрытие своих бронепоездов, польская кавалерия привела себя в порядок, а потом снова перешла в наступление. Повторная атака закончилась полным поражением противника. При поддержке соседей 2-я бригада сбила его и преследовала остатки до Казатина.

Итак, первый этап операции успешно завершен. 8 июня Реввоенсовет Конармии отдал приказ, в котором объявил благодарность бойцам, командирам и комиссарам за проявленное в боях мужество.

Командующему фронтом мы послали радиодонесение о прорыве обороны противника и овладении районом Житомир — Бердичев. Получив его, Реввоенсовет Юго-Западного фронта 9 июня известил по радио советский народ о первой победе над войсками белополяков. «Всем... Всем... Всем... — радировал Кременчуг. — Доблестные части Конной армии Юго-Западного фронта прорвали фронт противника в районе Сквира. В кровопролитных боях, изрубив лучшие части генерала Галлера, стремительным ударом в 11 часов 8 июня части Конармии захватили г. Житомир.

Польскими войсками командует лично маршал Пилсудский. Преследование противника продолжается...»[1]

3

С выходом в район Житомир — Бердичев Первая Конная армия разрезала польский фронт на глубину 120—140 километров, нарушила важнейшие линии связи и железнодорожное сообщение неприятеля. Возникли благоприятные условия для удара в тыл его киевской группы.

---

[1] «Коммунист», 10 июня 1920 г., № 128.

Коренное изменение обстановки в связи с появлением в тылу вражеских войск высокоманевренной Конной армии, готовой нанести удар в любом направлении, вынуждало поляков оставить Киев и отходить. Благодаря этому Фастовская группа, 12-я и 14-я армии получили широкую возможность для развития наступления.

Характерно, что прорыв Конармии изменил положение не только на Юго-Западном фронте. По оценке французского маршала Фоша, действия Конармии к югу от устья Припяти привели к тому, что польский фронт затрещал на всем своем протяжении.

С этим согласен и Клеберг. Он свидетельствует, что Конармия подготовила общее наступление советских войск на север от Припяти «не только отвлечением на себя сил и внимания противника, но и полным принятием на себя инициативы». «Если польское высшее командование, — говорит он, — почти в течение двух месяцев оказалось лишенным возможности управлять отступлением своих войск; если только в середине августа к моменту сражения под Варшавой оно прочно наложило руку на свои части и внесло порядок в их расстроенные ряды, то причину столь тяжелого положения следует искать в действиях Конной армии» [1].

Но, пожалуй, самую яркую картину морального воздействия Конармии на польское буржуазное государство нарисовал сам маршал Пилсудский. «Сильнее всего, однако, — писал он, — сказывались эти события не на самом фронте, а вне его, на тылах. Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов; в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс...

Новое оружие борьбы, каким оказалась для наших не подготовленных к этому войск конница Буденного, становилось какой-то легендарной, непобедимой силой» [2].

Пилсудский, считавший крупные конные массы, и в частности Конармию, «стратегической нелепостью», а в

---

[1] Клеберг. Прорыв Буденным польского фронта в июне 1920 г., стр. 31—32.

[2] Ю. Пилсудский. 1920-й год. М., Изд-во «Военный вестник», М., 1926, стр. 49—50.

тактическом отношении «не стоящим внимания родом войск», убедился в своей ошибке. Он, очевидно, понял, что конница с ее подвижностью и маневренностью способна побеждать не только равные, но и превосходящие силы пехоты.

Июньский прорыв являлся выдающимся достижением молодого советского военного искусства. Впервые в истории войн машинного периода конница самостоятельно преодолела подготовленную оборону и развила успех в оперативную глубину.

Польская армия была в полном смысле регулярной, по тому времени отлично вооруженной и хорошо подготовленной. Большинство ее генералов, офицеров и солдат служили раньше в русской, австрийской или германской армиях и имели богатый боевой опыт первой мировой войны. Обучена и построена польская армия была на принципах французской военной школы, считавшейся тогда одной из лучших буржуазных военных школ.

Тем значительнее выглядит преимущество молодого советского военного искусства, взявшего верх над буржуазным, тем почетнее победа молодых красных войск.

☆

8. ОТСТУПЛЕНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ

1

Ничто уже не мешало нам повернуть на восток и во взаимодействии с 12-й армией и Фастовской группой окружить и разгромить 3-ю неприятельскую армию. Первая Конная произвела необходимую перегруппировку и сосредоточилась восточнее Житомира, в районе Лебединцы — Попельня — Вчерайше, перехватив шоссе Киев — Житомир, а также железные дороги Киев — Житомир, Киев — Казатин.

К тому времени наша армейская наземная и воздушная разведка установила, что в Новоград-Волынский и Коростень противник стягивал крупные силы. В частности, сюда перебрасывались войска из Жмеринки, с фронта 6-й польской армии. В районе Казатина были обнаружены три пехотных полка и кавалерийская дивизия генерала Карницкого. Позже мы узнали, что в их задачу входило неотступно следовать за Конармией и всемерно противодействовать ей.

Сведения, полученные от пленных и местных жителей, были весьма противоречивы. Железнодорожные рабочие, например, сообщали, будто польское командование собирается эвакуировать столицу Украины. А крестьяне, бежавшие из Фастова и Василькова, утверждали, что Петлюра в приказах по войскам и в обращениях к населению пишет о прочном положении Киева. Также и пленные — одни показывали, что маршал Пилсудский приказал 6-й и 3-й армиям уничтожить прорвавшуюся в тыл красную конницу, другие заявляли, что

Конная армия разгромлена, а Буденный застрелился, о чем было объявлено войскам.

Одно вырисовывалось точно: польское командование, обеспокоенное хозяйничаньем в его тылу красной конницы, спешно перегруппировывало силы, стремясь укрепить важные оперативные направления и ликвидировать все возраставшую панику.

Чтобы получить информацию об изменении положения в районе Киева за минувшие сутки и уточнить наиболее целесообразное направление удара Конной армии, мы попытались связаться со штабом фронта. Но сделать это не удалось. Телеграфные линии либо были повреждены, либо перехвачены противником, а позывные нашей радиостанции почему-то не принимались ни Кременчугом, ни Елисаветградом.

И тогда Реввоенсовет армии принял решение двинуть армию на Фастов, как и требовала последняя директива фронта. Овладение этим городом окончательно бы изолировало друг от друга 3-ю и 6-ю польские армии и содействовало наступлению нашей Фастовской группы. А получив тактическую связь с ней, нам было легче наносить удар по киевской группировке противника.

В ночь на 9 июня был отдан приказ. 14-я дивизия получила задачу овладеть Фастовом и оседлать дорогу на Брусилов. В направлении Брусилова выдвигалась 4-я кавалерийская, которой предстояло занять Ходорков. 6-й следовало выйти в район Козловка — Соколка, а 11-й — занять Войтовцы — Городище.

Мы стремились лишить 3-ю польскую армию возможности планомерно отходить и эвакуировать материальную часть. Поэтому к железной дороге Киев — Коростень направлялся отряд из Особого кавполка под командой состоявшего для поручений при Реввоенсовете Конармии А. М. Осадчего. Александр Маркович, бывший офицер, в свое время командовал 41-й советской стрелковой дивизией и зарекомендовал себя честным боевым командиром. За мужество, проявленное в те дни, его наградили орденом Красного Знамени.

Мы поручили Осадчему взорвать железнодорожный мост и нарушить телеграфную связь между Киевом и Коростенем.

Такой же отряд выделялся из 4-й кавдивизии. Ему предстояло разрушить мост через реку на шоссе Киев—

Житомир и оседлать шоссе. О всех передвижениях противника по шоссе он должен был доносить в полештарм.

И вот ясным солнечным утром 9 июня дивизии выступили. Вслед за ними вместе с Особым кавалерийским полком выехал Реввоенсовет Конармии.

Уже вскоре над колоннами появился польский аэроплан. Сделав несколько кругов, он удалился в сторону Киева. А через некоторое время оттуда прилетела группа аэропланов и принялась бомбить и обстреливать наши части. Конармия впервые подвергалась такой атаке с воздуха.

Беспорядочно рассыпавшиеся по полю конармейцы не оказали организованного огневого отпора воздушному противнику, и тот безнаказанно носился над их головами. Убитых было мало, а раненых я заметил во многих бригадах.

Сразу же после этого Реввоенсовет армии потребовал, чтобы впредь при нападении воздушного противника полки не рассыпались, а расчленялись поэскадронно или повзводно и, продолжая движение в колоннах, отражали атаки с воздуха огнем дежурных пулеметов и специально назначенных взводов и отделений. Потом такой порядок борьбы с неприятельской авиацией применялся нами до конца гражданской войны.

В течение всего дня наземного противника мы не встретили. К вечеру сосредоточились в районе Корнин — Ходорков — Войтовцы. Реввоенсовет и полевой штаб расположились в Котлярке.

Разведка донесла, что польские войска на Казатин и Бердичев пока не отходят. И все-таки, чтобы быть абсолютно убежденным в этом, требовалось как можно быстрее взять Фастов и связаться со штабом И. Э. Якира. Поэтому, несмотря на утомленность лошадей, мы распорядились с рассветом продолжать выполнение задач.

Уже в первой половине следующего дня 6-я и 14-я дивизии встретились с войсками Фастовской группы. Оказалось, что накануне вечером 45-я стрелковая дивизия заняла город Фастов, а кавбригада Г. И. Котовского — село Романовку. Причем на всем пути от Белой Церкви до Фастова группа И. Э. Якира не встречала противника. Его не было также в Дедовщине и Брусилове, куда вышли передовые части 14-й и 4-й кавалерийских дивизий.

Положение юго-западнее Киева окончательно прояснилось. Правофланговые соединения 3-й польской армии отошли не на Казатин, а к Киеву. Наиболее вероятным путем дальнейшего отхода противника оставались направления на Коростень или же на запад, к Житомиру. А значит, нам следовало со всей решительностью наступать в северо-восточном направлении к Бородянке, чтобы соединиться с 12-й армией и замкнуть кольцо вокруг киевской группировки интервентов.

Только мы с Ворошиловым приняли такое решение и взялись за разработку задач дивизиям, как возобновилась радиосвязь с фронтом, и оттуда поступила директива от 10 июня. В ней говорилось, что противник, сбитый с левого берега Днепра в Киевском районе, отошел на правобережье и взорвал мосты. Ставя целью в кратчайший срок окружить 3-ю польскую армию, командование фронта приказывало командарму 12-й развить стремительное наступление и не позднее 11 июня захватить район Радомысль[1] — Макаров, то есть перерезать железную дорогу Киев — Коростень.

Группа фастовского направления И. Э. Якира получила задачу овладеть районом Брусилов — Ходорков, который уже заняли наши 4-я и 14-я кавалерийские дивизии.

Нам директива предписывала, «действуя по обстановке перед фронтом и во всяком случае не прекращая преследования противника, безотлагательно обеспечить свой тыл на участке Радомысль — Ходорков на случай возможного прорыва главной массы киевской группы противника вдоль Житомирского шоссе, обязательно разрушить Коростеньский железнодорожный узел и войти в связь с частями 12-й армии и группы фастовского направления»[2].

Вслед за директивой наша радиостанция приняла оперативную сводку фронта на 10 июня. Из нее мы узнали, что 3-я польская армия по-прежнему группировалась на правом берегу Днепра в Киевском районе. Наша 12-я армия вышла к северо-западу от Киева на линию Рудня — Феневичи и только частично охватила левый фланг противника. А главные силы группы Якира находились в Фастове и Романовке.

[1] Ныне Радомышль.
[2] ЦГАСА, ф. 198, оп. 4, д. 717, л. 13.

Таким образом, разрыв между флангами 12-й армии и Фастовской группы превышал 100 километров. Даже в случае успешных действий 11 июня своими силами ликвидировать его они не могли. Разрыв мог сократиться, но составлял бы еще по крайней мере 40 километров. Эти сорокакилометровые ворота, по нашему мнению, следовало захлопнуть массе красной конницы.

Между тем командование фронта ставило Конной армии расплывчатую задачу: действовать перед фронтом, преследовать неизвестно какого противника, а часть сил отвлечь даже к Коростеню.

Уверенные в том, что только наше наступление на северо-восток в разрыв между 12-й армией и Фастовской группой могло обеспечить надежное тактическое окружение киевской группировки белополяков, мы послали командующему фронтом радиограмму. В ней просили разрешения нанести удар в направлении Брусилов — Бородянка, навстречу 12-й армии.

Ответ был отрицательным. «Фастов, — радировал РВС фронта, — нами занят 9 июня. 11 июня группа фастовского направления должна занять район Брусилов—Ходорков. Радомысль, Макаров 12-я армия займет 11 июня. Ваша помощь на восток отпадает (выделено мною. — *С. Б.*). Безотлагательно поверните на запад и займите район Житомир — Казатин. Если понадобится, подчините себе 45-ю дивизию. Выполнение донести экстренно по радио»[1].

Меня это решение фронта расстроило. Наше движение к Житомиру и Казатину открывало 3-й польской армии путь на северо-запад. Но что поделать?! Мы отдали своим войскам приказ овладеть Житомиром.

2

К вечеру 11 июня 14-я кавалерийская дивизия достигла района Коростышев — Стрижовка — Харитоновка и перехватила шоссе Житомир — Киев. В десяти километрах западнее Коростышева, у деревни Царевка, разведывательный отряд дивизии был остановлен сильным пулеметным огнем. Атака деревни с ходу успеха не имела, и разведчики отошли к главным силам.

[1] ЦГАСА, ф. 197, оп. 4, д. 140, лл. 6—7.

4-я дивизия в течение всего пути сопротивления не встречала. На ночлег остановилась в районе Котельня—Иванков — Волосов, перерезав железную дорогу Киев — Фастов — Житомир.

По-иному сложились дела у 11-й и 6-й кавалерийских дивизий. Им пришлось с боем занимать районы, оставленные нами двое суток назад.

Передовые части Ф. М. Морозова в полдень столкнулись с двумя кавалерийскими полками и одним пехотным батальоном противника в Андрушевке и Червоном. После трехчасового боя польская пехота была разгромлена, а кавалерия отброшена к Бердичеву. На ночь дивизия расположилась в Червоном. Андрушевку занял полештарм.

6-я кавалерийская в районе Городковки нанесла поражение кавалерийской бригаде из дивизии Карницкого. Заняв Нехворощ и Городковку, части С. К. Тимошенко перехватили железную дорогу Киев — Казатин. Теперь пути отхода противнику на Житомир, Бердичев и Казатин оказались закрытыми.

Хотя бои 11-й дивизии были успешными, а потери незначительными, прибывший в полештарм Озолин выглядел туча-тучей.

— Константин Иванович, что случилось? — спросил Ворошилов. — Почему такой мрачный?

Тот тяжело вздохнул:

— Большое горе свалилось, Климент Ефремович. Только что от ран умер Трегубов... — И, помолчав, добавил: — Умирал в полном сознании. Перед смертью сказал: «Жизни своей не жалко, потому что отдаю ее за святое дело, за свободу и счастье пролетариата. Но хочу, чтобы глаза мне закрыл большевик. Так что ты уж не уходи, Константин».

Состояние Озолина легко было понять. Комиссар 2-й бригады Иосиф Яковлевич Трегубов был его близким другом. Сын крестьянина-бедняка Оренбургской губернии, он с первых дней Октябрьской революции встал в ряды борцов за новую жизнь. В 1918 году вступил в РКП(б), сражался с бандами Колчака и Деникина, несколько раз был ранен. В его лице Конная армия понесла большую утрату...

Вечером получили донесение начальника отряда А. М. Осадчего. Он сообщил, что отряд достиг железной

дороги Киев — Коростень, внезапно ворвался на станцию Тетерев. Там, обезоружив 6-й этапный батальон противника, взорвал железнодорожный мост и пустил под откос два воинских эшелона.

Ночь провели беспокойно. Связь с фронтом снова прервалась. Радиостанция полештарма, несмотря на все старание радистов, на прием не работала. Попытки связаться телеграфом с Фастовом, где расположился штаб 45-й стрелковой дивизии, тоже оказались безуспешными. А именно сейчас связь особенно была нужна. Помимо того, что нас интересовала фронтовая обстановка, серьезной проблемой стало также материальное обеспечение. Из дивизий сообщали, что зернофураж кончился, а на подножном корму лошади слабеют. На исходе было продовольствие, мало оставалось боеприпасов. Все это имелось в наших обозах второго разряда, но они находились за линией фронта, и теперь Конармия удалялась от них в голодную, опустошенную войной местность.

Пришлось отправить нарочного к С. К. Минину и Н. К. Щелокову с распоряжением позаботиться о немедленном продвижении обозов. Мы писали, чтобы они направили нам хотя бы минимальное количество грузов — по 1000 снарядов, 500 000 патронов, 100 пудов бензина, 50 пудов взрывчатки и 1000 пудов ячменя на дивизию. Сопровождать обозы должна была 3-я бригада Ф. М. Морозова, та, которая в период прорыва польского фронта была оставлена на правом фланге 14-й армии.

С рассветом 12 июня дивизии продолжали движение на запад. Уже к 16 часам все соединения выполнили свои задачи, причем без больших боев. 6-я и 11-я кавдивизии вышли на рубеж Троянов — Бердичев и захватили переправы на реке Гнилопять. 14-я дивизия контролировала Житомирское шоссе и район Радомысля. Только полуторатысячный житомирский гарнизон пытался оказать сопротивление 4-й дивизии, но понес потери и отошел к Новоград-Волынскому.

В 18 часов мы с Особым кавполком прибыли в Житомир. К католической консистории, в которой разместился полештарм, собрались горожане. Они горячо приветствовали конармейцев и предлагали свои дома и пищу.

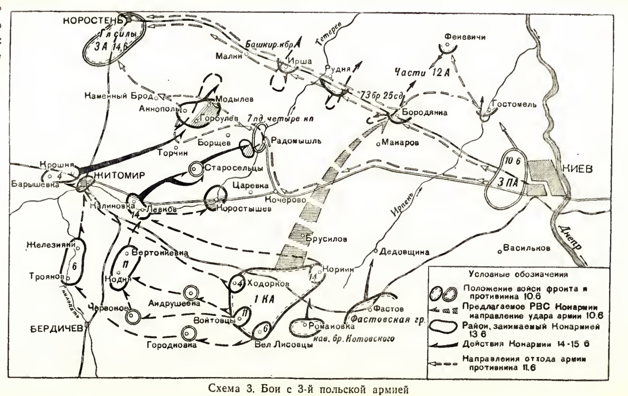

Схема 3. Бои с 3-й польской армией

Нас с Ворошиловым обступили женщины. Со слезами на глазах поведали они о погромах, чинившихся интервентами в городе. В последние два дня перед оставлением Житомира озверевшие шляхтичи врывались в квартиры, забирали все ценное, арестовывали жителей, и особенно евреев. На Сенной площади задержанных мучили, затем расстреливали или рубили шашками. Зверски расправились белополяки с населением трехэтажного дома № 12 по Б. Бердичевской улице. Закрыв все выходы из дома, они облили его керосином и подожгли. Жители, за исключением выбросившихся из окон, сгорели живыми.

Мы постарались, как могли, утешить и успокоить женщин. Тут же распорядились оказать помощь пострадавшим гражданам. Для расследования зверств белополяков решили создать комиссию.

3

Наступило 13 июня. Уже третий день мы не имели связи с фронтом, нашим основным штабом и с Фастовской группой. Радиостанция по-прежнему не работала, телеграф тоже. Два дня назад мы послали в штаб фронта имевшийся в нашем распоряжении аэроплан, но о судьбе его пока ничего не известно. Не поступало донесений и от эскадрона, направленного к Фастову.

Армия сутки назад выполнила свою задачу. А решение на дальнейшие действия мы принять не могли, не зная обстановки в районе Киева и Фастова. Приходилось ожидать восстановления связи или возвращения аэроплана.

Весточка с фронта пришла самым неожиданным путем. Я сидел в здании полештарма, когда с улицы вдруг донесся приближающийся рокот моторов. И вот уже у нашего подъезда остановились два запыленных автомобиля и три мотоцикла с красноармейцами. А через минуту в комнату вошел усталый, давно не бритый, в изрядно помятом френче начальник разведотдела штаба армии И. С. Стройло с пакетом из штаба фронта.

Он рассказал, как попал в Житомир. Оказалось, А. И. Егоров в разговоре по прямому проводу с Н. К. Щелоковым выразил недовольство тем, что наш

основной штаб не принял действенных мер по организации связи с полештармом. Вслед за тем он направил в Елисаветград специальную комиссию для выяснения причин этого. А Щелоков получил приказ направить в Кременчуг ответственного командира.

Так наш начальник разведки оказался в штабе фронта. Там ему вручили пакет с приказанием срочно доставить мне. В распоряжение Стройло выделили два автомобиля и три мотоцикла с небольшой охраной, дали запасные части к радиостанции.

В пакете, когда его вскрыли, оказалась директива Реввоенсовета фронта № 437 от 11 июня. В ней говорилось, что неприятельские 1, 7, 15, 3-я сводная польские, 6-я петлюровская пехотные дивизии и около двух бригад кавалерии, обнаруженные в Вышгороде, Киеве и Василькове, намерены пробиваться на север, к своей мозырской группе, а часть войск противника, минуя Киев, двинулась в западном направлении.

В связи с этим во изменение директивы от 10 июня[1] нам предстояло двумя дивизиями занять район Радомысль — Житомир и оттуда вести усиленную разведку на Бердичев и Казатин. Специальный отряд должен был захватить Коростень. Остальные две дивизии фронт требовал в спешном порядке двинуть к Киеву. Им совместно с войсками 12-й армии и Фастовской группой надлежало пленить войска противника.

Не прошло и часа после приезда И. С. Стройло, как в Житомире приземлился аэроплан с новой директивой фронта также от 11 июня и с оперативной сводкой за 12 июня.

В директиве указывалось, что главные силы киевской группы противника под прикрытием четырех бронепоездов пробиваются вдоль железной дороги на Коростень. В районе Бородянки завязался сильный бой. И теперь Реввоенсовету Конной предлагалось срочно бросить две ближайшие дивизии не в киевском направлении, а на Радомысль и к станции Ирша.

Из оперативной сводки и информации И. С. Стройло мы узнали о событиях последних дней в Киевском районе.

---

[1] Тогда Конной армии предписывалось двинуться из района Фастова обратно на Житомир и Казатин.

В ночь на 11 июня киевская группа противника тремя колоннами начала отход на Коростень вдоль железной дороги. Во второй половине дня северная колонна сильным ударом отбросила бригаду 7-й стрелковой дивизии 12-й армии от Гостомеля и направилась к станции Бородянка. Туда к ее подходу выдвинулась и средняя колонна со штабом командующего 3-й польской армией генерала Рыдз-Смиглы.

У Бородянки огромную массу польских войск встретила 73-я бригада 25-й Чапаевской дивизии. Завязался жестокий бой. Прославленные чапаевцы одну за другой отбивали атаки рвавшегося на северо-запад противника. Но силы были слишком неравны. В конце концов под напором врага бригада оставила Бородянку.

Освободив себе путь, 3-я польская армия устремилась дальше, сжигая автомобили и другую технику, которая на плохих дорогах задерживала движение. У станции Ирша польским войскам преградила путь Башкирская кавалерийская бригада под командованием М. Л. Муртазина. Советские конники дрались мужественно, неоднократно переходили в контратаки, но задержать во много раз численно превосходящего неприятеля также не смогли.

Таким образом, 3-я польская армия прорвалась из Киевского района и уходила к Коростеню. Ее южная колонна двигалась на Радомысль, не встречая сопротивления Фастовской группы И. Э. Якира, которая не успела занять Брусилов.

Из двух полученных нами директив и оперативной сводки стало очевидно, что события развивались иначе, чем предполагало командование Юго-Западного фронта. Киевская группа противника пошла не на Казатин и Житомир, а в северо-западном направлении, к Коростеню. Наша 12-я армия не сумела занять район Радомысль — Макаров и достаточными силами преградить ей путь.

Своей последней директивой командование фронта, по существу, ставило Конной армии ту же задачу, которую мы предлагали еще 10 июня. Только время уже было упущено. Тогда противник был в Киеве, а Конармия у Фастова, всего в 60—70 километрах от Ирши и Бородянки. Теперь же, отойдя к Житомиру, мы удалились от места боев 12-й армии на 100—110 километров. Ни о

каком окружении противника речи уже не могло быть. Даже двумя ближайшими дивизиями, как приказывал командующий фронтом, перехватить пути отхода неприятелю мы не успевали. Для этого и времени было недостаточно, да и конский состав оказался изнуренным длительными переходами.

Убежденные в том, что 3-я польская армия упущена, мы полагали, что наиболее эффективно можно использовать наше нависающее положение над левым флангом и тылом 6-й польской армии. Она тоже готовилась к отходу, но пока не отошла. Ударом на Староконстантинов Конармия во взаимодействии с 14-й армией могла разгромить неприятельские войска, действовавшие к югу от Казатина.

С этим предложением мы обратились по радио к Реввоенсовету фронта. Связисты получили запчасти, и наша исправленная радиостанция работала безотказно.

В ожидании ответа мы приняли меры к выполнению директивы фронта. Начдив 14-й получил задачу связаться в Ходоркове с кавбригадой Г. И. Котовского, одну бригаду двинуть на Радомысль, чтобы перекрыть путь на Коростень. 4-й кавдивизии было приказано удерживать Житомир. В случае если понадобится помощь А. Я. Пархоменко, ей предстояло двинуться на Радомысль.

Во второй половине дня получили ответ на свою радиограмму. Командование Юго-Западного фронта указывало, что движение Конармии на Староконстантинов не отвечает обстановке и наше внимание после ликвидации киевской группировки противника должно быть обращено на операционное направление Новоград-Волынский, Ровно. В подтверждение предыдущего указания нам предписывалось двумя дивизиями удерживать район Житомира, а две другие двинуть на Радомысль, Иршу, Коростень.

Итак, Конармия должна была выполнять две разные по характеру задачи. В соответствии с этим мы разделили ее на две оперативные группы.

Первой — ударной группе в составе 4-й и 14-й кавалерийских дивизий под командованием К. Е. Ворошилова — предстояло сначала овладеть районом Радомысль, а затем Коростеньским железнодорожным узлом.

По нашему замыслу ударная группа должна была в первый день операции разгромить противника, отходившего по Житомирскому шоссе на Радомысль, а с утра 15 июня двинуться на Коростень.

Вторую группу — 6-я и 11-я дивизии — возглавил я. Ее задача — оборонять Житомир как с юга, со стороны Бердичева, так и с запада, от Новоград-Волынского.

Мы с Ворошиловым условились, что если возникнет опасность столкновения его группы с значительно превосходящими силами противника, то ему окажут помощь 6-я и 11-я дивизии.

Особое внимание уделялось поддержанию непрерывной связи всех дивизий с полевым штабом армии. В направлении действий группы К. Е. Ворошилова в дополнение к техническим средствам связи выставлялись посты летучей почты. Начдивам вменялось в обязанность через эти посты как можно чаще доносить мне об обстановке.

Вечером 13 июня Ворошилов с небольшой оперативной группой штабных работников выехал в 4-ю кавалерийскую дивизию. А на следующий день ударная группа двинулась в наступление.

В Житомире целый день было спокойно, если не считать налета аэропланов противника, которые, впрочем, никакого вреда не причинили. Я ни на минуту не отлучался из полевого штаба, с нетерпением ожидая известий.

Поздно вечером Ворошилов прислал записку. Он сообщил, что 4-я дивизия выполнила задачу дня.

Вскоре прибыл посыльный от Морозова. Его 11-я дивизия заняла Коростышев и принимала меры для установления связи с Фастовской группой И. Э. Якира.

Начавшийся еще днем проливной дождь тоскливо и однотонно барабанил по железной крыше дома. Стояла глубокая ночь. На улицах Житомира все замерло. Лишь время от времени тишину нарушали проезжавшие мимо штаба всадники. И каждый раз я всматривался в темноту через мокрое стекло, ожидая донесения из 14-й дивизии.

Наконец около двух часов ночи долгожданный связной прибыл. Я с нетерпением вскрыл пакет. А. Я. Пархоменко доносил, что его передовая 2-я бригада у Ста-

росельцев, в 20 километрах юго-западнее Радомысля, атаковала батальон пехоты противника. После непродолжительного боя белополяки оставили населенный пункт. Но через некоторое время бригаду контратаковали два вражеских полка. Превосходство противника, а главное — сильнейший артиллерийский огонь, вынудило конармейцев временно отойти. Но как только подошли главные силы, дивизия атаковала в конном строю. Потеряв в ожесточенной схватке 150 человек убитыми и свыше 100 пленными, белополяки отступили.

Начдив особенно подчеркивал, что личный состав дивизии проявил высокий героизм. Отличились в бою командир 82-го полка Т. Т. Шапкин и комиссар 2-й бригады Н. А. Конкин. Командир полка шел в атаку в пешей цепи, воодушевляя бойцов своим мужеством. Комиссар Конкин тоже все время был с бойцами. Трижды раненный в обе руки и ногу, он истекал кровью, но не оставил поля боя.

«В связи с наступлением темноты и усталостью конского состава, — писал в заключение Пархоменко, — дивизия остановилась на ночлег в хуторах Серединка и Глиница, в 8—10 километрах юго-западнее Радомысля».

— Как это «остановилась»? Не заняв Радомысля, не выполнив приказа?! — возмущенный таким сообщением, протянул я Зотову донесение.

— Очевидно, лошади совсем остановились, — пожимая плечами, ответил Степан Андреевич.

— Как так остановились?! Да пешком надо идти, лошадей в поводу вести, но противника не отпускать! Вот что, Степан Андреевич, сейчас же отправляйте Пархоменко приказ во что бы то ни стало взять Радомысль. Поставьте об этом в известность Ворошилова.

Утро принесло новую неприятность. Зеленский ввел в штаб мокрого, забрызганного грязью красноармейца. Это оказался ездовой из 4-й дивизии. Он рассказал, что ночью противник внезапно напал на дивизию и захватил обозы, в том числе повозки политотдела.

Приказав адъютанту срочно седлать лошадей и подготовить ординарцев, я сказал Зотову, что отправляюсь к Коротчаеву.

— Вы останетесь за меня, Степан Андреевич. Прикажите, чтобы Тимошенко выслал на помощь 4-й дивизии бригаду из Житомира. Пошлите к Морозову кого-

либо из работников полештарма с приказанием оставить в Коростышеве один полк, а остальные двинуть на Радомысль для совместных действий с четырнадцатой дивизией.

Через несколько минут лошади стояли у подъезда, и мы, вскочив в седла, галопом помчались по дороге на Коростень. В 15 километрах от Житомира, у Черняхова, заметили выходившие на дорогу колонны конницы. Еще издали я узнал полки 4-й дивизии и направил коня к группе всадников, среди которых заметил Ворошилова.

— Что случилось? — останавливая коня, спросил я Климента Ефремовича.

И он рассказал, как все произошло.

4-я дивизия расположилась на ночлег в Модылеве, Горбулеве и Аннополе. Около полуночи разъезд 1-й бригады в 7 километрах от Модылева, у деревни Зеньки, атаковал небольшую группу противника и захватил в плен двух польских телефонистов. Только в 2 часа их доставили Клименту Ефремовичу. Пленные показали, что в Борщеве, 12 километров юго-восточнее Модылева, и Радомысле сосредоточена 7-я польская дивизия в составе четырех пехотных и четырех кавалерийских полков с артиллерией и бронемашинами.

В дальнейшем дала себя знать неосмотрительность А. Я. Пархоменко. 7-я польская дивизия, пользуясь тем, что он прекратил наступление, скрытно двинулась к Коростеню и обрушилась на 4-ю кавдивизию. Та оказалась застигнутой врасплох ввиду беспечности сторожевого охранения.

В темноте завязался ожесточенный бой, переходивший в рукопашные схватки. Вначале 1-я и 2-я бригады при поддержке двух батарей, занявших открытые позиции, остановили и даже отбросили противника. Но большому отряду польских войск удалось прорваться к селу Торчин и напасть на тылы дивизии, оставленные неприкрытыми. Пришлось перебросить к Торчину часть сил для защиты обозов.

А нажим белополяков нарастал с подходом свежих частей. К рассвету дивизия вела бой в полуокружении. Враг особенно наседал на левый фланг. Правда, потеснив наших, он сам оказался под угрозой.

3-я бригада А. А. Чеботарева не замедлила воспользоваться этим и нанесла удар по правофланговым пол-

кам неприятеля, принудив их отступить. Но даже этот успех не мог оказать решающего влияния.

Новый пехотный полк противника начал обходить наши части с севера. Одновременно польские войска нажимали с востока и юго-востока. 4-й дивизии пришлось отойти.

Во многом виновным в создавшихся трудностях был начдив 4-й. Вопреки указанию командующего группой он не обеспечил надежного охранения и разведки. Во время боя Д. Д. Коротчаев растерялся, отдавал противоречивые приказания, чем еще больше осложнял положение дивизии. Только решительное вмешательство К. Е. Ворошилова, его авторитет среди бойцов и личное участие в бою дали возможность навести порядок и организованно отражать атаки белополяков.

Вместе с тем следует сказать, что и Ворошилов допустил серьезные промахи. Он не организовал тесного взаимодействия и постоянной связи между дивизиями. Поэтому не знал, что А. Я. Пархоменко не выполнил задачу дня, а значит, и не мог потребовать немедленной атаки Радомысля. И еще, получив сведения о наличии поблизости крупных сил противника, Ворошилов не принял должных мер к усилению разведки и сторожевого охранения.

Значительная доля вины за срыв операции ложилась и на начальника 14-й кавдивизии А. Я. Пархоменко. Зная, что в Радомысле и Борщеве неприятель, он обязан был при любых условиях, невзирая на крайнюю усталость людей и лошадей, продолжать наступление, чтобы сковать противника, а тем временем послать донесения командующему ударной группой К. Е. Ворошилову и мне.

Только утром на следующий день 14-я дивизия перешла в наступление и после боя с арьергардом 7-й пехотной дивизии заняла Радомысль. Там она захватила неприятельские обозы и подразделения связи.

Около полудня, когда дивизия уже начала преследовать отступающего противника, Пархоменко получил приказ Ворошилова, отданный в 3 часа. Но к этому времени 4-я дивизия уже не нуждалась в помощи. Она вышла из боя и приводила себя в порядок. Одна ее бригада наступала на Каменный Брод, преследуя отходящие к Коростеню части врага.

Вечером мы с Ворошиловым возвратились в Житомир, огорченные неудачей. Обидно было, что наша ударная группа упустила 7-ю пехотную дивизию противника.

Но не только это нас угнетало. Стало окончательно очевидным, что 3-я польская армия, хотя и понесла большие потери в живой силе, а также бросила почти всю свою технику, все-таки вышла из окружения. Еще 14 июня главные ее силы достигли Коростеня, поэтому даже разгром 7-й пехотной дивизии, удайся он нам, уже ничего не менял. Отлично задуманная и хорошо начатая операция по окружению и ликвидации противника в Киевском районе не получила своего логического завершения.

События развивались не так, как хотелось бы. Отходя на правобережье, противник взорвал все мосты через Днепр. И 12-я армия, задержавшись с форсированием реки, не смогла своевременно создать ударную группу, способную надежно охватить 3-ю армию белополяков с северо-запада и преградить ей путь на Коростень. Кроме того, основа правофлангового ударного кулака армии — 25-я Чапаевская дивизия, перебрасываемая с востока, только-только подходила и вводилась в бой по частям уже в ходе операции. Ее 73-я стрелковая и Башкирская кавалерийская бригады, своевременно занявшие Бородянку и Иршу, конечно, не в состоянии были сдержать напор главных сил неприятельской армии.

Что касается Фастовской группы, то, ослабленная в предшествовавших тяжелых беспрерывных боях и растянутая на широком фронте, она просто не смогла выполнить роль левофлангового охватывающего крыла. Командованию фронта были известны ее слабости. Еще во время боев по прорыву обороны противника И. Э. Якир докладывал А. И. Егорову, что полки 44-й и 45-й стрелковых дивизий по численности равнялись батальонам, а кавбригада Г. И. Котовского насчитывала всего 242 сабли[1].

Медленное выдвижение 12-й армии и Фастовской группы на указанные им рубежи явилось одной из причин наших неудач. Командование Юго-Западного фронта переоценило их возможности. В связи с этим в самый ответственный момент операции оно неправильно ис-

[1] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 56, л. 148.

пользовало Конную армию, двинув ее не на Бородянку, а обратно к Житомиру. В результате она оказалась оторванной от остальных войск фронта и не могла принять участия в окружении неприятеля.

Правда, вскоре командующий фронтом понял свою ошибку. Но отданная им 11 июня директива вследствие нарушения связи поступила к нам только вечером 13 июня, когда главные силы 3-й польской армии уже прорвались на Коростень. Эту причину нужно считать основной.

О неудачах командования Конной армии я уже говорил. Из-за неудовлетворительного взаимодействия 4-й и 14-й кавалерийских дивизий нам не удалось разгромить левую колонну 3-й польской армии. Сыграло известную роль отсутствие резервов и достаточного опыта по окружению крупных войсковых группировок.

Однако отдельные неудачи войск Юго-Западного фронта и ошибки его Реввоенсовета не могли заслонить значительного успеха советских армий, отбросивших интервентов на 150—200 километров от Киева за реку Уж.

Уступая противнику в численности и вооружении, двигаясь по сильно пересеченной или лесисто-болотистой местности, имея впереди разрушенные мосты и разобранные железные дороги, постоянно испытывая недостаток боеприпасов и продовольствия, все армии Юго-Западного фронта действовали с полным напряжением сил и внесли вклад в достижение победы. Бойцы, командиры и политработники проявили мужество и массовый героизм, достойные высокой похвалы.

Успешные в целом июньские действия Юго-Западного фронта положили начало перелому в ходе войны на польско-советском театре. Они приковали к себе внимание неприятельского командования, вынудили его перебрасывать войска из Белоруссии на Украину, наконец, позволили армиям Западного фронта подготовиться к контрнаступлению.

☆

9. ДАЕШЬ НОВОГРАД-ВОЛЫНСКИЙ!

1

Кто знает Южное Полесье, тот легко представит себе, с какими трудностями мы столкнулись здесь, действуя во время проливных дождей. Наши исхудалые, измотанные в непрерывных переходах по труднейшим дорогам лошади даже шагом еле тащили ноги. Артиллерия и повозки превратились в непосильный груз. Без горючего остановились бронемашины. Командиры соединений забросали полевой штаб заявками на продовольствие, фураж, боеприпасы. А у нас ничего этого не было. Каждый патрон и снаряд стал большой ценностью.

От недоедания и сырости многие бойцы заболели, лечить же их было нечем. Кончились бинты, и раненых перевязывали лоскутами из старого выстиранного белья.

Все это вынудило нас 16 июня дать дивизиям отдых, самим же принимать экстренные меры для подвоза всего необходимого.

Член Реввоенсовета армии С. К. Минин и только что приступивший к обязанностям начальника штаба Л. Л. Клюев получили указание срочно обеспечить продвижение грузов к частям. До исправления железнодорожного моста головной базой снабжения назначалась Белая Церковь. Мы распорядились использовать для подвоза все имеющиеся грузовые автомашины, а также не менее тысячи повозок Конармии и подвод населения.

В тот день мы сделали некоторые перемещения командного и политического состава армии. Д. Д. Коротчаева пришлось понизить в должности до командира бригады. Выходец из рабочих, член партии большеви-

ков, проявивший храбрость во время прорыва польского фронта, он, однако, как показали последние бои, еще не был готов командовать дивизией.

Вместо Д. Д. Коротчаева начдивом 4-й стал Ф. М. Литунов, член РКП(б), опытный организатор, человек большой силы воли, отважный и талантливый командир.

Начальником артиллерии армии назначили Григория Ивановича Кулика. Мы хорошо знали его по боям за Царицын, когда он занимал должность начальника артиллерии 10-й Красной армии.

Командиром Особого кавалерийского полка Реввоенсовета был утвержден Елисей Иванович Горячев, донской казак, бывший старший урядник, потом председатель полкового комитета. Этот очень смелый и авторитетный командир в период борьбы против атамана Каледина на Дону сумел увести из лагеря контрреволюции казачий полк. Потом, уже после гражданской войны, Е. И. Горячев командовал кавалерийской дивизией, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

На должность начальника снабжения армии штаб фронта прислал рабочего коммуниста А. М. Углова. Начальником оперативного отдела штаба армии был назначен Валериан Романович Бородулин, член партии большевиков с 1917 года, бывший офицер, окончивший Академию Генерального штаба.

Реввоенсовет Конармии особо позаботился об укреплении штабов бригад. Их возглавили теперь грамотные в военном отношении люди, бывшие офицеры старой армии, преданные Советской власти.

Политотделы и комиссары дивизий использовали кратковременную передышку для усиления политической работы. В частях и подразделениях состоялись красноармейские собрания. На них говорилось об успехах наших войск, о причинах временных трудностей со снабжением.

Наш аэроплан, пилотируемый летчиком Смирновым, доставил свежие газеты и письма конармейцам от родных и знакомых со всех концов республики. Агитаторы читали наиболее интересные письма вслух. Теплые, полные искренних чувств, они были для бойцов бесценной моральной поддержкой, воодушевляли на подвиги, звали к новым победам...

Вечером 16 июня поступила директива Реввоенсовета фронта. Она приказывала 12-й армии совместно с Конармией окончательно разгромить 3-ю армию противника и овладеть Коростенем, Овручем. В дальнейшем наступление развивать на Ровно и Брест.

«Командарму Конной,— указывалось в директиве,— безотлагательно выдвигая 45-ю дивизию[1] в район Житомир — Бердичев с дальнейшей ее задачей наступления на Шепетовку, двумя дивизиями из района Житомира не позднее 20 июня захватить район Новоград-Волынского и при подходе к ним двух дивизий, направленных на Коростень, по выполнении последними своей задачи развить стремительное наступление для захвата в кратчайший срок района Ровно»[2].

К этому времени обстановка на Юго-Западном фронте существенно изменилась. Противник после отхода закреплялся на новых рубежах. 3-я польская армия заняла оборону в 25—30 километрах к северо-востоку от Новоград-Волынского и далее по реке Уж на Коростень и Овруч. 6-я польская армия находилась на линии Любар — Хмельник — Жмеринка, соприкасаясь правым флангом у Шаргорода с Украинской повстанческой армией генерала Павленко, занимавшей фронт до Днестра. Между 3-й и 6-й армиями, в районе Новоград-Волынского и южнее его по реке Случь, командование противника за счет резервов и частей, перебрасываемых с белорусского фронта, создавало специальную группу войск под условным наименованием «Случь». Фактически восстанавливалась расформированная в конце мая 2-я польская армия, против которой нам и предстояло действовать.

Войска Юго-Западного фронта продолжали преследовать отходившего противника. 12-я армия вышла к реке Тетерев от Чернобыля до Радомысля и находилась в 50—60 километрах юго-восточнее Коростеня и Овруча. Соединения 14-й армии подходили к железной дороге Казатин — Винница — Жмеринка, а Первая Конная занимала район Житомира, выдаваясь уступом вперед по отношению к своим соседям.

---

[1] 14 июня 45-я дивизия с кавбригадой Г. И. Котовского вошли в оперативное подчинение Реввоенсовету Конармии.

[2] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 1, лл. 245—247; ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп 1, д. 1727, лл. 4—13.

В этих условиях выполнить, по сути дела, две разные задачи — овладеть Новоград-Волынским и Коростенем — было довольно сложно. Предстояло дробить армию на две изолированные группы, одна из которых попадала в исключительно неблагоприятные условия местности.

А мы уже имели печальный опыт таких действий. Ведь незадолго до того раздробленная на две части в районах Житомира и Радомысля армия не добилась успеха. К тому же атака Новоград-Волынского только двумя дивизиями не сулила хороших результатов, ибо этих сил для овладения к 20 июня городом было явно недостаточно.

Обсудив обстановку, мы решили армию не делить, а всю сосредоточить в 35—40 километрах юго-западнее Коростеня и северо-восточнее Новоград-Волынского. Оттуда намечалось главными силами нанести удар по Новоград-Волынскому и одновременно обходить Коростень, создавая угрозу правому флангу и тылу коростеньской группировки неприятеля. Это решение, доложенное Реввоенсовету фронта, получило одобрение.

К исходу 18 июня соединения армии достигли указанных им рубежей Дебрище — Новополь — Дубовец, а 45-я дивизия вышла на линию Житомир — Бердичев.

В тот день мне довелось наблюдать движение частей по очень тяжелым, испорченным дождями дорогам. На крутых подъемах истощенные лошади выбивались из сил и останавливались, а то и падали. Конармейцам приходилось самим тянуть тачанки, повозки, санитарные линейки. Особенно тяжело было вытаскивать из песка и грязи артиллерийские орудия, которые подчас вязли по ступицы. Густая сеть речек и ручьев с разрушенными противником мостами, топкими берегами и заболоченными поймами, масса мелких озер и болот, поросших кустарником и травой, леса и перелески с разбросанной между ними колючей проволокой, оставшейся здесь еще после боев с германскими войсками, — все это ставило конницу в невероятно трудные условия.

2

Отдохнув ночь, 19 июня Конармия возобновила наступление. 4-й и 11-й дивизиям предстояло форсировать реку Уж на участке Белка — Рясное — Неделище — Си-

моны, перерезать железную дорогу Коростень — Новоград-Волынский и к вечеру выйти на линию Мокляки — Кулиши — Цицилевка. 6-я дивизия с приданным ей 32-м бронеотрядом должна была овладеть рубежом Вербы — Федоровка — Крапивна и, продолжая наступление на Новоград-Волынский, прикрывать левый фланг армии. 14-я дивизия оставалась в армейском резерве и двигалась за 4-й дивизией. В дальнейшем намечалось повернуть ее вдоль железной дороги на северо-восток для нанесения удара по Коростеню.

Около полудня завязались упорные бои на подступах к реке Уж, не прекращавшиеся до глубокой ночи. 4-я дивизия несколько раз атаковала в пешем строю Сушки и Неделище, однако сильный вражеский огонь отбрасывал ее в исходное положение. Ее 3-я бригада даже ворвалась в укрепленное село Рясное, но удержаться там не смогла.

Не добились успеха также 11-я и 6-я дивизии, наступавшие юго-восточнее Бараши и Симоны.

Ночью начдив Ф. М. Литунов прислал пленных. Это было весьма кстати, потому что данных о противнике мы почти не имели.

Пленные показали, что по реке Уж, на участке Сушки — Рясное — Неделище, обороняется группа подполковника Домб-Бернацкого. В состав ее входили два пехотных полка и кавалерийские части, усиленные артиллерией и подразделениями тяжелых пулеметов. Один из полков — 1-й пехотный — численностью свыше двух тысяч человек, имел на вооружении большое количество ручных пулеметов. Перед частями Домб-Бернацкого польское командование поставило задачу упорной обороной сковать наши соединения на реке Уж и не допустить их прорыва к железной дороге Коростень — Новоград-Волынский.

Еще нам удалось выяснить, что Симоны, где действовали части Ф. М. Морозова, обороняет 6-я польская пехотная дивизия, прибывшая из Белоруссии, а дальше на юго-запад, ближе к Новоград-Волынскому, стягиваются свежие войска. В частности, туда прибывала 3-я пехотная дивизия легионеров, также переброшенная с белорусского фронта.

Уточнив на основе этих данных обстановку, Реввоенсовет армии принял решение с рассветом продолжать

П. Н. Бахарев

М. И. Потапов

Реввоенсовет и полевой штаб Конармии

Н. В. Ракитин

Д. И. Рябышев

И. Е. Мирошниченко

Е. И. Горячев

выполнение ранее поставленных задач. Мы отдали соответствующий приказ. Причем начдивам было указано лобовых атак против укрепленных позиций противника не вести, опорные пункты обходить, наносить удары в тыл вражеской обороны. 6-й дивизии предстояло провести активную разведку боем с целью выяснить состав и группировку неприятеля в районе Новоград-Волынского.

Утром на следующий день пришла радиограмма Реввоенсовета фронта. «Участь Коростеня, — сообщалось в ней, — можно считать уже решенной. Для завершения боевой задачи районе Коростеня оставьте не более одной дивизии, остальными кавчастями безотлагательно занять Новоград-Волынский и далее действовать по директиве № 448/с/571 пол»[1], то есть наступать на Ровно.

Мне было приятно, что план обхода Коростеня с юго-запада оказался правильным и повлек за собой изменение обстановки в пользу 12-й армии. Однако, к сожалению, командование фронта не снимало с нас задачи наступать на Коростень. Требование оставить для этого дивизию не позволяло нам атаковать Новоград-Волынский всеми силами.

На основе новых указаний Реввоенсовета фронта мы внесли в задачи соединений некоторые изменения. После прорыва обороны противника на реке Уж и овладения Коростеньской железной дорогой 4-й и 11-й дивизиям надлежало повернуть на Новоград-Волынский и нанести удар по нему с севера и северо-запада. 6-я дивизия должна была развивать наступление на Новоград-Волынский с востока, а 14-я — прикрыть наш правый фланг и содействовать 12-й армии в овладении Коростенем.

Было решено, что мне следует поехать в 6-ю кавалерийскую дивизию, а Ворошилову оставаться в полевом штабе армии.

Село Тупальцы, куда я приехал, переполнено обозами. В тесном прокуренном помещении меня встретил начальник штаба дивизии К. К. Жолнеркевич. Он доложил, что начдив и комиссар находятся в Крапивне, где тяжелый бой ведет 2-я бригада.

---

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 1146, л. 116.

Я решил посмотреть, что происходит на фронте дивизии, и вместе с Жолнеркевичем проехал на западную окраину села. Отсюда хорошо просматривалась деревня Федоровка. Там рвались снаряды, горели постройки, непрерывно строчили пулеметы. Видно было, как полки 1-й бригады В. И. Книги отбивали атаку противника в пешем строю.

Справа, от хутора Катюха, тоже доносился шум сильного боя. Здесь действовала 3-я бригада Н. П. Колесова. В бинокль я разглядел густые неприятельские цепи. Они двигались на колонию Александровка, как раз в стык наших бригад.

— Распорядитесь, чтобы Книга отходил на Тупальцы и связался со второй бригадой, иначе противник ударит ему во фланг,— приказал я Жолнеркевичу.— А я поеду в Крапивну, к Тимошенко.

На восточной окраине села встретил начальника штаба 2-й бригады Б. А. Погребова — брата бывшего начальника штаба Конного корпуса Виктора Андреевича [1].

— Где начдив?

— В бригаде Апанасенко.

Минут через 20 прискакал С. К. Тимошенко.

— И зачем только уланам лошади, когда они и пешком действуют превосходно,— сказал он со злостью, стряхивая прилипшую к гимнастерке грязь. — В общем, положение неважное. Белополяки в лоб сунулись — получили отпор, теперь обходят бригаду с севера... Целая кавдивизия.

Вскоре выяснилось, что польский пехотный полк, вытеснивший из Федоровки бригаду В. И. Книги, наступает на юго-восток, тоже стремясь выйти в тыл 2-й бригаде. Возникла угроза расчленения дивизии, и я приказал С. К. Тимошенко отходить за Несолонь, но локтевой связи с Морозовым не терять, а к вечеру закрепиться на рубеже Верба — Тесновка — Полияновка.

Весь день я оставался в 6-й дивизии. Сюда ко мне регулярно поступали донесения о ходе боев на всем фронте армии.

На фронте 11-й кавалерийской дивизии, действовавшей пока еще без 3-й бригады, долгое время бои шли с

[1] Б. А. Погребов во время Великой Отечественной войны командовал кавалерийским корпусом. Погиб в 1942 г.

переменным успехом. Вначале конармейцы ворвались на восточную окраину села Симоны, но потом противник контратаковал их превосходящими силами и снова занял окопы.

После 17 часов, когда обозначился успех польских войск у Катюхи и Федоровки, 6-я польская пехотная дивизия атаковала части Морозова и в Барашах. Первое ее наступление было отбито контратакой бригады С. М. Патоличева в конном строю. Конармейцы смяли цепи врага, но вскоре сами попали под губительный артиллерийский огонь и вынуждены были отойти. Через час белополяки повторили атаку и ворвались на юго-западную окраину села Бараши.

В течение пяти часов продолжался бой за каждый дом, за каждое строение. Атаки переходили в рукопашные схватки. У конармейцев не было штыков, и они рубили противника шашками, действовали прикладами. Только с наступлением ночи под угрозой окружения 11-я дивизия отошла к Бобрице и Киянке.

Более успешно действовала 4-я кавалерийская дивизия. Против ее 1-й и 2-й бригад перешли в наступление части группы Домб-Бернацкого.

Полк белополяков занял Зеленицу и двинулся на Усолусы, где размещался штаб комбрига И. В. Тюленева. В. В. Коробков укрыл свои эскадроны в лесу и, пропустив неприятеля, атаковал с тыла. Удар был неожиданным, и противник начал отходить, оставляя на поле боя убитых и раненых.

Утром подразделения 1-го пехотного полка легионеров, используя лесистую местность, скрытно подошли к селу Суховоля, занятому штабом 1-й бригады и 19-м кавполком П. Я. Стрепухова. В двухстах метрах от села белополяки развернулись в цепи и бросились в атаку, рассчитывая застать конармейцев врасплох. Выручили пулеметчики Даниил Мазанович, Алексей Немченко и Арсений Кононенко. Вскочив на тачанки, они помчались навстречу врагу, лихо развернулись и дали несколько очередей. Противник залег. Воспользовавшись этим, эскадроны Стрепухова перешли в контратаку. В короткой схватке белополяки потеряли до 150 человек убитыми и отступили. Преследуя их, 4-я дивизия продвинулась к реке Уж.

Только поздно вечером вернулся я в полештарм. Обсудив с Ворошиловым обстановку, мы решили ночью дать соединениям отдых, а с утра продолжать наступление. Но не успел Зотов разослать распоряжение, как Тимошенко и Морозов донесли о том, что противник снова атакует. Приказав начдивам во что бы то ни стало удерживать свои рубежи, мы выехали в 11-ю дивизию.

Здесь создалось тяжелое положение. Две малочисленные бригады, испытывая недостаток боеприпасов, с трудом сдерживали натиск 6-й польской пехотной дивизии.

Кровопролитный бой разгорелся на северной окраине села Киянка. На 2-ю бригаду навалились значительно превосходящие силы противника. Цепи спешенных конармейцев, возглавляемые начдивом Ф. М. Морозовым, комиссаром К. И. Озолиным, комбригом С. М. Патоличевым и командирами полков, не раз бросались в контратаки. Артиллеристы, экономя снаряды, выезжали на открытые позиции, чтобы бить в упор и наверняка.

Ничего не достигнув лобовыми атаками, белополяки все же потеснили правофланговую бригаду С. К. Тимошенко и стали обходить Киянку с юга. Возникла угроза прорыва вражеской пехоты в стыке между 6-й и 11-й дивизиями. Чтобы предотвратить это, мы разрешили Ф. М. Морозову оставить село. Одновременно ему и С. К. Тимошенко приказали встречным ударом с юга и севера уничтожить прорвавшегося противника.

В последовавшем затем бою удачно действовали 2-я и 3-я бригады 6-й дивизии. Они разгромили до двух батальонов белополяков и заняли Киселевку.

Серьезного успеха добилась 4-я дивизия. К ночи она выбила вражескую пехоту из сел Сушки, Белка, Рясное. Отходя за реку Уж, противник сжег мосты, но конармейцы переправлялись на другой берег вплавь. Для развития наметившегося успеха мы подчинили начдиву 4-й Ф. М. Литунову 14-ю дивизию.

Показания пленных, захваченных в тот день, позволили установить, что в районе Новоград-Волынского польское командование создало особую группу войск «Случь» под командованием генерала Ромера в составе

одной кавалерийской, двух пехотных дивизий и частей Домб-Бернацкого. Перед группой стояла задача окружить и разгромить Конную армию.

Как позже удалось выяснить, радиостанция противника перехватила директиву Юго-Западного фронта о наступлении на Новоград-Волынский и решение Реввоенсовета Конармии по этой директиве. Зная наш замысел, генерал Ромер ночью бросил в бой свои три дивизии в расчете смять наш центр и левый фланг, охватить Конную армию с юго-востока, прижать к реке Уж и совместно с оборонявшимися частями Домб-Бернацкого разгромить.

Но плану польского командования не суждено было осуществиться. Ромеру не удалось разгромить левый фланг и центр Конармии, а незначительный территориальный выигрыш стоил ему крупных потерь. Больше того, если наш левый фланг несколько и отошел, то правофланговая 4-я дивизия прорвала оборону соединений Домб-Бернацкого, форсировала реку Уж и вышла к железной дороге Коростень — Новоград-Волынский в стык между группой Ромера и правофланговыми войсками 3-й польской армии.

Успехи наших соседей — 12-й и 14-й армий — и нажим выдвинувшейся уступом вперед Первой Конной вынудили польское командование начать общий отход к оборонительному рубежу по рекам Уборть и Случь, в 60 километрах западнее линии Коростень — Овруч.

Этот сильно укрепленный рубеж являлся для польских войск исходным при наступлении на Киев. Реки Случь и особенно заболоченная Уборть сами по себе представляли серьезные препятствия. За ними в окопах полного профиля, прикрытых проволочными заграждениями в два — три ряда, в полосе от Подлубы до Грушкевичи заняла оборону 3-я польская армия.

В ночь на 22 июня и группа «Случь» отошла на линию Рогачев — Новоград-Волынский — Емильчино. Соединения Конармии не заметили этого.

Утром наши дивизии перешли в наступление. Стояла непривычная тишина. Без единого выстрела армия заняла несколько населенных пунктов. Бойцы удивлялись: куда девался неприятель, который так упорно держался вчера?

11-я дивизия достигла железной дороги Новоград-Волынский — Коростень у Андреевичей и разобрала ее. Перед 6-й кавалерийской показывались только разъезды противника. Они маячили в перелесках и быстро скрывались при подходе наших частей.

Белополяки напомнили о себе только во второй половине дня. В 17 часов 4-я дивизия была встречена пулеметным огнем у села Кулиши. Атака завершилась пленением 60 солдат и офицеров из 3-й дивизии легионеров. Главные силы ее отошли в Емильчино и Середы, где заняли заранее подготовленные окопы.

Примерно через час головная бригада 6-й дивизии попала под огонь вражеских бронепоездов. Бригада спешилась, развернулась в боевой порядок и перешла в наступление. Но на подступах к Новоград-Волынскому, у Ржадковки, была остановлена ружейно-пулеметным огнем неприятеля из окопов на восточном берегу реки Случь.

С наступлением темноты подошли полки 3-й бригады Н. П. Колесова и прямо с ходу в конном строю устремились на вражеские позиции. Противник, не ожидая такой дерзости, пришел в замешательство и бросил вначале первую, а затем и вторую линию окопов. Безостановочно преследуя врага, три полка прорвались через мост в Новоград-Волынский. Но здесь они попали в огневой мешок. Из каждого дома стреляли, бросали гранаты. Пулеметы прошивали огнем все улицы и переулки. Пришлось нашим отходить на правый берег Случи в только что очищенные от неприятеля окопы.

Отвагу проявили бойцы и командиры 6-й дивизии в этом тяжелом бою. Командир взвода В. И. Звягин, помощник командира взвода В. М. Таратынов, бойцы С. Н. Богалов и С. Н. Ханов первыми ворвались в окопы. Уничтожив двух яростно сопротивлявшихся офицеров, они взяли в плен группу солдат. При отходе Семен Ханов был ранен в ногу и, незамеченный своими, остался на поле боя. К нему бросились несколько белополяков, но, стреляя из карабина, он отбился, а к утру ползком добрался до полка. С большой выдержкой действовал пулеметчик Михаил Семенков, прикрывая свой отходивший через мост эскадрон. Противник открыл по нему сильный огонь. Погиб помощник наводчика, сам Семенков был ранен, но продолжал косить врагов. Толь-

ко глубокой ночью, когда кончились патроны, он каким-то чудом перебрался по разрушенному мосту и вернулся в свою часть.

В числе храбрецов, дерзко ворвавшихся в Новоград-Волынский, была и отважная разведчица 6-го конарт-дива Татьяна Никитина.

Когда я рано утром приехал в Ужачин, где расположился штаб начдива 6-й С. К. Тимошенко, через село проходили эскадроны 3-й бригады Н. П. Колесова. Исхудалые лошади, спотыкаясь, понуро плелись по растоптанной дороге. А как жалко было смотреть на бойцов, лица их почернели, глаза запали.

Я решил подойти к колонне поговорить с людьми, ободрить их. Но неожиданно послышалась команда:

— Повод вправо!

Так в кавалерии предупреждают о препятствии, которое нужно обойти. Я в недоумении остановился, не замечая ничего особенного. И только когда бойцы свернули вправо, разглядел на середине дороги серую и потому трудно различимую в пыли курицу-наседку. Вокруг матери забавно копошились крохотные комочки, толкаясь и подбирая что-то съедобное в придорожном мусоре.

Меня настолько растрогала эта обычная на первый взгляд сцена, что я готов был снять фуражку и поклониться седому командиру эскадрона. В суровых военных испытаниях этот человек не потерял любви к жизни. Именно эта любовь к жизни руководила им в бою, ожесточала, когда он видел врага, несшего смерть ему и его товарищам, а здесь заставляла сворачивать в сторону, чтобы не растоптать маленькое живое существо — цыпленка.

Я не стал останавливать эскадрон, а лишь сказал несколько ободряющих слов проезжавшим мимо бойцам, похвалил их за молодецкую удаль, проявленную в бою, посоветовал держать голову выше, как подобает солдатам революции.

Подошел Тимошенко.

— На рассвете белополяки контратаковали первую бригаду,— доложил он.— Пехоту удалось отбросить, но артиллерия вынудила нас отойти. И что обидно,— наши пушки молчат: нет снарядов.

— А как настроение бойцов? — поинтересовался я.

— Устали очень, вторые сутки без сна. И хлеба нет. Но все горят желанием взять Новоград-Волынский. Вы только помогите нам боеприпасами. Стрелять совсем нечем, товарищ командарм.

— Потерпите немного, Семен Константинович. Теперь уж скоро из Житомира подойдут обозы с патронами и снарядами.

Мы вошли в помещение штаба дивизии. У раскрытого окна, навалившись мощной фигурой на небольшой столик, сидя спал П. В. Бахтуров. Тимошенко поправил свесившуюся руку боевого друга.

— Не будите, пусть отдохнет,— сказал я.

Начдив рассмеялся:

— Разбудить? Да теперь хоть из пушек пали,— ни за что не проснется.— И уже серьезно добавил: — Удивительный человек! То целыми сутками уснуть не заставишь, все норовит с бойцами побыть, да где всего тяжелее. А потом минута свободная выпадает, прямо на ходу и прикорнет.

Вошел К. К. Жолнеркевич, устало щуря черные глаза. Он, как и начдив с комиссаром, всю ночь провел в боевых порядках дивизии. Мне нравился этот трудолюбивый и честный поляк. Бывший полковник царской армии, он с первых дней революции перешел на сторону Советской власти. Кстати сказать, таких поляков, сражавшихся плечо к плечу с русскими, было у нас немало.

Посоветовавшись с командованием 6-й дивизии, я принял решение повторить штурм Новоград-Волынского с востока. Наступление назначил на ночь. К тому времени должны были подойти 2-я бригада и артиллерия 11-й кавалерийской дивизии, которая еще имела небольшой запас снарядов. С. К. Тимошенко получил задание разведать реку Случь южнее города и установить, можно ли перейти ее вброд.

К полудню я уже был на северо-востоке от Новоград-Волынского, в небольшом хуторке Вершница, где расположился штаб 11-й дивизии. Ф. М. Морозова и К. И. Озолина, как обычно, в штабе не оказалось. Они находились в 1-й бригаде, которая вела бой за переправу в районе Чижовки.

Я отправился туда. В это время как раз наши в пешем строю перешли в наступление.

Так же, как и в 6-й дивизии, мне бросилась в глаза усталость бойцов. Атакуя, они не могли пробежать более десяти шагов и падали на землю, чтобы отдышаться.

Очередная атака не принесла успеха. Противник держал мост под перекрестным огнем. Было ясно, что взять его ослабевшая бригада не в состоянии. А других переправ поблизости не было.

Обычно жизнерадостный, бодрый, на этот раз Федор Максимович с горечью пожаловался на усталость людей. У нас с ним была старая дружба. Мы вместе создавали первый конный отряд на родине, в станице Платовской, вместе воевали, и даже когда я стал командармом, добрые чувства товарищества у нас не угасли. Меня восхищала в Морозове изумительная храбрость. И не только это. Вообще смелых людей у нас в коннице было предостаточно. Но у него отвага сочеталась с незаурядным талантом самородка-военачальника, отличного организатора. И если сейчас этот человек приуныл, значит, ему тяжело сверх меры.

— Боеприпасов, Семен Михайлович, мало. В дивизии осталось не больше десятка тысяч патронов,— говорил Федор Максимович.— А снаряды совсем кончились. Последние две сотни только что отправил Тимошенко. Опять же потери большие. И продовольствия нет, который уж день бойцы одну зелень едят.

Я, как мог, успокоил начдива, посоветовал ему из конармейцев, потерявших лошадей, создать пеший дивизион, атаки на Чижовку прекратить, а лишь демонстрировать наступление.

3

В полевой штаб армии вернулся, когда уже сгущались сумерки и от небольшой речушки Тня, огибавшей Крапивну, потянуло туманной сыростью.

Часов около двух ночи приехал С. К. Тимошенко. Доложил, что и с юга взять Новоград-Волынский не удалось. Единственный здесь мост через Случь противник подорвал.

Правда, разведка нашла два мелких брода южнее Новоград-Волынского: один — в Гульске, другой — в двух верстах севернее села. По рассказам жителей, имелся брод и южнее Гульска, в селе Тальки.

Сложившаяся обстановка убедила Реввоенсовет Конармии, что продолжать атаки Новоград-Волынского с востока и северо-востока нецелесообразно. Решено было на востоке вести лишь демонстративное наступление, а главные силы армии перегруппировать к югу от города в район Гульск — Тальки.

Перегруппировка предстояла сложная, требовавшая скрытности, большого напряжения физических сил. Но только таким путем мы могли обеспечить внезапность, а значит, и успех наступления. Ведь основные свои силы противник держал восточнее и севернее Новоград-Волынского.

Чтобы лично поставить командованию дивизий задачи на решающий бой за Новоград-Волынский и мобилизовать энергию коммунистов на выполнение их, 24 июня мы провели совещание начдивов, комбригов и комиссаров. Не приехали только командиры из 4-й дивизии. У них осложнялась обстановка в районе Емильчино — Сербы.

Суть высказанного на совещании решения коротко состояла в следующем.

Одна бригада 11-й оставалась в районе Ржадковка — Лубчицы для демонстративного наступления на город с востока, а другая выдвигалась за правым флангом С. К. Тимошенко. После форсирования реки Случь у Ивашковки она должна была способствовать развитию наступления.

6-й дивизии предстояло передать свою полосу 11-й. Затем выйти в район Гульска, форсировать вброд Случь, потом реку Смолка на участке Стриева — Кануны и атаковать Новоград-Волынский с юго-запада, отрезая пути отхода противнику на Корец — Ровно.

14-й дивизии с 21-м автобронеотрядом следовало занять район Черница — Немыльня, форсировать реку Случь у Тальки — Кикова, затем наступать на Рогачев и Смолдырев, отбрасывая неприятеля от Новоград-Волынского к югу.

На 4-ю кавалерийскую возлагалась задача прикрыть Конармию с севера. Она должна была занять и упорно оборонять рубеж Цицилевка — Катериновка — Ивановка. В случае же отхода противника дивизия переходила в решительное наступление и форсировала Случь на участке Малая Цвиля — Чижовка.

45-й стрелковой дивизии следовало переправиться через Случь в районе Барановка — Рогачев, а бригаде Г. И. Котовского — овладеть железнодорожным узлом Шепетовка. И. Э. Якиру подчинялись все бронепоезда Конармии.

Завершение перегруппировки и начало атаки назначались на утро 26 июня.

К. Е. Ворошилов в своем выступлении от имени Реввоенсовета армии дал указание комиссарам довести решение о предстоящем наступлении на Новоград-Волынский до каждого бойца.

После совещания я с Петром Зеленским и ординарцами сразу же выехал в Кулиши, где расположился штаб 4-й дивизии.

Прежде чем добраться до места, нам пришлось преодолеть десятки заболоченных ручьев и речушек. То один, то другой боец попадал в трясину. К тому же разразился проливной дождь, беспощадно полоскавший нас добрую половину дороги. Усталый, промокший до нитки, вошел я в хату, занятую Ф. М. Литуновым и В. И. Берловым. Начдив и комиссар были немало удивлены моим неожиданным появлением.

Положение дивизии к моему приезду упрочилось. В ожесточенном бою она сломила сопротивление противника и овладела важными населенными пунктами Емильчино, Середы, Сербы. В бою за сильно укрепленное село Емильчино нашим кавалеристам оказала помощь 131-я бригада 44-й стрелковой дивизии 12-й армии.

Как все начдивы и комиссары, Литунов с Берловым стали жаловаться на то, что в частях нет хлеба и фуража, кончаются боеприпасы, начинается падеж лошадей, особенно в пулеметных подразделениях и артиллерии.

Затем В. И. Берлов рассказал, что уже после боя к нам перешло около роты польских солдат во главе с поручником. Это был первый случай, когда подразделение противника, да еще под командой офицера, добровольно сдалось в плен, и меня он очень заинтересовал.

Я попросил привести офицера. Помню, его звали Александром. От волнения путая польские и русские слова, то и дело приглаживая ладонями больших рук вьющиеся светлые волосы, он рассказал, что до армии

был рабочим, в мировую войну вместе с русскими сражался против германских войск и на фронте получил офицерское звание. Солдаты, которые с ним пришли, тоже служили в русской армии.

Я спросил Александра, что его заставило перейти на нашу сторону. Порывшись в кармане, он протянул мне листовку с обращением к польским солдатам и легионерам, к рабочим и крестьянам. Внизу под обращением стояли подписи В. И. Ленина и М. И. Калинина.

Я прочитал вслух те строки, которые офицер, видно, не раз обдумывал и даже подчеркнул карандашом: «Сражаясь против нас из-под палки польских панов, вы совершаете измену по отношению к будущей социалистической Польше и к рабочему классу всего мира. Очиститься от пятен измены вы можете только одним путем: перейти к нам с братски протянутой рукой. Мы по первому вашему требованию обязуемся возвратить вас затем в Польшу, которая станет действительно свободной и независимой Польшей — достоянием трудового народа.

Бросайте же кровавое, бесчестное, проклятое дело борьбы с рабочими и крестьянами России и Украины! Переходите к нам в одиночку или целыми частями, с оружием или без оружия.

Долой польскую буржуазию и шляхту! Долой вызванную ею преступную войну! Да здравствует независимая Рабоче-Крестьянская Польша в братском союзе с Рабоче-Крестьянской Украиной и Россией!»[1]

Когда я кончил читать, офицер заговорил взволнованно и горячо:

— Я, как и мои солдаты, искренне верю призывам Советского правительства и убежден, что Красная Армия действительно является другом, а не врагом польского пролетариата.

Мы еще долго с ним беседовали. Нельзя было не верить этому человеку, который хранил у себя листовку, рискуя поплатиться жизнью, если бы польской контрразведке стало о ней известно. Он познал пролетарскую солидарность, научился отличать русского рабочего и крестьянина от российского помещика и капиталиста. Я обещал помочь ему вернуться на родину, чтобы вме-

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 49, л. 126.

сте с тысячами других польских патриотов бороться за народную Польшу, за мир между нашими странами...

Поспать мне пришлось каких-нибудь полтора — два часа. Около трех ночи в Кулишах поднялся шум, под окнами зашлепали копыта лошадей, послышались команды. Вошел Литунов:

— Противник перешел в наступление. В Емильчино и Середы идет бой. Прошу разрешения выехать в бригаду Чеботарева.

— Поезжайте. А я буду в Емильчино. Держите со мной связь.

Лошади на ночь не расседлывались, и уже через несколько минут я был в пути. Впереди полыхал пожар, слышался гул боя, нараставший по мере нашего приближения к селу.

Мы галопом влетели на центральную улицу, на которой тут и там рвались снаряды. Несколько домов было охвачено пламенем.

Недалеко от нас плюхнулся и с оглушительным треском разорвался снаряд. Взрывная волна подняла на воздух стоявшую у дороги повозку и бросила в стену соседней избы. Лошади ординарцев метнулись в сторону. Мой Казбек в момент взрыва осел на задние ноги и, вздрогнув всем телом, резко прыгнул. Оказалось, осколок рассек ему круп, но, к счастью, проник не очень глубоко.

Особенно напряженный бой шел на северной окраине Емильчино. Мы поскакали туда и натолкнулись на бойцов, вытаскивавших из канавы орудие.

— Вы почему не в бою?

— Застряли. Да все равно снарядов нет,— в один голос ответили артиллеристы.

Проскочив дальше, я увидел людей, собравшихся за сараем. Здесь был наблюдательный пункт 1-й бригады. Из пролома в крыше ветхого строения выглянул помощник комбрига К. С. Гончаров:

— Товарищ командарм, поднимайтесь ко мне, отсюда все видно.

— Докладывайте, что тут у вас происходит.

— Противник лезет, как саранча, а мы снаряды и патроны экономим. Третью атаку с трудом отбили. Тяжелее всего Стрепухову. К нему почти вплотную лес

подступает. Там белополяки накапливаются и, боюсь, могут обойти его слева.

Вдали, северо-восточнее, у дороги, слышалась частая ружейная стрельба. У леса, за рекой Телина, рвались снаряды. Там вела бой 44-я стрелковая дивизия.

— Пошлите к пехотинцам человека. Пусть они к вам прижимаются. А болото незачем оборонять, противник туда не полезет. И ни шагу назад, — приказал я Гончарову.

Оставив у него для связи Зеленского, я с ординарцами отправился к Стрепухову.

Миновав улицу и проскочив по обстреливаемому мосту, мы увидели эскадроны 19-го полка, контратаковавшие противника в конном строю. Жидкое, словно обессилевшее, «ура» гасло у леса. Через некоторое время отброшенный неприятелем полк уже отходил обратно под прикрытием огня пулеметных тачанок.

Позади отступавших бойцов на взмыленном коне с выбившимся из-под кубанки чубом скакал Стрепухов. Хороший это был командир, толковый и смелый, только имел одну слабость — не терпел пешего боя. Попадало ему за это не раз, да и теперь не поздоровилось...

Трижды противник выходил к реке и бросался в атаку, но прорваться в Емильчино не мог. Каждый раз, устилая пологий берег трупами, он откатывался к лесу, чтобы собраться с силами и возобновить наступление.

Перед утром возникли осложнения северо-восточнее Емильчино. Примчался Зеленский и сообщил, что белополяки переправились через реку Телина и начали теснить 44-ю стрелковую дивизию.

Вскоре под давлением превосходящего противника ее 131-я бригада стала отходить, оголяя фланг нашего 20-го кавполка. Только совместная контратака пехотинцев и кавалеристов позволила остановить врага. 131-я бригада закрепилась на северо-восточной окраине Емильчино.

Больше всего теперь меня беспокоил 19-й полк. У него кончались боеприпасы.

Стрепухов направил людей в 44-ю дивизию занять патронов. А я послал Зеленского к Литунову с распоряжением направить к Емильчино один полк 3-й бригады.

Взошло солнце, и бой на участке 19-го полка разгорелся с новой силой. Заметив по ослабевшему огню, что конармейцы экономят боеприпасы, противник все настойчивее подступал к реке. На его флангах появилась конница. Вытягиваясь из леса, она разворачивалась для атаки.

Я подозвал Стрепухова:

— Перебросьте к флангам тачанки. Один эскадрон держите в резерве, в конном строю. Прорвавшиеся группы врага надо контратаковать и уничтожать в рукопашной схватке!

Отдав коня ординарцу, я направился к бойцам, занявшим позиции на огородах. В окопчике у плетня пристроился расчет «льюиса», поблизости рассыпалась цепь стрелков.

— Как дела, друзья? — спросил я пулеметчиков.

— Ничего, держимся, — ответил старший по возрасту и неожиданно крикнул: — Ложись!

Я плюхнулся рядом с ним, и тут же позади нас разорвался снаряд.

— Вы бы ушли, товарищ командарм, здесь всякое бывает, — разом заговорили бойцы.

Снова метрах в тридцати ухнул снаряд. И тут же на флангах застучали пулеметы.

Противник поднялся в атаку. Поле впереди ожило, покрылось сотнями темных фигурок, бегущих, падающих, кричащих.

Бойцы, лежавшие около меня, умолкли, крепче сжимая винтовки. Только «льюис», как простуженный, закашлял короткими очередями.

Первые польские цепи залегли у реки. К ним подходили все новые и новые, катившиеся от леса. Небольшая группа противника кинулась в воду и вплавь добралась до занятого нами берега. Но дружной контратакой конармейцы сбросили ее в реку.

В разгар боя на помощь 19-му полку подошли части 131-й стрелковой бригады с батареей. Пехотинцы включились в огневой бой. С крыши рядом стоящей хаты длинными очередями ударил «максим». На противоположном берегу стали рваться снаряды. Это стреляла артиллерия 44-й стрелковой дивизии.

Но вот справа по мосту прорвалось до батальона противника. Белополяки уже обходили фланг полка,

когда на них налетел резервный эскадрон. Сверкая обнаженными клинками, коротким лихим ударом конармейцы отбросили врага, а затем под прикрытием двух станковых пулеметов на тачанках отскочили за постройки.

Перелом в бою наступил с подходом одной из бригад Литунова. 23-й и 24-й полки ее в конном строю вырвались на левый берег реки. Стремительной атакой они смяли правый фланг неприятеля и погнали к лесу.

Прибежал Стрепухов, обрадованно потирая руки:

— Началось. Можно, пожалуй, дать команду «По коням!», — и вопросительно посмотрел на меня.

— Вот теперь пора, — согласился я.

Противник, отстреливаясь, отходил в лес по дорогам на Подлубы и Медведево...

В середине дня я вернулся в штаб дивизии. В Кулиши приехал Ф. М. Литунов. Он рассказал о бое 3-й бригады.

Ночью пехотный полк противника, используя кустарник и высокие хлеба, подошел к селу Середы и ворвался в него. Три часа шел уличный бой. Только к рассвету врага удалось выбить. А после того как 3-я бригада по моему приказу выступила в Емильчино, белополяки снова атаковали.

В Середах остался один штабной эскадрон. Но он стоил целого полка. Служили в нем бойцы бывалые, не раз, не два раненные, отчаянные рубаки, способные драться один против трех. Поэтому Литунов смело повел эскадрон в контратаку и отбросил противника. Кстати, из Емильчино возвратился 23-й кавполк С. Ф. Разумовского. Конармейцы перешли в преследование, на плечах противника ворвались в село Медведево и заняли его.

Тяжело пришлось в эту ночь и 2-й бригаде 4-й дивизии. На занимаемые ею Сербы навалилась 3-я пехотная дивизия легионеров. После длительного боя село пришлось оставить.

Но на рассвете И. В. Тюленев искусным маневром вывел свои части к северо-восточной окраине Сербы. Отсюда поддержанные полком 130-й Богунской бригады 44-й стрелковой дивизии конармейцы внезапно обрушились на противника. Белополяки сопротивлялись,

цеплялись за каждый дом и все же вынуждены были отступить.

Я похвалил Литунова за искусное руководство войсками. Можно было считать, что в целом ночной бой закончился в пользу 4-й дивизии. И дело не только в том, что она удержала свой рубеж и нанесла противнику серьезное поражение. Главный итог — польскому командованию не удалось разгромить наш правый фланг и выйти в тыл Конармии.

По нашим подсчетам, основанным на показаниях пленных, против 4-й кавалерийской дивизии и двух бригад 44-й стрелковой действовали 6-я пехотная дивизия, 3-я дивизия легионеров, три кавалерийских полка и две артиллерийские бригады. Общая численность польских войск здесь составляла около 12 тысяч. Имея более чем двойное превосходство в живой силе, преимущество в вооружении и особенно боеприпасах, противник, однако, оказался не в состоянии продвинуться. Он потерял свыше 500 человек убитыми, столько же пленными, 10 орудий и более 30 пулеметов.

Пленные рассказывали, что, разъяренные неудачей, польские офицеры свирепствовали. Они прямо на позициях расстреливали солдат, проявлявших малейшее колебание.

Во время допроса мне бросилось в глаза, что большинство пленных оказалось солдатами старших возрастов, участвовавших в мировой войне. Польская армия качественно менялась.

4

Багровый диск солнца опускался за горизонт, когда мы подъезжали к Крапивне. В полевом штабе армии шла напряженная работа. Готовился завершающий удар по Новоград-Волынскому.

За время моего отсутствия К. Е. Ворошилов успел побывать в 6-й и 14-й дивизиях и установил, что перегруппировка войск в исходные районы южнее Новоград-Волынского идет нормально. Ему пришлось приложить немало усилий для подтягивания обозов второго разряда, двигавшихся из Житомира. Большая часть автомобилей и повозок с патронами, снарядами, фуражом, продовольствием уже прибыла и была распределена по

дивизиям. С обозами подошла и 3-я бригада Ф. М. Морозова. На подходе были сформированные Упраформом тяжелый артиллерийский дивизион и резервная кавбригада численностью 950 сабель.

Тяжелый артиллерийский дивизион мы решили направить в район действий 11-й кавалерийской дивизии для обстрела дорог из Новоград-Волынского на Корец. Резервной кавбригаде приказали сосредоточиться за 14-й кавдивизией, чтобы прикрыть левый фланг армии со стороны Рогачева. На участок Рогачев — Шепетовка выдвигались 45-я стрелковая дивизия и кавбригада Г. И. Котовского.

Все складывалось очень хорошо, и настроение было превосходным.

И вот наступило 26 июня. День выдался душным, безветренным. Ослепительное солнце сушило щедро политую дождями землю.

Местность, где должны были развернуться основные события, с нашего наблюдательного пункта, выбранного на высоте, в трех километрах от Новоград-Волынского хорошо просматривалась. Прямо перед нами простиралась долина Случи, а за ней, как на ладони, лежал Новоград-Волынский. Пологий наш берег к югу от города кишел всадниками. Это готовились к наступлению бригады 6, 11 и 14-й дивизий. Но пока там было тихо. Зловеще молчал и крутой западный берег, ощетинившийся колючими проволочными заграждениями.

А на восточной окраине Новоград-Волынского загремела артиллерийская канонада. На село Лубчицы, занятое бригадой 11-й кавдивизии, обрушились снаряды. Севернее города за небольшим лесом тоже послышалась перестрелка. Это 4-я дивизия завязала бой за переправу в Чижовке. Однако Лубчицы и Чижовка нас интересовали меньше. Там лишь демонстрировалось наступление, чтобы отвлечь внимание неприятеля от направления нашего главного удара в районе Гульск — Тальки.

Но как раз там наступление разворачивалось медленнее, чем хотелось бы. Короткие вспышки пулеметной стрельбы чередовались с непонятными передвижениями. Только после полудня на участке 14-й дивизии началась интенсивная артиллерийская дуэль.

Прошло еще два-три часа. А 6-я дивизия все еще вела бой на нашем берегу. Неприятельский батальон,

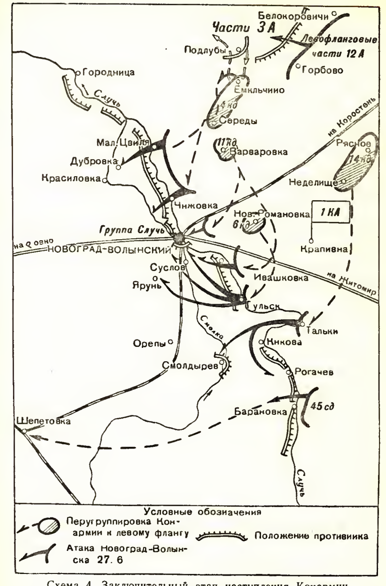

Схема 4. Заключительный этап наступления Конармии на Новоград-Волынский

усиленный пулеметными подразделениями, цепко оборонял Гульск, особенно упорно защищая переправы. Я вынужден был послать к С. К. Тимошенко адъютанта с приказанием активизироваться и форсировать реку.

Первой добилась успеха 14-я дивизия. Три ее полка атаковали Тальки, выбили противника из села, с ходу переправились через Случь и захватили плацдарм на левобережье.

Пользуясь задержкой нашей 6-й дивизии, белополяки нанесли огневой удар по переправившимся частям А. Я. Пархоменко. Но полки, возглавляемые командирами Ф. М. Фаткиным, В. С. Голубовским и Е. Д. Дроновым, держались стойко, не отошли ни на шаг и обеспечили переправу остальных войск.

Тем временем, получив мое распоряжение, начдив 6-й бросил в атаку на Гульск спешенную 2-ю бригаду. Ее поддержали артиллерия стрельбой прямой наводкой и снятые с тачанок пулеметы, выдвинутые прямо в атакующие цепи.

Уже начало темнеть, а бой на фронте 6-й и 14-й дивизий гремел не умолкая. Над постройками, стоявшими на берегу Случи, взметнулись языки пламени. Это противник поджигал хаты, чтобы пламя освещало переправы и позволяло держать их под прицельным огнем.

В полночь привели первую партию пленных, взятых 6-й дивизией в Гульске. Мы долго допрашивали их, выясняя группировку противника.

Особенно интересные сведения дал один офицер. Он продолжительное время служил в штабе соединения и был достаточно осведомлен. По его словам, против нашей армии действовало около 20 тысяч пехоты и свыше 5 тысяч улан.

Непосредственно для обороны Новоград-Волынского польское командование стянуло примерно половину этих сил, а также много артиллерии — 50 легких и 8 тяжелых орудий. Часть из сосредоточенных сюда войск переброшена с других участков советско-польского фронта или из глубины страны. Так, 65-й пехотный полк 16-й Поморской дивизии прибыл из Белоруссии, а резервная дивизия — из Ломжинской губернии.

Большие потери в последних боях и беспрерывные отступления, по словам поручника, породили у солдат неверие в возможность противостоять красной конни-

це. Настроение в войсках подавленное, многие готовы сдаться в плен, только боятся офицеров...

Чуть забрезжил рассвет, и мы снова отправились на наблюдательный пункт. Солнце еще не взошло, но воздух был горячим, словно накалил его жаркий бой, не умолкавший всю короткую летнюю ночь.

К утру 6-я и 14-я дивизии захватили первую линию окопов противника и подошли ко второй, тоже прикрытой заграждениями и сильным ружейно-пулеметным огнем.

Бой достиг наивысшего напряжения. Атаки следовали одна за другой. «Назад за Случь пути нет! Даешь Новоград-Волынский!» — призывали бойцов коммунисты. И опять начинался штурм, упорный, неотступный.

Прискакал разгоряченный Морозов:

— Семен Михайлович, огонь с восточной окраины Новоград-Волынского заметно ослаб. У меня наметился успех. Разрешите бросить в бой третью бригаду.

Я согласился. Его бригаду мы назначили в армейский резерв, рассчитывая ввести в дело там, где наступит перелом в нашу пользу. Теперь успех наметился у Морозова, на его участке и следовало использовать 3-ю бригаду.

Вскоре поступили донесения. 14-я дивизия прорвала оборону противника и развивала наступление на Смолдырев, а 2-я бригада Морозова форсировала Случь у Ивашковки.

— Ну что, Семен Михайлович, пришла и нам пора взяться за оружие, — улыбнулся Климент Ефремович, доставая свой карабин.

— Я тоже так думаю. Поедемте в шестую дивизию.

— Пожалуй, мое место с ними, — кивнул Ворошилов в сторону готовившейся к наступлению спешенной 3-й бригады 11-й дивизии. — Поднажмите там, а я здесь. До встречи в Новоград-Волынском!

Он взял карабин, поправил маузер на поясе и вместе со своим адъютантом Р. П. Хмельницким быстро зашагал...

В 6-ю дивизию я приехал, когда уже очищалась от врагов вторая линия окопов. Бригада Н. П. Колесова лавой устремилась в образовавшуюся брешь.

Противник попытался задержать прорвавшихся конармейцев. На наших глазах из урочища Конотоп южнее

Новоград-Волынского выскочил уланский полк и устремился во фланг бригады Колесова. Хорошо, что наши вовремя заметили. Навстречу уланам помчался 36-й кавалерийский полк Ефима Вербина.

И вот уже полки столкнулись. Началась жестокая сеча. Я видел, как Вербин с десятком конармейцев ворвался в строй белополяков и начал прорезать его. Прошло всего несколько минут, а уланы уже дрогнули. Только добрые, сытые кони спасли их от полного разгрома. Группами и в одиночку они откатились в лес, уступая нашим дорогу на Новоград-Волынский. 36-й кавполк, участвовавший в борьбе за город, получил почетное наименование Новоград-Волынского.

С. К. Тимошенко разыскать поблизости не удалось. Он ускакал с наступающими частями. Встретил К. К. Жолнеркевича. С ним мы поехали в село Стриева, где имелась церковь.

С колокольни открывалась широкая перспектива. В бинокль хорошо была видна развернувшаяся веером 6-я дивизия, уходившая на запад. Южнее ее бригады Пархоменко, выбив противника из большого села Кикова, направились к Рогачеву и Смолдыреву.

— Все ясно, Константин Карлович. Поехали в город, — предложил я Жолнеркевичу.

У урочища Конотоп догнали трубачей 6-й дивизии. Они молча расступились, и я увидел медленно двигавшуюся пулеметную тачанку. На ней, прикрытый по грудь буркой, лежал командир 34-го кавалерийского полка Игнат Григорьевич Долгополов. Легкий ветерок шевелил его русые волосы. По бледному лицу и запекшейся крови на виске нетрудно было понять, что он мертв. Я снял фуражку и склонил голову над телом героя.

Прядая ушами и вздрагивая, беспокойно всхрапывал привязанный к тачанке гнедой конь — немой свидетель ратных подвигов хозяина. Скрипела и тряслась на ухабах разбитой дороги тачанка. Раскачивалась голова Игната. И порой казалось, что он хочет приподнять ее и сказать уходившим на запад бойцам последнее напутственное слово. Я знал, как он любил подчиненных, и они отвечали ему тем же.

Ординарец Долгополова рассказал, что погиб Игнат в момент прорыва обороны противника. Он шел в ата-

ку впереди всех, но, сраженный пулей, упал на колючую проволоку. Бойцы подняли его и на руках пронесли через окопы вместе со Знаменем полка...

Улицы Новоград-Волынского оказались заполненными конармейцами и горожанами. Кругом царило праздничное оживление. Радостные и взволнованные жители встречали своих освободителей большими букетами цветов.

Нам пришлось приложить немало усилий, чтобы освободиться от бесконечных дружеских объятий и прорваться к дому, где разместился полевой штаб.

К. Е. Ворошилов был уже на месте и, не теряя времени, включился в работу по наведению революционного порядка в городе.

К вечеру мы подготовили и подписали приказ о создании временного Новоград-Волынского революционного комитета во главе с Павлом Семеновичем Рыбалко. Для охраны города и поддержания в нем порядка командира полка Н. В. Ракитина назначили начальником Новоград-Волынского гарнизона.

А на исходе дня, когда все неотложные дела были решены и мы собрались отдохнуть, из штаба фронта поступила радиограмма.

— «Реввоенсовет Юго-Западного фронта, — говорилось в ней, — приветствует беззаветную храбрость и военную доблесть богатырей Первой Конной армии и от лица всех армий фронта поздравляет их с новой блестящей победой» [1].

☆

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 1770, лл. 1—3.

10. КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД РОВНО

1

Поражение интервентов под Киевом и почти месячное победоносное наступление армий Юго-Западного фронта надломило моральный дух и боеспособность польских войск. Причем деморализация охватила не только солдат и значительную часть офицеров, но даже распространилась на ряд лиц высшего командного состава. Сошлюсь на свидетельства самого Пилсудского.

«Вызвав в конце июня в Варшаву генерала Шептицкого[1], для переговоров по всем вопросам, — писал он, — я нашел в нем огромный упадок духа. На собрании у меня в Бельведере нескольких генералов он заявил мне, что, собственно, война проиграна и что, по его мнению, следует какой угодно ценой заключить мир. Мотивы, которые он приводил, заключались в следующем: успехи Конной армии Буденного на юге настолько сильно деморализуют войска на всем театре войны, причем деморализация эта уже сильно чувствуется и в стране, что ему кажется невозможным, чтобы наши усилия могли бы ликвидировать эти успехи. И поэтому он ожидает, что вскоре на самых глубоких его тылах, в Бресте, появится Буденный со своей конницей, что сделает невозможным для него удержание фронта, а отступление может превратиться в расстройство и беспорядок»[2].

К тому времени пришел конец заблуждениям и Пилсудского относительно боевых возможностей советской конницы. Кавалерийское объединение — Конная ар-

[1] Командующий польским северо-восточным фронтом.
[2] Ю. Пилсудский. 1920-й год, стр. 95.

мия, — которое Пилсудский месяц назад считал «оперативной нелепостью», за короткое время спутало его стратегические планы. «Приблизительно под конец июня, — признается верховный главнокомандующий польских вооруженных сил, — мне стало ясно, что добиться быстрого решения на южном фронте мне не удастся и что поэтому мой предыдущий план, основанный на недооценке конницы, должен быть изменен...» [1]

Борьбе с Конармией теперь уделялось самое серьезное внимание. Наряду с переброской на наше направление резервов из глубины страны и с других фронтов в Польше срочно формировались 12 кавалерийских полков, предназначенных для разгрома Конармии. «Постоянные неудачи, — писал Пилсудский, — не могли не отразиться и действительно отражались на общем настроении, выражающемся в мысли о необходимости введения какого-то нового метода для задержания и нанесения поражения неуловимому до сего времени противнику (Конной армии.— *С. Б.*). Таким мероприятием, по всеобщему мнению, с чем и я был согласен, считалось введение в действие с нашей стороны большого числа конницы. К организации этого средства борьбы было приступлено немедленно и энергично» [2].

Успехи советских войск вызвали серьезную тревогу у империалистических организаторов нового антисоветского похода. Обеспокоенные поражением интервентов на Украине, они потребовали от правящих кругов Польши новых усилий, обещая во всем свою поддержку.

И польское правительство предприняло дополнительную мобилизацию. Для вооружения свежих формирований в конце июня из стран Антанты в Польшу прибыли очередные транспорты с оружием и боеприпасами.

Провоцируя панскую Польшу на продолжение войны, руководители Антанты форсировали подготовку к наступлению белогвардейской армии Врангеля. Французские и английские корабли спешно перебрасывали в Крым танки, броневики, оружие, снаряжение.

Обильная помощь империалистов позволила Врангелю уже в первых числах июня перейти к решительным

---

[1] Ю. Пилсудский. 1920-й год, стр. 48.
[2] Там же, стр. 49.

действиям. Он сосредоточил против 13-й Красной армии, занимавшей фронт на крымском направлении, четыре корпуса — 1-й, 2-й армейские, Сводный и Донской. По живой силе противник превосходил здесь советские войска более чем в два раза, а его преимущество в техническом отношении было вообще неизмеримо.

Но, несмотря на это, войска 13-й армии держались с большим упорством. Врангель достиг некоторого территориального успеха, но ему не удалось разгромить 13-ю армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта. К 24 июня фронт стабилизировался на линии Херсон — Никополь — Б. Томак — Бердянск. Врангель не смог серьезно повлиять на стратегическую обстановку в пользу белополяков. Но пока он занимал часть южных районов Украины, угрозу с его стороны нельзя было не учитывать. Поэтому Советское правительство, по-прежнему уделяя главное внимание польскому фронту, принимало все меры к усилению войск, действовавших против Врангеля.

В. И. Ленин указывал, что, «несмотря на те успехи, которые мы одерживаем на польском фронте, положение все же такое, что мы должны напрячь все силы... Важно не только начать, но нужно выдержать и устоять...» [1]

Советское правительство, наша Коммунистическая партия мобилизовали все силы и средства народа на разгром врага. Центральный Комитет РКП(б) обратился с письмом ко всем партийным организациям, призывая помочь фронту. Совет труда и обороны, возглавляемый В. И. Лениным, принял решение о мобилизации, подготовке и отправке в действующие войска новых пополнений, об улучшении материального снабжения Красной Армии. Десятки и сотни коммунистов из губернских, уездных и волостных партийных организаций, лучшие активисты центральных и местных комсомольских, профсоюзных и советских организаций отправлялись на фронт.

От войск теперь требовались новые усилия, чтобы окончательно сорвать планы польских интервентов и Врангеля. В решении этой ответственной задачи известная роль выпала и на долю Первой Конной армии.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 150.

К ночи на 27 июня, утомленные боем за Новоград-Волынский, наши дивизии сосредоточились в 8—10 километрах западнее города на рубеже Красиловка — Ярунь — Суемцы. 45-я стрелковая дивизия и кавалерийская бригада Г. И. Котовского успешно продвигались к железнодорожному узлу Шепетовка. Они не отставали от Конармии, надежно прикрывая ее левый фланг.

В Новоград-Волынском разместились полевой штаб армии, запасная кавбригада и Особый кавалерийский полк. Здесь мы получили директиву Юго-Западного фронта с очередными задачами войскам.

12-й армии оставалась прежняя задача — не позднее 28 июня занять Мозырь и Олевск. Ударная ее группа должна была форсировать Случь, совместно с нами овладеть районом Костополь — Ровно, а затем уже развивать наступление в обход Сарны в общем направлении на Степань, Старый Черторийск.

14-й армии предстояло овладеть районом Староконстантинов — Проскуров [1] и отрезать днестровской группировке противника путь отхода за галицийскую границу.

Наша задача формулировалась так: «Командарму Конной, стремительно преследуя разбитого противника, забирая его технику и пленных, занять 29 июня район Шепетовки и не позднее 3 июля — район Ровно» [2].

Из директивы становился предельно ясен замысел командования Юго-Западного фронта. Оно решило ударом на Ровно окончательно разрезать польский фронт на Украине и разбить противника по частям.

Основная роль отводилась наиболее подвижной Конной армии, действовавшей против 2-й польской армии на решающем, ровненском направлении. Ей предстояло преодолеть не менее 80 километров и при этом форсировать две водные преграды — реки Корчик и Горынь.

Операция требовала серьезной подготовки. Реввоенсовет армии не мог не учитывать, что месячные напряженные бои крайне переутомили конармейцев и до предела измотали конский состав. К тому же мы попрежнему ощущали острый недостаток в боеприпасах, медикаментах. Да и незначительное количество продовольствия и фуража, которое доставил к Новоград-

---

[1] Ныне Хмельницкий.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 1771, лл. 1—3.

Волынскому наш обоз 2-го разряда, было уже израсходовано.

Организовать подвоз из нашей головной базы оказалось не простым делом. Разрушенная железная дорога восстанавливалась очень медленно. Правда, член Реввоенсовета армии С. К. Минин, начальник Автоуправления И. Х. Аргир и чусоснабарма[1] Б. В. Лавровский принимали меры к созданию автоколонн для переброски грузов из Житомира к Новоград-Волынскому, но пока что плоды их усилий были более чем скромными. Это и не удивительно. Чтобы наладить нормальное снабжение действующих частей армии, требовалось время.

В таких условиях начинать операцию было рискованно. Поэтому мы решили выдвинуться на рубеж реки Корчик, километров на сорок западнее Новоград-Волынского. Там привести в порядок дивизии, подтянуть обозы с боеприпасами, продовольствием и фуражом. За это время предполагалось разведать реку Горынь и установить характер обороны противника.

И вот соединения двинулись в указанные им районы. Уже вскоре от них начали поступать донесения. Некоторые части продвигались беспрепятственно либо при слабом противодействии неприятеля. Другим, напротив, пришлось пробиваться. Тяжелый бой выпал на долю 4-й кавалерийской дивизии. Разъезд от ее головной 1-й бригады у села Пищев был внезапно обстрелян. Конармейцы с ходу атаковали сторожевую заставу противника и в короткой схватке разбили. Захваченные пленные показали, что у местечка Корец по восточному берегу реки Корчик занимали оборону два полка 3-й дивизии легионеров.

Установив это, Ф. М. Литунов приказал 1-й бригаде свернуть с шоссе к северу и атаковать левый фланг противника, а 2-й бригаде — обойти Корец с юга и ударить по правому флангу. 21-й бронеотряд и штабной эскадрон получили задачу наступать с фронта вдоль шоссе.

К полудню части заняли исходное положение и, поддержанные артиллерией, перешли в наступление. Атака была стремительной, казалось, противник вот-вот дрогнет и побежит. Но он выдержал и, подпустив конармейцев, встретил их сильнейшим огнем. Атака захлебнулась.

---

[1] Чрезвычайный уполномоченный по снабжению армии.

Полки спешились и продолжали наступать. Польские легионеры дрались с отчаянием обреченных. Пытались даже контратаковать, но всякий раз несли потери.

Все же после двух часов ожесточенного боя нервы польских солдат не выдержали. Чтобы прикрыть свою отходящую пехоту, в последнюю контратаку бросились уланы. Подошедшая 3-я бригада приняла на себя удар и, смяв противника, обратила его в бегство. Белополяки потеряли до 100 человек убитыми и 150 пленными. 4-я дивизия захватила шесть орудий, много пулеметов, винтовок и часть обозов.

Почти одновременно в районе сел Печиводы и Киликиев 6-я дивизия столкнулась с тремя полками конницы. Обычно в конном строю польская кавалерия без поддержки пехоты не выдерживала единоборства с нашими частями. И на этот раз при первом же натиске она поспешно отошла за реку Горынь, бросив на поле боя шесть орудий.

30 километров 11-я дивизия двигалась спокойно. Но к вечеру у населенных пунктов Кутки и Березадов завязала бой с кавалерией противника. В селе Кутки стояли три польских эскадрона. Наш один эскадрон 62-го кавполка, двигавшийся в головном отряде, дерзко атаковал превосходящего противника. Застигнутые врасплох, уланы не смогли оказать серьезного сопротивления и, потеряв до 50 человек убитыми, обратились в бегство. Полк преследовал их 5 километров до села Мирутин.

Подобное этому произошло и в Березадове. Штабной эскадрон, возглавляемый комиссаром штаба 11-й дивизии Николаем Вишневецким, прямо с ходу атаковал занимавшую село конницу, а подошедшие главные силы бригады С. М. Патоличева преследовали ее затем 10 километров до села Жуков.

В общем, к исходу дня Конармия овладела рубежом реки Корчик и расположилась в районе Корец — Киликиев — Березадов — Красностав, выполнив поставленную перед ней задачу. 45-я стрелковая дивизия заняла Дубовку, в 35 километрах юго-западнее Новоград-Волынского.

В течение 29 и 30 июня дивизии пополнялись боеприпасами и фуражом, кормили и перековывали лошадей, приводили в порядок вооружение и снаряжение, ремонтировали транспорт, эвакуировали больных и ране-

ных. Одновременно они усиленно вели разведку противника на реке Горынь.

Используя кратковременную передышку, 29 июня мы собрали совещание командного и политического состава дивизий, бригад, полков. На нем обсудили предстоящие боевые задачи и один из неотложных вопросов — об отношении к местному населению, о политической работе с ним.

Выступая первым, К. Е. Ворошилов обратил внимание на особенность условий, в которых армия действовала. Нам приходилось идти по районам, неоднократно подвергавшимся оккупации, где еще в годы мировой войны развернулись жестокие бои. Поэтому население здесь до крайности разорено. К тому же часть его неизбежно находилась под влиянием лживой вражеской пропаганды.

— Поэтому задачей политработников и командиров, партийных организаций и всех армейских коммунистов, — указывал он, — является разъяснение народу захватнического характера войны со стороны польских помещиков и капиталистов. Надо добиться, чтобы люди глубоко понимали освободительную миссию Красной Армии, ленинскую национальную политику нашей Коммунистической партии, Советского правительства.

В заключение Климент Ефремович рекомендовал всемерно помогать пролетариату и крестьянству освобождаемых районов в создании и укреплении органов народной власти.

Совещание потребовало запретить конфискацию продуктов у населения, не допускать порчи хлебов на корню и оберегать общественные покосы. Заготовку продовольствия и фуража разрешалось вести только за счет помещичьих излишков и монастырских запасов.

Мое выступление было посвящено итогам предыдущих боев и задачам предстоящей операции. Я особенно подчеркнул необходимость и в дальнейшем широко применять комбинированный бой против пехоты или спешенной конницы, занимавших подготовленную оборону. В прошедших боях хорошо зарекомендовал себя такой прием, когда меньшая спешенная часть сковывала противника демонстративными действиями с фронта, а большая часть скрытно выходила во фланг или тыл врага для решительного удара в конном строю.

На следующий день состоялось заседание Реввоенсовета армии. На нем речь шла о снабжении и о награждении наиболее отличившихся бойцов, командиров и политработников. Дело с продовольствием, фуражом и боеприпасами по-прежнему оставалось сложным. Армейские тылы отстали. Мы решили обратиться по этому вопросу во фронт. Оттуда поступил ответ, что командование принимает меры к удовлетворению потребностей армии. Относительно награждения нам разъяснили, что РВС армии имеет право награждать орденом Красного Знамени до бригадных командиров включительно.

В дни подготовки армии к наступлению на Ровно работать приходилось много. И только поздно вечером выпадало некоторое время для отдыха, для чтения личных писем, газет.

В один из вечеров к нам зашел С. А. Зотов с несколькими листами машинописного текста.

— Что, опять какие-то дела? — спросил Ворошилов.

— Нет. Это перевод статьи референта ставки главного командования польской армии, опубликованной в иллюстрированном журнале шестнадцатого июня. Любопытный материал.

— Ну-ну, дайте-ка посмотреть.

Климент Ефремович взял у Зотова бумаги и начал читать вслух:

— «Относительно ухудшения нашего стратегического положения не может быть и разговора. Общие операции военных действий нельзя оценить по действиям одного или другого участка фронта... Наше положение очень стойкое. Части армии Буденного действительно прорвались в наш тыл и сделали не одно опустошение; одиночные отряды временно приближались даже к Бердичеву и Житомиру, но они, несмотря на слухи, противником не были заняты. Буденновская авантюра находится ныне в стадии ликвидации. Буденный находится теперь в таком положении, что должен искать дорогу для скорейшего возврата на линию наших расположений, и найдет ли он дорогу — это другой вопрос...»

— Уже нашел, — прервал я Климента Ефремовича.

— Постойте, тут о вас лично сказано. — И продолжал читать:

— «Опыт действий в тылу налетами, рейдами он приобрел во время войны с Деникиным и, забравшись

в тыл, принес много вреда. Но там задача его была легче тем, что конница его в большинстве состояла из донских казаков, которые находили некоторое сочувствие у населения. Кроме того, он имел против себя нерегулярную армию, и это облегчило его задачу. В данном случае этим Буденный воспользоваться не может, ибо население ему вовсе не симпатизирует, а крестьяне смотрят на него недружелюбно.

Конница наша травит его со всех сторон, местами Буденный встречает нашу пехоту. Несмотря на нежелание вступать в бой, ему не всегда удается уйти от боя. Вообще Буденный избегает боя. Задача его заключается только в создании паники в тылу. Войско его составлено из отбросов общества: каторжников, бандитов и вообще нежелательного элемента.

Наездники все без седел, лошади заморенные, а ездок похож больше на бандита, чем на солдата. Мнение людей сделало из Буденного какого-то страшного легендарного зверя, но это ложь. Буденный нам не страшен, теперь он старается отступить и очень рад будет, если ему это удастся...» [1]

Не знаю, верили ли референту в Варшаве, но польские солдаты, офицеры и генералы, находившиеся на фронте и действовавшие против Конармии, очевидно, смеялись над этими измышлениями не меньше нас.

2

Два дня противник не проявлял особой активности. Но утром 1 июля три пехотных полка легионеров и два полка из района Гоща — Межиричи перешли в наступление на Корец, против 4-й дивизии. 1-я бригада под давлением превосходящих сил начала отходить.

Ф. М. Литунов приказал своему артдивизиону обстрелять наступающего противника. На помощь 1-й бригаде он направил два бронеотряда и полки И. В. Тюленева. Но это не дало нужного результата. Противник отбросил бригаду Тюленева и продолжал наступать.

К полудню обстановка резко обострилась. Части 4-й дивизии с трудом сдерживали натиск неприятеля. Я рас-

[1] ЦГАСА, д. 293—425, л. 313 (шифр 1935 г.).

И. М. Десятников

В. С. Голубовский

А. А. Поткин-Посадский

П. П. Зеленский

Авиаотряд Конармии

И. Д. Перельсон

порядился, чтобы С. К. Тимошенко двинул на помощь Литунову одну свою бригаду.

Несколько часов продолжался жестокий бой. В ходе его враг был остановлен, а затем и отброшен за реку Горынь. На поле боя противник оставил до 600 убитых и раненых. 4-я дивизия пленила 1000 солдат и офицеров, захватила 4 орудия, 40 пулеметов, 1500 снарядов.

В этом бою конармейцы проявили стойкость и лихую отвагу. Исполнявший обязанности командира 19-го кавалерийского полка Я. Т. Черевиченко во время атаки был ранен. Но он не покинул поле боя.

Инициативно и мужественно вел себя в бою конармеец Михаил Февралев. Когда погиб расчет и замолк пулемет, поддерживавший атаку у Межиричей, неприятельская пехота воспользовалась этим и бросилась вперед, тесня жидкие цепи спешенных эскадронов. Наступил резкий перелом, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы Февралев не поспешил к пулемету. Перетянув его по лощине и заняв удобную позицию, конармеец открыл огонь и прижал противника к земле.

По смельчаку ударили орудия. Снаряды рвались поблизости, но он не оставил огневой позиции. Поддержанные им, наши бойцы перешли в контратаку.

Первыми бросились на врага командир взвода Петр Сычев, бойцы Иван Куделин и Иван Данилов. Горстка храбрецов ворвалась на позиции артиллеристов, захватила пушки и пленила 30 солдат. Этот бросок взвода стал началом разгрома противника.

Успешно действовала и 6-я дивизия. С утра три кавалерийских полка белополяков перешли в наступление на Крылов и Киликиев. Уланы, видно, рассчитывали застать наших врасплох и атаковали в конном строю. Но, попав под перекрестный пулеметный огонь, только понесли потери.

Используя их замешательство, Тимошенко ввел в бой 2-ю бригаду И. Р. Апанасенко. Она развернулась и понеслась на противника. Головной эскадрон улан был моментально смят и разгромлен. Но затем наших кавалеристов встретили залпы, и развить успех не удалось. Бригада отошла, спешилась и завязала перестрелку.

Когда же к месту боя выдвинулся второй эшелон Тимошенко — 3-я бригада Н. П. Колесова, — дивизия стала

теснить белополяков и заставила их отступать за Горынь.

Важную победу одержали в тот день также части И. Э. Якира. После упорного боя они овладели железнодорожным узлом Шепетовка и местечком Грицев, укрепив этим левый фланг Конармии.

Ход боев 1 июня вначале навел меня на мысль, что поляки имеют лишь намерение сорвать наше наступление на Ровно. Однако захваченные в плен офицеры опровергли это предположение. Они показали, что польское командование преследовало решительные цели — ни больше ни меньше как окружить и разгромить Конармию. Эта операция не удалась, как говорили пленные, лишь потому, что 6-я польская дивизия по неизвестным причинам задержалась на севере, у Людвиполя[1], а в результате подготовленный удар был ослаблен.

Несмотря на поражения, следовавшие одно за другим, польское командование по-прежнему стремилось «окружить и разгромить» нашу армию. А сделать это было нелегко, тем более силами одной 2-й армии. Пусть даже к месту боя своевременно подошла бы 6-я пехотная дивизия, за которой, кстати сказать, мы наблюдали, так разве она могла изменить положение? Против двух дивизий противника у нас действовали тоже две. Поэтому для борьбы с 6-й пехотной мы могли бы привлечь 11-ю и 14-ю кавалерийские да имевшийся сильный резерв.

После неудачи под Межиричами — Корецом белопольские войска откатились за реку Горынь и приводили себя в порядок. Используя это, мы решили с утра 2 июля начать наступление на город Ровно. К тому времени сведения, добытые в боях, армейской разведкой и в результате допроса пленных, дали нам достаточно полное представление о характере обороны противника.

Главные силы 2-й польской армии закрепились на западном берегу реки Горынь. 3-я пехотная дивизия легионеров, заняв рубеж от Тучина до Оженина, прикрывала Ровно с востока. В полосе Оженин — Могиляны располагалась 1-я кавалерийская дивизия. Южнее ее, у города Острог, оборонялась 1-я резервная бригада, а еще правее — части 10-й пехотной бригады. 6-я пехот-

[1] Ныне Великие Селища.

ная дивизия оставалась в Людвиполе, но следовало считаться с возможностью ее подхода в Ровненский район.

Позиции неприятеля по заболоченной реке Горынь были оборудованы окопами полного профиля с ходами сообщений и прикрывались проволочными заграждениями в три-четыре ряда. Особенно прочной являлась оборона 3-й дивизии легионеров.

Этот сильно укрепленный оборонительный рубеж, который занимала вся 2-я польская армия, и предстояло прорывать. Трудность операции усугублялась еще тем, что наши фланги были открытыми. Конармия вклинилась далеко на запад, опередив соседей на 50—60 километров. Такой отрыв создавал обоюдоострое положение. Мы угрожали флангам 3-й и 6-й польских армий, но и сами могли быть атакованы ими во фланг и тыл. Наибольшую заботу доставлял нам правый фланг, где 12-я армия отстала особенно далеко.

Все это приходилось учитывать при выработке решения. Мысль о нанесении главного удара правым флангом в направлении Тучин — Ровно мы сразу отбросили. Там ударной группе пришлось бы действовать в лесисто-болотистой местности, да к тому же под постоянной угрозой контратаки 6-й польской пехотной дивизии от Людвиполя.

Наступать по шоссе через Гощу тоже было нецелесообразно. Лобовая атака с востока могла привести лишь к затяжным боям, выгодным для неприятеля.

Поэтому наиболее целесообразным представлялось нанести главный удар по правому флангу 2-й польской армии, где оборонялись кавалерийская дивизия и пехотная бригада. Здесь оборона была слабее и к тому же имелись броды. После форсирования реки Горынь местность позволяла соединениям ударной группы широким маневром охватить Ровно с юго-востока, обойти с запада и отбросить противника на север, в лесисто-болотистые районы, что соответствовало замыслу Реввоенсовета фронта. А попытайся польское командование нанести контрудар с юга частью сил 6-й армии, нас могли прикрыть 45-я стрелковая дивизия и кавбригада Г. И. Котовского.

Этими соображениями мы и руководствовались, разрабатывая план операции. Решили ударную группу

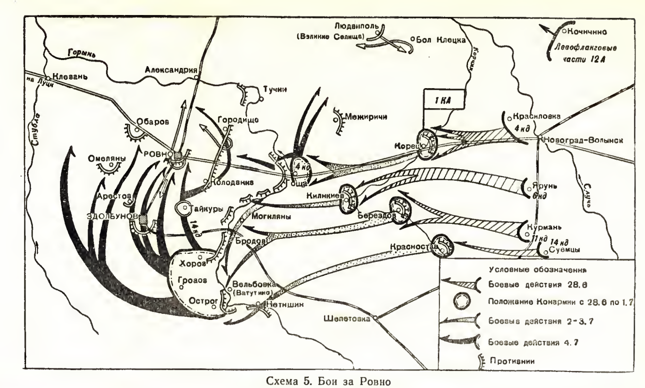

Схема 5. Бои за Ровно

иметь в составе 6, 11 и 14-й кавалерийских дивизий. Им предстояло форсировать реку Горынь юго-восточнее Ровно, на участке Могиляны — Острог, затем повернуть на северо-запад и атаковать войска, оборонявшие город.

4-я дивизия, наступая вдоль шоссе, должна была сковать противника на фронте Тучин — Гоща и прикрыть правый фланг армии.

45-я стрелковая получила задачу оказать помощь 14-й армии в овладении Староконстантиновом, а к 4 июля занять Дубно.

В ночь на 2 июля наши соединения скрытно вышли в исходное положение и с рассветом начали наступление. Туманная дымка скрывала колонны конницы, бесшумно двигавшиеся к возведенным за ночь переправам.

Первой завязала бой 4-я дивизия. Километрах в десяти от Горыни, на подходе к селам Блудов и Тудоров, разведка заметила неожиданно выскочившую автоколонну с польской пехотой. Подступавший к шоссе небольшой лесок скрыл наших кавалеристов. Литунов приказал командиру артдивизиона обстрелять противника, а командирам бригад — развернуть полки и атаковать белополяков с ходу.

Удачный выстрел — и снаряд опрокинул головную машину, застопорив движение. Теперь наши артиллеристы повели беглый огонь по хорошо видимой цели. Из леса выскочили и заработали пулеметы на тачанках. Неся потери, неприятельская пехота начала высаживаться из машин. И тут лава 1-й бригады с криком «ура» покатилась на противника.

Все же вражеские подразделения, следовавшие позади, успели развернуться в боевой порядок. Встреченная сильным огнем, наша кавбригада отхлынула к лесу.

А вскоре белополяки перешли в контратаку. Исход боя решила 2-я бригада И. В. Тюленева, которая обошла противника и нанесла ему удар во фланг.

Прикрываясь пулеметным огнем, вражеская пехота спешно погрузилась на уцелевшие машины. 4-я дивизия перешла к преследованию.

На Горыни, у Гощи, наши настигли белополяков. Прижатые к реке, под сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем они, однако, успели проскочить через мост и сразу же взорвали его.

Итак, встречный бой был выигран. Части 4-й дивизии заняли все села по восточному берегу Горыни от Тучина до Гощи, выполнив поставленную задачу.

Захваченные в этом бою пленные показали, что против наших бригад действовали два полка 3-й дивизии легионеров. Они вместе с 6-й пехотной дивизией должны были атаковать нас в районе Корец. Чтобы нападение было внезапным, пехоту посадили на машины.

Пленный офицер возмущался бездействием своей разведки, не сумевшей обнаружить подход наших частей, и непонятной для него пассивностью 6-й пехотной дивизии. По его словам, ей было приказано наступать во фланг и тыл Конармии. Я учел это сообщение и приказал Литунову усилить разведку на север и северо-восток.

Мы в нашем штабе, естественно, с особым вниманием следили за развитием событий на фронте ударной группы. Во второй половине дня 6, 11 и 14-я кавдивизии вышли к Горыни на участке Черняхув — Могиляны — Волосковце — Кривин, но овладеть переправами не смогли. Спешенная кавалерия и пехота, поддержанные большим количеством пулеметов и артиллерией, оказывали упорнейшее сопротивление. Особенно жаркий бой разгорелся за железнодорожный мост у села Бродув.

Только к вечеру, используя подходивший вплотную к реке лес у Черняхува, 2-я бригада 6-й дивизии скрытно подошла к позициям польских кавалеристов на восточном берегу и внезапной атакой опрокинула их. На плечах неприятеля конармейцы переправились через реку и вышли к селу Оженин. Перехватив железную дорогу, бригада отрезала путь отхода польскому бронепоезду из Бродова на Ровно.

6-й кавдивизии следовало решительно использовать успех 2-й бригады, но она этого не сделала. В результате, подтянув три свежих полка, противник контратаковал Апанасенко с трех сторон и принудил его отойти на восточный берег.

Не удалось преодолеть Горынь и 11-й дивизии. Только 14-я кавалерийская, наступавшая южнее, смогла к вечеру сломить сопротивление поляков и форсировать реку вброд на участке Соловье — Нетишин.

Одно за другим поступали тревожные донесения из 45-й стрелковой дивизии. До полудня она вместе с кав-

бригадой Котовского успешно продвигалась на запад. Потом в районе Губча кавбригада Г. И. Котовского с приданным ей 400-м стрелковым полком натолкнулась на колонну противника, двигавшуюся из Староконстантинова. Атака кавалеристов в конном строю оказалась внезапной, ошеломила белополяков и заставила отступить. Но скоро к ним подошли подкрепления и под давлением превосходящего противника части И. Э. Якира начали отходить. К вечеру дивизия оставила даже местечко Грицев, занятое в предыдущих боях.

Пленные показали, что 18-я пехотная дивизия переброшена по железной дороге из Летичева в Староконстантинов с задачей овладеть Изяславом и Славутой. Нам было ясно: переброску войск из 6-й польской армии на наше направление враг предпринимает, чтобы усложнить или вовсе сорвать начатую нами Ровненскую операцию. Пришлось принимать меры для ликвидации этой угрозы. Мы решили, не нарушая группировки сил, наступавших на Ровно, бросить на помощь И. Э. Якиру свой резерв — Особый кавалерийский полк и запасную кавбригаду, объединив их в группу под командованием А. М. Осадчего.

3

На следующий день наступление на Ровно продолжалось.

Передовые подразделения 4-й дивизии по восстановленному ночью мосту и вброд переправились через Горынь и на рассвете захватили небольшой плацдарм. Неприятель предпринял несколько контратак, но безрезультатно. Конармейцы не отступили ни на шаг.

Сильный натиск выдержали эскадроны 19-го кавалерийского полка, которые, как и некоторые другие подразделения армии, справедливо могли быть названы интернациональными. Здесь плечом к плечу сражались русский и украинец, чех и поляк. В бою был тяжело ранен китаец Ли Фу-цин. Рискуя жизнью, русский боец Леонтий Дрожжин под сильным огнем вынес товарища в безопасное место, перевязал, а затем доставил к санитарной линейке. Взаимная выручка и вера в друзей по оружию позволили конармейцам и на этот раз выдержать натиск врага и удержать плацдарм. А к 10 часам

главные силы 4-й дивизии захватили все переправы на участке Гоща — Тучин.

11-я дивизия на рассвете после короткой артиллерийской подготовки атаковала противника из района Вельбовка. Преодолевая упорное сопротивление белополяков, возглавляемые Ф. М. Морозовым и К. И. Озолиным бригады переправлялись вброд и вплавь. Отбросив пехотный полк врага, они устремились к Острогу.

На северо-восточной окраине города их остановил сильный огонь. В наступление пошли спешенные подразделения. Помощник командира 63-го полка Владимир Атаманов первым бросился вперед, увлекая за собой бойцов. Даже ранение в ногу не остановило его. Атаманов остался в строю до разгрома врага. Рядом с ним храбро сражался командир взвода 2-го эскадрона Василий Васильев. Прижимая к груди раненную осколком правую руку, с шашкой в левой, он впереди бойцов шел на окопы противника.

Смелым обходным маневром при содействии 14-й дивизии бригады Морозова окружили, а затем взяли Острог. 6-я дивизия в это время тоже успешно форсировала Горынь севернее Могиляны и с боем теснила противника на запад.

К ночи ударная группа армии продвинулась на 10—12 километров к западу от Горыни в направлении железнодорожного узла Здолбунов.

Потеряв надежду удержаться на реке и опасаясь обхода наших войск, противник отступил к рубежу Здолбунов — Тайкуры — Колоденка — Городище.

Во второй половине дня мы с К. Е. Ворошиловым приехали в Корец, где расположился полевой штаб армии. С. А. Зотов встретил нас неприятной новостью. Оказалось, что разъезды, высланные от эскадрона связи, обнаружили две большие колонны пехоты противника. Они двигались с северо-запада в нашем направлении и уже находились в 15 километрах от нас. Еще ближе, в деревне Речки, были захвачены в плен два солдата. Они принадлежали к разведгруппе 6-й пехотной дивизии и выехали вперед, чтобы выяснить, есть ли в местечке Корец части Конармии.

И опять замысел польского командования был предельно ясен. Теперь оно стремилось выдвинуть на правый фланг армии 6-ю пехотную дивизию, дабы сорвать

наше наступление. Но это был запоздалый маневр. Прорвав неприятельский фронт по реке Горынь и овладев городом Острог, наша ударная группа открыла себе путь на Ровно и к тому же сама вышла во фланг 2-й польской армии.

Поэтому мы решили продолжать наступление и на следующий день овладеть Ровно. А разгром подходившего противника я поручил Ф. М. Литунову. Одну бригаду он должен был оставить в районе Гоща для удержания захваченных переправ, а две другие повернуть на северо-восток против 6-й польской дивизии.

На рассвете следующего дня мы с К. Е. Ворошиловым выехали в 11-ю дивизию. Она занимала центральное положение. Находясь в ней, мы имели возможность оперативно руководить наступлением всех соединений.

Штаб Ф. М. Морозова, разместившийся в небольшой деревушке Грозов, несмотря на раннее утро, гудел как улей. По дому сновали ординарцы, суетились штабные командиры, то и дело слышался голос неугомонного начдива.

В 6 часов соединения перешли в наступление. 14-я дивизия, действовавшая правее 11-й, двинулась на север, к Тайкурам, а 6-я наносила удар южнее в обход Здолбунова и Ровно. Мы с передовыми частями Ф. М. Морозова верхом выехали к Здолбунову.

На подступах к Тайкурам 14-я дивизия атаковала польскую конницу. Удар оказался неожиданным, и противник в беспорядке отступил.

Овладев селом, дивизия устремилась на Колоденку, но здесь была остановлена артиллерийским и пулеметным огнем. Несколько атак не дали результата. Противник, засевший в окопах, стойко сопротивлялся и даже сам контратаковал. Во время одной из контратак в плен чуть было не попал командир 80-го кавполка В. С. Голубовский. Его придавил убитый конь. Противник был уже в каких-нибудь ста метрах, когда подскакавший боец помог Голубовскому освободиться из-под трупа лошади.

Жаркий бой разгорелся и на фронте 11-й дивизии. Часам к десяти ее головная бригада выбила из деревни Здолбица неприятельскую пехоту и, преследуя ее, заняла город Здолбунов. Но постепенно сопротивление

противника возросло. Дальнейшее продвижение застопорилось, а кое-где нашим пришлось даже отойти.

С высоты юго-западнее Здолбунова, где расположился командный пункт Морозова, в целом был хороший обзор. Мы хорошо видели бригады 11-й дивизии. Южнее Здолбунова в клубах пыли бесконечной лентой вились забиравшие к северу колонны 6-й дивизии. Не просматривалось только направление 14-й кавалерийской. Его скрывали лесные массивы, простиравшиеся к северовостоку. Оттуда доносились глухие отголоски артиллерийской канонады.

Солнце уже клонилось к западу, а напряжение боя не угасало. И вдруг стрельба разом оборвалась. Только поглядев в сторону Ровно, я понял, в чем дело.

С севера по шоссе на Здолбунов окутанные облаком пыли и сопровождаемые пехотой шли шесть танков противника. А рядом по железнодорожному пути двигались три бронепоезда. Танки произвели впечатление. Здесь, на польском фронте, конармейцы видели их впервые.

Я приказал Ф. М. Морозову открыть по танкам и бронепоездам артиллерийский огонь и подготовить к контратаке резервную бригаду. А начдиву С. К. Тимошенко послал распоряжение ударить по флангу наступавшего на 11-ю дивизию противника.

Пока я отправлял связного к Тимошенко, Морозов успел вызвать командира конартдива. Подбежал плотный, загорелый запыхавшийся артиллерист и, молодцевато щелкнув каблуками, замер перед начдивом.

— Вот что, — сказал ему Федор Максимович, — покажите Реввоенсовету, как вы умеете стрелять. В общем, танки и бронепоезда надо остановить!

Артиллерист стремглав скатился с высоты. И вот уже на участке между железной и шоссейной дорогами появились батарейцы. Одно из орудий выкатили прямо на насыпь.

Когда противник подошел совсем близко, помощник командира взвода И. В. Лукьянов первым ударил по головному бронепоезду. Снаряд попал в паровоз, и котел взорвался. А в это время старшина 2-й батареи Н. С. Еремин угодил в танк. Тот задымил. Остальные машины развернулись и, грузно покачиваясь, пошли обратно. Вскоре дали задний ход и бронепоезда, оттаскивая подбитый состав.

Морозов прямо сиял от гордости за подчиненных.

— Молодцы ваши пушкари, — похвалил я. — А теперь, Федор Максимович, ударьте-ка резервом по флангу отступающей польской пехоты.

С этого момента произошел перелом. 11-я кавалерийская, разгромив противостоящего противника, начала приближаться к Ровно с юга.

К вечеру и 6-я дивизия обошла Ровно. В районе Боярка — Обаров, в 4-6 километрах за городом, она перехватила Луцкое шоссе.

Части А. Я. Пархоменко тоже сломили сопротивление противника. Конармейцы устремились на север и, охватив город с северо-востока, перерезали Ровненское шоссе.

Войска 2-й польской армии отступили к предместьям Ровно. 3-я дивизия легионеров заняла оборону на восточной и северо-восточной окраинах города, конница и часть пехотных подразделений закрепились в южных и юго-западных пригородах — Басов Кут, Воля.

Противник приспособил для обороны дома, различные постройки, улицы, площади. Он цеплялся за каждую мало-мальски удобную позицию. Но полукольцо вокруг Ровно неумолимо сжималось. 6-я кавалерийская уже находилась в двух километрах западнее города. Бригады 11-й и 14-й дивизий вели бой на южной и северо-восточной окраинах.

Начала сгущаться темнота, из низин потянуло сыростью. Я знал, что бойцы устали, но, остановись мы на ночь, дай врагу передышку, и он закрепится. А чтобы сбить его завтра, потребуются новые большие усилия. Поэтому дивизии получили приказ продолжать наступление до полного освобождения Ровно.

И, как ни сопротивлялся противник, устоять ему не удалось. Дрогнули его ряды и покатились на север к единственному выходу из полуокруженного города.

В 23 часа Конармия овладела городом. Более тысячи вражеских солдат и офицеров сдались в плен. Нам достались богатые трофеи: железнодорожный состав с военным имуществом, 2 бронепоезда, 2 танка, радиостанция, большое количество обозов и 1500 лошадей.

Пока ударная группа штурмовала город Ровно, 4-я кавалерийская надежно прикрывала тыл армии.

Улучшилось положение и на нашем левом фланге.

45-я стрелковая дивизия с подходом кавалерийской группы А. М. Осадчего перешла в наступление северо-восточнее местечка Грицев. Вначале противник сопротивлялся. Но когда, обнажив клинки, Особый кавалерийский полк Е. И. Горячева ринулся в атаку, неприятель оставил позиции и начал отходить к Грицеву. Значительная часть пехоты, окруженная на равнине, сдалась в плен нашим кавалеристам.

В Грицеве поднялась невероятная паника. Подразделения противника, успевшие отступить, хлынули на улицы местечка, напирая друг на друга, сбивая сгрудившиеся обозы.

Благодаря решительным действиям 45-й стрелковой дивизии и кавгруппы Осадчего 18-я пехотная дивизия противника не смогла атаковать главные силы Конармии.

Глубокой ночью Реввоенсовет и полевой штаб расположились в отеле «Версаль». Работать не могли. Сон сломил нас прямо за столом. Но чуть свет, не успело взойти солнце, Климент Ефремович был уже на ногах. Когда я встал, он прочитал мне подготовленный им текст телеграммы В. И. Ленину и М. И. Калинину. «Город Ровно, — говорилось в ней, — 4 июля в 23 часа взят доблестными частями 1-й Конной армии. Враг, оставив много убитых и пленных, а также трофеи, под ударами наших частей в панике отступил в северном и западном направлениях. Ясновельможный пан Пилсудский может быть уверен, что его подлая авантюра жестоко будет разбита саблями красных бойцов 1-й Конной армии» [1].

4

4 июля перешел в наступление наш Западный фронт. Под его мощными ударами войска интервентов в Белоруссии покатились на запад. Красная Армия продвигалась на всем польско-советском фронте.

Но Первая Конная, выйдя в район Ровно, еще больше оторвалась от соседей. К исходу 5 июля 12-я армия вела бой на реке Уборть. Лишь ее левофланговая 44-я стрелковая дивизия заняла Людвиполь в 90 кило-

---

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 25, л. 14.

метрах северо-восточнее Ровно. Соединения 14-й армии вышли на линию Терешполь — Новоконстантинов. Здесь наиболее успешно действовала 8-я кавалерийская дивизия В. М. Примакова, которая в ночь на 4 июля прорвала вражеский фронт. Она даже захватила Проскуров, где размещался штаб 6-й польской армии. Хотя штабу удалось спастись, червоные казаки внесли большое расстройство на фронте и в тылу противника. Это было хорошим началом. Однако в дальнейшем, не поддержанная другими частями и атакуемая со всех сторон, дивизия Примакова вынуждена была отойти.

Наши открытые фланги по-прежнему находились под угрозой. На севере, в каких-нибудь 20 километрах, нависла 2-я польская армия. Она не собиралась уходить в болотистые леса, а рассчитывала нанести удар на Ровно. Опрошенный нами пленный — начальник связи 3-й дивизии легионеров — показал, что к Ровно подошла 6-я пехотная дивизия и должна еще подойти 1-я дивизия легионеров из состава 3-й армии. С юго-востока в Ровненский район выдвигалась 18-я пехотная дивизия 6-й армии.

В общем обстановка для нас была сложной и чреватой опасностями. Не получив от фронта дальнейшей задачи, Реввоенсовет Конармии принял решение расположить соединения вокруг Ровно и закрепиться. Лишь 45-я стрелковая и кавгруппа Осадчего продолжали содействовать 14-й армии в разгроме староконстантиновской группировки противника.

В полдень 6 июля поступила наконец директива командующего фронтом. «В целях подготовки к дальнейшему наступлению, — говорилось в ней, — приказываю Конной армии разведывательными частями занять переправы через реки Стырь и Икву в районе Луцк, Торговица, Дубно. Левому флангу армии продолжать выполнение поставленной боевой задачи. Для содействия частям 12-й армии направить одну кавдивизию на Березно — Костополь. Главные силы расположить с соответствующими мерами охранения в районе Ровно, имея в виду дальнейшее наступление не позднее 11 июля в общем направлении Луцк — Владимир-Волынский — Грубешов» [1].

---

[1] ЦГАСА, ф. 102, оп. 1, д. 3, л. 108.

Итак, по директиве перед началом операции армия вроде бы получала передышку. Но задачи, поставленные ей, практически это исключали. Больше всего нас удивляло, почему командование Юго-Западного фронта снова дробило наши силы. И без того 45-я стрелковая дивизия с группой Осадчего действовали с 14-й армией. Теперь предстояло захватить переправы на реках Иква и Стырь в указанной полосе шириной 50—60 километров, что практически можно было осуществить лишь крупными отрядами. Кроме того, одну кавалерийскую дивизию следовало направить к городу Костополь в помощь 12-й армии. Все это, конечно, ослабляло нас в важнейшем Ровненском стратегическом районе.

Но директиву следовало выполнять. И в тот же день один полк 6-й кавалерийской дивизии двинулся через реку Стубла, чтобы занять район Радоховка — Подгорце. 11-я кавдивизия получила задачу с утра 7 июля наступать на город Дубно и овладеть им. Затем одну бригаду выслать через реку Иква для захвата района Забраме — Подборце. 4-я дивизия разворачивалась на северо-восток, чтобы помочь 12-й армии в овладении Костополем. Части А. Я. Пархоменко подтягивались к Ровно.

Пока шла перегруппировка, обстановка на фронте Конармии начала резко ухудшаться.

7 июля 4-ю кавалерийскую атаковала действовавшая раньше против нашей 12-й армии 1-я дивизия легионеров. Удар белополяков пришелся по 1-й бригаде, занимавшей оборону севернее Тучина. Нажим противника нарастал с каждым часом, и начдив Ф. М. Литунов вынужден был перебросить к Тучину 2-ю бригаду.

К полудню бой достиг высшего накала. Отлично вооруженные превосходящие силы легионеров потеснили наши бригады и стали охватывать их с востока. Чтобы предотвратить прорыв противника, Реввоенсовет разрешил Литунову ввести в бой 3-ю бригаду, сменив ее в районе Житын — Забороль бригадой 6-й кавдивизии.

Вскоре с Литуновым прекратилась связь, и мы всю ночь тревожились за положение дивизии. В случае если бы противнику удалось сбить ее, ему открывался путь на Ровно с востока, в тыл Конармии.

Правда, 4-я кавалерийская являлась высокобоеспособным соединением. Не так-то просто заставить ее от-

ступить. Но ведь противник тоже сильный и опытный. Да и сколько его действует против Литунова? Хорошо еще, если только 1-я дивизия легионеров. А вдруг, пользуясь тем, что наша 12-я армия отстала, польское командование бросило на наш правый фланг и другие силы?

В общем, терзаемый сомнениями, я не находил себе места. Наконец не выдержал и решил поехать в 4-ю дивизию. К этому времени от Ф. М. Морозова поступило донесение о том, что его бригады захватили Дубно, а 66-й полк вышел к переправе через реку Иква. Относительно благополучно было также у С. К. Тимошенко и А. Я. Пархоменко.

Вначале, когда мы с К. Е. Ворошиловым прискакали в Тучин, подумали даже, не перешел ли оттуда штаб Ф. М. Литунова. Уж очень в поселке было тихо. Но встретившийся боец объяснил, что штаб дивизии на месте, и показал, как к нему проехать.

У дома, занимаемого штабом, на земле сидели четверо пленных. Рядом стоял рослый казак, о чем-то миролюбиво разговаривая с поляками. Он с наслаждением затягивался сигаретой, видно предложенной пленными.

— Кто такие? — спросил я, остановив коня.

— Заблудившие, товарищ Буденный, — объяснил боец, жестом показывая пленным, что надо встать.

— Как, «заблудившие»? — не поняв, переспросил я.

— Точно. Их тут за ночь и утром в лесочках много выловили. А этих я приголубил. Сами ко мне вышли, когда я купался. Сразу-то не разобрали, потому как я находился в чем мать родила. Спрашивают: «Наши?» «Они самые», — отвечаю, а сам шасть к карабину и командую: «Бросай оружие!» Бросили. Ребята попались хорошие, — лукаво улыбнулся боец. — Не убегли, даже когда я штаны натягивал.

Мы засмеялись. Поляки тоже улыбнулись.

— Ну а о чем вы тут рассуждали? — спросил бойца Ворошилов.

— Да вот, говорю им, зачем блудите в одиночку. Переходите к нам все разом — и войне конец. Они все как есть понимают и согласны переходить, но опять же офицеры мешают.

— А он правильно советует, — обратился Ворошилов к пленным. — Польская буржуазия ведет против русского трудового народа преступную войну. Война не

нужна вам, таким же трудовым людям, как вот этот человек, — указал Климент Ефремович на бойца.

Поляки слушали молча, кивали головами. Потом заговорили все разом на каком-то комбинированном польско-русском языке.

Нашу беседу прервали подъехавшие Ф. М. Литунов и В. И. Берлов. Запыленные, с воспаленными от недосыпания глазами, они устало свалились со взмыленных лошадей. Войдя в штаб, я было накинулся на начдива:

— Почему не принимаете мер к восстановлению связи с нами? Или мы должны разыскивать каждую дивизию?

— А разве связи нет? — удивился Литунов. — Мы с Василием Ивановичем с утра уехали в полки и совсем об этом не знали.

— Значит, ваш начштаба должен заботиться, — все еще недовольный, заметил я. — Ну ладно, докладывайте, что у вас тут происходит.

— Все в порядке, Семен Михайлович.

Ф. М. Литунов рассказал, что во второй половине дня, с подходом бригады А. А. Чеботарева, дивизия отбила яростные атаки противника и сама перешла в контратаку. 1-я дивизия легионеров начала отход по правому берегу Горыни на Александрию.

— А сейчас приказал бригадам перейти к преследованию, — закончил начдив.

Я одобрил его решение. Только распорядился установить связь с 44-й стрелковой дивизией 12-й армии и помочь ей овладеть Костополем.

Пока мы находились в 4-й дивизии, связь с Ровно была восстановлена. Сразу же позвонил С. А. Зотов. Новости, которые он доложил, заставили нас поторопиться в обратный путь.

18-я польская пехотная дивизия захватила город Острог, создав непосредственную угрозу нашему тылу и левому флангу.

Но это еще не все. Пожалуй, более тревожным было сообщение о том, что войска 2-й польской армии, сосредоточенные в Александрии, наводят переправы через Горынь и строят настил на железнодорожном мосту. Это означало, что противник готовился к наступлению на Ровно с севера. А там у нас стояли лишь две бригады 6-й дивизии.

Только мы собрались уезжать из Тучина, как разра-

зился сильнейший ливень с градом. Загрохотали такие мощные грозовые разряды, что казалось, будто небо рвется на куски. Небольшие облупившиеся хаты словно присели в испуге перед страшной силой природы и дрожали оконными переплетами. Но гроза прекратилась так же внезапно, как и налетела. Ветер разогнал тучи, и мы сразу же выехали.

После дождя дорога испортилась, и в Ровно мы вернулись только поздно ночью. К этому времени поступила новая директива Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Она потребовала от нас стремительным ударом левофланговых частей занять Кульчины — Базалия, установить связь с 8-й кавдивизией 14-й армии, направленной для овладения районом Базалия — Купель, и совместно с ней пленить староконстантиновскую группу противника.

И опять непонятно было, почему командование фронта еще больше распыляло войска Конармии и фактически переносило наши усилия к югу, ослабляя оборону Ровненского района.

Во всяком случае, ставя задачи дивизиям на 8 июля, мы стремились выполнить требования директивы и в то же время уделить внимание удержанию Ровно. В боях за него необходимо было разгромить 2-ю польскую армию вместе с пришедшими ей на помощь 1-й дивизией легионеров и 18-й пехотной дивизией. Поэтому Литунову надлежало всеми мерами способствовать 44-й стрелковой дивизии 12-й армии в продвижении на Костополь, а одновременно наносить с юго-востока удар по александрийской группировке неприятеля. Тимошенко должен был частью сил удерживать занимаемый район, не допуская прорыва противника со стороны Луцка. Две его бригады получили задачу прикрывать Ровно с севера в готовности отбросить за Горынь рвавшиеся к Луцкому шоссе части 2-й польской армии. Морозову и Пархоменко предстояло встречным ударом со стороны Дубно на восток и из района Острога на запад разгромить или пленить 18-ю польскую пехотную дивизию. Роль 45-й стрелковой и кавгруппы Осадчего оставалась прежней: помочь 14-й армии окружить и разбить староконстантиновскую группу неприятеля.

Утром следующего дня приехал С. К. Тимошенко. Он вошел в полештарм усталый, осунувшийся, похудевший.

Тяжелые, непрерывные бои, лишавшие сна и отдыха, изматывали даже таких богатырей.

— Что нового? — спрашиваю у него. — Как себя чувствуют сыны революции?— так любовно называл бойцов 6-й дивизии комбриг И. Р. Апанасенко.

— На севере обстановка накаляется. До дивизии противника из района Александрии, несмотря на огонь нашей артиллерии, форсирует Горынь.

Я посмотрел на карту:

— А каково положение у Клевани?

— Там пока спокойно.

— Тогда сделаем так. У Клевани оставьте один полк. Главные свои силы перебросьте к Шпанову и Бегени. Здесь контратакуйте переправившиеся части противника. Вам поможет четвертая дивизия.

Тут же мы послали Литунову распоряжение установить тесную связь с Тимошенко и форсировать наступление на Александрию. Ударом его бригад во фланг александрийской группировке польских войск мы рассчитывали сорвать или по крайней мере затормозить их переправу и наступление.

Весь день 6-я дивизия вела кровопролитный бой в 10—15 километрах севернее Ровно. Смелыми контратаками в конном строю конармейцы неоднократно отбрасывали пытавшегося наступать противника. И все же наведенные на Горыни переправы белополяки удержали и даже несколько расширили плацдарм.

Стало очевидно, что одной дивизии против превосходящих сил неприятеля долго не устоять. Ее нужно поддержать, и как можно быстрее. Но кем? 11-я и 14-я кавалерийские далеко южнее и юго-восточнее Ровно были связаны боем с 18-й пехотной дивизией. Снять одну из них для переброски в Ровно означало поставить армию под угрозу удара и с юга, причем южнее города у нас находились обозы и походные госпитали.

Оставалась единственная возможность — двинуть на помощь С. К. Тимошенко 4-ю дивизию. Направили к Ровно бригаду А. А. Чеботарева. Остальные продолжали выполнять прежнюю задачу — наступали на Александрию.

Утром 9 июля мы с К. Е. Ворошиловым выехали в 6-ю дивизию. Полештарм стал перемещаться южнее — в Здолбуново, а в Ровно осталась оперативная группа.

Приезжаем в Шпанов, где разместился командный пункт С. К. Тимошенко. Там все в движении. Части только что отбили очередную атаку противника.

Начдив доложил, что его атакуют полки 3-й дивизии легионеров и 6-й пехотной. Особенно сильное давление белополяки оказывают вдоль железной дороги Александрия — Ровно, где оборонялась бригада Н. П. Колесова. Один спешенный полк закрепился в Шпанове и на железной дороге. Второй в конном строю укрылся в лесу северо-восточнее в готовности контратаковать. 2-я бригада удерживала шоссейную дорогу Хоцин — Ровно и местечко Грудек, к северо-западу от города.

Примерно через час неприятель вновь перешел в наступление. Густые цепи пехоты, поддержанные огнем артиллерии и бронепоезда, двинулись на 3-ю бригаду. Конармейцы подпустили их поближе и дали залп. Тут же застрочили пулеметы. Ударила наша артиллерия. Послышался взрыв на насыпи, и бронепоезд остановился. Оказалось, еще ночью наши подрывники заложили на железной дороге взрывчатку. Сразу же залегла большая часть вражеской пехоты. Только отдельные группы продвигались вперед.

Но вот из леса, куда они спешили, выскочил наш полк. От неожиданности белополяки замерли, затем начали метаться по полю, преследуемые конниками. Стали отходить и залегшие было цепи.

Положение здесь несколько улучшилось. Но севернее, у Житына, в бинокль мы наблюдали передвижение колонн противника. Туда должна была подойти 3-я бригада Литунова, выделенная в помощь 6-й дивизии, однако она не появлялась.

Странно. Почему же она задерживается? Без поддержки части Тимошенко не устоят. Решили с Ворошиловым проскочить немного на север. Несколько минут, и мы уже у облюбованной высоты. Лошадей и ординарцев оставили у подножия, сами поднялись пешком. С развалин разрушенного артиллерией сооружения обзор был превосходным. И позиции 6-й дивизии и вся открытая местность на северо-восток до населенных пунктов Забороль и Кустин оказались как на ладони.

На окраинах Шпанова рвались снаряды. Дальше на север, около леса, рядом с железной дорогой, двигались

крупные массы польской пехоты, дымил паровоз бронепоезда. Гул артиллерийской стрельбы доносился и с северо-востока, со стороны Александрии. Видно, там наступали части 4-й кавалерийской дивизии.

А вот и в Великом Житыне появилась конница. Это в село вошла бригада А. А. Чеботарева, которую мы с таким нетерпением поджидали. От сердца сразу отлегло. Теперь можно не беспокоиться за правый фланг С. К. Тимошенко.

Но что это? Впереди нас, из низины, выскочило вдруг подразделение польской пехоты и рассыпалось по полю.

Я подозвал адъютанта Зеленского.

— Видишь поляков? — показал ему на поле впереди. — Пошли в Житын к Чеботареву ординарца. Пусть немедленно атакуют.

Не успел адъютант добежать до лошадей, а уже из Житына вышла на рысях конница и, развернувшись, понеслась на врага. Это был 24-й кавалерийский полк. Донских казаков мы узнали легко. Но что удивило нас — впереди, вырвавшись метров на тридцать, скакал Олеко Дундич. Не больше чем полмесяца назад он был назначен помощником командира 36-го полка 6-й дивизии. А как оказался в 24-м полку — для меня и сейчас загадка. Может, выезжал на связь с бригадой А. А. Чеботарева?

Как бы то ни было, но мы видели совсем близко Олеко Дундича. Рослый золотистый скакун, сверкавшая в лучах солнца сабля, черная черкеска, лихо сбитая на затылок кубанка и трепетавший по ветру башлык создавали образ сказочного богатыря. По своей неукротимой отваге, по боевым делам это был действительно легендарный герой. И теперь, будто выпущенный на волю сокол, он летел навстречу подвигу. Но разве знает кто, что подготовила ему судьба?

На какой-то миг я оторвал взгляд от атакующего полка, обратив внимание на разорвавшийся у железной дороги снаряд. И тут же, как удар, стегнул тревожный голос Ворошилова:

— Дундич!..

Я резко повернул голову и успел еще заметить, как Олеко, взмахнув руками, камнем свалился с лошади. Так падают только мертвые!

— Вон те два молодчика убили нашего Дундича, — показал мне Климент Ефремович на убегавших в кусты солдат. — Они стреляли в него. — И, вгорячах подняв свой карабин, Ворошилов стал посылать пулю за пулей в петлявших по полю белополяков.

Я был потрясен не меньше Климента Ефремовича. В груди словно что-то оборвалось. В ярости выхватил маузер и выстрелил несколько раз, забыв о том, что противник далеко и пули мои просто не долетят.

Прибежал Зеленский и потянул нас к подножию высоты, где стояли в укрытии лошади.

— По вас же стреляют, — укоризненно заметил он, показывая на насыпь железнодорожного полотна, усыпанную переползавшими польскими солдатами.

Действительно, огорченные гибелью Дундича, мы не заметили, что вражеские пехотинцы появились совсем рядом.

Спускаясь к подножию высоты, я заметил, что атака 24-го полка не завершилась. Подразделение противника перед нашей высотой было смято и уничтожено. Однако ударили польские пулеметы, и конармейцы стали отходить. В поле остался лишь одинокий конь Дундича. Он стоял около убитого хозяина, пощипывая траву.

А в районе Шпанова кипел жестокий бой. Противник настойчиво атаковал 6-ю дивизию. Следовало спешить туда. До отъезда мы послали Литунову распоряжение войти в локтевую связь с 6-й дивизией на участке Житын — Шпанов и не допустить прорыва противника в стыке.

Когда вернулись на командный пункт С. К. Тимошенко, нам стало ясно, что если окончательно изнуренные 2-я и 3-я бригады 6-й дивизии еще могли удерживать Шпанов и железную дорогу, то с северо-запада Ровно защищать было нечем. 1-я бригада В. И. Книги не могла устоять против напора превосходящих сил противника, который, почти не развертываясь, в колоннах, давил своей массой на поредевшие цепи конармейцев. А резервов не было.

Пока мы обсуждали обстановку, в выемке железной дороги показался вражеский бронепоезд и обстрелял деревню.

— Что же вы, артиллеристы, терпите такую наглость?! — упрекнул я находившегося с нами начальника

артиллерии армии Г. И. Кулика. — Выдвигайте пушки и бейте прямой наводкой.

Кулик заторопился, стал помогать артиллеристам подтягивать орудие к железнодорожной насыпи.

Вскоре раздался выстрел, второй — и бронепоезд лишился трубы. Отдуваясь и нещадно дымя, он попятился назад, но продолжал вести огонь, и снаряды все ближе ложились вокруг командного пункта. Один разорвался совсем рядом, осыпав нас землей. Когда пыль улеглась, я увидел, как Тимошенко удивленно рассматривал свой сапог. Осколок снаряда, словно бритвой, срезал заднюю часть голенища, к счастью не повредив ноги.

— Ого! — пошутил комиссар дивизии Бахтуров. — За трубу бронепоезда приходится расплачиваться сапогами. Давайте, пожалуй, уйдем, пока не взяли дороже.

Уходить, действительно, пришла пора.

Во второй половине дня вся 6-я дивизия сосредоточилась в районе Омеляны — Обаров и стремительной атакой овладела северо-западной окраиной Ровно. Закипел уличный бой. Борьба шла за каждый квартал, за каждое строение. Некоторые дома по нескольку раз переходили из рук в руки. Допоздна атаковали противника и полки 4-й кавалерийской дивизии. Но ворваться в город так и не смогли.

Учитывая чрезвычайную усталость конармейцев и утомленность лошадей, я приказал Тимошенко и Литунову прекратить атаки, части отвести на отдых, а за противником установить наблюдение.

5

Ночью на отбитом у врага бронепоезде вернулись в полевой штаб армии. Небольшая деревушка Коростово была погружена во мрак, и нам не без труда удалось разыскать домик, в котором разместился С. А. Зотов. К нему как раз приехал из Бердичева С. К. Минин.

Начальник штаба доложил о действиях 11-й и 14-й кавалерийских. В полдень у села Обгов они атаковали 18-ю польскую пехотную дивизию, двигавшуюся на Дубно. После упорного боя противник отступил и ушел в сторону Кременца.

Нас порадовали успехи 403-го стрелкового полка 45-й дивизии и кавбригады Г. И. Котовского. В районе

Антонины они разгромили крупные силы неприятеля и захватили большие обозы, очевидно, той же 18-й пехотной дивизии.

И все же в целом день 9 июля закончился неудачно. Особенно обидно было от сознания, что Ровно удержать не удалось. Сказывалось распыление сил.

Ночью 6-я кавалерийская остановилась в 5—6 километрах юго-западнее Ровно в районе Омеляны — Ясеневичи, 4-я овладела селом Великий Житын и Александрией, 11-я удерживала Дубно, а бригады 14-й находились в районе Коростовки. Наконец, 45-я стрелковая дивизия и кавгруппа Осадчего заняли город Острог.

Мы полагали, что вражеские войска задержатся в Ровно, и решили на следующий день атаковать город с разных направлений. Кроме 4-й и 6-й дивизий в операции должна была участвовать и 14-я. Поэтому А. Я. Пархоменко получил задачу, не считаясь с усталостью конского состава, ночью безостановочно двигаться к Ровно и в 12 часов во взаимодействии с 4-й и 6-й дивизиями атаковать противника с юга.

Однако к утру наша разведка обнаружила, что крупные колонны противника стали отходить по шоссе на Луцк. Части С. К. Тимошенко сразу же перешли в наступление и захватили большое число пленных, обозы. Днем при содействии бригады 4-й дивизии они овладели Ровно.

Боевое знамя Конармии вновь развевалось над Ровно. Хотя мы не смогли полностью разгромить 2-ю польскую армию и главным ее силам удалось прорваться на запад, к Луцку, это была крупная победа. Прочное овладение Ровненским районом открывало нам путь на Брест, создавало возможность удара по флангу и тылу неприятельских войск в Белоруссии, способствовало успеху армий Западного фронта, которые продолжали успешно наступать и 11 июля освободили Минск.

О трудностях, которые возникли у польских войск после нашего прорыва к Ровно, лучше всего судить тому, кто их испытал. Поэтому здесь уместно будет сослаться на свидетельство польского военного историка Бернацкого. Говоря об операции Конармии, он признает, что, «форсировав р. Горынь и захватив важный коммуникационный узел (имеется в виду Ровно. — *С. Б.*), она разорвала польский фронт на пространстве от Алексан-

дрии до Изяслава, своим ударом она возбудила во фронтовом польском командовании мысль о невозможности ликвидации этого прорыва и необходимости отхода польских армий Укрфронта на 100 километров на запад. Дорога на Луцк и Ковель, а равно на фланг и тылы 6-й польской армии была открыта. 2-я польская армия была сброшена со своих коммуникационных путей в лесисто-болотистое пространство на север р. Горыни, что в свою очередь могло создать для нее критическое положение из-за невозможности организации своего снабжения. Затем новое положение польских армий (отошедших на запад) отразилось на моральном состоянии как польского командования, так и подчиненных ему частей, подтверждая еще раз, что, кроме мелких удач, разбить Конармию не удается и бои с нею каждый раз кончаются нашим отходом» [1].

Днем 10 июля в Ровно конармейцы при большом стечении жителей города с воинскими почестями провожали в последний путь своего любимца Олеко Дундича.

Сотни людей, знавших героя или слышавших о его подвигах, в скорбном молчании стояли вокруг свежевырытой могилы. Низко опустил обнаженную голову верный друг Дундича, его ординарец Ваня Шпитальный. Это он, рискуя жизнью, под огнем противника вынес с поля боя тело Олеко, поймал и вывел в безопасное место его коня. Мне, как, наверное, и Шпитальному, и многим другим, трудно было поверить, что мы потеряли нашего Дундича, который презирал смерть, но страстно любил жизнь и часто говорил, что непременно доживет до полной победы пролетариата России и освобождения сербского народа от ига национальной и иностранной буржуазии.

Дундича в армии по-настоящему любили. И когда я сейчас размышляю об истоках этой любви, то прекрасно понимаю, что завоевал он ее не только личной храбростью. Ведь храбрецов в Конной было очень много. Мне кажется, не последнее значение имело то обстоятельство, что в глазах конармейцев Олеко Дундич олицетворял лучшие благородные черты бойца-интернационали-

---

[1] М. Бернацкий. Сражение под городом Ровно. Журнал «Беллона», май — июнь 1925, стр. 140.

ста, который по своей воле пришел бороться за свободу русского народа. Ну и, конечно, прекрасные качества характера. Олеко был человеком большой души, жизнерадостным, милым и сердечным товарищем. Он умел дорожить дружбой и обладал большой скромностью. За друга Дундич способен был, не задумываясь, отдать свою кровь, каплю за каплей.

Вражеская пуля оборвала жизнь замечательного богатыря, которого К. Е. Ворошилов метко назвал львом с сердцем ребенка.

В тот день с воинскими почестями мы похоронили и еще одного прекрасного человека — командира 9-го автобронеотряда коммуниста орденоносца Павла Никоноровича Бахарева. Уроженец деревни Новое Село, из-под Углича, он с первых дней революции с оружием в руках боролся за Советскую власть. Я узнал его как хорошего организатора, отважного командира бронеотряда еще во время боев под Царицыном. Затем вместе с красными конниками он участвовал в боях за Воронеж, Касторную, Донбасс, Таганрог и теперь вот на польском фронте. С болью в сердце я простился с этим мужественным солдатом революции, навсегда сохранив в памяти его светлый образ.

☆

11. НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

I

В первой половине июля войска Западного и Юго-Западного фронтов, прочно удерживая инициативу, преследовали отходившего противника. В польско-советской войне наступал новый этап.

Военные неудачи польской армии порождали растерянность реакционной клики Пилсудского.

Тревога охватила и заправил Антанты. Их пугал революционный подъем пролетарских масс западноевропейских стран. Простой народ отвергал грязную войну против Советской республики. В Австрии и Италии, во Франции и Чехословакии, в Англии и Америке нарастала волна антивоенных протестов, ширилась солидарность международного пролетариата с трудящимися Советской России. В ряде капиталистических стран рабочие не только решительно осуждали попытки империалистов удушить Республику Советов, но и саботировали военные мероприятия, в частности задерживали грузы, предназначенные для польских войск.

Однако правящие круги главных империалистических держав не отказались от надежды реставрировать в нашей стране капитализм и продолжали поддерживать буржуазно-помещичью Польшу.

3 июля Союзнический военный комитет Антанты представил главам правительств Англии и Франции доклад о крупных неудачах польской армии, особенно на ровненском направлении, где она в результате удара войск Юго-Западного фронта отступила от Киева на 300 километров. Руководителям этих государств реко-

мендовалось принять самые срочные меры для преодоления «столь глубокого кризиса в Польше» и оказать правительству Пилсудского немедленную материальную и моральную помощь. Причем под моральной помощью подразумевалсcь официальное заявление, которое бы «охладило атаки большевиков».

5 июля в бельгийском городе Спа собралась конференция государств Антанты, куда были приглашены и представители польского правительства. Конференция выработала ультиматум, который 12 июля был предъявлен Советскому правительству в ноте английского министра иностранных дел лорда Керзона. Одновременно было принято решение о помощи Польше вооружением и о направлении в Варшаву французской и английской военных миссий.

Ультиматум Керзона требовал от Советского правительства прекратить военные действия против интервентов и заключить перемирие. Для расположения польских войск была названа линия Гродно — Яловка — Немиров — Брест — Устилуг — Крылов и далее западнее Равы-Русской и восточнее Перемышля до Карпат. Красная Армия должна была отойти от нее на 50 километров. Кроме того, Керзон бесцеремонно потребовал подписать перемирие и с марионеткой империалистов — Врангелем, предлагая объявить Крымский перешеек «нейтральной зоной». В случае отказа от этих условий Антанта угрожала занять непримиримую позицию и оказать польским войскам помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Наглые требования империалистов вызвали негодование советского народа. Наше правительство отвергло ультиматум и указало, что у Англии нет оснований выступать в роли посредника между Советской Россией и Польшей.

Разоблачая перед всем миром коварный смысл вмешательства Англии, Совнарком РСФСР заявил, что, когда буржуазно-помещичья Польша готовила нападение на Россию, английское правительство не только не думало предотвратить агрессию, но даже не отвечало на неоднократные предложения Советского правительства разрешить все спорные вопросы мирным путем. Руководители государств Антанты, наоборот, всячески подстрекали Польшу к войне, помогали ей материалами,

одобряли захват польскими войсками Киева и Белоруссии.

Советское правительство с полиым основанием считало Аиглию одиой из воюющих сторои и поэтому не могло призиать ее в качестве беспристрастиого посредиика. Оио заявило, что трудящиеся иашей страиы никогда ие питали вражды к польскому народу и желают полиого и окоичательного примирения с ним. Но устранеиие разногласий между иашими иародами и установление прочиого мира возможиы только в результате непосредствениых переговоров между Польшей и Советской Россией. Если Польша обратится к нашей страие с предложеиием начать мириые переговоры, указывалось в ответной советской иоте, то оно будет рассмотрено в самом благожелательном духе.

Искреиие стремясь к миру, Советское правительство опять шло на большие уступки, подтверждая свое согласие установить более выгодную для польского государства граиицу, чем та, что была иамечеиа Верховным советом Антанты в декабре 1919 года и которую теперь предлагало британское правительство в ультиматуме лорда Керзоиа. Ради установления братских отиошений между трудящимися Польши, России, Украииы, Белоруссии и Литвы, подчеркивалось в ответной нашей ноте, Советская страна готова поступиться своими интересами, если польское правительство гарантирует миролюбие и перестаиет служить орудием иитриг и агрессии в руках империалистов.

Вместе с тем Советское правительство решительно выступило против отторжения Крыма и превращения его в постояиное убежище белогвардейских банд Врангеля, ие имевших поддержки иарода и целиком существовавших на средства государств Антанты, и прежде всего Великобритании.

Ультиматум Керзона, припудренный в ряде мест псевдомиролюбивыми фразами, был рассчитаи на выигрыш времени для мобилизации сил на борьбу против Республики Советов. Поэтому наше правительство оставило в силе указания главиому командованию продолжать наступление Красной Армии, чтобы разгромить противника и ликвидировать угрозу Республике как со стороиы интервентов, так и белогвардейских частей Врангеля.

К этому времени советские войска достигли больших успехов. Армии Западного фронта пересекли железную дорогу Вильно — Молодечно — Минск — Бобруйск и успешно продолжали наступление. Войска Юго-Западного фронта тоже теснили противника на запад. Первая Конная армия после операции в Ровненском районе занимала Ровно, Клевань, Здолбунов и Погорельцы. 45-я стрелковая дивизия и кавгруппа А. М. Осадчего находились на линии Мизочь — Ямполь. Справа от нас 12-я армия приближалась к железной дороге Сарны — Ровно. Ее левофланговые части заняли Костополь и Александрию, имея связь с Конармией. Слева 14-я армия вышла на рубеж Базалия — Ермолинцы — Каменец-Подольский. В образовавшемся здесь разрыве противник проявлял активность, угрожая левому флангу и тылу Конной армии.

11 июля в Ровно собрались на заседание все три члена Реввоенсовета Конной армии — К. Е. Ворошилов, С. К. Минин и я. Присутствовал также начальник полештарма С. А. Зотов. Обсуждался один вопрос — состояние войск после тяжелых боев в районе Ровно. Пришли к единодушному мнению, что соединения нуждаются в отдыхе, и постановили послать телеграмму Реввоенсовету фронта. «Армии, — телеграфировали мы в Кременчуг, — абсолютно необходим кратковременный, не менее семи дней, отдых, в течение которого возможно будет хотя бы отчасти пополнить убыль техники, подтянуть снабжение, восстановить боеспособность. В данный момент армия сможет только охранять линию своего фронта и в случае наступления противника дать ему отпор. Немедленное вовлечение армии в активные операции грозит непоправимыми тяжелыми последствиями для армии и фронта».

Всех вопросов, требовавших срочного решения, мы, конечно, сообщить телеграфом не могли и поэтому просили А. И. Егорова приехать к нам хотя бы на несколько часов. В тот же день получили его ответ. Он телеграфировал, что сознает необходимость отдыха Конармии. Но приехать в Ровно не имеет возможности. Егоров предложил переговорить с ним по прямому проводу.

Аппарат для разговора с фронтом имелся только в основном штабе, и мы решили ночью выехать в Берди-

чев. Кстати, следовало разобраться в работе тыловых органов армии, принять меры к обеспечению войск всем необходимым.

Но выехать в Бердичев мне не удалось. Перед вечером поступила директива А. И. Егорова на предстоящее в недалеком будущем наступление. Для развития общего успеха 12-й армии предлагалось двигаться в направлении на Ковель, Брест-Литовск, прикрываясь одной дивизией со стороны Сарны — Ровно.

Конной армии с частями 45-й дивизии отводилась роль ударной группы фронта. Нам предстояло стремительно наступать в обход Брест-Литовского района в общем направлении на Луцк, Грубешов, Люблин, Луков. 14-й армии ставилась задача наступлением в направлении Тернополь, Львов прикрыть ударную группу со стороны Галиции.

По директиве к 24 июля 12-я армия должна была овладеть городом Ковель, Конная — Холмом и Замостьем, а 14-я — Равой-Русской, Городком и Львовом.

В целом войска Юго-Западного фронта выполняли вспомогательную роль. Главный удар наносился в Белоруссии. Армии Западного фронта нацеливались прямо на Варшаву.

Все мы проявили живой интерес к директиве.

— Великолепный план, — сказал Ворошилов. — Обратите внимание, насколько целесообразно указано направление Конармии. Продвигаясь к Люблину, мы создадим угрозу северо-западной группе польских войск и этим поможем наступлению Западного фронта к Висле.

— Или посмотрите на юг, — добавил я. — Ведь войска противника на Украине, оторванные от своих главных сил, неизбежно станут откатываться в Галицию.

Долго мы еще сидели над картой, снова и снова изучая директиву, уясняя наши задачи. Чтобы в будущем легче было прорывать вражескую оборону, решили сразу же захватить переправы на реках Стубла, Иква и Стырь.

План операции в общем виде выглядел так. 6-й дивизии предстояло форсировать реку Стубла и выдвинуться восточнее Луцка на рубеж Цумань — Торговица. 14-я кавалерийская должна была преодолеть реку Иква и выйти в район Смордвы. Передовые части ее овладе-

вали мостом через реку Стырь в Торговице. 11-й дивизии следовало форсировать Икву и занять район Сады, Малую и Великую Мильчу западнее Дубно. Перед частями Ф. М. Литунова, действовавшими в стыке между 6-й и 14-й дивизиями уступом назад, ставилась задача переправиться через Стублу в районе Зарицка и закрепиться. В будущем они предназначались для развития успеха. 45-й стрелковой дивизии и кавгруппе Осадчего предлагалось выйти на линию Козин — Рудня Почаевская.

Приказ был подписан и разослан в дивизии. Мы уже собрались отдохнуть, когда пожаловал неожиданный гость — Демьян Бедный. Он направлялся в 12-ю или в 14-ю армию, но в связи с сильными боями в районе Ровно и Острога агитпоезд застрял в Здолбунове.

— Почуял я, что там «загорать» еще долго придется, и побывал в одиннадцатой дивизии. Теперь к вам прикатил, да не как-нибудь, а на тачанке. Надеюсь, переночевать пустите?

Вечер мы провели в обществе этого интересного, остроумного человека. Его произведения в Конармии хорошо знали и ценили. Да и не только конармейцы, все трудящиеся страны гордились тем, что Демьян Бедный — для буржуазии вредный, а для пролетария и крестьянина — свой, близкий и родной. Пожалуй, никто из поэтов того времени не был так глубоко чтим народом, как этот талантливый мастер слова.

Поэт прочитал нам несколько своих новых произведений. Потом попал в «плен» к Сергею Константиновичу Минину. Тот писал стихи, и ему не терпелось, чтобы их оценил сам Демьян Бедный.

2

Утром Ворошилов с Мининым уехали в Бердичев. Я остался в полештарме и следил за выдвижением соединений в назначенные им районы.

6-я и 4-я дивизии особого сопротивления не встречали. Выходила в указанный район и 14-я. Но на левом фланге армии завязались бои. К полудню 11-я кавалерийская выбила противника из Дубно, затем форсировала Икву и повела наступление на форт Тараканово,

в пяти километрах юго-западнее Дубно. Попытка взять его с ходу не увенчалась успехом.

Бригаде 45-й стрелковой дивизии вначале удалось ворваться в город Кременец. Однако удержаться там она не смогла. Подтянув свежие силы, неприятель отбросил наших пехотинцев на восток.

Ночью посыльный от И. Э. Якира привез два довольно любопытных документа — приказы польского командования, взятые у пленных офицеров. В первом из них излагалась задача 6-й польской армии: обороняясь на рубеже рек Иква и Збруч, удержать Малую Польшу (Восточную Галицию). Второй приказ раскрывал группировку войск против левого фланга Конармии. Из него я впервые узнал, что в районе Кременца действовала группа генерала Шиманьского в составе 10-й пехотной бригады и 105-го пехотного полка. Район Дубно — Броды занимала группа полковника Ясинского — около 3000 штыков и 320 сабель. В приказе указывалось, что при подходе 18-й пехотной дивизии к Кременцу эти войска перейдут в наступление на северо-восток.

Намерение противника нанести удар по нашему левому флангу подтвердилось на следующий же день. Утром 18-я пехотная дивизия начала атаки вдоль реки Иква. В юго-западных предместьях Дубно бои приняли особенно ожесточенный характер. Бригады Ф. М. Морозова держались стойко, предпринимали сильные контратаки, и все же к вечеру под давлением превосходящего противника 11-я дивизия была вынуждена оставить город.

За Хорупань дрались части 14-й кавалерийской дивизии. О напряженности боев здесь свидетельствует тот факт, что село четыре раза переходило из рук в руки. В конце концов оно осталось за нами, причем в последней атаке противник понес тяжелые потери. А произошло это так. 81-й кавалерийский полк Ф. Х. Водопьянова демонстративным отступлением завлек атаковавшую его пехоту к небольшому лесу, где в засаде стоял 82-й полк. Дальше все было просто: выскочившие из леса эскадроны в несколько минут смяли цепи противника.

Попытки врага наступать на луцком направлении окончились неудачей. Бойцы 2-й бригады 6-й дивизии сбили четыре аэроплана и захватили в плен летчика

американца Фаунда Леро. Конармейцы еще раз убедились, что Антанта на помощь Польше не скупится.

На большинстве участков наши, хотя и уставшие, соединения сдержали натиск противника. И все же обстановка становилась тревожной. Особенно на левом фланге, где поляки овладели городами Дубно и Кременец, а наш сосед — 14-я армия — далеко отстал. Из полученной нами копии телеграммы А. И. Егорова командарму 14-й было ясно, что и командование фронта обеспокоено таким положением. Телеграмма предупреждала о сосредоточении в районе Кременец — Дубно — Броды крупных неприятельских сил и требовала от командарма 14-й создать сильную группировку на правом фланге и наступать на Буск, чтобы войти в связь с Конармией. Тем не менее растянутая на широком фронте и ослабленная боями 14-я армия не могла оказать решающего воздействия на дубно-кременецкую группу противника.

Чтобы упредить удар противника по нашему флангу, я приказал Ф. М. Морозову совместно с 134-й стрелковой бригадой и частью сил 14-й кавдивизии перейти в наступление и снова овладеть Дубно. 45-я стрелковая дивизия и кавгруппа А. М. Осадчего получили задачу захватить Кременец.

Около двух ночи после нескольких часов штурма 11-я кавдивизия ворвалась на окраины Дубно. Враг, не считаясь с потерями, упорно сопротивлялся. Пленные показывали, что офицеры неистовствовали и при малейшей неустойке расстреливали солдат прямо на месте.

Части И. Э. Якира захватили приказ командующего 6-й польской армией от 10 июля № ОП2409/ш. Он настолько любопытен, что я не могу побороть искушение процитировать его.

«1) Вследствие недостойного и трусливого поведения солдат на фронте, — писал генерал Ромер, — приказываю применить к ним следующие репрессии. Полки должны исправить всеми способами, какие они найдут нужными, тех солдат, которые оказались трусами. Так как они оказались недостойными носить оружие, их следует вооружить палками и топорами, и этим оружием они должны пользоваться до тех пор, пока не добудут винтовок у противника и этим восстановят свою честь. В комендантской команде штарма тоже наделить палками

тех солдат, которые в Проскурове показали себя трусами[1]. Для отличия мужественных солдат от трусов снабдить первых наилучшим обмундированием.

2) Всякий бегущий должен быть расстрелян на месте. Жандармерия полевая, этапная и полиция должны предпринять все меры к прекращению паники и поимке дезертиров.

3) Ожидаю рапортов, какие меры приняты, чтобы противодействовать трусости.

4) Всех, которые до настоящего времени были уличены в недостойном поведении в бою, немедленно предать суду. Одновременно сообщить в рапортах списки офицеров, бежавших от частей, и какие меры против них приняты»[2].

Генерала Ромера возмутила трусость его солдат и офицеров. А я с полной ответственностью могу заявить, что в Конармии трусов не было. Все бойцы, командиры и политработники сражались, презирая смерть, до последнего патрона, пока руки держали оружие. Но был и у нас позорный случай.

Произошло это как раз во время описываемых событий. В ходе боев за Кременец Кубанский полк численностью до 400 сабель из резервной бригады, входившей в кавгруппу А. М. Осадчего, бросил свой участок и перешел на сторону врага. Этот полк был сформирован из пленных казаков и, как показало расследование, был спровоцирован к бегству бывшими белогвардейскими офицерами. Между тем другой полк резервной бригады, состоявший в основном из добровольцев, проявил себя исключительно стойким и был впоследствии награжден орденом Красного Знамени...

На рассвете 14 июля из Бердичева позвонил Ворошилов и сообщил о поступившей от командующего фронтом записке. В ответ на нашу просьбу дать армии небольшую передышку А. И. Егоров писал, что отдыхать можно, но его директива должна быть выполнена. А какой же мог быть отдых, когда противник решительными действиями втягивал нас в тяжелые бои? Об этом я сразу же телеграфировал командующему фронтом, подчер-

---

[1] Речь идет о панике во время налета 8-й кавдивизии червоного казачества в ночь на 6 июля на Проскуров.

[2] ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 632, л. 1.

кивая, что вместо отдыха Конармия вынуждена максимально напрягать силы для борьбы с атакующими во фланг польскими войсками.

Положение в районе Дубно оставалось напряженным, и сразу после завтрака я решил выехать в 11-ю дивизию. Отправился на автомобиле, взяв с собой вновь назначенного чусоснабарма Муста и начальника артиллерии армии Г. И. Кулика.

Предполагая, что 11-я дивизия уже захватила Дубно, мы подъехали к нему так близко, что можно было рассмотреть всю его панораму. Город раскинулся в заболоченной излучине Иквы, огибающей его с севера, востока и юга. Юго-западные подступы прикрывались фортом Тараканово. Я представил себе, каких трудов могла стоить нашей коннице атака Дубно.

Не доезжая метров двести до моста через Икву, наша машина вдруг начала вилять из стороны в сторону, а затем остановилась: оказалось, лопнула камера переднего колеса. Шофер зло выругался, сорвался с сиденья и присел, осматривая повреждение.

Поднялись и мы с намерением дальше идти пешком. Но, выбираясь из машины, я обратил внимание на людей, собравшихся на мосту. Одни из них стояли у перил и курили, другие перекладывали доски. По форме они не были похожи на наших бойцов. Я посмотрел в бинокль и сразу понял: польские солдаты!

На всякий случай приготовив оружие, мы отошли в сторону, за дерево, и стали наблюдать за белополяками. К счастью, они никак не реагировали на наше появление. Это позволило шоферу заменить колесо, и мы из-под носа противника укатили обратно.

Вскоре нагнали повозки с ранеными конармейцами. Санитары сообщили, что штаб 11-й дивизии находится в колонии Людгардевка — километрах в четырех к северу от Дубно. Через несколько минут наш автомобиль уже въезжал туда.

Начдива было трудно узнать. Он стоял у крыльца одинокой хаты почерневший, сгорбившийся, сжимая пальцами впалые щеки. Когда мы подъезжали к штабу дивизии, я думал пробрать Морозова за то, что он своевременно не донес об отходе из Дубно, но, увидев его, понял, что это ни к чему.

— А в Дубно, Федор Максимович, поляки, — только и сказал ему. — Мы чуть было не попали как кур во щи.

Морозов поднял на меня воспаленные глаза и тихо ответил:

— Да, были там мы, теперь — они. Дрались целую ночь, а на рассвете все же пришлось бросить эту чертову жаровню. Две бригады отошли на север — в Погорельцы, а одна к востоку — в Рачин. Потери понесли большие. Бойцы страшно утомлены, боеприпасов мало.

Оставлять Дубно в руках неприятеля означало смириться с постоянной угрозой ближайшему тылу армии. Этого мы допустить не могли. Я разрешил дивизии остаток дня и ночь отдыхать, а на рассвете вновь овладеть городом.

— Раз надо — возьмем, — коротко ответил начдив.

— Устал, Федор Максимович? — участливо спрашиваю его.

— Я-то что. Константина Ивановича покалечило. Увезли в лазарет.

— Как же так?

— Вел бойцов в атаку. Пуля задела карман брюк, а там были патроны. Они взорвались и раздробили бедро.

На миг в памяти всплыли скрипучие повозки с ранеными, которые мы догнали на дороге к Ровно. Может быть, на одной из них и лежал К. И. Озолин. Я понимал, как было тяжело Морозову расставаться с таким комиссаром.

— Напишите записку Гейнали, — попросил начдив.— Пусть он исправит Константину Ивановичу ногу. Гейнали все может, только напишите.

Был в Конармии такой хирург — Гейнали, итальянец по национальности, швейцарский, кажется, подданный. Он попал к нам в армию в Ростове вместе с захваченным у деникинцев госпиталем. И оказался настоящим волшебником в своем деле. О чудесах, которые он творил, конармейцы рассказывали легенды. Бывало, боец говорит пострадавшему другу:

— Не горюй, браток: Гейнали приделает тебе руку и ухо пришьет, — еще красивее будешь.

Сам я, посещая госпитали, видел плоды благородного труда нашего хирурга, поражался его доведенному до ювелирной точности искусству. Помню, у одного конармейца было изуродовано лицо, и Гейнали восстановил его.

Морозов знал обо всем этом и верил, что итальянец способен исправить ногу Озолину. Я обещал выполнить его просьбу...

Побывав в двух бригадах 11-й дивизии, к вечеру мы с Куликом и Мустом вернулись в Ровно. Возвратился из Бердичева и Ворошилов. Он привез много интересных вестей о событиях в нашей стране и за рубежом.

В те дни проходил II конгресс III Коммунистического Интернационала. Ему мы решили послать приветствие. Реввоенсовет Конармии заверил делегатов конгресса в том, что конармейцы не вложат клинки в ножны, пока не разобьют интервентов и не настанет время, когда польский и советский народы заживут в мире и братской дружбе.

3

15 июля поступила директива от командующего фронтом. Отмечая, что противник производит перегруппировку для перехода в общее наступление, А. И. Егоров приказывал армиям решительно продвигаться на запад и этим сорвать его намерение. Нашей Конной ставилась задача к 20 июля выйти в район Грубешов — Сокаль.

Из захваченных документов противника и сведений, добытых армейской разведкой, мы уже знали, что к реке Стырь против наших 6-й и 4-й дивизий выдвигаются войска 2-й польской армии. А положение у нас, особенно на левом фланге, оставляло желать лучшего. Если справа имелась тесная связь с 12-й армией, выходившей на рубеж Чарторийск — Дережно, то слева между нами и 14-й армией по-прежнему оставался большой разрыв. Там оперировала дубно-кременецкая группировка противника, наступавшая на северо-запад.

Учитывая это, Реввоенсовет армии принял решение главными силами захватить переправы на реке Стырь для наступления на Грубешов — Сокаль, а 11-й кава-

лерийской, 45-й стрелковой дивизиям и кавгруппе Осадчего — разгромить польские войска в Дубно-Кременецком районе.

С утра следующего дня на всем фронте Конармии развернулись встречные бои. На луцком направлении войска 2-й польской армии, стремясь прорваться на юго-восток, переправились через Стырь и атаковали 4-ю и 6-ю кавдивизии. До глубокой ночи конармейцы сдерживали яростный натиск врага. Противник понес огромные потери, особенно от нашего артиллерийского и пулеметного огня, и вынужден был отступить на западный берег Стыри.

По-прежнему тяжелая обстановка была в районе Дубно — Кременец. Перед рассветом 18-я пехотная дивизия перешла в наступление на Дубно. Кровопролитный бой длился 20 часов. Пересеченная местность благоприятствовала действиям пехоты и крайне затрудняла маневр конницы. В конце концов противнику, превосходившему нас по силе и огню, удалось снова овладеть Дубно. Кременец также остался в его руках. 45-я дивизия понесла большие потери. Был тяжело контужен командир кавбригады Г. И. Котовский.

До глубокой ночи мы с К. Е. Ворошиловым и С. А. Зотовым анализировали положение армии, изыскивая наиболее верные пути для выполнения директивы командующего фронтом. И все время наши мысли и разговоры возвращались к дубно-кременецкой группировке противника. Уже четверо суток мы отвлекали крупные силы на ее разгром, но безуспешно. Нам не удалось не только разбить, даже отбросить противника, и он продолжал висеть на левом фланге армии.

Конечно, можно было оторваться от неприятеля и все соединения двинуть к Луцку. Но тогда образовывалась 90-километровая брешь, закрыть которую 45-я стрелковая дивизия была не в состоянии, а сильная и активная группа противника получала свободу действий в тылу Конной и 12-й армий.

Взвесив все это, мы пришли к выводу, что успешно наступать в луцком направлении сможем, только разделавшись с дубно-кременецкой группировкой противника. Свои соображения телеграммой донесли командующему фронтом. Попросили его, чтобы для содействия нам ле-

вофланговые соединения 12-й армии не позднее вечера 18 июля вышли к реке Стырь на участке Чарторийск — Колки — Рожище, а правофланговые дивизии 14-й армии развили стремительное наступление в направлении Почаев, Радзивиллов[1] и совместно с нами участвовали в разгроме противника в районе Полча — Дубно — Верба — Кременец.

В ответной телеграмме Реввоенсовет фронта согласился с тем, что выполнение задач, определенных его директивой, действительно вызывает необходимость в первую очередь разбить войска противника в районе Дубно — Кременец. «Поэтому, — указывал командующий фронтом, — ваши соображения приказываю провести в жизнь с полной решительностью и в кратчайший срок».

Чтобы предоставить Конной армии бо́льшую оперативную свободу, А. И. Егоров подчинил нам 24-ю стрелковую дивизию, подходившую к Луцку.

По разработанному нами плану разгром противника предполагалось осуществить путем концентрического наступления трех кавдивизий с севера, востока и юго-востока. При этом двум бригадам 4-й дивизии предстояло захватить Радзивиллов и отрезать пути отхода неприятелю на запад, а одной бригаде прикрыть переправу через Стырь на участке Красное — Берестечко. 11-я и 14-я кавалерийские наносили удар из района Дубно — Хорупань.

6-я дивизия получила задачу удерживать рубеж на Стыри от Рожище до Торговица и прикрыть наступавшие соединения от ударов с северо-запада.

Чтобы лично руководить войсками на главном направлении, я с оперативной группой полештарма в ночь на 18 июля выехал в хуторок Ужинец, расположенный километрах в четырех северо-восточнее Млинова.

Чуть свет загрохотала артиллерия. И тут же на фронте 11-й и 14-й кавдивизий начались яростные атаки противника, переходившие в рукопашные схватки.

Та и другая стороны дрались с большим ожесточением. 18-я польская пехотная дивизия стремилась во что бы то ни стало прорваться к Млинову, куда, как по-

---

[1] Ныне Червоноармейск.

казывали пленные, навстречу им должна была выдвинуться 3-я пехотная дивизия легионеров 2-й армии. Соединения же Конармии рвались к югу, на Козин.

Весь день мы провели в боевых порядках 14-й, а затем 11-й дивизий. Бои здесь не прекращались ни на час. Части действовали преимущественно спешенными, так как местность не позволяла атаковать в конном строю.

К вечеру разразилась гроза. И без того сырая почва теперь окончательно размякла. Находясь в селе Страклов, южнее Дубно, мы видели, как мокрые до нитки, увязающие по колено в грязи бойцы 11-й кавалерийской дивизии и 134-й стрелковой бригады с трудом наступали к переправам на реке Иква.

К тому времени дивизия Ф. М. Литунова внезапным налетом овладела городом Радзивиллов в тылу противника, разрушила железную дорогу и связь, захватила пленных и обозы. Этот успех мог сыграть решающую роль в операции, удержи 4-я дивизия Радзивиллов. Но, к сожалению, в тылу у нее противник форсировал Стырь, и Литунов был вынужден двинуться назад в район Берестечко.

К исходу дня противник сохранил за собой выгодные рубежи обороны и отступил лишь на некоторых участках. Стало очевидным, что после ухода бригад Литунова из Радзивиллова наши ослабленные боем 11-я и 14-я дивизии не смогут сломить сопротивления неприятельской пехоты. Требовались новые усилия и маневр, подобный проведенному 4-й дивизией. Я принял решение на следующий день использовать для этого 6-ю кавдивизию, которую на луцком направлении сменяла подходившая 24-я стрелковая дивизия. С. К. Тимошенко получил задачу к утру сосредоточить две бригады в районе Смордвы, за правым флангом 14-й дивизии. Одну бригаду приходилось оставить у Луцка до полного сосредоточения там стрелковой дивизии.

Утром Семен Константинович приехал к нам в Ужинец.

— Все в порядке, мои уже подошли к Смордве, — доложил он, пожимая мне руку.

— Хорошо, — ответил я. — Приготовьтесь к наступлению. Как только Пархоменко начнет атаковать, сразу

же обходите противника слева и стремительным броском захватите села Полча и Козин.

Внимательно поглядев на карту, Семен Константинович согласно кивнул головой:

— Будет выполнено.

Не теряя времени, мы с ним выехали в Смордву. К. Е. Ворошилов отправился в 14-ю дивизию.

Наступление началось. Лишь только части А. Я. Пархоменко завязали артиллерийскую и пулеметную дуэль с противником, 6-я дивизия выступила на юг, но неожиданно была остановлена сильным огнем. Оказывается, враг успел за ночь выдвинуть на свой левый фланг пехотный полк. Головная бригада спешилась и завязала огневой бой.

А в это время другая бригада С. К. Тимошенко, отклонившись к юго-западу, лесом обошла фланг противника. После этого здесь наметился успех. И когда за лесом скрылись эскадроны 6-й дивизии, уходившие в тыл врага, я поехал к А. Я. Пархоменко.

Под Хорупанью шла кровопролитная схватка, которой я не видел даже в дни последних жестоких боев. Не менее 30 орудий и масса пулеметов осыпали наши непрерывно атакующие части градом снарядов и пуль.

Нелегко приходилось и врагу. Для подтверждения сошлюсь еще на одного участника тех боев — польского подполковника Арцишевского. «Трудно описать многократные бешеные и свирепые атаки полков неприятельской конницы, — сообщает он, — невиданные до сих пор даже во время боев под Острогом, то в лоб и фланги на пехоту, то сзади на отдельные батареи, которым приходилось защищаться картечью с дистанции 200 метров, и безустанные контратаки наших резервов» [1].

Боем 18-й пехотной дивизии, как потом показали пленные, руководил лично генерал Крайовский. Он приехал прямо на позиции, чтобы морально поддержать своих солдат и офицеров. Арцишевский писал, что Крайовский видел в бинокль Буденного, который стоял на кургане у автомобиля и отдавал приказания непрерывно подъезжавшим к нему командирам.

---

[1] F. A. Arciszewski. Studje taktyczne z Historji wojen polskich 1918—1921. Том II, str. 104. Ostróg — Dubno — Brody. Warszawa, 1923.

Бой гремел долго. Отдельные позиции по нескольку раз переходили из рук в руки. Перелом наступил лишь к вечеру, когда 3-я бригада 6-й дивизии захватила село Полча в тылу неприятеля. Обозначился успех и южнее Дубно, где части 45-й стрелковой дивизии вместе с кавбригадой С. М. Патоличева форсировали Икву и нависли над правым флангом 18-й пехотной дивизии.

Не выдержав наших упорных атак, противник оставил Хорупань и Дубно. Только наступление темноты и неудобная для действий конницы лесистая местность спасли 18-ю пехотную дивизию от опасного преследования.

В боях 19 июля 11-я, 14-я кавалерийские и 45-я стрелковая дивизии нанесли противнику большой урон. Но и сами они имели значительные потери. Тяжелой утратой для Конармии была гибель талантливого кавалерийского начальника командира 2-й бригады 11-й кавдивизии С. М. Патоличева. Кто знал этого скромного и умного, в бою спокойного и уравновешенного, в жизни доброго и по-отечески ласкового человека, тот глубоко уважал его и навсегда сохранил о нем светлую память.

Похоронили Семена Михайловича в селе Мирогоща, которое освобождала его бригада. На траурном митинге присутствовали бойцы от всех частей 11-й дивизии. Низко склонив голову, в скорбном молчании слушали они ораторов.

Проводить в последний путь своего освободителя красного командира собрались все жители села от мала до велика. Выражая искренние чувства к славному сыну русского народа, каждая семья возложила на могилу свой венок из живых цветов.

Ф. М. Морозов, горячо любивший С. М. Патоличева, прислал в Реввоенсовет рапорт. Он писал, что у комбрига осталось семеро детей, старшему из которых было всего 15 лет, и просил оказать им материальную помощь. Мы решили выдать семье С. М. Патоличева его трехмесячное жалованье и, кроме того, пособие в 15 000 рублей из денег, присланных трудящимися в подарок Конармии.

— Мы потеряли славного человека, — вздохнул Климент Ефремович, передавая Зотову рапорт Морозова. —

Но дети Патсличева вместе со всеми советскими людьми доведут до полной победы великое дело, за которое он отдал свою жизнь.

И каждый раз я вспоминаю эти слова, когда вижу одного из сыновей С. М. Патоличева — Николая Семеновича, крупного партийного и государственного деятеля, члена Советского правительства.

4

Утром 20 июля полештарм перешел в Дубно. Отсюда мы выехали к форту Тараканово. Одиноким островком оставался он на территории, занятой Конармией.

Остановились на высоте, откуда была хорошо видна вся местность около Тараканово. С востока к нему подступала заболоченная долина Иквы, на которой виднелись пехотинцы. Возвышенное место западнее форта было сплошь изрыто окопами и прикрыто проволочными заграждениями. Часть этих окопов захватили спешенные эскадроны 11-й дивизии.

Заметив недалеко от форта за дорожной насыпью группу людей, подъехали туда. Нас встретил подтянутый, среднего роста, чернявый человек, одетый в старенький серый плащ. Он представился начальником 45-й стрелковой дивизии Якиром. Взгляд его больших черных глаз был смел и спокоен.

Иону Эммануиловича я видел впервые. Но слышал о нем много. К. Е. Ворошилов всегда говорил о нем с уважением и считал одним из лучших и опытных командиров, закалившихся в огне гражданской войны.

Начдив обстоятельно доложил обстановку на фронте дивизии и свое решение захватить Тараканово.

— Может, следует обойти форт, а не распылять силы? — спросил я. — Как вы думаете?

— Нет, — возразил Якир. — Форт держит под огнем дорогу, парализует наш тыл. Надо непременно ликвидировать это осиное гнездо.

Меня его ответ не убедил. Но я промолчал, решив проехать к Ф. М. Морозову и осмотреть укрепления форта с противоположной стороны.

Вообще я был принципиальным противником штурма узлов сопротивления с небольшими гарнизонами. Даже

оставшись в нашем тылу, серьезной угрозы они не представляли. Штурм же отвлекал часть войск от главных задач и всегда требовал значительных жертв.

Мы сели в машину. Иона Эммануилович, заметив, что собираемся ехать в 11-ю дивизию мимо форта, предупредил:

— Местность простреливается, не стоит рисковать.

— Ничего, — успокоил я его и приказал трогаться, рассчитывая побыстрее добраться к Ф. М. Морозову.

Однако не успел наш автомобиль проехать и двухсот метров, как с укреплений застрочил пулемет, защелкали винтовочные выстрелы. Над головами послышалось противное повизгивание пуль, и нам пришлось повернуть в сторону, к небольшому хуторку. Оставив автомобиль за одним из домов, в 11-ю дивизию прошли пешком.

У Морозова спешенный 63-й кавполк вел перестрелку с противником, засевшим в Тараканово. Я приказал начдиву прекратить огневой бой и наступать на юго-запад.

Осмотр форта со всех сторон окончательно убедил, что на осаду его не было никакого смысла отвлекать значительные войска. Поэтому, вернувшись к И. Э. Якиру, я приказал и ему оставить для наблюдения за неприятелем не больше полка, а главными силами продолжать наступление.

— Неприятель сам уйдет из Тараканово, когда убедится, что сидеть в нем бесцельно. Скорее всего, он попытается бежать ночью и, надеюсь, окажется у вас в плену. Форт после этого подорвите, — наказывал я начдиву.

Когда мы вернулись в Дубно, здесь, по донесениям начдивов, уже было известно об отступлении главных сил 18-й польской пехотной дивизии к Радзивиллову. Пленные показывали, что генерал Крайовский вынужден был отвести свои полки для прикрытия бродского направления.

Но войска 2-й польской армии все еще пытались прорваться на Млинов. Ночью крупные силы переправились через Стырь в районе Красного и на рассвете начали теснить прикрывавшую это направление 3-ю кавалерийскую бригаду Литунова. Начдив двинул в район боев две другие свои бригады, причем одну из них послал вдоль реки Стырь на север, приказав отрезать польские части от переправ.

Активность 2-й польской армии в направлении Млинова и форсирование ею Стыри, конечно, тревожили нас, но не настолько, чтобы отказаться от разгрома группы Крайовского. Поэтому задачи главной группировке мы оставили в силе. Литунову же приказали ликвидировать переправившегося противника.

И ночью бои продолжались с прежним ожесточением. 134-я стрелковая бригада овладела фортом Тараканово, пленив около двух батальонов противника и захватив 4 орудия и 40 пулеметов. В темноте удалось бежать лишь коменданту форта с небольшой группой солдат.

Части Осадчего заняли Кременец. Группа генерала Шиманьского, оборонявшая город, понесла большой урон. А ее 105-й пехотный полк потерял свыше 75 процентов своего состава.

Но главными героями ночных боев оказались бойцы Литунова. Они обратили в бегство четырехтысячный отряд противника, форсировавший реку Стырь, и захватили в плен свыше 500 человек.

К исходу 21 июля Дубно-Кременецкий район был полностью очищен от противника. 18-я пехотная дивизия генерала Крайовского, группы генерала Шиманьского и полковника Ясинского, потерпев поражение, в беспорядке отошли к Радзивиллову и Бродам. Наши 6, 11-я кавалерийские и 45-я стрелковая дивизии, преследуя неприятеля, вышли на реку Пляшевка от впадения ее в Стырь до железной дороги Радзивиллов — Дубно. Кавгруппа Осадчего выдвигалась западнее Кременца, угрожая правому флангу врага.

Но если мы обезопасили свой левый фланг, то на правом назревала новая угроза. Из захваченных у неприятеля оперативных документов и показаний пленных стало известно, что польское командование, считая уже определившимся движение советской конницы на Львов, спешно перегруппировывало главные силы 2-й армии к югу. Оно еще не теряло надежды ударом в направлении Млинов — Броды разрезать фронт Конармии и соединиться с 6-й армией. В частности, мы установили выдвижение 3-й дивизии легионеров вместе с приданным ей 65-м пехотным полком в район Красного. Южнее Красного наши разведчики тоже обнаружили сосредоточение крупных сил пехоты и кавалерии противника.

Схема 6. Бои Конармии за Дубно, Кременец, Броды. 18—26 июля 1920 г.

После того как части генерала Крайовского были оттеснены к Бродам, главную опасность для нас представляла 2-я польская армия. Именно она могла помешать нашему наступлению на Грубешов — Люблин.

Обсудив обстановку, мы решили окончательный разгром отступивших к Радзивиллову и Бродам войск возложить на 11-ю кавалерийскую, 45-ю стрелковую дивизии и кавгруппу Осадчего. Главные же свои силы сосредоточить против 2-й польской армии, чтобы, отбросив ее, двинуться к Люблину.

Конкретно в приказе по армии задачи дивизиям выглядели так: 14-й кавалерийской выдвинуться к переправе через Стырь у Липы и Вербени, 4-й — форсировать реку на участке Красное — Берестечко и захватить плацдарм на западном берегу, а 6-й — выйти в район Берестечко — Шуровичи. 24-й стрелковой дивизии предстояло форсировать Стырь, взять Луцк, затем продолжать наступление на запад, угрожая левому флангу 2-й польской армии.

Уже 22 июля 6-я и 14-я дивизии овладели переправами на Стыри, а 4-я захватила небольшой плацдарм на западном берегу реки.

Пока мы наступали у Стыри, генерал Крайовский двинул свою дивизию в контрнаступление. 11-я кавалерийская под натиском пехоты и танков вынуждена была отходить. Ночью противник занял Козин, Боратин, Ситное и Иване Пусте.

В 12 часов следующего дня Ф. М. Морозов прислал донесение. Он опасался, что дивизия не выдержит атак, и просил помощи.

Успешные действия наших войск на Стыри ликвидировали угрозу со стороны 2-й польской армии. Поэтому мы приказали Тимошенко оставить одну бригаду в занимаемом районе, а главными силами атаковать противника на рубеже реки Пляшевка, овладеть городом Броды, а затем через Радзивиллов нанести удар в тыл дивизии генерала Крайовского.

Мы с С. А. Зотовым и адъютантом П. П. Зеленским выехали в 11-ю дивизию.

Наши кони легкой рысцой трусили на юг по дороге, разбитой колесами и снарядами. А навстречу непрерывным потоком тянулись повозки с ранеными. И потому, что их было очень много, мне стало как-то не по себе.

На повороте у ручья от общего потока отделилась крестьянская телега. Пожилой, с перевязанной головой боец начал выпрягать лошадь. Мы подъехали к нему:

— Что, конь притомился?

— Да нет, товарищ командарм, напоить надо, — ответил боец, здороваясь.

— А кого везете?

— Комбрига.

— Почему же у него ноги пятками кверху?

— Это можно поправить. Видно, на ухабе перевернулись, — помрачнел боец, сдвигая в сторону одеяло.

В окровавленной одежде, бледный как полотно, на телеге лежал командир 1-й бригады 11-й дивизии Василий Эрнестович Вильмут. При виде искалеченного тела сердце у меня защемило. Как безжалостна война! Всего лишь день назад я встречался с этим тогда еще цветущим человеком. Он был молод и любил жизнь. Мечтал после победы учиться в Академии Генерального штаба, и эту мечту вместе с жизнью оборвала вражеская пуля.

В штабе дивизии нам сообщили, что Ф. М. Морозов находится в 3-й бригаде. Туда мы и направились.

Начдив встретил нас возбужденный, раскрасневшийся. Он только что водил бригаду в контратаку и участвовал в жаркой рубке. На высотах севернее реки Пляшевка и сейчас кипел бой. Натиск польской пехоты отбивали контратаками спешенные части 11-й дивизии. У Морозова участвовал в бою даже резервный полк, но и это не остановило противника. Надо было немедленно вводить 6-ю кавдивизию, причем не две бригады, как решено было раньше, а полностью.

Я направил к С. К. Тимошенко посыльного с распоряжением срочно перебросить в район Хотына последнюю бригаду. Он должен был возглавить ее и вместе с 31-м кавполком атаковать противника во фланг. Военкому дивизии П. В. Бахтурову предстояло с тремя полками — 32, 35, 36-м — наступать в южном направлении и овладеть городом Броды.

Мы с Зотовым рассчитывали до утра остаться в 11-й дивизии, но из штаба сообщили, что поступила важная директива, и пришлось возвращаться.

Приехали в Дубно около полуночи. В полевом штабе было оживленно. Здесь собрались Ворошилов, Минин, Клюсв и Орловский.

— Ну что тут у вас нового? — поинтересовался я.

— Да вот читайте, — протянул мне Климент Ефремович директиву фронта.

В ней говорилось: «Перед армиями Западного фронта противник в полном отступлении. Части Западного фронта заняли Гродно, форсировали р. Шара, заняли Слоним и подходят к Пинску. Перед армиями Юго-Западного фронта противник оказывает весьма сильное сопротивление, при этом особенное упорство проявляет на путях к Львову. В целях окончательного разгрома польской армии, в связи с задачами, данными армиям Западного фронта, 12-й армии, овладев в кратчайший срок Ковелем и выставив заслон в сторону Бреста, развивать главный удар самым решительным образом в общем направлении Холм — Красник — Аннополь. Холм занять не позднее 4 августа и переправы через Вислу и Сан в районе Аннополь — Ниско 15 августа.

1-й Конной армии, разгромив окончательно дубнокременецкую группу противника, стремительным рейдом главной массы конницы овладеть не позднее 29 июля районом Львов — Рава-Русская, выбросив передовые части для захвата переправ через Сан в район Сенява — Перемышль.

14-й армии, учитывая задачу Конной армии, сломив сопротивление противника на линии р. Збруч, силами ударной своей группы решительно наступать в общем направлении Тернополь — Перемышляны — Городок» [1].

Судя по директиве, главный удар Юго-Западного фронта переносился в Восточную Галицию. Что же произошло? Ведь буквально до последнего дня главной нашей задачей было наступление на северо-запад в направлении Грубешова для совместных действий против основной — варшавской — группы противника. Именно с этой целью мы удерживали переправы через Стырь от Луцка до Берестечко.

Что могло послужить основанием для такого крутого изменения нашего операционного направления?

— Все же, на мой взгляд, следовало вначале уничтожить противника под Варшавой, — заметил С. К. Минин.

— Очевидно, положение на польском фронте благоприятствует решению сразу двух задач — разгрому вар-

[1] ЦГАСА, ф. 198, оп. 4, д. 717, лл. 241—242.

шавской и львовской группировок противника, — возразил Ворошилов.

Должен сказать, что резюме Климента Ефремовича меня, например, не убедило. И вот почему.

Из оперативных сводок Западного фронта мы видели, что польские войска, отступая, не несут больших потерь. Создавалось впечатление, что перед армиями Западного фронта противник отходит, сохраняя силы для решающих сражений.

Своими сомнениями решили поделиться с командованием Юго-Западного фронта, получить разъяснения.

У меня не сохранились записи разговора по этому поводу с А. И. Егоровым, но я хорошо помню его ответ. Он сказал, что польские войска нашим Западным фронтом разбиты и помощь ему не нужна, а овладение Львовским районом санкционировано главкомом. Только позже мы узнали, как родилось такое решение.

В середине июля Реввоенсовет Западного фронта доносил главному командованию, что левое крыло польских войск в Белоруссии разбито и события развиваются с головокружительной быстротой. Командование Западного фронта выражало уверенность в достижении скорой победы. Главком выехал в Минск, в штаб Западного фронта. Уяснив обстановку на месте, он в полном согласии с Реввоенсоветом Республики поставил вопрос о развитии наступления на Варшаву. С. С. Каменев считал, что эту задачу успешно выполнят три из четырех армий М. Н. Тухачевского.

В свою очередь командование Юго-Западного фронта 22 июля направило главкому телеграмму, в которой говорилось:

«По всей линии Юго-Западного фронта поляки оказывают весьма серьезное сопротивление, при этом особенное упорство проявляют на львовском направлении. Положение с Румынией остается неопределенно напряженным. При данных условиях считаю необходимым центр тяжести главного удара со стороны армий Юго-Западного фронта перенести в пределы Галиции...» [1]

Согласившись с этим предложением, Реввоенсовет Республики санкционировал 23 июля новый план действий армий Юго-Западного фронта.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 1840, л. 1 об.

Против изменения направления Юго-Западному фронту не возражал и М. Н. Тухачевский. Еще 19 июля он рекомендовал главкому «обдумать удар Конармии в юго-западном направлении, чтобы пройти укрепления в районе, слабо занятом противником, и выиграть фланг поляков подобно Конкорпусу Гая» [1].

Отвечая командующему Западным фронтом, С. С. Каменев в тот же день сообщил, что дальнейшие действия Конармии «будут именно в том направлении, о котором Вы говорите» [2].

Ночью мы отдали приказ. Вначале решили ликвидировать радзивилловскую группировку противника, как главное препятствие на пути к Львову. Теперь кроме 6-й кавдивизии на Радзивиллов поворачивалась и 4-я. Удержание переправ через Стырь и обеспечение правого фланга армии возлагались на 24-ю стрелковую и 14-ю кавалерийскую дивизии.

Для непосредственного руководства войсками, привлекаемыми к операции, мы с С. А. Зотовым выехали к Ф. М. Морозову. Обстановка в районе Радзивиллов — Броды к тому времени была напряженной. За ночь враг укрепился в Боратине, Жабокриках, Козине, на станции Рудня Почаевская и оборонялся с исключительным упорством.

Но наши войска уже охватывали фланги противника. Кавгруппа А. М. Осадчего вела бои с бригадой генерала Шиманьского юго-восточнее Радзивиллова. К участку железной дороги Рудня Почаевская — Радзивиллов подошли полки 45-й стрелковой, а в районе Корытно — Хотын — Сестратин сосредоточились 4-я кавдивизия и три полка 6-й. 3-я бригада и 32-й полк дивизии С. К. Тимошенко обходили город Броды с северо-запада.

Главный удар намечался из района Хотына вдоль реки Пляшевка на юго-восток по левому флангу неприятеля. Ф. М. Морозову приказывалось сковать польские войска наступлением с фронта.

Когда все было организовано, я оставил Зотова в 11-й дивизии, а сам с адъютантом выехал в Хотын, где должен был решиться исход боя.

На опушке леса, раскинувшегося между Хотыном и Боратином, куда мы приехали, находилась 2-я бригада

[1] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 500, лл. 76—77.
[2] Там же, л. 79.

6-й кавдивизии. Комбриг И. Р. Апанасенко готовил ее к атаке в конном строю. Я направился было дальше, к Литунову, но развернувшиеся события задержали меня.

Неожиданно из-за высотки к югу от Боратина начали выходить колонны неприятельской пехоты. Они двигались вдоль леса на северо-запад, словно специально подставляя себя под удар. Лучшего момента для атаки нельзя было и придумать. Я приказал Апанасенко немедленно атаковать врага.

Одновременно ударили 1-я и 2-я бригады 4-й дивизии. Несколько минут рубки, и противник — а это был 9-й пограничный полк, — смятый натиском конармейцев, побежал к Жабокрикам, бросая артиллерию, винтовки и обозы.

Паника, охватившая 9-й погранполк, словно пламя пожара, перекинулась на другие части 35-й польской пехотной бригады. Ее 144-й и 42-й полки оставили позиции на берегу реки Пляшевка и покатились на юг, к деревне Ситное. Растерявшийся штаб 35-й бригады во главе с комбригом полковником Шушковским оказался в плену.

Это усилило замешательство. Теперь уже все хлынуло в едином стремлении спастись любым способом. Пехота, артиллерия, обозы неслись по дорогам и по полям: одни — на Ситное, другие — к железной дороге, под защиту подошедшего бронепоезда.

Вырвавшийся вперед 34-й кавалерийский полк под командованием К. А. Трунова ворвался в Ситное и захватил мост через речку Ситенка, отрезав противнику путь отхода. С отчаяния белополяки бросались в контратаку, стремясь пробиться к мосту. Но безуспешно. Наконец большая группа неприятельской пехоты обошла Ситное и побежала к селу Крупец.

В этом бою конармейцы взяли в плен свыше 1000 солдат и офицеров, захватили 25 орудий, 103 пулемета, бронепоезд, многочисленные обозы с боеприпасами и продовольствием.

Вообще в тот день успех всюду сопутствовал нам. 24-я стрелковая и 14-я кавалерийская дивизии отбили все попытки соединений 2-й польской армии форсировать реку Стырь. Несколько эскадронов 14-й дивизии даже переправились на западный берег.

Однако наши части понесли серьезные потери. Смертью храбрых пали командир 4-го эскадрона 34-го полка Воейко, командир 2-го эскадрона 33-го кавполка Довба, его помощник Крашенок и другие доблестные конармейцы. Выбыли из строя в связи с ранениями два храбрейших и популярнейших комбрига — командир 3-й бригады 4-й кавдивизии Андрей Антонович Чеботарев и командир 3-й бригады 11-й дивизии Григорий Григорьевич Краснов. 11-я дивизия за последние дни потеряла всех своих командиров бригад, половину командиров и комиссаров полков, много командиров эскадронов и взводов.

К вечеру части 36-й и остатки разбитой 35-й бригад под личным руководством командира 18-й пехотной дивизии генерала Крайовского отступили на Радзивиллов, а ночью отошли в город Броды.

Несмотря на сильную усталость бойцов и особенно лошадей, соединения армии всю ночь преследовали отходившего противника. К утру две бригады 4-й, 6-я и 11-я дивизии со всех сторон обложили засевшую в Бродах 18-ю польскую пехотную дивизию, группы генерала Шиманьского и полковника Ясинского.

Противник, занявший круговую оборону, молчал. Лишь когда наши разведывательные подразделения приближались к окраинам города, неприятель открывал пулеметный огонь.

Решили в 12 часов атаковать противника.

И вот в установленное время загрохотала наша артиллерия, причем огонь вели и орудия, захваченные во вчерашнем бою. А когда оборвался гул артиллерийской канонады, многотысячная лава конницы, поддержанная огнем пулеметов с тачанок, с криком «ура» со всех сторон покатилась на окопы противника.

Казалось, ничто не может остановить этот безудержно мчащийся поток, способный все разрушить на своем пути, как ураган или как горная река в половодье. Однако неприятель не дрогнул и проявил удивительную стойкость. Он встретил наши части сильнейшим огнем. Конармейцы не выдержали и отпрянули в исходное положение. А потом вторая, третья... пятая атаки в конном и пешем строю. Мы маневрировали полками, бригадами, стремились найти более слабое место в неприятель-

ской обороне, и все напрасно. Противник везде дрался с огромным упорством.

Весь день не умолкая шел тяжелый бой. Докрасна накалялись стволы пулеметов. Падали убитые, раненые и просто изнуренные бойцы. Напряжение было выше всяких сил.

К сумеркам вражеское сопротивление ослабло. Но и наши уже не в состоянии были атаковать. Пришлось дать войскам отдых, чтобы с утра предпринять новое наступление.

Ночь мы провели в селе Крупец, куда переместился наш полевой штаб. Проснулся я рано утром в хорошем настроении. Противник находился в плотном кольце, и оставалось совсем немного до его полного разгрома. Но каково же было мое разочарование, когда я узнал, что наши расчеты на ликвидацию неприятеля в Бродах не оправдались. А получилось так. Утомленные дневным боем, разморенные убаюкивающей украинской ночью, бойцы не могли бороться со сном, валились прямо к ногам лошадей и засыпали. Некоторые командиры и комиссары, считая, что судьба неприятеля уже решена, забыли о бдительности, ослабили внимание к охранению. Эта беспечность позволила противнику внезапным нападением захватить мост через реку и вырваться из города. Темнота и лес южнее Бродов послужили ему хорошим укрытием. За ночь колонны противника ушли из зоны, занятой Конармией. Только одинокая наша пулеметная тачанка, по рассказам пленных, как привидение, до рассвета металась вокруг польских частей, появляясь то там, то здесь и расстреливая противника с короткого расстояния.

26 июля мы заняли Броды. Дорого достался нам этот разрушенный еще в годы первой мировой войны, исстрадавшийся за последние дни город.

Бои в районе Дубно — Кременец — Броды были исключительно тяжелыми. 18-я пехотная дивизия с подчиненными ей в оперативном отношении группами генерала Шиманьского и полковника Ясинского оказалась довольно сильным противником. Из описаний ее боевых действий польским военным историком Арцишевским известно, что сама 18-я пехотная дивизия насчитывала 5000 штыков, 240 сабель и 40 орудий. Группа генерала Шиманьского имела 2400 штыков и 16 орудий, а в груп-

пе полковника Ясинского было 2500 штыков и 12 орудий. Таким образом, общая численность дубно-кременецкой группировки составляла около 10 200 штыков и сабель и 68 орудий. К этому следует добавить, что противник имел большое количество пулеметов и не знал недостатка в боеприпасах[1].

Для сравнения приведу несколько данных о Конармии. Всего у нас было 48 орудий, а самая полнокровная наша дивизия — 6-я — насчитывала не более 3500 сабель. К тому же половине войск армии приходилось действовать на реке Стырь.

Нужно отдать должное и польским солдатам. Они были хорошо обучены и в большинстве боев проявили отменное упорство. Возглавлявший их генерал Крайовский показал себя способным и смелым военачальником. Он не боялся вести наступление ночью, быстро реагировал на изменение обстановки и умело маневрировал резервами, создавая за их счет превосходство на нужных участках. Но главное — генерал Крайовский правильно использовал выгодные для пехоты сильно пересеченные и лесисто-заболоченные районы с оставшимися на них еще от мировой войны окопами и проволочными заграждениями.

Для нас же местность была неблагоприятной. Леса и болота лишали конницу основного преимущества — маневра и возможности вести опасные для пехоты атаки в конном строю. И если все-таки в этих трудных условиях поражение потерпел опытный, стойкий и отлично вооруженный противник, то заслуга в этом наших конармейцев, а также бойцов, командиров и комиссаров славной 45-й стрелковой дивизии И. Э. Якира.

☆

---

[1] См. F. A. Arciszewski. Studje taktyczne z Historji wojen polskich 1918—1921. Tom II, str. 133. Ostróg—Dubno—Brody. Warszawa, 1923.

12. ВСТРЕЧНОЕ СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ СТЫРЬ

1

Автомашины с трудом пробирались по разбитому снарядами шоссе. Шоферам то и дело приходилось останавливаться, чтобы очистить дорогу от поваленных деревьев и изломанных повозок. Неубранные трупы лошадей, разрушенные и сгоревшие крестьянские постройки, вытоптанные полосы хлебов — все это на каждом шагу напоминало о недавних жестоких боях и большом человеческом горе.

Мы с Зотовым и небольшой оперативной группой полештарма направлялись в Броды. Ехали молча. Каждый, видно, думал, как и я: когда же кончится это ужасное время разрушений, когда женщины перестанут проливать слезы, оплакивая погибших мужей и сыновей, когда мужчины вернутся в свои семьи, возьмутся за плуг, станут к станку, начнут созидать, украшая трудом освобожденную, обильно политую народной кровью землю?..

Преодолев последнее препятствие — лесной завал, мы въехали в город. На улицах, к нашему удивлению, царило оживление. Казалось, весь народ высыпал из домов, чтобы вздохнуть свободно, поздравить своих освободителей. Работал рынок, торговцы открывали лавки.

Не успели мы устроиться в отведенном для полештарма домике, как к нам потянулись местные активисты. Одни пришли посоветоваться, как лучше организовать в городе органы власти, другие — расспросить о последних событиях в Советской России и на Украине.

Реввоенсовет Конармии всегда считал своей прямой обязанностью оказывать всяческую помощь освобожденному народу. Бойцы тыловых частей проводили суббот-

ники и воскресники для восстановления поврежденных войной жилых домов, общественных зданий, железных дорог, мостов. Мы отпускали на городские нужды денежные суммы из весьма скромных армейских средств. По просьбе населения выделялись политработники для помощи в создании органов местной власти. А потом эти люди завоевывали такой авторитет, что нам стоило больших трудов вернуть их в армейский аппарат...

Но большая работа, связанная с удовлетворением нужд населения, разумеется, ни на минуту не могла заслонить от нас сложных оперативных вопросов. С овладением городом Броды для нас начинался новый этап борьбы. Перед армией открылся путь к городу Львову.

И все же сразу двинуться на Львов мы не могли. На нашем правом фланге нависали войска 2-й польской армии. Против 24-й стрелковой и 14-й кавалерийской дивизий действовали 3-я и 6-я пехотные. А южнее, у Шуровичей, вблизи переправ через Стырь, сосредоточивалась конница неустановленной численности, да и в Станиславчике разведчики обнаружили кавбригаду. Пленные показывали, что 2-я армия имеет намерение нанести удар на Броды и овладеть городом.

Игнорировать эту угрозу мы не имели права. На заседании Реввоенсовета решили главными силами разгромить луцкую группировку неприятеля и одновременно овладеть переправами через Западный Буг в районе Буска, открыв этим путь на Львов.

Поздно вечером подписали приказ. Он обязывал 4-ю и 6-ю дивизии, составлявшие ударную группу, с утра 27 июля атаковать во фланг 2-ю польскую армию и к исходу 28-го занять рубеж Милятин — Сокаль. 24-я стрелковая и 14-я кавалерийская дивизии должны были сковать противника с фронта, форсировать Стырь и совместно с ударной группой разгромить луцкую группировку.

Двум дивизиям — 45-й стрелковой и 11-й кавалерийской — предстояло совершить бросок к Западному Бугу. Первой из них следовало выйти на линию Соболевка — Белый Камень и захватить переправу у Стронибабы. Второй — овладеть районом Адамы — Яблоновка и, перерезав шоссе Буск — Холоюв, обеспечить ударную группу от неприятельских атак с юга.

Кавгруппа А. М. Осадчего выполнила свою роль, и ее решено было расформировать. Бригада Г. И. Котовского снова переходила в подчинение начдива 45-й И. Э. Якира. А сибирский кавполк резервной бригады и Особый полк сводились в бригаду Особого назначения, которая оставалась в нашем резерве и располагалась в пяти-шести километрах южнее Брод.

В этот день на фронте Конармии было относительно спокойно. Только на правом фланге, главным образом по 14-й кавалерийской дивизии, противник вел артиллерийский огонь и впервые применил химические снаряды. У многих бойцов началась рвота, были случаи и смертельного исхода. Значительное число конармейцев, попавших в зону химического обстрела, требовало срочной госпитализации.

Я донес во фронт о применении противником варварских средств войны. Одновременно послал Л. Л. Клюеву распоряжение немедленно, бронепоездом, доставить к линии фронта противогазы.

27 июля наши соединения перешли в наступление. Наиболее успешно действовали левофланговые дивизии. Части И. Э. Якира вышли на рубеж Пониква — Суходолы — Загорце, где вела бой 3-я бригада Ф. М. Морозова, и совместно с ней оттеснили неприятеля дальше к юго-западу. Главные силы 11-й кавдивизии к исходу дня достигли района Соколовка — Турья, в 20 километрах западнее Бродов.

Но в центре, где действовала наша ударная группа, разгорелся ожесточенный бой. Ночью через реку Стырь скрытно переправилась 4-я польская кавбригада и устремилась к Бордулякам. Рослые, сытые лошади, добротно и красиво одетые уланы производили внушительное впечатление.

Головная бригада 4-й дивизии с ходу бросилась в атаку на авангардный вражеский полк. Ошеломленный неприятель начал отступать, да так резво, что конармейцы не могли угнаться. Тут сказалось превосходство польских коней. Уланы, оторвавшись, спешились и вместе с подошедшими частями встретили нашу бригаду губительным огнем. Конармейцы попятились, а ободренные поддержкой уланы бросились в контратаку.

Во встречном кавалерийском бою, характерном скоротечностью и быстро меняющейся обстановкой, победа

достается тому, кто захватит инициативу, вовремя введет в дело главные силы и заставит неприятеля драться в невыгодных для него условиях. Для командира-конника особенно важно быстро ориентироваться и моментально принимать решения, соответствующие обстановке.

Как раз таким великолепным мастером кавалерийского боя был начдив Литунов. Сразу оценив положение, он бросил в бой также вторую бригаду. Ощетинившись сотнями сверкающих клинков, лава конармейцев устремилась навстречу атакующим уланам. И вот уже конница столкнулась, закружилась, как в могучем водовороте. Крики «ура» смешались со звоном металла, злой руганью, стонами и воплями раненых, с топотом, храпом и ржанием коней.

Польские кавалеристы держались стойко, рубились остервенело. Их крупные сильные кони сбивали с ног ослабевших, изнуренных лошадей конармейцев, топтали раненых. Лихо бились наши бойцы. Потерявшие лошадей и раненые не уходили с поля боя. Полки противника редели, но не отступали. Только когда Литунов ввел в бой подошедшую последнюю бригаду, вражеская кавалерия начала пятиться, а затем отступила к переправе.

И на этот раз противника выручили кони. Уланы успели переправиться на западный берег Стыри и занять окопы. Когда наши подскакали к мосту, их встретил плотный артиллерийский и пулеметный огонь.

4-я дивизия выиграла встречный бой, хотя захватить переправу и не удалось.

Еще труднее сложилась обстановка в 6-й дивизии. В ночь на 27-е четыре кавалерийских полка противника переправились через Стырь и отбросили 1-ю бригаду от Шуровичей. Положение особенно осложнялось тем, что бригада находилась на 15—20 километров в отрыве от главных сил дивизии.

Все же комбриг В. И. Книга сумел перегруппировать свои полки и бросить их в контратаку против вдвое превосходящего противника. Первоначально наши добились успеха, потеснив улан к переправам. Но в конце концов численное превосходство сказалось, и польская кавалерия стала теснить бригаду на восток. Подоспевший на помощь полк 14-й дивизии помог остановить

врага, но решительного перелома в ход боя не внес. Одиннадцать атак врага отбили конармейцы, семь раз контратаковали сами, а переправа в Шуровичах и плацдарм на восточном берегу Стыри все же остались в руках противника. Больше того, к ночи 1-я бригада вынуждена была отойти в район Редково — Комаровка.

Подводя итоги боя 27 июля, мы сделали малоутешительный вывод: ударной группе армии не удалось форсировать реку Стырь и обойти с фланга луцкую группировку противника.

Пленные из 4-й польской кавбригады сообщили, что их часть имела задачу овладеть городом Броды. На помощь ей должны подойти другие войска, и в частности 1-я кавалерийская дивизия из Горохова. Последним показаниям можно было верить, так как они совпадали с данными нашей фронтовой авиаразведки. Накануне в расположении 14-й кавдивизии приземлился подбитый противником наш аэроплан. Летчик рассказал, что в районе Горохова он видел скопление неприятельской конницы. Колонны ее выдвигались на юго-восток по направлению к Берестечко.

Враг сосредоточивал против Конной армии крупные силы. Очевидно, цель его — ударом по центру боевого порядка рассечь наши войска и овладеть городом Броды.

В такой обстановке Реввоенсовет признал необходимым продолжать ранее намеченный удар по флангу и тылу 2-й польской армии и этим сорвать ее перегруппировку. Задачи соединениям оставались прежними. Только 4-й дивизии после форсирования реки Стырь у Станиславчика предстояло наступать в направлении Радехов, Сокаль, которое предназначалось 6-й дивизии. А последняя должна была овладеть переправой у Шуровичей и развивать успех на Стоянов — Милятин направлении, определенном прежде 4-й дивизии.

2

Утром 28 июля мы получили приказание командующего фронтом. Он подчеркивал, что срок овладения Львовом — 29 июля — остается в силе.

У нас не было оснований упрекать себя в пассивности. Реввоенсовет принимал все возможные меры к

выполнению поставленной задачи. Но противник оказывал упорное сопротивление. К тому же велика была усталость личного состава после изнурительных прошедших боев. Не хватало продовольствия. Люди голодали. Основными продуктами питания были несозревшие яблоки да молодой картофель. Зернофураж полностью отсутствовал. Остро ощущался недостаток боеприпасов.

В этих условиях и при нарастающей активности противника за два дня форсировать две серьезные преграды — Стырь и Буг, преодолеть с боями около 100 километров и овладеть сильно укрепленным Львовом Конармия физически не могла. Об этом мы прямо и правдиво решили доложить командованию фронта.

Так как непосредственной связи с Кременчугом у нас не было, мы приказали Л. Л. Клюеву телеграфировать Реввоенсовету фронта о причинах, которые не позволяют Конармии к сроку выполнить его директиву.

Утро 28 июля выдалось солнечным, безветренным. Легким прозрачным туманом дымились окрестные рощи. Медленно тащились к фронту повозки с боеприпасами, а навстречу им — санитарные линейки и крестьянские телеги, переполненные ранеными.

Так же, как и вчера, на фронте 24-й стрелковой и 14-й кавалерийской дивизий противник вел артиллерийский огонь по переправам, не позволяя нашим частям форсировать Стырь. Наступления не предпринимал. Только вблизи Берестечко польская пехотная рота под покровом темноты переправилась на правобережье Стыри, но была атакована нашими эскадронами. Большая часть противника предпочла сдаться в плен. Многие из рискнувших уйти погибли во время переправы через реку вплавь.

Опять сильные бои развернулись в центре фронта Конармии, особенно на участке дивизии С. К. Тимошенко. Ее передовые части попытались форсировать реку у Шуровичей, но на подходе к переправам были встречены ураганным огнем артиллерии и пулеметов из бетонированных блиндажей.

Несколько атак в пешем строю успеха не принесли. Попытались обойти Шуровичи севернее или южнее, но бродов там не оказалось, а берега реки были топкими.

Тогда начдив подтянул всю артиллерию в боевые порядки, выдвинул на фланги снятые с тачанок пуле-

меты и при поддержке их огня бросил в атаку главные силы. Почувствовав мощную поддержку, конармейцы начали шаг за шагом теснить яростно сопротивлявшегося противника. Дрались все, начиная от штабных командиров и кончая медицинскими сестрами. Люди проявляли беззаветный героизм. Раненые не покидали поля боя. Медсестра Таисия Тоцкая, сама дважды раненная, под градом пуль оказывала пострадавшим первую помощь. Командир взвода 3-й батареи И. Д. Провиленко заменил выбывшего из строя командира батареи. Раненный в обе ноги, он остался в строю.

К вечеру неприятель был выбит из окопов на восточном берегу Стыри, и конармейцы ринулись к переправе. 5-й эскадрон 35-го полка ворвался даже на мост и стал разбрасывать установленные на нем заграждения из колючей проволоки. Впереди, как всегда, находился командир эскадрона А. И. Бацкелевич. В пылу боя отважный командир не почувствовал, что уже трижды ранен. Вслед за ним на мост ворвались остальные эскадроны, возглавляемые тоже раненым командиром полка П. Л. Рудчуком. Но артиллерийский и пулеметный огонь врага достиг предельной силы. Конармейцы оказались буквально прижаты к настилу. Преодолеть такой ливень металла было выше человеческих сил, и наши отошли, оставив переправу в руках неприятеля.

Такой же ожесточенный, хотя и более успешный бой выдержала 4-я кавалерийская дивизия. Утром ее головная 3-я бригада, как и накануне, столкнулась у Бордуляки с 4-й кавалерийской бригадой противника. Атака двух наших полков была встречена контратакой улан. И опять началась рубка.

Имея численное превосходство, неприятель пытался охватить конармейцев с фланга. Но сам неожиданно попал под фланговую атаку подоспевшей 1-й бригады, возглавляемой самим Ф. М. Литуновым.

Опрокинутые уланы обратились в бегство. На плечах противника наши бойцы прорвались к мосту в Станиславчике и переправились на другой берег. Преследуя белополяков, к исходу дня 4-я кавалерийская дивизия захватила деревни Лопатин и Оплицкое.

Острое положение сложилось на левом нашем фланге, где 45-я стрелковая и 11-я кавалерийская дивизии должны были овладеть переправами через Западный

Буг. Бригады Морозова быстро достигли успеха и, отбрасывая на юго-запад мелкие подразделения противника, овладели Буском и Холоювом. Польское командование срочно перебросило в район боев пехотную бригаду 18-й дивизии. После этого из-за угрозы обхода открытых флангов Ф. М. Морозов решил оставить Буск и Холоюв и отойти километров на 5—8 в район Грабова — Адамы — Переволочна. И все-таки в целом 11-я дивизия провела бои успешно.

Труднее пришлось дивизии И. Э. Якира. Вместо наступления к Западному Бугу она вынуждена была отражать атаки двух наседавших пехотных бригад, поддержанных несколькими аэропланами. 45-й стрелковой пришлось отходить. Я уже приказал Особой кавбригаде двинуться в том направлении. Но помощи не потребовалось. Энергичными контратаками дивизия остановила противника, а затем отбросила его на запад. В этом бою начдив снова проявил незаурядную выдержку и хорошие организаторские способности.

В ходе боев 28 июля стало ясно, что атаками в центре и на нашем левом фланге противник стремился перехватить инициативу. Наиболее сильной оказалась его группировка в районе Берестечко — Шуровичи. Пленные подтвердили, что туда подходят свежие, недавно сформированные в Польше конные части.

Следовало разбить эту группировку до полного ее сосредоточения. Поэтому задачи дивизиям мы не меняли. Только 6-й кавалерийской предложили одну бригаду оставить на месте для демонстрации наступления, а главными силами спуститься к югу до Станиславчика, там переправиться через Стырь и нанести удар на Берестечко вдоль западного берега.

Для надежного обеспечения левого фланга армии я подчинил И. Э. Якиру бригаду 47-й стрелковой дивизии, переданную в мое оперативное подчинение командующим 14-й армией. Мы с благодарностью приняли помощь нашего соседа — командарма И. П. Уборевича, который, несмотря на малочисленность своей армии, старался оказать нам содействие в тяжелой борьбе с превосходящими силами врага.

29 июля я остался в полештарме, а К. Е. Ворошилов поехал к С. К. Тимошенко. Это имело смысл. В последних боях 6-я дивизия понесла большие потери, и при-

сутствие в ее боевых порядках такого пылкого агитатора, как наш член Реввоенсовета, должно было поднять дух конармейцев. Имелось в виду, что Климент Ефремович побеседует с бойцами, с командирами и комиссарами, мобилизует коммунистов дивизии на выполнение боевой задачи.

Вскоре после отъезда Климента Ефремовича в полештарм прибыл начдив 45 И. Э. Якир.

— Думал, не застану вас в Бродах. Комбриг Степной рассказывал, что командарм не засиживается в штабе, особенно когда на фронте туго, — улыбнулся он, здороваясь.

— Имею основание думать, что и вы кресла не просиживаете, — отшутился я. — Помнится, наше первое знакомство состоялось как раз в боевых порядках одной из ваших бригад.

В последних боях Иона Эммануилович все больше завоевывал мои симпатии, и мне приятно было видеть его.

Пригласив начдива к разложенной на столе карте, я попросил доложить обстановку на его участке и состояние частей дивизии.

Он поведал о бое 27 июля. Тогда решающую роль сыграла кавбригада Г. И. Котовского. Она стремительно атаковала правый фланг неприятельской пехоты, смяла его и этим помогла частям дивизии не только удержать занимаемый рубеж, но и отбросить противника в исходное положение.

Состояние стрелковых частей, по словам И. Э. Якира, было тяжелым. Полки имели не более 150 штыков, испытывали острый недостаток в боеприпасах. С болью в сердце начдив рассказывал о гибели многих командиров и политработников.

Мне ясно было, что 45-я дивизия крайне ослабла. Ей требовалась поддержка. Поэтому я решил передать И. Э. Якиру пешие подразделения кавдивизий, созданные из бойцов, потерявших в боях лошадей, и половину боеприпасов Особой кавбригады.

— Помогу вам, Иона Эммануилович, всем, что в моих силах. Но и вы постарайтесь. Ваша дивизия должна не только остановить, но и гнать противника за Буг.

— Спасибо вам, Семен Михайлович, — ответил начдив. — Теперь будьте уверены, сделаем даже невозможное.

Провожая И. Э. Якира и прощаясь, я рекомендовал держать тесную связь с Особой кавбригадой и полевым штабом армии...

В тот день активно действовали неприятельские войска на фронте 14-й и 6-й кавалерийских дивизий. Еще на рассвете крупные силы пехоты, поддержанные артиллерийским и пулеметным огнем, атаковали в районе Малево два эскадрона 14-й кавдивизии, отбросили их и, переправившись через Стырь, повели наступление на юг и юго-восток. 14-я дивизия занимала широкий фронт, и А. Я. Пархоменко не смог своевременно перебросить достаточно сил на угрожаемый участок. Направленная им бригада подошла с опозданием, когда противник уже продвинулся на семь — восемь километров от реки и овладел деревнями Княгинино и Дубляны. Только здесь его удалось остановить.

Проливной дождь окончательно испортил дороги на Радехов, из-за чего 4-я дивизия не смогла наступать. Ее артиллерия и обозы застряли намертво.

Части 11-й кавдивизии оставались в районе Адамы — Грабова — Яблоновка. Лишь один полк выдвинулся к разъезду Будки, перехватив железную дорогу между Радеховом и Каменкой.

45-я стрелковая вновь предприняла наступление в направлении Олеско, но, контратакованная сильными резервами противника, вынуждена была отойти на исходный рубеж.

Особого беспокойства за свой левый фланг я не испытывал, надеясь, что когда И. Э. Якир получит обещанную помощь, то сумеет отбросить противника. Больше меня волновало положение 6-й кавалерийской, хотя там находился К. Е. Ворошилов. Уже который день она вела непрерывные бои, то атакуя неприятеля, то отбивая его контратаки. Ее части почти все время действовали в пешем строю против превосходящих сил врага.

От С. К. Тимошенко не было донесений, а мне очень хотелось знать, удалось ли его двум бригадам спуститься на юг и переправиться через Стырь у Станиславчика.

Не выдержав тягостного неведения, я уже собирался сам выехать к С. К. Тимошенко, как прискакал К. Е. Ворошилов, весь забрызганный грязью.

— Что с вами? — спросил я, удивленный его видом.

— А вот что, дорогой Семен Михайлович, противник чуть было не прорвался к Бродам.

Спрыгнув с коня и бросив повод ординарцу, Климент Ефремович шагнул ко мне:

— Давайте, что ли, в дом пройдем. Я умираю — пить хочу.

Утолив жажду и отдышавшись, Ворошилов поведал нам с Зотовым о событиях, разыгравшихся в 6-й дивизии.

После того как две бригады С. К. Тимошенко ушли к Станиславчику, превосходящие вражеские силы напали на оставшуюся бригаду В. И. Книги. Плотный артогонь причинял большой вред. Пришлось конармейцам отойти к лесу и оседлать единственную дорогу через заболоченную местность.

Здесь в течение нескольких часов бригада отбивала яростные атаки врага. Но всему есть предел. Кончались патроны, иссякали и физические силы бойцов.

— Нам было ясно, — рассказывал Климент Ефремович, — что следующую атаку не сдержать. Но, когда, казалось, уже ничего нельзя было сделать, противник вдруг начал отступать. После мы узнали, что причиной этому был выход двух бригад шестой дивизии на западный берег Стыри. Белополяков, видно, ошеломило стремительное наступление Тимошенко на север к Шуровичам.

На Ворошилова произвело исключительное впечатление упорство, с каким конармейцы бросились в контратаку. Добрая четверть бойцов была ранена, половина наступала пешком. Ослабевшие, изнуренные, они все же шли вперед.

3

Вечером 29 июля К. Е. Ворошилов, С. А. Зотов и я склонились над картой, стараясь представить себе положение на советско-польском театре военных действий. За разноцветными значками и линиями перед моим мысленным взором вставали армии, корпуса, дивизии. Красные стрелы далеко продвинулись на запад.

Советские войска в Белоруссии подходили к железной дороге Осовец — Белосток — Брест-Литовск.

12-я армия нашего фронта переправилась через Стырь севернее Луцка и продвигалась к реке Стоход на линию Ковель — Владимир-Волынский.

Южнее нас 14-я армия форсировала реку Збруч. Правофланговые ее соединения вышли к реке Серет на рубеж Городище — Тернополь.

По отношению к соседям Первая Конная, как и раньше, занимала положение уступом вперед. Правофланговые наши 24-я стрелковая и 14-я кавалерийская дивизии вышли на восточный берег реки Стырь. Они сдерживали натиск 3-й и 1-й дивизий легионеров и двух уланских полков.

На левом фланге 45-я стрелковая удерживала рубеж в 8—10 километрах южнее и юго-западнее города Броды. Здесь действовали 18-я польская дивизия и 10-я пехотная бригада. Сюда же с фронта 14-й армии выдвигались части 13-й дивизии.

В центре фронта Конармии 6, 4 и 11-я кавалерийские форсировали Стырь в полосе шириной до 30 километров и вклинились между 2-й и 6-й польскими армиями. Особенно далеко продвинулась 11-я кавдивизия. Она оказалась в 20—25 километрах впереди соседей и всего в 8—10 километрах от реки Западный Буг. Против нашего центра польское командование бросило 1-ю, 2-ю кавалерийские, 6-ю пехотную дивизии и 4-ю кавбригаду.

Следовательно, всего Конармии противостояли почти пять пехотных и свыше двух кавалерийских дивизий, не считая отдельных уланских полков. Причем основная масса этих войск — две кавалерийские и две пехотные дивизии, кавалерийская бригада и уланские полки 2-й польской армии, условно названные нами луцкоборемельской группировкой, — нацеливалась на наш правый фланг и центр. По действиям противника, по показаниям пленных и особенно по захваченным оперативным документам 18-й пехотной дивизии можно было определить замысел польского командования. Оно намеревалось ударом 2-й армии с северо-запада и частью сил 6-й армии с юго-запада в направлении города Броды ни больше ни меньше как окружить и разгромить Конармию.

— Планы-то у них решительные, — заметил Климент Ефремович.

— Чему же тут удивляться, — ответил я. — В подобной обстановке на месте польского командования мы бы действовали точно так же.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Ворошилов.

— Так вот, если мы правильно определили замысел противника, то лучшим способом противодействия ему будет разгром его луцко-боремельской группировки, — продолжал я развивать свою мысль. — И следовательно, наша задача в принципе должна остаться прежней.

Впоследствии мы могли убедиться, что довольно точно разгадали планы польского командования. Главнокомандующий войск буржуазно-помещичьей Польши маршал Пилсудский утверждал, что остановить наступление советских войск Западного фронта он бы мог, сконцентрировав на севере часть сил с Украины. Но необходимым «условием для этой концентрации, — писал он, — была ликвидация того сильного козыря, которым располагал противник в лице конницы Буденного...

Движущей силой войны на юге являлась конница Буденного, и я не думал, что после ликвидации или по крайней мере значительного обессиливания этой конницы мне будет трудно снять значительные силы с Южного фронта для сосредоточения их где-нибудь между Ковелем и Брестом и перехода совместно с полесской группой, мало истрепанной боями, в контратаку в северном направлении...

Около 25 июля я отдал распоряжение о концентрации сил на юге для удара против конницы Буденного. Этот удар должна была нанести с севера 2-я армия из района Берестечко, куда были направлены вновь организованные кавалерийские дивизии. С запада в этой атаке должны были принять участие части 6-й армии» [1].

Кстати, Пилсудский придавал готовящейся операции настолько большое значение, что выехал на фронт, чтобы лично руководить боями против Конармии. Но, по его словам, испорченные дождями дороги задержали его автомашину в Холме, откуда он и наблюдал за ходом событий...

В соответствии с принятым решением С. А. Зотов подготовил приказ.

---

[1] Ю. Пилсудский. 1920-й год, стр. 105—106.

6-я кавалерийская дивизия к исходу 30 июля должна была занять Топоров и Чаныж, а на следующий день форсировать Западный Буг севернее города Буск и овладеть районом Желихов — Соколов — Неслухов. Вырвавшейся далеко вперед 11-й кавалерийской в первый день операции следовало оставаться на месте и только захватить для С. К. Тимошенко переправу через Западный Буг. 31 июля ей предстояло наступать вместе с 6-й дивизией и содействовать выходу частей И. Э. Якира в район Стронибаб, южнее Буска.

4-я кавалерийская дивизия имела задачу утром 30 июля нанести удар в тыл противнику на Радехов и к исходу дня овладеть Гороховом. Затем, когда обнаружится успех соединений, наступавших с фронта, двинуться в район Каменки и захватить переправы через Западный Буг.

На правом фланге 24-й стрелковой и 14-й кавалерийской дивизиям после выхода бригад Литунова в район Горохова приказывалось форсировать реку Стырь, разгромить противостоявшего противника и к вечеру занять рубеж Локачи — Свинюхи.

По два бронепоезда выдвигались на Луцк и Броды для поддержки наступавших войск, а автобронеотряды придавались соединениям.

Пока штаб оформлял приказ, К. Е. Ворошилов подготовил письмо военным комиссарам соединений, частей и подразделений. Необходимость в нем вызывалась следующим обстоятельством. В прошедших боях армия понесла большие потери в политическом составе. Вновь выдвинутые неопытные комиссары воспитательной работы почти не проводили и свою роль видели только в том, чтобы показывать бойцам личный пример в бою.

Между тем в то трудное время, когда на войска легли неимоверные тяготы, первейшее значение приобретали политическая и организаторская работа, широкое разъяснение обстановки, боевых задач, сплочение конармейцев вокруг ядра партийной организации. О том, что нужно сделать, чтобы довести приказ до каждого бойца, обеспечить его выполнение, и написал Климент Ефремович.

На рассвете приехали Л. Л. Клюев с заместителем начальника политуправления армии и главным редактором газеты «Красный кавалерист» И. Д. Перельсоном

и еще двое, которых я видел впервые. Один из них — И. Вардин, по национальности грузин, был назначен к нам начальником политуправления армии, а второй — П. А. Горяев — начальником ВОСО[1]. Вардин имел важный, независимый вид, Горяев, напротив, по облику простоват, типичный рабочий.

— Что это вас заставило в ночное путешествие пуститься? — здороваясь, спросил я.

— Неотложное дело, Семен Михайлович, — ответил Клюев. Порывшись в своем стареньком портфеле, он протянул мне телеграмму Реввоенсовета фронта.

Командование выражало недовольство затяжкой операции по овладению Львовом. Оно считало, что мы должны были в наступление бросить все силы, а в резерве у Демидовки оставить 45-ю дивизию, которая якобы могла парализовать контрманевр противника из района Берестечко.

Мы тут же отправили ответ Реввоенсовету фронта. Доложили, что выполнение директивы задержалось из-за перехода в наступление крупных сил противника, которые втянули наши соединения в тяжелые бои. Перебросить 45-ю дивизию в Демидовку не было возможности, поскольку левый фланг армии оставался открытым, и лишь 28 июля мы вошли в связь с войсками 14-й армии. «Только ликвидировав луцко-боремельскую группировку противника, — заключала наша телеграмма, — армия сможет развить наступление в направлении Львова».

После этого мы заслушали доклады о деятельности основного штаба и политуправления армии. Оперативная часть работы у Клюева была организована хорошо.

— Только вы должны больше заниматься организацией связи с нами, — заметил я ему. — Кстати, двадцать четвертая и четырнадцатая дивизии ближе к вашей оперативной группе в Дубно. Так что связывайтесь с ними и будете информировать нас о положении на правом фланге.

Мы договорились, что основной штаб в кратчайший срок перейдет из Бердичева в Дубно и Л. Л. Клюев с С. К. Мининым примут меры к бесперебойному снабжению войск боеприпасами, продовольствием и фуражом.

---

[1] Начальник военных сообщений.

— Поставьте вопрос о пополнении армии, позаботьтесь о получении лошадей, — напомнил К. Е. Ворошилов. — Кроме того, надо бы запросить у штаба фронта средства для возмещения ущерба, нанесенного во время боев жителям. Это сейчас приобретает важнейшее значение для установления дружественных отношений с населением Восточной Галиции.

Вардину мы поручили дать заявку в политуправление фронта на опытных политработников, знакомых с языком и галицийскими условиями. Я высказал несколько критических замечаний в адрес политуправления, порекомендовал политаппарату армии установить личный контакт с массами конармейцев.

— Не ограничивайтесь инструкциями и директивами, больше бывайте в войсках, — советовал я. — Оказывайте военкомам практическую помощь. Сейчас она особенно необходима.

— Правильно, правильно,— поддержал меня Ворошилов. — И вам, — повернулся он к Перельсону, — сотрудников газеты нужно чаще посылать прямо на поле боя. Пусть лучше освещают героизм конармейцев. Вообще нам надо поднять роль «Красного кавалериста». Газета должна ярче и доходчивее пропагандировать задачи и великую миссию Красной Армии в освобождении украинских, галицийских и польских трудящихся от ига капитализма...

Утром позвонил начальник штаба С. К. Тимошенко, доложил, что 6-я дивизия не может двинуться к Бугу, как требовал наш приказ. Ее главные силы атакованы частями 1-й кавдивизии и 4-й кавбригады неприятеля. На 1-ю бригаду В. И. Книги навалились 6-я пехдивизия и два уланских полка, переправившихся у Берестечко.

Мои огорчения развеяло донесение Ф. М. Литунова. Начдив 4 докладывал, что его части успешно продвигаются, отбрасывая неприятеля к северо-западу.

— Великолепно! Напиши ему, — сказал я Зотову, — чтобы после овладения Радеховом быстро повернул на Горохов и нанес удар справа по польской кавалерийской группе, которая жмет на Тимошенко...

На правом нашем фланге 1-я дивизия легионеров форсировала Стырь и теснила бригады А. Я. Пархоменко. Я позвонил Л. Л. Клюеву и поручил передать нач-

диву 24-й стрелковой приказ двинуть на помощь 14-й дивизии одну бригаду.

· На левом фланге пока все обстояло благополучно. Две бригады 45-й стрелковой дивизии наступали на Олеско и Подгорцы.

Долго не было слуху от вырвавшегося вперед Ф. М. Морозова. Это заставило меня изрядно поволноваться. Одного за другим посылали мы к нему связных, но они не возвращались.

Наконец примчался мотоциклист. Из донесения явствовало, что положение дивизии чрезвычайно тяжелое. Она подверглась атаке вражеской пехоты. Пересеченная и лесистая местность сковала маневр конницы. А все мало-мальски годные для движения дороги контролировались польскими броневиками. Поэтому конармейцы вынуждены были действовать в пешем строю. Третья часть бойцов и без того малочисленной дивизии, выполнявшая роль коноводов, в бою не участвовала. К тому же не было одного полка, который рано утром ушел к Западному Бугу, чтобы удержать переправу до подхода 6-й дивизии.

Раздумывая над донесением Ф. М. Морозова, я очень опасался, что его дивизия не выдержит натиска превосходящих неприятельских сил. Утешало лишь успешное наступление в том направлении группы И. Э. Якира.

С тем же мотоциклистом мы отправили начдиву приказание держаться до подхода 45-й дивизии. Одновременно послали распоряжение Ф. М. Литунову направить часть сил на помощь 11-й кавдивизии.

Между прочим, последнее распоряжение оказалось лишним. Литунов по своей инициативе выслал на помощь соседу сильный отряд. Другой такой же отряд он направил к Горохову для налета на тылы неприятеля, действовавшего против 6-й кавалерийской дивизии.

Быстро летело время, учащенно бился пульс жизни полештарма. То и дело звонили телефоны, трещали мотоциклы, с места в галоп срывались конные посыльные. Все спешили. Даже обычно спокойный Зотов сегодня беспрестанно поторапливал штабы дивизий с присылкой донесений.

К полудню 4-я кавдивизия овладела Радеховом.

— Молодец Литунов, — похвалил Зотов, передавая

мне его донесение. — И сам всюду успевает, и другим помогает.

Тем временем части С. К. Тимошенко продолжали ожесточенный бой в районе Завидче — Сморжев. Артиллерийский и пулеметный огонь противника причинял большие потери. В одной из атак получил тяжелое ранение талантливый командир 3-й бригады Н. П. Колесов.

Заменивший его И. С. Колесников, очень храбрый человек, богатырского сложения, поднял бойцов в контратаку.

— За раненого комбрига! — крикнул он громовым голосом и первым бросился на врага.

Натиск был настолько стремителен, что польские кавалеристы не выдержали и в беспорядке отошли. Достигнув коноводов, они вскочили на лошадей.

Но ускакать не успели. Тимошенко опередил их. Брошенная им в преследование бригада И. Р. Апанасенко уже охватывала неприятеля справа, отрезая путь отхода, а 3-я бригада тоже в конном строю атаковала с фронта.

Боясь окружения, польская кавалерия отхлынула от Завидче и Сморжева на равнину, а здесь вынуждена была принять бой. И вот две бригады конармейцев и кавалерийская дивизия неприятеля скрестили клинки. Масса конницы заколыхалась в жестокой рубке.

Даже отборная белоказачья конница не выдерживала атак конармейцев. Не устояли и уланы. Понеся большой урон и бросая раненых, они откатились на север, за реку Судиловка. Только пленными 6-я дивизия взяла 300 человек.

После поражения 1-й польской кавалерийской дивизии начали отходить на Берестечко и переправляться на западный берег Стыри части 6-й пехотной дивизии, атаковавшие бригаду В. И. Книги.

Итак, на центральном участке мы добились крупного успеха. Зато на флангах армии, особенно на правом, положение складывалось явно не в нашу пользу. Под ударами 1-й польской дивизии легионеров части А. Я. Пархоменко отошли от Стыри на 10—12 километров. Противник занял Демидовку и угрожал Козину. На помощь 14-й кавдивизии пришлось срочно двинуть наш резерв — Особую кавбригаду.

На левом фланге 45-я стрелковая дивизия вначале действовала успешно. Но на рубеже Чехи — Конты была встречена сильным артиллерийским и пулеметным огнем, а затем контратакована пехотой, поддержанной двумя бронепоездами. Части И. Э. Якира даже несколько подались назад. Надо бы им помочь. Но резерва у меня не было. Оставалось надеяться только на упорство наших пехотинцев. И они не обманули надежд.

Иона Эммануилович быстро восстановил положение. Он направил кавалерийскую бригаду Г. И. Котовского в обход левого фланга противника. Внезапная, хорошо подготовленная атака котовцев обратила польскую пехоту в бегство. В коротком бою наши кавалеристы разгромили пополненный после поражения под Вербой 105-й польский пехотный полк, захватили много пленных.

А что в 11-й дивизии? Меня по-прежнему беспокоило молчание Ф. М. Морозова. Особенно встревожило донесение разведки Особой кавбригады из-за Стыри. Разведчики сообщили, что они видели мчавшиеся из леса южнее Станиславчика обозы 11-й дивизии. А в районе Монастырька они встретили 63-й полк, снятый с фронта и направлявшийся в тыл дивизии для разгрома противника.

Все это выглядело довольно странно. До того времени нам известно было, что ни в Станиславчике, ни в Монастырьке противника нет. Решил сам выехать в 11-ю дивизию.

— Климент Ефремович, я слетаю к Морозову. Что-то неспокойно на душе.

— А на чем? Аэропланов у нас нет, — принял всерьез мои слова Ворошилов.

— На коне слетаю, — пояснил я, проверяя патроны в магазине маузера.

— Да что вы, Семен Михайлович! Это в Топоров?! — Климент Ефремович оторвался от бумаг, которые читал, и с удивлением поднял на меня глаза. — До него не меньше сорока километров! Лучше пошлем еще мотоциклиста.

— Скольких посылали, а ответа никакого. Нет уж, лучше поеду сам. Может, потребуются какие срочные меры.

Петра Зеленского, всегда сопровождавшего меня, не было. Я выглянул во двор, увидел своего ординарца:

— Гуров, коня! И сам живей собирайся, поедешь со мной.

Ворошилов понял, что отговаривать меня бесполезно, и только посоветовал взять сильную охрану.

— Не стоит, Климент Ефремович. Двоим и быстрее, и безопаснее. Меньше внимания будем привлекать.

Через несколько минут мы с Гуровым мчались на запад, к Станиславчику. Взятый у противника еще во время прорыва польского фронта добрый конь просил свободы, но я сдерживал его, зная, что путь предстоит нелегкий.

Действительно, уже километрах в пяти от Бродов дорога испортилась. Она оказалась изуродованной снарядами, перекопанной канавами, заброшенной валежником. По обочинам, а иногда и прямо на проезжей части торчали колья с колючей проволокой. Куски ее висели на кустах, опутывали стволы деревьев, ощетинившись, высовывались из ручьев и мелких болот.

В пути мы познакомились с чудом оборонительных сооружений того времени — бетонированной траншеей. Она была настолько широка и глубока, что по дну свободно могли ехать рядом два всадника.

В Станиславчике наших частей не оказалось. Я спросил встреченного на улице маленького, щупленького и шустрого старичка, как нам проехать в Топоров. А он оказался таким словоохотливым, что битых десять минут говорил обо всем, но только не о дороге.

— Да ты, дедунь, подожди. Скажи лучше, как проехать в Топоров? — перебил его Гуров.

— Ах, в Топорив? Так бы и казав. Бачишь, он той хрэст? Туды нэ треба ихать, — зачастил он, указывая на запад. — Там, кажуть, поляки ховаються, сам чув, як вранци стрилялы.

— А как же все-таки проехать? — нетерпеливо допытывался я.

— О це Монастырек. Як выйдэшь из нього, зразу завертай направо и по дорози прямисенько в лис. Як лис пройдэшь — там и будэ Топорив.

Поблагодарив, мы поехали по указанному пути, а старичок вслед нам что-то кричал, размахивая руками. В Монастырьке находились обозы одной из бригад 11-й дивизии.

— Что у вас произошло? — обращаюсь к первому попавшемуся бойцу.

— Паника тут небольшая была, товарищ командарм, — догадался он, что я имею в виду. — Везли, стало быть, патроны и в лесу напоролись на конных поляков. Ну и маленько растерялись. Однако все-таки отбились. Только несколько повозок поломали.

— Видно, что «маленько», если повозки поломали... А где дивизия? Тоже, может, «маленько» разбита? — повернулся я к подбежавшему командиру.

— Что вы, товарищ командарм! Она там, где вчера была. Сюда приходил полк, прочесал лес и обратно. Нам приказали пока ремонтироваться.

Командир — это оказался старший по обозам — показал, как проехать в штаб Морозова.

Через пять минут мы были в густом лесу, насыщенном терпким запахом гнили и хвои. Дорога здесь оказалась еще хуже, чем от Бродов к Станиславчику. На некоторых участках лошади шли по колено в грязи, спотыкаясь о корни деревьев, разбрасывая брызги коричневой жижи и попадая в скрытые водой ямы. Прошло не меньше часа такой адской езды, прежде чем лес начал понемногу редеть. Дорога пошла посуше, и я пустил коня карьером, изредка оглядываясь на Гурова и убеждаясь, что он не отстает.

Ближе к Топорову сплошная чаща сменилась перелесками. Объезжая один из них, я заметил конницу, стоявшую без движения на сравнительно широкой равнине.

— А вот и наши! — радостно вздохнул Гуров.

— Подожди радоваться, надо разобраться,— прервал я ординарца, заслышав рокот и заметив, как из-за леса вынырнул аэроплан и пошел на посадку прямо к коннице.

Действительно, это было странно. Конница похожа на нашу, а аэроплан определенно вражеский.

Но через несколько минут все выяснилось. Летчик, оказывается, ошибся, посадив машину в нашем расположении. Всадники с криками, размахивая клинками, устремились к нему. Они были уже почти рядом, когда аэроплан, взревев, запрыгал по кочковатой земле и, медленно набирая высоту, улетел на запад.

— Кто же так делает? Стрелять надо было, а не

шашками размахивать, — подъезжая, упрекнул я бойцов. Меня огорчило, что они упустили вражеского летчика. Если он был связным, то мог располагать важными оперативными документами.

Подскакавший командир полка доложил, что штаб дивизии находится рядом, в небольшом хуторке за рощей.

У крестьянской хаты, стоявшей на отшибе, я увидел Морозова, начальника штаба дивизии Попова-Раменского и временно исполнявшего обязанности командира 3-й бригады Ежова.

— Почему не доносите, что у вас здесь творится? — не слезая с коня, начал я отчитывать начдива. — Почему допустили панику в обозах? Где ваши бригады? Армия напрягает последние силы, а вы тут мечетесь...

Морозов виновато опустил голову. Выслушав суровую нотацию, он доложил, что переполох в тылах дивизии вызвало нападение на обозы небольшой группы польских улан, отброшенных 4-й дивизией с переправы у Станиславчика.

— Шум, поднятый обозами, дошел до частей как раз во время отхода после неудачной атаки, — рассказывал начдив. — Ну и поползли слухи, будто поляки захватили переправу у Монастырька и окружают нас. Это подействовало на неустойчивых бойцов, и началось замешательство. Пришлось послать в тыл шестьдесят третий полк. А сейчас все спокойно. Донесение я вам послал.

Мы вошли в штаб, и начдив показал мне на карте положение дивизии после отхода от Топорова. Из доклада можно было понять причины неудачи. Бригады действовали на широком фронте, разрозненно, подчас не имели между собой связи, не оказывали друг другу поддержки.

— Вы и впредь не добьетесь успеха, если будете наносить лобовые удары растопыренными пальцами, — заметил я. — А надо бить сжатым кулаком по наиболее слабому месту противника.

Я приказал Морозову во что бы то ни стало остановить неприятеля, а с утра 31 июля наступать на Топоров.

— Установите связь с четвертой и сорок пятой дивизиями и доносите в полештарм о ваших действиях как можно чаще, — уезжая, наказал я начдиву.

Итак, в результате встречного сражения 30 июля Конная армия не позволила соединиться 2-й и 6-й польским армиям, но и не достигла главной цели — разгрома луцко-боремельской группировки противника. Если 6-я дивизия во взаимодействии с 4-й нанесла поражение вражеской кавгруппе, то в свою очередь 1-я польская дивизия легионеров отбросила с восточного берега Стыри нашу 14-ю кавдивизию.

По-прежнему главные силы 2-й польской армии концентрировались перед центром и правым флангом Конармии. Особую угрозу создавало глубокое вклинение сильной 1-й дивизии легионеров. Пленные показывали, что в ее задачу входило совместно с 6-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизиями ударить на Броды — Радзивиллов, разгромить советскую конницу и соединиться с 6-й польской армией.

Чтобы противодействовать замыслам неприятеля, надо было прежде всего разбить его войска, переправившиеся на восточный берег Стыри. Одновременно следовало удержать рубеж Холоюв — Полоничная — Топоров в 10 километрах восточнее Западного Буга. В этом и состояла суть нашего решения, изложенного в приказе на 31 июля.

14-й кавалерийской, бригаде 24-й стрелковой и 1-й бригаде 6-й кавалерийской дивизий приказывалось нанести удары с трех направлений: с востока — на Демидовку, с севера — на Княгинин, с юга — на Берестечко и разгромить 1-ю дивизию легионеров.

С. К. Тимошенко получил задачу двумя бригадами атаковать 1-ю польскую кавалерийскую дивизию и отбросить ее за реку Липа. 4-я дивизия должна была овладеть районом Холоюв — Дмитров и, войдя в связь с 11-й кавдивизией, в случае необходимости оказать ей помощь в захвате Топорова.

Вошедшей в оперативное подчинение Конармии 47-й стрелковой дивизии предстояло к исходу дня выйти в район Клекотов — Сестратин — Бугаевка, а 1 августа занять Шуровичи, Сморжев и Берестечко, чтобы затем действовать совместно с 6-й дивизией.

Мы ориентировали подошедшую к нашему левому флангу 8-ю червоноказачью дивизию 14-й армии об об-

становке. При этом подчеркнули, что ее наступление на Белый Камень — Глиняны по приказу И. П. Уборевича согласуется с задачами 11-й кавалерийской и 45-й стрелковой дивизий и приведет к разгрому бродской группировки противника.

В полночь, справившись со всеми делами, я прилег. Долго ворочался и только забылся беспокойным сном, как разбудил телефон. Звонил Л. Л. Клюев из Дубно.

— С четырнадцатой дивизией прервалась связь, — сказал он встревоженно. — Там что-то неладно. Приехавшие за патронами бойцы говорят, что слышали сильную артиллерийскую и пулеметную стрельбу с того направления.

— Пошлите к Пархоменко толкового работника штаба, а лучше поезжайте сами и выясните, в чем там дело, — распорядился я.

Подробности стали известны лишь к обеду. Оказалось, в полночь, пользуясь беспечностью нашего сторожевого охранения, противник атаковал 14-ю кавдивизию. Все та же 1-я дивизия легионеров окружила 3-ю бригаду Д. И. Рябышева, а две другие отбросила к Козину. Только часам к 10 утра, после кровопролитного боя, полки Рябышева прорвались к главным силам дивизии. Л. Л. Клюев приказал А. Я. Пархоменко перегруппировать дивизию, привести части в порядок и наступать на Демидовку.

Весь день соединения Конармии, за исключением 24-й и 47-й стрелковых дивизий, вели напряженные тяжелые бои, которые, однако, не улучшили положения. Инициатива перешла в руки неприятеля.

Наступление 6-й кавалерийской дивизии с юга по берегам Стыри не имело успеха. Сильный артиллерийский и пулеметный огонь вынудил ее отойти в исходное положение.

Во второй половине дня С. К. Тимошенко доложил, что неприятельская конница прорвалась в его тылы — в Лашков и стремится захватить переправу в Шуровичах. Пришлось бросить туда один полк, а это еще больше снизило наступательные возможности дивизии. К ночи, так и не взяв Берестечко, две бригады 6-й кавалерийской дивизии отошли в Завидче и Шуровичи, а бригада В. И. Книги после безуспешного наступления расположилась в деревне Редков на восточном берегу Стыри.

Много волнения доставили нам слабоорганизованные и несогласованные действия 4-й и 11-й кавдивизий. Вначале части Ф. М. Морозова наступали на Топоров одни. Противник оказал жидким цепям конармейцев, двигавшимся в пешем строю, сильное сопротивление, а затем сам перешел в контратаку. После двухчасового боя сказалось численное превосходство неприятеля, и 11-я дивизия начала отходить на восток.

В середине дня с севера к Топорову подошли две бригады Ф. М. Литунова. Лесисто-болотистая местность исключала атаку в конном строю. Полки спешились и завязали огневой бой.

Узнав о подходе 4-й дивизии, Ф. М. Морозов бросил в наступление свои части. Но и на этот раз оно окончилось безуспешно. Больше того, разъезды дивизии, заметив какую-то блуждающую группу улан, по всей вероятности отброшенную 6-й дивизией из Лашкова, сообщили «о появлении в тылу польской конницы». Начдив не проверил этих показаний, а сразу распорядился отходить к Стыри, в район Станиславчика.

Узнав об этом, все у нас в полевом штабе удивились. Неуверенность и замешательство так противоречили всем нашим представлениям о Федоре Максимовиче Морозове.

Посоветовавшись, мы решили направить ему на помощь полк Особой бригады. Вызвали командира бригады К. И. Степного-Спижарного и, поставив ему задачу, распорядились передать начдиву, что Реввоенсовет армии недоволен его нерешительностью и беспричинным отходом дивизии.

— Пусть Морозов наступает и совместно с четвертой дивизией овладеет Топоровом. В противном случае он будет строго наказан. Так ему и скажите, — наставлял я Степного-Спижарного...

В общем за 31 июля положение армии ухудшилось. 11-я и 4-я кавдивизии отошли к Стыри. Атаки 6-й кавалерийской не имели успеха, а 14-я, сбитая дивизией легионеров, отступила в Козин. Лишь правофланговая 24-я и левофланговая 45-я стрелковые дивизии удерживали свои рубежи.

Дальнейшее продвижение 1-й дивизии легионеров на юго-восток грозило нам очень неприятными последст-

виями. Поэтому в 14-ю кавдивизию мы направили начальника штаба армии Л. Л. Клюева. Он должен был поставить А. Я. Пархоменко задачу восстановить утраченное положение и помочь организовать взаимодействие с 24-й стрелковой дивизией.

Прошла ночь. Рано утром поступило донесение из 4-й дивизии. Ф. М. Литунов сообщал, что, следуя излюбленной привычке, генерал Крайовский под покровом темноты бросил в атаку на деревню Майдан два батальона. Наши бойцы прижали неприятельскую пехоту своим огнем, а затем бросились в контратаку. Враг в беспорядке отступил. Не теряя времени, начдив поднял по тревоге всю дивизию и начал преследовать противника, охватывая Топоров с северо-запада.

Тем временем перешла в наступление и 11-я дивизия. Разгромив в районе Турья до батальона пехоты, она продвинулась на Яблоновку и Соколовку, обошла Топоров и отрезала противнику пути отхода к реке Западный Буг.

Успехи 4-й и 11-й дивизий не могли не радовать. Благополучно обстояли дела и в 45-й стрелковой дивизии. Ее части перешли в наступление и установили локтевую связь с 8-й червоноказачьей. Только не было донесений из 6-й и 14-й кавалерийских, как раз с самого опасного направления.

С. А. Зотов, разослав в дивизии добрую половину связных, не отходил от телефонов. Он звонил в оперативный пункт штарма в Дубно, но тот чаще всего не отвечал, а когда удавалось связаться, там не было начштаба.

Но вот наконец у трубки Клюев. Он доложил, что 14-я дивизия не смогла своевременно перейти в наступление. Противник упредил ее, двинулся на Козин и, отбросив передовые эскадроны, занял район Теслугова. Правда, к моменту нашего разговора неприятеля удалось остановить, и 14-я кавалерийская совместно с бригадой 24-й стрелковой дивизии уже начала наступление. Клюев выражал уверенность, что враг будет отброшен к Стыри.

Я подробно информировал начальника штаба о положении в остальных соединениях и приказал сразу же донести во фронт сложившуюся у нас обстановку.

Пока шел разговор, прискакали связные от С. К. Ти-

мошенко. Каждый из них рассказывал какую-нибудь подробность о событиях, развернувшихся там, дополнял живыми деталями скупые строки донесений начдива.

На заре части 6-й польской пехотной и 1-й кавалерийской дивизий повели наступление от Берестечко на юг вдоль обоих берегов Стыри. На восточном берегу первый удар противника приняла бригада В. И. Книги. Вперед выскочили пулеметные тачанки, артиллерия и огнем прижали вражескую пехоту к земле, а затем смелой контратакой в конном строю конармейцы отбросили ее к Берестечко. Бригада взяла в плен 130 солдат, захватила три пулемета и одно орудие. Но к полудню, после многочасового боя на западном берегу, 2-я и 3-я бригады Тимошенко начали отходить. Противник получил возможность бросить против полков В. И. Книги свой резерв и также принудить их к отступлению.

Во второй половине дня конница противника стала обтекать 6-ю кавдивизию с левого фланга, угрожая отрезать от переправы в Шуровичах. Только энергичной контратакой в конном строю части С. К. Тимошенко сорвали эту попытку.

И все же положение дивизии все ухудшалось. Тут бы ей требовалась помощь 47-й стрелковой, которая по приказу к исходу дня должна была выйти в район Шуровичи — Берестечко. Но она как в воду канула.

Появилась только к 15 часам, но не в Шуровичах, а в Бродах. Врид начдива объяснил, что, прежде чем двинуться, ему пришлось долго собирать части, разбросанные на большом пространстве. А пока 6-я дивизия, лишенная поддержки, совершенно измученная боем, отошла на восточный берег Стыри.

Наступали сумерки. Сгущались грозовые тучи. Потянуло холодом. Юркие стрижи стремительно сновали над землей, словно радуясь надвигающейся грозе.

На юго-западе небо прорезали яркие всполохи, а затем оттуда доносился раскатистый гул. И порой трудно было отличить, гром это или отзвуки артиллерийской канонады с участка 45-й стрелковой дивизии. Весь день она отбивала натиск частей группы генерала Шиманьского и 13-й польской пехотной дивизии.

Таким образом, результаты боя за 1 августа тоже были неутешительными. Правда, 4-я и 11-я кавалерийские дивизии к 18 часам окружили крупные неприятель-

ские силы в Топорове. Однако разгромить или пленить противника им пока не удалось. На флангах армии положение оставалось без перемен. В центре же обстановка резко изменилась в пользу неприятеля. Дивизия С. К. Тимошенко оставила западный берег Стыри, потеряла переправу в Шуровичах и отошла в район Лешнева, к северо-западу от Бродов. Бригады А. Я. Пархоменко, хотя и перешли в наступление, решительного успеха не добились. Во взаимодействии с полком 24-й стрелковой дивизии они отбросили левый фланг 1-й польской дивизии легионеров и овладели районом Волковые — Бокуйма. Однако правофланговые неприятельские части прорвались еще глубже на восток, в тыл Конармии.

Взятые в плен солдаты и офицеры 6-й пехотной, 1-й кавалерийской дивизий и 4-й кавалерийской бригады показали, что их части имели задачу наступать на Броды. Разведывательные группы, высланные С. К. Тимошенко к Стыри, установили, что в Шуровичах и Берестечко переправляется на восточный берег реки и 2-я польская кавалерийская дивизия. Эти сведения подтвердил позвонивший нам Л. Л. Клюев. Он доложил, что, как достоверно установлено, перед 24-й стрелковой дивизией противник оставил лишь слабое прикрытие, а основные силы перебрасывает на Берестечко.

Сопоставив все эти данные, мы пришли к выводу, что 2-я польская армия готовила главный удар на Радзивиллов — Броды двумя пехотными и двумя кавалерийскими дивизиями. Противодействуя этому, Реввоенсовет решил ударами 6-й кавалерийской и 47-й стрелковой дивизий на север, в направлении Берестечко, 14-й — с востока на Демидовку и 24-й — в сторону Горохова, в тыл луцко-боремельской группировки польских войск, разгромить противника, прорвавшегося на правобережье Стыри.

В то же время 4-й и 11-й дивизиям, выдвинувшимся на 15—20 километров западнее остальных войск армии, предлагалось ликвидировать топоровскую группу противника и захватить переправу через Западный Буг. Имелось в виду после разгрома главной вражеской группировки прикрыть стрелковыми частями правый фланг и тыл Конармии, а 6-ю и 14-ю дивизии бросить в львовском направлении вслед за 4-й и 11-й.

Придавая важное значение четкому взаимодействию в предстоящей операции, особенно между 6-й и 47-й дивизиями, мы в ночь на 2-е вызвали их командиров.

Вид до неузнаваемости похудевшего С. К. Тимошенко встревожил меня:

— Не заболел ли, Семен Константинович?

— Еще как болею, Семен Михайлович. Очень переживаю за дивизию. С каждым днем ей все труднее приходится. А лошади, на них прямо жалко смотреть — одна кожа да кости.

— Знаю, всем сейчас тяжело, — ответил я, — но другого выхода нет. Ведь были, Семен Константинович, времена, когда нам приходилось не легче. И ничего, пережили. Так что выдержим и теперь.

Объяснив особенности задачи и порядок взаимодействия, мы отпустили Тимошенко.

— Передайте вашим бойцам, — сказал Ворошилов, пожимая на прощание его большую руку,— что Реввоенсовет армии от имени Советской власти благодарит их за подвиги и гордится мужеством, которое они проявляют в борьбе с врагом. — Помолчав и пристально посмотрев в глаза начдиву, добавил: — А что трудно, верим. Но мы же коммунисты, а это ко многому обязывает.

— Спасибо за теплые слова и доверие, — ответил начдив. — Обещаю вам, будет сделано все, что в человеческих силах, для выполнения приказа...

С временно исполнявшим обязанности начдива 47, которого я видел всего один раз и фамилии не запомнил, мы поговорили строго. Его упрекнули за невыполнение предыдущей задачи, в результате чего для армии сложилось тяжелое положение. Мы предупредили, что при вторичном невыполнении приказа Реввоенсовета будут приняты более суровые меры, вплоть до предания суду военного трибунала.

2 августа на всем фронте армии бои разгорелись с новой силой. Особенно напряженными они были в центре.

Части С. К. Тимошенко с утра перешли в наступление, но были контратакованы 6-й польской пехотной и 1-й кавалерийской дивизиями. Под натиском превосходящих сил они попятились на юго-восток, к Бродам. Их отход создал угрозу тылу 4-й кавалерийской, а отступ-

ление последней в свою очередь поставило в трудное положение 11-ю дивизию, оголив ее правый фланг.

Снова подводила 47-я стрелковая дивизия. По времени она должна была подойти к Шуровичам, но ее части только-только выдвигались северо-западнее Радзивиллова.

Еще ночью 11-я дивизия подверглась атаке неприятельской пехоты. Тогда решительной контратакой противник был отброшен. Но днем польская пехота вновь перешла в наступление, и теперь уже с двух направлений: с запада — из района Буска и с юга — от Топорова. Части Ф. М. Морозова дрались на два фронта и в конце концов, опасаясь за свои открытые фланги, вынуждены были пробиваться на восток, к Стыри.

К полудню инициатива полностью перешла к противнику. Только 45-я стрелковая дивизия еще отражала неприятельские атаки и удерживала свои позиции, а правофланговые части 14-й дивизии даже немного продвинулись на запад. Но в центре противник теснил наши войска и уже овладел районом Козин — Жабокрики — Лешнев. Остановить и разбить его главную ударную группировку должны были те же 24-я и 47-я стрелковые, 14-я и 6-я кавалерийские дивизии.

Из полештарма помчались мотоциклисты, поскакали конные связные с распоряжениями начдивам. 4-й дивизии следовало отойти к Станиславчику и занять восточный берег реки от Войтовича до Монастырька, прикрывая Броды с северо-запада. 11-й предстояло отступить на рубеж Хациско — Соколовка — Брахов и закрепиться западнее Бродов. С. К. Тимошенко получил приказание одну бригаду двинуть для помощи 14-й дивизии, чтобы нанести удар противнику в направлении Жабокрики, Глубокая Долина, Демидовка и отрезать неприятельские части, прорвавшиеся к Радзивиллову. Двум его бригадам предстояло выполнять прежнюю задачу. Из района Рожнева срочно перебрасывался к Клекотову, на северо-запад от Радзивиллова, армейский резерв — Особая кавбригада. 47-й стрелковой дивизии предлагалось ускорить выход к реке Стырь и установить локтевую связь с 6-й кавалерийской дивизией.

Вскоре после отъезда связных мы с К. Е. Ворошиловым и адъютантом П. П. Зеленским в сопровождении эскадрона Реввоенсовета поскакали по шоссе на север

в 6-ю дивизию, где сложилась наиболее тяжелая обстановка. Не успели отъехать и двух километров от Бродов, как над городом появились неприятельские аэропланы. Тут же послышались взрывы бомб, треск пулеметов.

Вражеские летчики действовали нахально, снижались так, что летали чуть выше крыш, обстреливали из пулеметов улицы города. Обидно было за нашу беспомощность. В последнее время налеты авиации противника участились, а мы, к сожалению, не могли с этим эффективно бороться. Зенитной артиллерии у нас не было, а большая часть аэропланов авиагруппы Конармии пришла в негодность. Лишь несколько машин использовалось для разведывательных полетов.

В пути встретили штаб 6-й дивизии, отходивший в Конюшков. Начальник штаба К. К. Жолнеркевич доложил, что начдив и комиссар находятся в боевых порядках частей. Туда направились и мы.

Километрах в трех за Конюшковом, на опушке рощи, увидели небольшую группу людей. Среди всех выделялись рослые Тимошенко и Бахтуров. Впереди грохотала артиллерия, слышалась дробь пулеметов.

— Ну как у вас дела? — соскочив с коня, подошел я к начдиву.

— Первая и вторая бригады ведут бой, а третья в резерве, — ответил начдив. — Сорок седьмая дивизия все еще не подошла, и правый фланг у нас открыт. Противник, используя это, пытается обойти справа.

Действительно, было видно, как из леса, южнее Лешнева, выходила и рассыпалась в цепи неприятельская пехота, обтекая фланг дивизии. На опушке блеснуло пламя, а спустя несколько секунд метрах в двухстах от нас взрывы взметнули землю.

— Почему не атакуете пехоту? Ждете, когда она выйдет вам в тыл? — спросил я Тимошенко.

— Нечем, товарищ командарм. Двинуть в лоб в конном строю третью бригаду рискованно. Огонь сильный. Погубим людей и лошадей.

— Немедленно ко мне комбрига третьей, — приказал я.

С места галопом сорвался один из ординарцев начдива, а через пять минут к нам, огибая кусты, торопливо шли два человека. Один — высоченного роста, широко-

плечий, в серой кубанке — и второй — много ниже, молодой, чуть прихрамывающий, с небольшими усиками на красивом загорелом лице.

— Вот этот высокий — Колесников, — показал Тимошенко.— Всего три дня назад командовал эскадроном. А теперь комбриг. И так во всей дивизии. Полками командуют вчерашние комэски и комвзводы, а взводами и даже эскадронами — рядовые бойцы.

Во втором из подходивших я узнал комиссара бригады П. К. Гришина. Комбриг подошел, поправляя на ходу портупею. Шагах в трех от нас остановился, приложил к кубанке руку с растопыренными узловатыми пальцами и, глядя на меня сверху вниз, пробасил:

— Командир третьей бригады Иван Колесников.

— Видите неприятельскую пехоту?

— Вижу!

— Приказываю атаковать ее правый фланг, отрезать от леса и уничтожить. Не сделаете этого, считайте, что вы не комбриг. Задача ясна? — строго посмотрел я на Колесникова.

— Понятно. Значит, атаковать и уничтожить.

— Вы слышали приказ командарма? — повернулся Ворошилов к комиссару бригады.

— Да, — ответил тот.

— Так вот, товарищ Гришин, если он не будет выполнен, не считайте себя комиссаром.

— Разрешите выполнять? — Колесников приложил свою большую руку к кубанке.

— Действуйте. Нет, подождите... — Круто мы поступали, но в той обстановке другого выхода не было. Подумав о том, что сейчас, как никогда, надо ободрить уставших людей, я добавил: — Передайте бойцам, что вместе с ними в атаку пойдем и мы.

— Коня!.. — крикнул Тимошенко своему ординарцу.

— Не надо, — остановил я начдива.

— Товарищ командарм...

— Знаю: хотите сами вести бригаду в атаку, а нам предложить остаться, — прервал я Семена Константиновича. — Не раз видел вас в атаке. Рубить умеете, позавидует каждый. Но слышали, что было сказано комбригу? Оставайтесь с Павлом Васильевичем здесь и руководите боем.

Мы сели на коней и, сопровождаемые эскадроном Реввоенсовета, подъехали к уже выстроенной в редколесье бригаде. По рядам бойцов прошел приглушенный говорок.

— Все видите пехоту противника? — привстав на стременах и сдерживая своего заволновавшегося коня, спросил я.

— Видим, — прозвучал дружный ответ.

— Шашки к бою! За мной, в атаку — марш, марш!

Казбек, почувствовав, как я отпустил поводья, вздрогнул всем телом, прижал уши и, широким прыжком перемахнув через куст, полетел в поле.

— Ура-а-а! — грохнул у меня за спиной и разлился, как морской прибой, боевой клич конармейцев.

Впереди желто-бурое поле с редкими крестцами снопов и рассыпанными, перекатывающимися, словно горох, серыми фигурками польских солдат. По сторонам слышится всхрапывание лошадей моих боевых друзей и соратников. Слева вижу, скачет Климент Ефремович Ворошилов. Бок о бок с ним — комиссар 3-й бригады Петр Капитонович Гришин. Справа, склонившись к шее коня, весь устремился вперед комбриг Иван Андреевич Колесников. Рядом с ним — мой адъютант П. П. Зеленский. А дальше, на флангах, во весь опор несутся пулеметные тачанки.

Позади на все голоса гремит, вздымает тучу пыли лава всадников с обнаженными клинками. Сотни лошадей — худых и сытых, рыжих и вороных, со злым оскалом рвутся одна за другой, словно стараясь достать зубами того, кто стоит на их пути.

Засвистели одиночные пули. Но это продолжалось какие-то секунды. А потом разом ударили десятки вражеских пулеметов. Перед глазами поднялся вал пыли. «Низко берут, перебьют лошадей», — мелькнула мысль.

Я оглянулся назад. Бригада продолжала карьером катиться по полю, потрясая воздух мощным «ура», которое сливалось с треском пулеметов и разносившимся по лесу эхом.

Из-за леса ударила неприятельская артиллерия, открыли огонь минометы. Но мины и снаряды рвались позади нас, не причиняя пока вреда.

Огонь нарастал. Пулеметы захлебывались и вновь стучали зло и надрывно. Теперь рой пуль летел над

нашими головами. Никогда до этого на польском фронте я не встречал, не ощущал такого плотного огня. И удивительно: не вижу ни одного убитого, ни одной лошади, мечущейся без всадника. Может, они остаются позади?

Совсем близко от нас, наискосок справа, вырвались плотной группой несколько всадников. Скользнув взглядом, я узнал некоторых из них.

Впереди, разрезая воздух сверкающим клинком, скакал командир эскадрона 36-го полка Лось, лихой рубака, любимец бойцов. За ним бывший унтер-офицер лейб-гвардии кирасирского полка, сейчас командир взвода Немцев, чем-то мне напоминавший начдива Тимошенко. Рядом с ним командир отделения, могучий телосложением, донской казак Мамонов. Говорили, что в атаке он свиреп и иногда от ярости плачет. Их стараются перегнать двое бойцов, неразлучных друзей, соревнующихся в бою, — Думченко и Костенко. А еще чуть позади троица — скуластый казах Джюма, сын гор чеченец Муртазов и спокойный светлолицый украинец Пацула, прозванный Пехотой только потому, что попал в Конармию из 42-й стрелковой дивизии.

Огонь противника по-прежнему силен и по-прежнему же не причиняет нам вреда.

— Пулеметчики-то растерялись, передернули прицелы! — весело крикнул мне Ворошилов. — Ишь как высоко бьют.

Интересные бывают люди! Климент Ефремович — по натуре горячий, в бою же менялся и становился необычно хладнокровным. В самый разгар рубки он мог говорить самые обыкновенные вещи, высказывать свое впечатление о бое. И сейчас по виду его казалось, что участвует он не в атаке, где могут убить, а словно бы в спортивном состязании.

Разве можно передать словами ощущение, которое испытываешь в конной атаке? Кажется, что время движется замедленно. На самом же деле сближение с противником занимает секунды, ну может быть, считанные минуты.

Я уже вижу перекошенные от страха лица вражеских солдат. Бригада вихрем врывается в боевые порядки неприятеля, в то время как эскадрон Реввоенсовета отрезает противнику пути отхода к лесу.

Пулеметы внезапно смолкли. Падают на землю винтовки. Несколько вскриков сопротивлявшихся, и все кончено. Вокруг только лес поднятых рук.

3-я бригада спешилась и продолжала бой в лесу. За ней перешла в наступление 2-я бригада И. Р. Апанасенко.

А мы с Ворошиловым, взволнованные удачей, соскочили с коней и присели на межу.

К нам подъехали Тимошенко и Бахтуров.

— Ну как, Семен Константинович, выходит, можно атаковать пехоту в лоб в конном строю? — шутливо подморгнул я Тимошенко.

— Еще как можно, товарищ командарм! — улыбнувшись, ответил начдив. — Пехота растерялась, не ожидала такой дерзости и жарила из пулеметов то по земле, то по воздуху.

— Конечно, эта атака не решила судьбу дивизии, — заметил Ворошилов.— Но, я думаю, по крайней мере сегодня противник здесь в наступление не пойдет.

— А теперь стоять насмерть, — предупредил я начдива. — Ни шагу отсюда. Установите связь с соседними дивизиями, и особенно с сорок седьмой. К ночи явитесь в Броды за новыми указаниями.

Пока мы говорили, ничего не подозревая, шагах в десяти вдруг появился польский солдат с судками в руках. Увидев нас, он удивленно заморгал глазами.

— Иди сюда, — позвал рукой солдата Бахтуров. — Иди, иди, не бойся.

Тот осторожно, будто опасаясь оступиться, шагнул к нам.

— Это что у тебя там? — пальцем показал комиссар на судки.

Мешая русские и польские слова, солдат пояснил, что несет обед господину офицеру.

— Вот и хорошо. Мы как раз с утра ничего не ели. А твоего офицера покормим в Бродах. — Бахтуров взял из рук солдата судки, открыл крышку и блаженно улыбнулся: — Вкусно!

Появились ложки, и каждый из нас отведал действительно очень аппетитного борща...

Вечером вернулись в Броды. И тут узнали, почему 47-я дивизия не вышла в указанный ей район. Уже когда она прошла Радзивиллов и подходила к рубежу

Безодня — Хотын, ее разведка обнаружила улан, двигавшихся к Радзивиллову. В одной из бригад возникла паника, и она в беспорядке отошла на юг. За ней последовала и вторая бригада, обнажив правый фланг 6-й кавалерийской дивизии. Кавгруппа противника, не встретив никакого сопротивления, без боя заняла Радзивиллов, а 47-я дивизия только к вечеру собралась в лесу севернее Бродов.

Вторая новость была приятней. Реввоенсовет Юго-Западного фронта передал Конармии в оперативное подчинение 8-ю червоноказачью дивизию 14-й армии.

Это соединение являлось одним из выдающихся в Красной Армии. Дивизия прославилась еще в борьбе против деникинских войск. И здесь, на Юго-Западном фронте, ее действия заслуживали похвалы. Чего только стоил смелый рейд по тылам 6-й польской армии!

Командовал дивизией молодой талантливый военачальник В. М. Примаков — член партии с 1914 года, участник штурма Зимнего. За умелое руководство дивизией и личную храбрость он был удостоен ордена Красного Знамени.

Подчинение 8-й червоноказачьей было как нельзя кстати в то тяжелое для Конармии время.

Неустойчивость 47-й стрелковой позволила 1-й и 2-й польским кавалерийским дивизиям выйти нам глубоко в тыл. Без боя овладев Радзивилловом, они создали угрозу окружения Конармии. К тому времени главные силы 1-й дивизии легионеров из Жабокриков и Козина нависли над правым флангом и тылом армии.

В такой обстановке Реввоенсовет принял решение встречным ударом вдоль реки Стырь в направлении Шуровичи, Берестечко отрезать противника от переправ и разгромить. В соответствии с этим задачи дивизиям на 3 августа выглядели так.

4-я и 6-я кавалерийские должны были наступать на север и овладеть переправами в Станиславчике, Шуровичах, Пляшево и Берестечко. В направлении на юго-запад, к реке Стырь, предстояло действовать 14-й кавалерийской и 24-й стрелковой дивизиям. 11-я кавалерийская перебрасывалась к Радзивиллову для совместных действий с Особой кавбригадой и 47-й стрелковой дивизией.

Чтобы объединить усилия соединений, предназначенных прикрыть город Броды от ударов с юго-запада, создавался боевой участок золочевского направления. В его состав вошли 45-я стрелковая, 8-я червоноказачья дивизии и два бронепоезда. Командующим направления был назначен И. Э. Якир.

Разослав приказ в дивизии, мы стали ожидать С. К. Тимошенко и Ф. М. Литунова. На их соединения возлагались наиболее ответственные задачи, и мы решили лично проинструктировать начдивов.

Первым приехал Ф. М. Литунов.

— Как настроение, Федор Михайлович?

— Как всегда — боевое! — бодро ответил неунывающий начдив. — Во время отхода к Стыри нас немного пощипали. Но потом дело выправилось. Противника с переправ отбросили, и бригады в полном порядке сосредоточились в Станиславчике.

Я информировал Литунова о замысле Реввоенсовета, о том, как предполагается разгромить противника на правобережье Стыри. На карте показал задачу его дивизии и других соединений, дал подробные указания о порядке взаимодействия с 6-й дивизией, выполнявшей главную задачу.

Через полчаса прискакал С. К. Тимошенко.

— Немного задержался. Прежде чем к вам отправиться, решил объехать части. Проверил охранение. Люди устали, боялся, не уснули бы. — Семен Константинович тяжело опустился на стул и принялся растирать ладонями усталое лицо.

Я изложил наши планы и предстоящую задачу 6-й дивизии. Усталым взглядом он следил за карандашом, которым я чертил на карте направление действий дивизии.

— Пойдете по восточной опушке вот этого лесного массива, что южнее Лешнева, форсируете у Безодни реку Слоновка и займете район Полуночное — Редков, перехватывая все дороги из Радзивиллова на запад.

— Но, товарищ командарм, где вы показываете — болотистые места.

— Об этом мы думали, — заметил Ворошилов. — Дороги там действительно трудные. Но, перехватив их, вы оставите противнику единственный путь отхода — прямо через болото. А это нам и нужно.

— И учтите, — добавил я, — на лесное шоссе ни в коем случае не выходите. Там находятся части 6-й польской пехотной дивизии, и они могут вас задержать. А двигаясь по указанному мною пути, вы после Корсова можете направить одну бригаду на Лешнев и захлопнуть выход противнику из леса...

Тимошенко уехал, когда начало светать. Ворошилов и Зотов уснули прямо за столом, сидя.

Нужно бы и мне вздремнуть, но беспокойство за завтрашний день отогнало сон. В памяти все время всплывал разговор с Тимошенко. В тоне его ответов звучала чуть заметная нотка неуверенности.

5

Восход солнца застал нас с К. Е. Ворошиловым на пути в 6-ю дивизию. Легкой рысцой бежали отдохнувшие кони. Утренняя прохлада освежала лицо, бодрила тело.

На северной опушке рощи юго-восточнее Конюшкова повстречали С. К. Тимошенко и К. К. Жолнеркевича. Вдали, огибая лесной массив, двигалась колонна конницы. Голова ее уже подходила к шоссе на Лешнев и поворачивала в лес.

— Это что за части? — поинтересовался я.

— Бригада Апанасенко, — ответил начдив.

— А где главные силы дивизии?

— Идут по шоссе через лес.

— Как через лес? Вам же было приказано двигаться в обход.

— Утром разъезды доложили: там такие болота, что наши изнуренные лошади не пройдут. Вот я и решил пробиться по шоссе, а затем свернуть на указанное вами направление.

— Вам было ясно сказано, несмотря ни на какие трудности, двигаться в обход леса, — строго сказал я. — С учетом движения ваших главных сил поставлены задачи и другим дивизиям.

Я укоризненно посмотрел на Семена Константиновича. На моих глазах он рос как хороший командир, дисциплинированный и умелый организатор боя. В сложных условиях Тимошенко отлично управлял дивизией, мог

сплотить бойцов, направить их волю к единой цели. Не раз и не два видел я, как, воодушевляя конармейцев, он водил их в атаку и проявлял храбрость, достойную восхищения. Но в последнее время он, видно, очень устал и допускал ошибки. Посоветовавшись, мы с К. Е. Ворошиловым решили отстранить С. К. Тимошенко от командования дивизией.

Для нас это был непростой шаг. Тяжело сознавать, что подвергаешь наказанию боевого заслуженного командира. Но мы считали, что наше решение пойдет на пользу и самому Семену Константиновичу, и другим командирам. Пусть каждый знает, что никакие прежние заслуги не оправдывают малейшего уклонения от выполнения приказов и распоряжений Реввоенсовета. А Тимошенко мы убережем от бесшабашного, рискованного личного участия в атаках, в чем иногда по молодости замечались командиры и комиссары, огорченные строгим разговором с начальниками. К тому же, зачисляя его в резерв, дадим возможность отдохнуть после серьезного физического и морального напряжения.

Врид начдивом 6 назначили И. Р. Апанасенко. Ему приказали вывести дивизию из леса и направить по указанному Реввоенсоветом пути. Был освобожден от должности и начальник штаба дивизии К. К. Жолнеркевич, который тоже допустил ряд ошибок. Его заменил Я. В. Шеко, только что приехавший в Конармию после окончания Академии Генерального штаба.

Отсюда мы повернули на юго-восток и поехали в Конюшков, где должен был размещаться штаб 4-й кавдивизии. Хотелось узнать, как обстоят дела у Ф. М. Литунова.

Минут через 15—20 у поворота на Конюшков в небольшой роще заметили конницу. От опушки сразу же отделилась группа всадников и направилась к нам. Впереди я узнал командира бригады 4-й дивизии И. В. Тюленева. Подъехав, он доложил, что бригада движется к деревне Берлин.

— Как, уже к Берлину? Так быстро до Германии добрались? — пошутил я по поводу необычного названия деревни.

— А где остальные бригады? — спросил Ворошилов.

— Первая наступает на Болдуры, а третья идет за ней, — ответил Иван Владимирович.

— У вас-то как обстановка складывается?

— Пока все в порядке. Правда, разведка донесла, что с запада к Бродам движется конница. Возможно, это уланы.

— Откуда им там быть? — возразил Ворошилов. — Вероятно, это части одиннадцатой дивизии идут через Броды на Радзивиллов.

— Пожалуй, одиннадцатая уже ушла из этого района, — усомнился я. — Не исключено, что это действительно конница противника. Вы, Иван Владимирович, все же пошлите к Бродам эскадрон. Пусть выяснит.

Прошло несколько минут. Разговаривая, мы оставались на шоссе. Эскадрон, посланный Тюленевым, пройдя километра два, вдруг круто свернул на восток и галопом поскакал в лес. А из деревни Берлин вышли колонны конницы.

— Противник! — воскликнул я.

— Да что вы, Семен Михайлович! Это же одиннадцатая дивизия, — упорствовал Ворошилов и неожиданно для всех с места галопом рванулся навстречу колонне.

— Климент Ефремович, куда вы?

Но он меня не слышал.

Подняв к глазам бинокль, я окончательно убедился, что это кавалерия противника. Легко можно было рассмотреть пики, которых конармейцы не имели.

— Быстро догнать и вернуть! — крикнул я ординарцам.

Трудно передать, что я пережил за какие-то секунды. Видя, как ординарцы на своих захудалых лошадях не могут догнать Ворошилова, я опасался, что он попадет под огонь противника. К счастью, заметив свою ошибку, Климент Ефремович на всем скаку повернул коня и помчался обратно.

— Ну что, поздоровались с уланами? — укоризненно покачал я головой.

— Представьте себе, они, — виновато улыбаясь, ответил Ворошилов.— Чуть было не попал в передрягу.

— Ну ничего. Мы с ними сейчас по-конармейски поздороваемся. — Я посмотрел в сторону Конюшкова. Там не наблюдалось никакого движения. Вероятно, главные силы 4-й дивизии ушли вперед. Одной же бригады Тюленева для разгрома колонны недостаточно.

— Иван Владимирович, готовьте полки к атаке да пошлите связного к Литунову: пусть сообщит о противнике. А ты, — повернулся я к Зеленскому, — пулей лети в шестую дивизию и веди сюда первую попавшуюся бригаду.

Неприятель тем временем все вытягивался из деревни. По дороге уже шли три колонны. Уланы поднимались на возвышенность между железной дорогой и деревней Язловчик.

— Самое подходящее место зажать белополяков, — обернулся я к Ворошилову. — Смотрите, по сторонам у них болото, а сзади река.

Не ожидая подкрепления из 6-й дивизии, мы тут же распорядились, чтобы Тюленев начинал атаку.

Появление из-за рощи двух наших полков оказалось для врага неожиданным. Уланы торопливо развернулись и непонятно почему остановились, вроде бы в нерешительности. А конармейцы, возглавляемые комбригом, лавиной неслись на них. Еще мгновение, и наши должны налететь на врага. Но тут произошло непонятное — уланы, словно по команде, спешились.

— Какая-то новая тактика, — заметил я.

— Ничего нового, — возразил Ворошилов. — Сейчас лягут и начнут стрелять.

Однако последующие действия белополяков еще больше удивили нас. Бросив лошадей, они врассыпную кинулись бежать, петляя по полю, укрываясь в обильно росших на болоте кустах.

После мы узнали, что в высокой траве и среди кустарника еще со времен мировой войны осталась колючая проволока. Лошади запутывались в ней, падали, а потому уланам и пришлось с ними расстаться.

Атака эскадронов, брошенных Литуновым из Конюшкова, завершила разгром противника. Те из белополяков, кто не сумели убежать, оказались в плену. Конармейцам досталось много отличных лошадей.

Мы отправились в Конюшков. Навстречу нам выехали начдив Ф. М. Литунов и комиссар дивизии В. И. Берлов.

— Здорово разделали улан! — весело приветствовали они нас.

— Неплохо. Но все могло кончиться иначе. Забыли бы про свой левый фланг, — упрекнул я Литунова. — Где ваша первая бригада?

— Отбросила противника и овладела селом Болдуры. Я приказал ей двинуться на Станиславчик и захватить переправу.

— Хорошо. Быстрее кончайте здесь, — кивнул я в сторону деревни Берлин, — и продолжайте выполнять свою задачу.

Штаб Ф. М. Литунова временно стал нашим оперативным пунктом. Разослав отсюда связных, мы решили подождать здесь до выяснения положения остальных дивизий.

За делами я совсем забыл о Зеленском. А когда освободился, узнал, что он еще не возвращался после поездки в 6-ю дивизию. «Что же с ним могло стрястись?» — волновался я.

А оказалось, пока шел бой у деревни Берлин, северо-западнее города Броды разыгрались события, окончившиеся поражением 2-й польской кавалерийской дивизии. Произошло это так.

На помощь И. В. Тюленеву С. К. Тимошенко выделил 2-ю бригаду. С ней направился и Зеленский. Но при выходе из леса южнее Лешнева комбриг и мой адъютант увидели конницу, двигавшуюся колонной. Хорошо зная, что в этом районе наших войск не должно быть, Зеленский по своей инициативе решил один полк направить к Конюшкову, а вторым атаковать неприятельскую кавалерию. И сам принял участие в бою.

Первую атаку противник отбил. В этом бою смертью храбрых пал командир полка К. А. Трунов, один из прославленных героев Конармии. Для нас это была большая утрата. Его, бесстрашного ставропольского богатыря, человека несгибаемого мужества, в армии хорошо знали и уважали. Слава о подвигах Константина Архиповича и по сей день живет в Ставропольском крае. Сюда, в село Терновка (ныне районный центр Труновское), он вернулся после первой мировой войны Георгиевским кавалером полного банта. Здесь стал одним из первых организаторов краснопартизанского движения. Отсюда начался его боевой путь, который завершился в Конармии и был отмечен яркими боевыми делами...

Полк, потеряв командира, отпрянул к лесу и готовился отбить контратаку противника, которая могла последовать. Но тут в рядах неприятеля началось непонятное движение. Наши сообразили, в чем дело, когда увидели, как фланг и тыл врага со стороны Клекотова стала охватывать красная конница. Это шла в атаку наша Особая кавалерийская бригада.

Воспользовавшись замешательством противника, снова перешел в наступление полк покойного Трунова. Конармейцы с двух сторон врезались в смешавшиеся ряды улан и прижали их к болоту севернее Клекотова и Шнырева. Противник понес большие потери. Наши взяли много пленных, захватили 600 лошадей, 4 орудия и радиостанцию.

На допросе пленные показали, что 2-я польская кавдивизия имела задачу нанести удар от Радзивиллова на юго-запад. Соединившись с наступавшей навстречу кавбригадой, она должна была отрезать наши войска, выдвинувшиеся к Стыри северо-западнее Бродов. Это был хитрый план. В случае успеха польской конницы наши 4-я и 6-я дивизии оказались бы в кольце.

Но этого не произошло, и во многом потому, что наши командиры и бойцы обладали высокими волевыми качествами, сообразительностью и самоотверженностью. Я хотел бы отметить и большую заслугу Петра Зеленского. Он творчески подошел к данному ему поручению. Оценив конкретно сложившуюся обстановку, Зеленский смело взял на себя ответственность и принял совершенно правильное решение. За инициативу и проявленную в бою храбрость он был награжден орденом Красного Знамени. Такой же высокой награды удостоился и командир Особого полка Е. И. Горячев. Это он по своей инициативе повел два полка Особой кавбригады в атаку, сыгравшую решающую роль в разгроме врага. Вообще Елисей Иванович считался у нас способным и храбрым командиром...

Солнце клонилось к западу. Чуть заметно повеяло прохладой. Настроение у всех приподнятое. Радовал успех в центре и на правом фланге армии. Кавалерийская группировка неприятеля оказалась разбитой. Это явилось серьезным поражением 2-й польской армии — основного противника Первой Конной. К исходу дня

под ударами наших войск начали отходить к Стыри также 1-я и 6-я пехотные дивизии.

Только положение на левом фланге армии нам было неизвестно. Наконец вечером прискакал связной из полевого штаба армии. С. А. Зотов сообщал, что 45-я стрелковая дивизия ведет тяжелый бой.

— Надо, Климент Ефремович, ехать в Броды,— предложил я.— Там, мне кажется, неблагополучно.

— Ну что ж, едем, — согласился Ворошилов.

— А вы держите с нами связь, — приказал я Литунову, — и в случае чего будьте готовы двинуться на помощь сорок пятой...

Еще издали мы услышали гул артиллерийской канонады. А когда подъехали к Бродам, увидели, что снаряды рвутся на западной окраине. Клубы пыли и дыма совсем укрыли низкие дома.

Решили проскочить к полевому штабу, располагавшемуся поблизости от железнодорожной станции. Но, миновав северную окраину, у вокзала заметили польских солдат. Одни сидели курили, другие сооружали что-то вроде коновязи.

Незаметно проскочить не было возможности. Пришлось свернуть в переулок.

Нас уже заметили. Защелкали выстрелы. Ехавший позади меня молоденький ординарец вскрикнул. Пуля попала ему в руку.

Проскочив несколько улиц, выехали к роще севернее Бродов. Разыскивать полештарм, когда в городе находился противник, было явно нецелесообразно: на это ушло бы много времени. Следовало принимать быстрые меры для освобождения города.

Минут через 20 мы были в Конюшкове у Ф. М. Литунова.

— Противник занял Броды, — сообщил я ему. — Поверните дивизию, атакуйте западную окраину города и очистите станцию.

Не прошло и получаса, как бригады И. В. Тюленева и А. А. Чеботарева уже двинулись на Броды. За ними по шоссе тронулись и мы. Впереди грохотала артиллерия, над городом хищными птицами кружили аэропланы.

В 19 часов 4-я кавдивизия атаковала в пешем строю. Используя городские строения и искусственные препятствия, противник сопротивлялся с редким упорством. Из-за каждого угла, с крыш домов и из окон конармейцев встречали пули и гранаты. Два часа шла кровопролитная схватка, пока наши бригады оттеснили польскую пехоту и очистили станцию.

Мы с Ворошиловым поехали в город и там на одной из узких, загроможденных разбитыми повозками улиц повстречали разъезд эскадрона связи. Командир проводил нас к полештарму, перебравшемуся на восточную окраину.

У небольшого, укрывшегося за фруктовыми деревьями домика заметили С. А. Зотова.

— Степан Андреевич, — окликнул я его. — Что здесь произошло?

— Да вот, понимаете, пришлось и нам вступить в бой.

Зотов рассказал, как противник навалился на части золочевского направления. Под натиском 13-й польской пехотной дивизии 8-я червоноказачья несколько отошла, обнажив левый фланг группы И. Э. Якира. Положение 45-й стрелковой дивизии особенно осложнилось, когда и правый ее сосед — бригада 47-й дивизии — беспорядочно отступил. После этого атакованная превосходящими силами, под угрозой окружения, она вынуждена была отходить к Бродам.

Пытаясь сдержать яростный натиск врага, И. Э. Якир бросил в бой свой последний резерв — дивизионную школу младших командиров. И все же к 15 часам неприятель захватил станцию. Вооружившись ручным пулеметом, Иона Эммануилович сам повел в контратаку одну из бригад. Тогда-то и вступила в бой охрана полештарма во главе с Зотовым.

Станция несколько раз переходила из рук в руки. Но потом противник подтянул свежие силы и отбросил 45-ю стрелковую на восточную окраину города. К сожалению, связи с 8-й червоноказачьей дивизией не было, и командующий группой золочевского направления И. Э. Якир не мог координировать действия подчиненных ему войск.

— Ну а что у червонных казаков? — поинтересовался я.

— Пока неизвестно, — ответил Зотов. — Донесений из восьмой так и не поступало.

— А где одиннадцатая?

После того как она овладела Радзивилловом, я приказал Морозову подтянуться к Бродам. И он недавно сообщил, что его бригады сосредоточиваются в двух-трех километрах восточнее города.

До полуночи мы старались выяснить обстановку в 24-й и 14-й дивизиях. С Дубно по проводам связи не было, и только когда пришло донесение начдива 6 И. Р. Апанасенко, из него удалось установить, что обе они успешно наступают, отбрасывая на запад 1-ю дивизию легионеров. Особая бригада и 6-я кавалерийская продолжали преследовать противника, отступавшего к Берестечко и Шуровичам.

Всю ночь кипел бой за Броды. Ни на минуту не умолкали грохот артиллерии и треск пулеметов. То там, то здесь вспыхивали рукопашные схватки. Когда подразделения польской пехоты начали просачиваться на восточную окраину города, полештарм переместился в Радзивиллов.

На рассвете противник полностью занял город. 4-я дивизия отошла к северу, а 11-я — к востоку от Бродов. 45-я стрелковая продолжала вести бой юго-восточнее города на рубеже Пасеки — Лесовики.

Особая бригада сосредоточивалась в районе Крупца, севернее Радзивиллова. Успешно продолжалось наступление наших правофланговых 6-й, 14-й кавалерийских и 24-й стрелковой дивизий. Они теснили к Стыри 1-ю и 6-ю пехотные, 1-ю и остатки 2-й кавалерийских дивизий. А из 8-й червонноказачьей донесений по-прежнему не поступало, мы даже не представляли, где она находится.

Смириться с потерей Бродов мы не могли. Поэтому, несмотря на крайнюю усталость войск, было решено атаковать противника в городе. Эта нелегкая задача возлагалась на 4-ю и 11-ю кавалерийские дивизии, усиленные тремя бронепоездами. Для руководства наступлением К. Е. Ворошилов поехал к Ф. М. Литунову, а я — к Ф. М. Морозову.

Мы с адъютантом Зеленским прибыли в 11-ю дивизию, когда части ее уже вышли из леса и перебежками по слегка холмистой жниве подбирались к восточной окраине Бродов. Наступление поддерживали два броне-

поезда. На окраине города рвались снаряды и горели постройки.

— Начдива не видели? — подошел я к широкоплечему чубатому командиру, помогавшему двум бойцам тащить пулемет.

— Кажись, там был, — указал он в сторону деревьев, выделявшихся круглым островком в нескольких метрах от опушки леса.

Ехать туда не пришлось. Ф. М. Морозов и исполнявший обязанности комиссара дивизии Н. П. Вишневецкий сами скакали к нам.

— Вы уже здесь? — удивленно произнес Морозов, вытирая рукавом потное лицо.

— Как видите. А у вас как дела идут?

— Наступают все бригады. Пулеметы приказал снять с тачанок, чтобы двигались в цепях и поддерживали огнем. Артиллерия, видите, с опушки бьет по противнику на восточной окраине города.

— Что пулеметы с тачанок сняли, это правильно, а артиллерию используете не совсем полезно, — заметил я. — Нужно часть орудий тоже выдвинуть в цепи. Тогда они смогут поражать огневые средства противника прямой наводкой. И потом, почему бойцы делают такие короткие перебежки? Отчего не используют перерывы в огне для стремительного броска вперед?

— Это мы уже заметили, товарищ командарм, — помрачнев, ответил Морозов. — У бойцов сил не хватает. Люди окончательно выдохлись.

— Вы обратите внимание, как они падают и лежат,— указал на группу бойцов Вишневецкий. — Утром я подошел поближе, и у меня мороз по спине побежал. Вижу, падают люди и сразу засыпают. И нипочем им ни снаряды, ни сама смерть. А почему? Потому что не спали сутками. Да и отощали, едят одну зелень.

Мы подошли к двум бойцам. Один из них, рослый, с забинтованной головой, без фуражки, плюхнувшись на землю, в полусонном состоянии загребал руками и ногами, цепляясь за стерню и пытаясь продвинуться вперед. Второй, тяжело дыша, опустил голову на руки и жевал стебелек травы.

— Что, трудно, друг? — Я присел рядом в борозду, огибавшую одинокое дерево.

Боец устало взглянул на меня:

— Вы, товарищ командарм, легли бы. А то вон как пули свистят... — Потом, видно спохватившись, что не ответил на мой вопрос, быстро заговорил: — Мне-то что: отдохну — и дальше. А вот дружку плохо. Раненный он... Мне бы, товарищ Буденный, до шляхты добраться, а там я их руками задушу, зубами загрызу...

Я смотрел на бойцов, похудевших, измученных, с впалыми, пожелтевшими от голода и чрезмерной усталости лицами, и чувство большого уважения переполнило все мое существо. За тысячи километров от родного края, напрягая последние силы, презирая смерть, шли они в бой, падали и ползли, впиваясь огрубевшими руками в землю, поливая ее потом и собственной кровью ради того, чтобы жила их родная Советская власть.

Цепи конармейцев, пригибаясь и спотыкаясь, катились к Бродам. А там бушевал огонь десятков пулеметов, ухали залпы орудий, сотрясая пропитанный гарью воздух.

Впереди цепей выдвинулись начдив Ф. М. Морозов, начальник политотдела П. Г. Глебов и исполнявший обязанности военкомдива Н. П. Вишневецкий. Я видел, как Федор Максимович вскочил на ноги, оглянулся, взмахнул правой рукой и побежал вперед. Полки поднялись в атаку. И сразу же началась рукопашная схватка.

Сломив сопротивление противника, 11-я дивизия ворвалась в город. Но ненадолго. Противник предпринял контратаку и восстановил положение.

После небольшой передышки новая упорная атака, и опять только до окраинных домов. Несколько раз еще поднимались наши на штурм врага, но добиться успеха не могли. Во второй половине дня окончательно определилось превосходство противника, и я приказал Морозову отвести дивизию в лес.

После этого мы с Зеленским отправились к Ф. М. Литунову.

Там тоже с утра шел ожесточенный бой. В начале наступления бронепоезд «Николай Руднев» ворвался на станцию и обстрелял вокзал и окопы, занятые неприятельской пехотой. К сожалению, наступавшие за бронепоездом спешенные части 4-й кавдивизии были отсечены сильным огнем и отброшены. Началась неравная дуэль нашей подвижной крепости с артиллерией противника.

На бронепоезде было повреждено орудие, вышел из строя пулемет. А когда подошедший вражеский бронепоезд разворотил железнодорожное полотно, «Николай Руднев» вынужден был двинуться обратно.

После этого наши предприняли еще несколько атак, но безрезультатно.

Я нашел К. Е. Ворошилова в наступавших цепях 4-й дивизии. Он и секретарь Реввоенсовета армии С. Н. Орловский нарисовали мне такую же картину, какую я наблюдал в 11-й дивизии.

— Литунов и Берлов сами возглавляют атакующие части. Но люди изнемогают от усталости, — рассказывал Климент Ефремович. — Бригады несут большие потери, кончаются боеприпасы.

Посоветовавшись, решили и 4-ю дивизию отвести от Бродов.

К вечеру приехали в Радзивиллов. С. А. Зотов уже успел связаться со всеми соединениями. По его карте легко было составить представление о сложившейся обстановке.

24-я стрелковая, 14-я и 6-я кавалерийские дивизии отбросили противостоящие войска 2-й польской армии за реку Стырь и вели бои за переправы. 45-я стрелковая занимала рубеж южнее Бродов, левее — соединений Литунова и Морозова. Дивизия червонных казаков еще 3 августа отошла на рубеж Стиберовка — Маркополь — юго-восточнее 45-й. Из донесения В. М. Примакова было видно, что его части не могли противостоять полуторатысячному противнику на местности, изрытой окопами и опутанной проволочными заграждениями. Это нас особенно удивило, ведь мы знали 8-ю дивизию как высокобоеспособную, стойкую.

— По-видимому, Примаков не принял должных мер к отпору врагу, — резюмировал С. А. Зотов. — Странно также, почему он в течение полутора суток не побеспокоился, чтобы связаться с Якиром и с полевым штабом.

Мне это также было непонятно. Но особенно огорчали неудачи 47-й стрелковой дивизии. Во время движения к Берестечко в ней опять без всякой причины возникла паника. Неустойчивость дивизии крылась исключительно в слабости командования. В этом мы легко убедились, как только был назначен новый начдив.

Обсуждая создавшееся положение, мы пришли к выводу, что войска достигли предела человеческих возможностей. Много дней и ночей армия вела кровопролитные бои, пытаясь разгромить нависшую над правым флангом группировку противника и затем прорваться к Львову. Но осуществить это не удалось.

Противник проявил исключительное упорство. На удары Конармии он отвечал мощными контрударами в центре и на флангах. И в конце концов трудно было определить, которая из сторон в этом встречном сражении на реке Стырь вышла победителем. Если 2-я польская армия потерпела серьезное поражение, то войскам 6-й польской армии удалось отбить город Броды и отбросить 45-ю, 47-ю стрелковые и 8-ю червоноказачью дивизии. Противник не смог выполнить основную свою задачу — уничтожить советскую конницу, но он обессилил нас и сорвал наше наступление на Львов.

Действия против численно превосходящего, стойкого и хорошо вооруженного врага на неудобной для конницы сильно пересеченной лесисто-болотистой, к тому же изрытой окопами местности, при постоянном недостатке боеприпасов, продовольствия и фуража, без должной поддержки соседей подорвали боеспособность, физически ослабили Конармию. Это особенно наглядно показал последний бой за Броды.

Нам было совершенно ясно, что дальнейшее наступление ничего не даст и необходим хотя бы небольшой отдых просто для того только, чтобы дать людям поспать и покормить лошадей. И Реввоенсовет принял решение вывести в армейский резерв наиболее утомленные соединения и одновременно обратиться к командованию фронта с просьбой предоставить армии отдых для восстановления боеспособности.

В резерв выводились 4-я и 11-я дивизии. Им было приказано сосредоточиться восточнее Радзивиллова и приводить себя в порядок. 47-я стрелковая собиралась в Почаеве.

Особая кавбригада, 45-я стрелковая и 8-я червоноказачья дивизии располагались на рубеже Сестратин — Радзивиллов — Перенятин — Бобровцы. 24-й стрелковой, 14-й и 6-й кавалерийским дивизиям предстояло захватить и удерживать переправы через Стырь от Луцка до Шуровичей. Бронепоездам Конармии ставилась за-

дача курсировать от станции Рудня Почаевская на Радзивиллов и поддерживать огнем 45-ю стрелковую дивизию и Особую кавбригаду.

Полевой штаб армии перешел в местечко Верба. Оттуда мы направили во фронт и в копии главкому следующую телеграмму:

«Конная армия с 5 июня ведет непрерывные бои, не имея ни одного дня отдыха... В последний период боев в Дубно-Бродском районе противник сосредоточил не менее четырех пехотных и трех кавалерийских дивизий и, прорвавшись к нам в тыл, парализовал подвоз грузов. Дивизии почти не получают хлеба и фуража, крайний недостаток в боеприпасах. Люди питаются картошкой и зелеными яблоками... Отсутствие продовольствия и фуража, постоянное двухмесячное напряжение совершенно обессилили армию. Лошади настолько изнурены, что не в состоянии даже отгонять разъедающих их кожу мух... Реввоенсовет Конармии с полным сознанием ответственности заявляет, что, каковы бы ни были политические задачи дня, но Конармия свыше сил сделать ничего не может. Реввоенсовет Первой Конной армии видит спасение положения только в отходе армии по крайней мере за реку Икву, где бы можно было привести в порядок как людей, так и конский состав и пополнить материальную часть. Во имя спасения конницы, которая еще нужна Республике, настаиваем на санкционировании немедленного организованного отхода Конармии на указанную линию» [1].

Утром на следующий день 4-я и 11-я дивизии двинулись на отдых в указанные районы. Вслед за ними противник перешел в наступление из города Броды, но был отброшен. В тот день неприятельские части пытались контратакой задержать 6-ю и 14-ю кавдивизии, продвигавшиеся к Стыри. Однако и тут успеха не имели. Передовые части 14-й дивизии даже форсировали Стырь на участке Боремель — Берестечко, а 24-я стрелковая заняла город Луцк.

6 августа пришел ответ фронта на нашу телеграмму. Реввоенсовет, к сожалению, отклонил нашу просьбу и приказал «с неослабной энергией выполнять боевую задачу по ликвидации львовской группы противника».

---

[1] ЦГАСА, д. 54681, л. 27 (шифр 1935 г.).

Выполняя приказ фронта, мы распорядились, чтобы с утра 7 августа 24-я стрелковая, 14-я и 6-я кавалерийские дивизии перешли в решительное наступление и к исходу дня очистили западный берег Стыри от противника, а затем продвигались к реке Буг в направлении Добротвор, Радехов, Холоюв. Особой кавбригаде, 45-й стрелковой и 8-й червоноказачьей дивизиям приказывалось перейти к обороне на занимаемых ими рубежах. 47-я стрелковая, 4-я и 11-я кавалерийские дивизии остались в резерве. Они все равно не в состоянии были наступать.

Авиагруппа получила задачу вести разведку львовского направления, а бронепоезда — курсировать по линии Верба — Броды.

Все же мы решили, что К. Е. Ворошилов выедет в Бердичев, чтобы по прямому проводу переговорить с Реввоенсоветом фронта, доложить ему, а если потребуется, и главкому об истинном состоянии армии. Попутно он хотел посмотреть, что можно сделать, чтобы коммунистов тыловых армейских учреждений, и прежде всего политотдела армии, перебросить в передовые части, позаботиться о пополнении, активизировать работу органов снабжения и обеспечить доставку в соединения боеприпасов, продовольствия, фуража, обмундирования.

В районе Бродов 7 августа было сравнительно спокойно. Лишь кое-где противник вел редкую артиллерийскую стрельбу да высылал отдельные разведывательные группы, которые без особого труда ликвидировались нашим боевым охранением. Используя пассивность неприятеля, я предложил командующему золочевского направления И. Э. Якиру вывести в резерв одну из наиболее уставших бригад 45-й стрелковой дивизии.

К вечеру поступили сведения о наступлении наших правофланговых соединений. 24-я стрелковая дивизия вышла в район южнее Свинюхи, а части 14-й кавалерийской заняли Лашков и Кустин. К Лашкову подошли и подразделения одной из бригад С. К. Тимошенко, хотя главные его силы все еще оставались на восточном берегу.

Ночь я провел в ожидании вестей от К. Е. Ворошилова, но он молчал. А на рассвете пришла директива командующего фронтом. А. И. Егоров приказывал

24-ю стрелковую дивизию передать 12-й армии, которой ставилась задача занять Раву-Русскую и Томашев. «Командарму 1-й Конной, — указывалось в директиве, — произвести соответствующую перегруппировку с расчетом вывести основные части 1-й Конармии в армрезерв, остальными частями, временно приданными в подчинение, действовать согласно с частями 12-й и 14-й армий»[1].

Позже стало известно, что А. И. Егоров отдал эту директиву по приказу главкома, который требовал сменить Конармию стрелковыми частями и вывести в резерв для подготовки к новому удару. Однако в связи с большой активностью противника на фронте Конармии вывести в резерв все основные кавчасти не удалось. 6-я и 14-я дивизии так и остались в соприкосновении с противником и вели бой все последующие дни. Ни 45-я, ни 47-я стрелковые дивизии сменить их не могли. Первая из них, сильно ослабленная, была скована активным неприятелем в районе Бродов, а вторая, тоже нуждавшаяся в пополнении, приводила себя в порядок.

Пришлось расставаться и с 24-й стрелковой дивизией. Она, хотя и малочисленная, за время совместных действий с Конной армией показала себя с наилучшей стороны. Поэтому, посылая врид начдива ее Муратову телеграмму с приказанием войти в подчинение командарма 12, я от имени Реввоенсовета Конармии поблагодарил командиров, комиссаров и красноармейцев за смелую и твердую товарищескую поддержку Конной армии в выполнении ее боевых задач.

6

Утром 8 августа противник перешел в наступление из Бродов на Радзивиллов, который обороняли всего два эскадрона Особой кавбригады. Бой был коротким, и бригада, растянутая на участке свыше 15 километров, не смогла сосредоточить на угрожаемом направлении необходимые силы. Значительно превосходящий неприятель отбросил наши эскадроны, овладел Радзивилло-

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 1146, л. 120.

вом и стал развивать наступление в направлении села Крупец.

Я хотел было прервать отдых 4-й и 11-й дивизий. Уже приказал Ф. М. Литунову и Ф. М. Морозову выделить по одной бригаде для разгрома зарвавшегося противника. Но их помощи не потребовалось. Комбриг Особой К. И. Степной-Спижарный очень оперативно собрал свои части и решительно контратаковал. После ожесточенной схватки конармейцы, поддержанные броневиком 32-го автобронеотряда, выбили неприятеля из Радзивиллова. Наши бронепоезда, принявшие участие в этом бою, подбили бронепоезд противника.

Кровопролитные схватки разгорелись на правом фланге армии, где наступали 6-я и 14-я кавалерийские дивизии. Противник упорно сопротивлялся, предпринимал яростные контратаки. Вначале успех сопутствовал нашим войскам, и они прорвались к Радехову. Но в 17 часов до четырех неприятельских конных полков начали теснить 14-ю кавалерийскую дивизию.

Бой длился до глубокой ночи. Атаки противника сменялись контратаками наших частей. Наконец враг не выдержал, начал пятиться, а затем побежал. Преследуя его, дивизия овладела населенными пунктами Куликов и Сеноков.

Две бригады 6-й кавалерийской дивизии достигли района Лопатин — Хмельное, а одна бригада заняла Лешнев.

В этих боях противник понес большой урон. Конармейцы захватили пленных, несколько пулеметов, два орудия. Наши же потери были незначительны. Но среди раненых оказались командир 3-й бригады 14-й дивизии Д. И. Рябышев и его помощник Б. С. Горбачев, водившие бойцов в атаки.

В трудное положение попала действовавшая правее 14-й 24-я стрелковая дивизия. Ночью ее левофланговый 216-й полк атаковала и окружила 1-я польская дивизия легионеров. Хотя потом полку удалось вырваться, он понес большие потери и вынужден был оставить артиллерийскую батарею.

Вечером к нам в Вербу доставили пленных. Офицеры и солдаты, захваченные Особой кавбригадой, показали, что наступление на Радзивиллов имело целью прикрыть погрузку в эшелоны 18-й пехотной дивизии, кото-

рая сменялась 6-й пехотной. Узнав об этом, я приказал начальнику бронесил армии выдвинуть бронепоезда как можно ближе к Бродам и обстрелять станцию.

11 августа на фронте армии стояло относительное затишье, лишь кое-где нарушаемое эпизодическими атаками противника. Кратковременную передышку мы использовали для восстановления сил. Прежде всего необходимо было наладить снабжение. Мы много теряли оттого, что отпускаемые фронтом боеприпасы и продовольствие часто не доходили до армии из-за разрухи на транспорте. Но это еще не все. Даже то, что поступало на армейские базы, не всегда своевременно попадало в дивизии. Сказывалась нехватка автотранспорта, а то и просто нераспорядительность армейских тыловых учреждений. Да и дивизионные органы снабжения страдали неповоротливостью. Ведь сколько раз мне самому приходилось встречать обозы с продовольствием или боеприпасами, блуждающие по дорогам в поисках своих частей и соединений.

Чтобы ускорить доставку грузов, крайне необходимо было упорядочить движение обозов. Вот почему Реввоенсовет армии издал приказ, в котором четко определил порядок подвоза грузов. Тыловым учреждениям указывались пункты, куда они должны были срочно направить материальные средства своим транспортом, а обозам дивизий — пути от этих пунктов до частей.

Принятые меры уже вскоре дали положительные результаты. Соединения пополнились боеприпасами, частично получили продовольствие и фураж. Из Бердичева поступило летнее обмундирование и несколько сот шинелей. Этого еще было недостаточно, но Климент Ефремович обещал выслать дополнительно партию гимнастерок, брюк и шинелей.

Очень плохо обстояло дело с обувью, особенно в 45-й стрелковой дивизии. Я просил Ворошилова принять все меры, чтобы получить для пехотинцев не менее двух тысяч ботинок или полусапог.

Конармия нуждалась в значительном пополнении личным составом, а командование фронта такой помощи не обещало. Пришлось дать начдивам указание до минимума сократить тыловые подразделения, а освободившихся людей направить в строевые части. Для 45-й стрелковой дивизии нам все-таки удалось, хотя и

с большим трудом, получить несколько маршевых батальонов, а 47-ю пополнить полком из 14-й армии.

В походе и боях с 25 мая по 12 августа мы потеряли 6246 лошадей. Поэтому наши ремонтные комиссии усиленно занимались доставкой коней.

Комиссары и политические отделы дивизий использовали относительное затишье для широкого развертывания партийно-политической и культурно-просветительной работы. В частях проводились лекции и доклады, коллективные читки газет и беседы главным образом о внутреннем и международном положении Советской республики. Там, где позволяла обстановка, начали функционировать школы грамоты, кружки художественной самодеятельности и театры.

В связи с вступлением на территорию Галиции Реввоенсовет Юго-Западного фронта выступил с обращением к войскам. Разъясняя его, мы стремились, чтобы каждый боец понял интернациональную роль Красной Армии как заступницы угнетенных.

В 4-й кавалерийской дивизии состоялась красноармейская конференция, сыгравшая большую роль в подготовке всей армии к предстоящим боям. В принятой на ней резолюции говорилось: «Первая конференция 4-й дивизии, заслушав доклад о войне с белополяками и о стоящих перед нами задачах, подтверждает свою полную солидарность с политикой Советского правительства, выражающей революционную волю русских рабочих и крестьян по вопросу о войне с польской шляхтой. Мы, бойцы, громко заявляем на весь мир, что мы не ведем войны с нашими братьями польскими рабочими и крестьянами, что мы не покушаемся на их самостоятельность, на их землю. Мы идем освобождать польский народ от ига польских помещиков и генералов, которые, задушив в цепях рабства свои трудящиеся массы, хотели набросить петлю на русский и украинский народы. Мы глубоко сожалеем, что приходится проливать кровь польских солдат, которых насильно заставляет против нас воевать польская буржуазия»[1].

Этот документ, разосланный потом во все части, явился важным фактором воспитания высокой политической сознательности и крепкого морального духа бой-

[1] «Красный кавалерист», 14 августа 1920 г., № 209.

цов. Он обсуждался на красноармейских конференциях и других дивизий, а в соединениях, находившихся в соприкосновении с противником, где обстановка не позволяла проводить конференции, — на собраниях подразделений. Кроме того, командования дивизий издали приказы, призывавшие личный состав мужественно бороться с врагом, быть непоколебимо верными советскому народу.

Ну и, конечно, подъему боевого духа способствовало чествование отличившихся в боях. В торжественной обстановке вручались ордена Красного Знамени лучшим из лучших героям-конармейцам. Среди награжденных были командир эскадрона П. Н. Мазур, боец Федор Неглядов, командир полка Т. Т. Шапкин, комиссар бригады К. С. Свиридов, командир артиллерийского дивизиона Д. З. Коломиец, боец Евграф Маринин, командир взвода Иван Бойченко и многие другие.

Два дня — 9 и 10 августа — в Вербе стояла непривычная тишина. Большинство работников полештарма выехали в дивизии. По моему указанию они уточняли численный и боевой состав частей, проверяли ход и качество ремонта вооружения и обозов — вообще подготовку к предстоящему наступлению. Армейские разведчики выехали на передний край, чтобы уточнить линию соприкосновения с неприятелем, попытаться выяснить группировку польских войск.

Я тоже использовал любую возможность, чтобы побывать в войсках. В одну из поездок наблюдал, как бойцы выведенных в резерв 4-й и 11-й дивизий «атаковали» поезд-баню. После купания они получали новое обмундирование и радовались словно дети. Поистине удивительно, как даже небольшой отдых преображал людей.

Десятого из Бердичева вернулся К. Е. Ворошилов с важными новостями. Он разговаривал по прямому проводу с А. И. Егоровым. Тот сообщил, что в ближайшее время предполагается Конную армию передать Западному фронту.

— О новой задаче ничего неизвестно? — поинтересовался я.

— Как же, спрашивал об этом. Александр Ильич заявил: пока Конармия подчинена Юго-Западному фрон-

ту, у нас остается прежняя задача. Он приказал быть готовыми в ближайшие дни наступать на Львов.

— Ну а что еще нового вы узнали?

— Понимаете, как нехорошо получается. Когда мы перейдем в Западный фронт, то подчиняться будем ему, а на снабжении останемся в Юго-Западном. Спрашиваю: «Почему так?» Егоров отвечает: «Главком распорядился».

— Да, это действительно неудачно. Причем я уже имею горький опыт. Когда, помню, Конный корпус на артиллерийском снабжении находился в одной армии, на денежном — в другой, а на продовольственном и фуражном — в третьей, то фактически нигде мы ничего не получали. Зато каждый считал себя вправе командовать нами.

— Это плохо, — согласился Климент Ефремович. — Я хотел переговорить с главкомом, но связаться с Москвой не удалось.

— А что, если мы обратимся к Каменеву с просьбой взять армию в свое подчинение? Тогда и снабжаться будем непосредственно из центра.

— Правильно,— подхватил Ворошилов.— Кстати, напомним ему, что он сам выразил согласие с такой постановкой вопроса, когда принимал нас в Москве.

Не откладывая в долгий ящик, мы тут же отправили в Москву телеграмму...

В тот день бойцами 6-й кавдивизии в плен был взят ординарец одного польского командира. У него обнаружили приказ по 1-й дивизии легионеров от 8 августа. А в приказе излагалась задача 3-й польской армии на отход к линии Радехов — Соколь — Грабовец — Красностав — Любартов — Коцк. При этом 1-й кавалерийской дивизии предлагалось отойти в Радехов, сохранив тесную связь с 6-й армией и на левом фланге с 1-й дивизией легионеров. Ставились задачи на отход и другим неприятельским дивизиям, действовавшим против нашей 12-й армии.

Командующий 3-й польской армией требовал от подчиненных четкой организации отхода, указывал, что двигаться следует сжатыми колоннами, чтобы иметь возможность на новом рубеже вести подвижный бой.

По содержанию захваченного приказа можно было объяснить поведение противника в последние два дня. 3-я армия начинала отход на реку Западный Буг под прикрытием сильных арьергардов, стремясь создать единый фронт с 6-й армией.

Такой внезапный отвод войск наводил на размышление. Не иначе, польское командование затеяло перегруппировку сил. На это указывала, в частности, и переброска железной дорогой 18-й пехотной дивизии из района Бродов.

Мы сразу же передали польский приказ в штаб фронта.

☆

★

13. ВПЕРЕДИ ЛЬВОВ

1

Весь день 11 августа мы с К. Е. Ворошиловым провели в полках 4-й и 11-й дивизий. Старенький «фиат», оставляя за собой широкий шлейф дыма и пыли, надрывно урча и громыхая, нес нас от бригады к бригаде. Хороший солнечный день, бодрый и жизнерадостный вид бойцов создавали у нас отличное настроение.

На улице села, где разместился штаб Ф. М. Литунова, мы увидели большую толпу конармейцев и жителей. Сквозь шумный гомон и смех пробивались звуки гармонники. Мы подошли, и круг расступился, пропуская нас к белокурому щеголеватому гармонисту.

— Как дела, друзья? — спросил Ворошилов.

— Хорошо. Все в порядке, — послышалось со всех сторон.

— Лошадей перековали, шашки наточили и обмундировку получили, — словно стих, продекламировал чернявый остроносый боец с живыми искрящимися карими глазами.

— Да и тут не пусто, коль с девчатами танцевать потянуло, — под одобрительный смех провел рукой по животу краснощекий здоровяк в новой гимнастерке и красных шароварах.

— А почему музыка умолкла? Давай-ка, товарищ, нашего! — кивнул я гармонисту.

Боец развел мехи, и в воздухе разлилась звонкая и задорная мелодия «Донского казачка». Ну как тут было удержаться, когда ноги сами шли в пляс. Отстегнув маузер, поправив фуражку, я пошел в пляске вспоминать свою удалую юность.

— Шире круг! — крикнул кто-то, и около меня мигом очутился тот самый бойкий остроносый и кареглазый

боец. Он мячом подскочил на пружинистых ногах и начал выписывать такие вензеля, что век проживешь, того не увидишь. Туго бы мне пришлось, да подоспела подмога. Один за другим в круг скользнули еще два конармейца и при бурной поддержке товарищей повели «наступление» на кареглазого. Я воспользовался этим — и в сторону.

— Товарищ командарм, вы в убыток меня введете: придется плясунам новые сапоги выдавать, — смеясь, подошел Литунов.

— Таким молодцам не жалко и свои отдать, — в тон ему ответил я. — Это же мастера, таланты!

— Вот что значит отдых! — повернулся к начдиву Ворошилов. — Людей будто подменили. А если им с недельку отдохнуть — потом никакие преграды не остановят.

Поговорив с бойцами, мы направились в штаб дивизии. По дороге Литунов доложил о том, что сделано для подготовки к предстоящим боям.

— Боеприпасы и продовольствие получили, фураж — еще не полностью. Люди вымылись в бане, сменили обмундирование.

В 11-й дивизии мы увидели такое же физическое и моральное обновление бойцов. В одной из бригад нам показали партию лошадей, поставленных нашей армейской ремонтной комиссией. Лошади были разномастные и различные по экстерьеру, но упитанные.

В Вербу вернулись в конце дня. От командующего фронтом ничего не поступало. Но после нашего донесения об отходе противника можно было в любую минуту ожидать приказа о немедленном наступлении.

В принципе наша задача нам была ясна. У нас не было сомнения относительно направления наших действий. Ведь Егоров особо подчеркнул, что Львов остается за нами. Поэтому мы решили заранее осуществить некоторую перегруппировку.

Группе И. Э. Якира, в которую включили 45-ю, 47-ю стрелковые и 8-ю червоноказачью дивизии, а также 14-й кавалерийской следовало остаться на месте и в течение 12 августа готовиться к наступлению. Главные силы С. К. Тимошенко тоже должны были занимать прежний район, а передовым его частям предстояло овладеть населенными пунктами Дмитров, Оглядов

и Топоров — в стыке между 6-й и 3-й польскими армиями. 4-я кавдивизия получила приказ к полудню 12 августа сосредоточиться в районе Лешнев — Шуровичи на восточном берегу Стыри, в затылок 14-й. Ф. М. Морозов сменял на рубеже Радзивиллов — Пирятин Особую бригаду, которая после этого выдвигалась в район Хотына за 4-й дивизией. Бронепоездам ставилась задача курсировать по ветке Верба — Броды и поддержать огнем наступление 11-й кавалерийской.

Полевой штаб переходил в Редково, а в Вербе оставался оперативный пункт для связи полевого штаба с основным.

Провели и некоторые перемещения командиров и политических работников. Вместо выбывшего по ранению К. И. Озолина комиссаром 11-й дивизии назначили П. В. Бахтурова, которого на должности военкомдива 6 заменил Винокуров. Временно, пока И. Р. Апанасенко исполнял обязанности начдива 6, командование 2-й бригадой возложили на Д. Д. Коротчаева.

С утра 12 августа заморосил дождь. А вскоре он перешел в сплошной ливень. Очень некстати такая погода: она затрудняла нам перегруппировку.

В полевом штабе армии С. А. Зотов и С. Н. Орловский заканчивали сборы к отъезду в Редково. На улице стояли повозки и грузовые автомашины с имуществом полештарма и Реввоенсовета, суетились ездовые и ординарцы.

Только мы встали из-за стола, как вошел С. А. Зотов.

— Что, уложились, а ехать по дождю не хочется? — пошутил я.

— Нет, товарищ командарм, есть важные бумаги. Только что основной штаб передал директиву фронта. Всем армиям польского участка Юго-Западного фронта приказано перейти в наступление. Получена также информация об обстановке на Западном фронте и у наших соседей.

Из последнего документа было видно, что правофланговые соединения 12-й армии вышли на реку Буг от Влодавы до Владимир-Волынского. Ее левофланговая 24-я дивизия находилась на линии Локачи — Звеняче. Слева 14-я армия занимала рубеж по реке Стрыпа. Войска Западного фронта вышли на линию Цеханов — Вышков —

Седлец — Коцк. Армии правого крыла и центра фронта находились в 50, а левого — в 60 километрах от Вислы и готовились к наступлению на Варшаву.

Директива командующего Юго-Западным фронтом ставила 12-й армии задачу в кратчайший срок овладеть районом Рава-Русская — Томашов, в 50—80 километрах северо-западнее Львова, и выбросить конницу для захвата переправ через реку Сан на участке Сенява — Радымно. 14-я армия должна была, удерживая нижнее течение реки Стрыпа и не допуская переправы противника через Днестр, правым флангом согласованно с Конармией нанести удар в общем направлении на Миколаев, расположенный километрах в 30 южнее Львова.

«Конной армии, — говорилось в директиве, — в самый кратчайший срок мощным стремительным ударом уничтожить противника на правом берегу реки Буг, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов»[1].

— Значит, новый удар в прежнем направлении, — заметил я.

Ворошилов согласно кивнул головой:

— Выходит, так. И хорошо, что мы своевременно начали перегруппировку.

Планируя операцию, мы решили на первом этапе главный удар нанести тремя кавалерийскими дивизиями в стык между 3-й и 6-й польскими армиями. После разгрома противостоящих войск намечалось выйти к переправам от Добротвора до Буска, форсировать Буг и занять плацдарм на западном берегу.

В полдень 12 августа приказ уже был подписан. Правофланговая 14-я кавалерийская дивизия получила задачу овладеть районом Радехов — Холоюв, а ее передовым частям предстояло захватить переправы через Западный Буг на участке Добротвор — Соколь. 6-я дивизия должна была взять Буск, форсировать Буг и захватить плацдарм. В затылок ей для поддержки и развития успеха выдвигалась 4-я дивизия. После выхода к реке Западный Буг она должна была овладеть переправами от Буска до местечка Белый Камень. 11-й кавалерийской дивизии следовало при содействии бронепоездов выбить противника из города Броды, а затем стремитель-

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 68, л. 5.

но наступать на Буск вслед за 4-й дивизией. Группе золочевского направления совместно с 11-й кавалерийской дивизией после разгрома бродской группировки врага предстояло наступать к Западному Бугу в общем направлении на Олеско, Золочев.

Разослав приказ в дивизии, С. А. Зотов и С. Н. Орловский двинулись с полевым штабом в Редково. Мы с Ворошиловым выехали немного позже. Дождь к тому времени перестал, и небо просветлело, но дорога раскисла. Наш автомобиль то и дело буксовал, и мы пожалели, что не поехали на лошадях.

Солнце опускалось за горизонт, загроможденный сизыми облаками, когда мы въехали в Редково. С. А. Зотов и С. Н. Орловский ожидали нас на улице. Степан Андреевич доложил:

— Связь со всеми дивизиями установлена. Начдивы донесли, что вышли в указанные районы. Наш приказ они получили и готовы с утра перейти в наступление.

В чистенькой уютной хате нас приветливо встретила маленькая, опрятно одетая старушка. Она заботливо ухаживала за нами, угостила вкусным ужином.

Грядущий день обещал быть трудным, и, подкрепившись, мы сразу же легли спать.

2

Еще не рассеялась блеклая пелена предрассветного тумана, а мы с К. Е. Ворошиловым уже шагали в полештарм. Из-за Стыри, как и накануне, доносился гул артиллерийской канонады, только более мощный и почти беспрерывный. Ему вторил шум боя на юге, в районе Бродов.

— Вот гудит, вот гудит, — прислушиваясь к звукам боя, на мгновение остановился Климент Ефремович. — Видно, сегодня нам с вами придется попотеть.

— Если бы только попотеть. Вы разве забыли, что сегодня тринадцатое число? — пошутил я, пропуская Ворошилова в распахнутую дверь. — Впрочем, это должно больше беспокоить противника. Мы безбожники, и черти в свой праздник должны работать на нас.

— Как дела? — войдя в комнату и здороваясь с Зотовым, задал я обычный вопрос.

— Началось, товарищ командарм. Дивизии перешли в наступление.

Донесения свидетельствовали о том, что на различных участках бой развивался по-разному — где успешно, а где и нет.

На направлении нашего главного удара 6-я кавалерийская уже к середине дня вышла на рубеж реки Радостовка, овладела селами Полоничная, Пустельники, Нивицы и завязала бой за сильно укрепленный Топоров, охватывая его с северо-запада и северо-востока. Вечером 2-я бригада даже ворвалась на северную окраину Топорова, но полностью овладеть селом ей не удалось.

Правофланговая 14-я дивизия, преодолевая сопротивление вражеской конницы, отбивая ее яростные контратаки, продвигалась вперед. Во второй половине дня в результате атак с разных направлений и ожесточенного боя дивизия овладела Радеховом и Дмитровом. Но через час польская кавалерия, поддержанная бронепоездами, контратаковала, и части А. Я. Пархоменко вынуждены были оставить занятые населенные пункты.

К вечеру на помощь подошел 21-й полк 4-й кавдивизии и конармейцы снова бросились в атаку. Враг понес большие потери, оставил Радехов, а затем Дмитров. Преследуя противника, передовые части 14-й дивизии продвинулись на 5—6 километров западнее Радехова.

Энергично наступала и группа золочевского направления. Под ее ударами враг откатывался, оставляя оборонительные рубежи один за другим.

Хуже обстояло дело у Морозова. Неоднократные атаки 11-й дивизии на Броды, поддержанные огнем бронепоездов, успеха не приносили. Неприятель, засевший в окопах на окраинах города, прикрытый несколькими рядами проволочных заграждений, держался упорно.

Вообще следует сказать, что действия армии проходили в неблагоприятных для конницы условиях. Наступление шло по размытым дорогам и сильно пересеченной лесисто-болотистой местности. При отходе враг взрывал мосты, уничтожал все, что можно было использовать для переправы. Лишенные широкого маневра в конном строю, войска действовали спешенными и без артиллерии, застрявшей в грязи у переправ.

В. И. Берлов

М. И. Чумаков

Н. П. Колесов

Т. Т. Шапкин

К. А. Трунов

И. А. Колесников

С. Г. Разумовский

А. Т. Стученко

Противник же имел много артиллерии и пулеметов. К тому же достаточно хлопот доставляла нам польская авиация. Группами по 4—5 аэропланов она бомбила и обстреливала из пулеметов наши наступавшие части.

И несмотря на все эти трудности, соединения Конармии продвигались на запад, проявляя высокую боеспособность и массовый героизм. Шаг за шагом сбивали они отчаянно сопротивлявшегося противника и теснили к Западному Бугу.

К вечеру Особая кавбригада, Реввоенсовет и полевой штаб армии перешли в село Лопатин на западном берегу Стыри. Только мы въехали, как неприятель подверг село обстрелу. Снаряды либо рвались в огородах, либо вообще почему-то не взрывались, так что ущерба нам этот обстрел не принес.

Допоздна в полевом штабе допрашивали пленных, взятых 6-й дивизией. По их словам, из Львова к Западному Бугу спешно подтягивались свежие силы, в том числе части 5-й и 12-й пехотных дивизий, какой-то кавалерийской дивизии и добровольческой группы. Видно было, что противник принимал срочные меры для противодействия нам.

— Из этого, Климент Ефремович, следует вывод, что нам медлить нельзя, — сказал я. — Надо форсировать наступление и переправиться через Буг раньше того, как противник сосредоточит там крупные силы и закрепится.

Ворошилов утвердительно кивнул головой, лишь высказал опасение:

— Вот только смущает меня бродская группировка. Она может нанести нам удар в спину.

— Да, это не исключено, — согласился я. — Но не так страшен черт, как его малюют. Перед бродской группировкой находится одиннадцатая дивизия, а в тылу у нее части Литунова и Апанасенко. Думаю, что завтра с движением их к Бугу оборона Бродов потеряет значение. Гарнизону ничего не останется, как бросить город и убираться на запад.

Мы распорядились 14 августа начать наступление, не ожидая рассвета. В основном задачи дивизиям оставались прежними. Лишь главные силы 6-й кавалерийской должны были наносить удар в обход Топорова и

прорваться к реке Западный Буг через Чаныж — Яблоновку.

В 3 часа ночи мы с Климентом Ефремовичем убедились, что все необходимые указания переданы дивизиям, и отправились отдыхать. Выйдя на улицу и спустившись со ступенек крыльца, словно попали в бездонную яму. Кругом стояла непроглядная тьма. Разморенная теплом сырая земля дышала густым туманом, и буквально в двух шагах ничего не было видно.

Около нашего домика нас окликнули часовые. На высоком крыльце дремали ординарцы Гуров и Шпитальный. В стороне, у сарая, всхрапывали лошади, из-под навеса доносился приглушенный разговор коноводов и бойцов эскадрона Реввоенсовета.

Мы легли, не зажигая лампы. Усталость и глухая тишина быстро погрузили нас в сон.

Было около восьми утра, когда я проснулся. В окна глядела серая муть, и казалось, утро еще не наступило.

Я только начал одеваться, как вдруг рядом вспыхнула стрельба. Схватив маузер, выскочил во двор. Часовой вел огонь из-за угла дома и что-то кричал. По улице бежали польские солдаты. Один из них вдоль забора подбирался к нашему часовому. Я выстрелил в него и кинулся в дом, чтобы разбудить Ворошилова.

У крыльца уже стояли наши лошади, вздрагивая телом и перебирая ногами. Мой ординарец Гуров подбежал к калитке и швырнул гранату. Одновременно за сараем застучал пулемет, хлопнул винтовочный залп. Стреляли бойцы эскадрона Реввоенсовета.

На пороге я столкнулся с Ворошиловым. В одной руке он держал револьвер, другой торопливо застегивал френч.

— Что там происходит? Почему стреляют?

— В село ворвались поляки.

— Как же это случилось? А где Особая бригада?

— Пока я знаю не больше вас. Потом разберемся. Думаю, проворонило сторожевое охранение, — на ходу ответил я, и мы вышли во двор.

Обстрелу подвергся наш дом. Свистели пули, звенели разбитые стекла. Метрах в пятидесяти рвались гранаты.

Мы вскочили на коней и перемахнули через плетень в огород. За нами метнулось около десяти конармейцев.

— Климент Ефремович, вы поезжайте в полештарм, отводите его на север, к лесу. А я соберу Особую бригаду — и к вам.

Ворошилов умчался. Со мной остались ординарец и несколько бойцов.

Минуту я стоял на месте и осматривался. На южной окраине и в центре села гремела ружейная и пулеметная стрельба, ухали разрывы гранат. Ударила даже артиллерия. Но нельзя было определить, кто и откуда ведет огонь. Там, где располагался полештарм, шла шумная схватка, дымились постройки, тарахтели повозки.

Метрах в трехстах, на восточной окраине села, появилась конница, и я поскакал ей навстречу. Это оказались эскадроны Сибирского полка Особой бригады. Впереди выделялся мощной фигурой командир полка Н. В. Ракитин. Бывший офицер, он был отличным спортсменом-боксером, смелым человеком.

— Стой! — осадил я коня. — Почему противник в Лопатине? Проспали? Где комбриг Степной? Куда ведете полк? — в гневе засыпал я его вопросами.

Ракитин оторопело смотрел на меня, соображая, видно, на какой вопрос в первую очередь отвечать.

— Не знаю, товарищ командарм, как все получилось, — наконец заговорил он. — Сам не пойму. В районе полештарма идет бой, вот я и хотел ударить по противнику.

— Нет. Поворачивайте полк на северную окраину села. Ворошилов с полевым штабом и эскадроном Реввоенсовета отходит туда же. Да пошлите людей к комбригу. Пусть Особый полк тоже идет на север, а сам Степной — немедленно ко мне!

— Есть! — гаркнул Ракитин, поворачивая коня.

Тут я заметил, что его окровавленная правая рука безжизненно повисла. Большие пятна крови расплылись на боку.

— Что с вами? Ранены?

— Так, пустяки. Кость цела, рука перевязана.

— Ну тогда действуйте!

Я поскакал к полештарму. Оттуда наши обозы по дороге и прямо огородами, ломая плетни, отходили на северо-восток. Северная часть Лопатина была еще в наших руках. Эскадрон Реввоенсовета отчаянно отбивался от противника, цепляясь за каждую хату. Около полуразрушенного сарая я увидел С. А. Зотова, а чуть подальше — К. Е. Ворошилова с группой бойцов.

— Отводите полештарм в Завидче. Эскадрон Реввоенсовета пойдет за вами, — приказал я Зотову.

Часам к 9 противник занял Лопатин полностью. Мы с Ворошиловым отправились на север, к перелескам, где сосредоточивалась Особая кавбригада. Силы врага, захватившего село, нам пока были неизвестны, но следовало сделать все, чтобы не позволить ему закрепиться. Решили бросить в атаку полки Особой бригады.

Как раз навстречу нам скакал комбриг Степной-Спижарный. Устроив ему должную встряску, я приказал готовить бригаду к атаке в пешем строю.

— Умели потерять Лопатин, теперь сумейте взять его обратно, — строго заявил комбригу Ворошилов.

Три атаки Особой бригады были отбиты. Противник оказался отлично вооруженным и стойким. Десятки пулеметов создавали сплошную завесу огня. Артиллерия стреляла по нашим боевым порядкам и причиняла потери. Кроме Ракитина оказались раненными несколько командиров эскадронов и взводов, в их числе и командир взвода, ныне Министр СССР Е. П. Славский.

Становилось очевидным, что двум полкам — Особому и Сибирскому — не под силу освободить село. Бой принимал затяжной характер, выгодный только для противника. Поэтому решено было подтянуть сюда часть сил 4-й и 6-й дивизий.

К Литунову и Апанасенко помчались командиры с распоряжением выделить по бригаде для атаки Лопатина.

Но оказывается, весть о нападении белополяков на полештарм уже дошла до соединений. Ф. М. Литунов, услыхав шум боя в Лопатине, двинул на выстрелы две бригады.

Командирам, прибывшим в дивизии с приказанием, осталось только ориентировать начдивов в обстановке

и уточнить задачи выделенным частям. В частности, бригаде 6-й дивизии предстояло захватить переправу через Стырь в Станиславчике и отрезать неприятелю пути отхода на Броды.

Часов около 13 западнее Лопатина послышался шум боя, волной прокатилось «ура». Это подошли подкрепления 4-й кавалерийской дивизии.

А вскоре к нам прискакал и сам Ф. М. Литунов.

— Я сразу понял, что у вас тут неладное, и бросил на выручку полештарму первую бригаду. А сейчас и третья подходит.

— Молодец, Федор Михайлович! — похвалил я начдива. — Особая бригада проморгала, и теперь надо выправлять положение. Главное — не позволить противнику уйти. Бригада Чеботарева пусть охватывает село поглубже с юго-запада, а первая — атакует западную окраину. Особой бригаде отдано приказание овладеть северо-восточной окраиной Лопатина. Переправу в Станиславчике должны захватить части шестой дивизии.

— Все ясно! — ответил Литунов.

Через полчаса конармейцы начали энергичные атаки в конном и пешем строю. Противник оказывал исключительно упорное сопротивление. То здесь, то там завязывались рукопашные схватки. И все-таки выдержать натиск трех наших бригад враг не смог. Часов в 16 он начал пробиваться к Станиславчику и конармейцы перешли в преследование.

Рассчитывая, что к переправе у Станиславчика вышла 6-я дивизия, я приказал Литунову одну из его бригад направить на юг, вдоль Стыри, чтобы не позволить ни одному неприятельскому солдату даже вплавь переправиться через реку.

Когда определился успех, мы с Климентом Ефремовичем уехали в полештарм, разместившийся теперь в Завидче. С. А. Зотов был мрачнее тучи. Он ожидал, что ему не поздоровится за лопатинскую ночь, тем более что мы потеряли радиостанцию и несколько повозок полештарма с продовольствием. Хорошо еще у нас имелась запасная радиостанция. Связисты теперь готовили ее к работе.

К вечеру стали поступать сведения из дивизий. 11-я овладела городом Броды и подходила к реке Стырь.

Группа И. Э. Якира, с которой она имела тесную связь, продвинулась за день на разных участках от 5 до 10 километров.

На правом фланге армии 14-я дивизия во взаимодействии со 2-й бригадой Литунова захватила Холоюв и находилась теперь всего в 6 километрах от Западного Буга.

В центре 4-я кавалерийская дивизия и Особая бригада преследовали противника, выбитого из Лопатина. Враг потерял около 600 человек убитыми и пленными. Наши захватили 14 пулеметов. Но значительной части противника и его артиллерии удалось ускользнуть из-за того, что на переправе в Станиславчике бригады 6-й дивизии не оказалось.

На ночлег части Литунова сосредоточились в районе Оплицкое — Оглядов за 6-й дивизией. Последняя к тому времени выбила противника из Топорова и захватила деревни Грабова и Яблоновка, в 4 километрах восточнее Буга.

Выяснились и обстоятельства нападения противника на Лопатин. По донесениям 4-й дивизии и Особой бригады, а также по показаниям пленных было установлено, что в захвате села участвовали 40-й и 105-й пехотные полки группы генерала Шиманьского общей численностью около 2500 штыков при 25 пулеметах и нескольких орудиях. Значительная часть польских солдат была вооружена автоматическими винтовками. Неприятель ставил себе целью внезапным налетом овладеть Лопатином и двинуться на Радехов, где соединиться со своей конницей, действовавшей против нашей 14-й дивизии.

И вот в ночь на 14-е, используя темноту и туман, неприятельская пехота внезапно навалилась на эскадрон Особой бригады в Станиславчике и, очистив себе путь, быстро двинулась на северо-запад. Сторожевая застава на окраине Лопатина в ночном мраке не распознала врага, а приняла его за своих. Эта ошибка дорого нам стоила. На плечах смятой заставы противник ворвался в село.

Это могло случиться только в результате беспечности командования Особой бригады, не организовавшего круговой разведки, надежного охранения и связи. Было удивительно, как смог допустить такое всегда осторожный и

предусмотрительный комбриг Особой К. И. Степной-Спижарный.

Разобравшись в причинах чрезвычайного происшествия, Реввоенсовет издал приказ по армии об усилении разведки, сторожевого охранения и связи. К. И. Степной-Спижарный был наказан, С. А. Зотову, ослабившему контроль за охраной полевого штаба, поставили на вид, а командира 2-й бригады 6-й дивизии Коротчаева, не выполнившего задачу по захвату переправы в Станиславчике, решили предать суду Военного трибунала.

Вечером 14 августа, около 21 часа, поступила директива Реввоенсовета Юго-Западного фронта, датированная 13 августа. В ней говорилось:

«Согласно директиве главкома от 13 августа за № 4774/оп 1052/ш приказываю:

1. 12-й и 1-й Конной армии без 8-й кавалерийской дивизии червонных казаков с 12 час. 14 августа поступить в оперативное подчинение командзапу. Впредь до организации Западным фронтом непосредственного снабжения передаваемые армии остаются на всех видах довольствия, равно и в отношении пополнения, при Юго-Западном фронте. Для связи со штабом Западного фронта распоряжением последнего в Киеве будет установлен оперпункт. До его организации командарму 12-й и 1-й Конной (армий) держать связь со штабом Юго-Западного фронта, через который и будут даваться армиям командзапом все оперативные задачи.

2. Командарму 1-й Конной с 12 час. 14 августа передать 8 кавдивизию червонных казаков в полное распоряжение командарма 14...» [1]

Итак, только вечером 14 августа нам стало известно, что Первая Конная армия на основании распоряжения главкома передается в состав Западного фронта.

В то время трудно было понять причины задержки переподчинения Конармии. В двадцатых годах этот вопрос стал предметом оживленной дискуссии видных военных работников и историков. В ней приняли участие С. С. Каменев, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников, А. С. Бубнов, Р. П. Эйдеман, В. К. Триандафиллов, Н. Е. Какурин и другие. Однако

[1] ЦГАСА, ф. 5/6, оп. 1, д. 260, л. 193об.

им не удалось прийти к единодушному мнению, так как они не располагали всем объемом документальных источников. В годы культа личности И. В. Сталина исследование этой темы приняло однобокий характер. Лишь после XX съезда КПСС появилась возможность всесторонне разобраться в исторической действительности. Этому способствовало опубликование ряда важнейших документов о советско-польской войне, в том числе решений ЦК партии и ранее неизвестных работ В. И. Ленина.

Как же произошло, что Первая Конная армия не была своевременно передана Западному фронту и не могла принять участия в Варшавской операции?

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б), обсудив положение на юге страны в связи с активизацией Врангеля, приняло решение выделить крымский участок Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт. Члену РВС Республики И. В. Сталину поручалось сформировать Реввоенсовет нового фронта. Одновременно Западный и Юго-Западный фронты объединялись и в качестве Реввоенсовета объединенного фронта намечалось оставить Реввоенсовет Западного.

В тот же день В. И. Ленин телеграммой сообщил об этом решении И. В. Сталину. В ответ Сталин телеграфировал: «Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками» [1]. Он потребовал освободить его от работы на фронте и выразил недоверие к обещаниям главкома усилить врангелевский фронт.

Ленина этот ответ удивил. «Не совсем понимаю, почему Вы недовольны разделением фронтов,— писал он.— Сообщите Ваши мотивы» [1]. Одновременно с телеграммой И. В. Сталину был направлен полный текст решения Политбюро.

4 августа И. В. Сталин телеграфировал в ЦК РКП(б) о согласии с постановлением Политбюро в части, касающейся передаче трех армий Западному фронту. Вместе с тем он высказал предложение штаб и РВС Юго-Западного фронта не делить, а преобразовать в

---

[1] Ленинский сборник XXXVI, стр. 115—116.

штаб и РВС Южного фронта. Эти его соображения были приняты Пленумом ЦК партии 5 августа.

В соответствии с решением Центрального Комитета главком директивой известил командование Юго-Западного фронта о предстоящем подчинении Западному фронту 12-й и Первой Конной армий [1], а 6 августа потребовал подготовить к передаче М. Н. Тухачевскому и 14-ю армию. Последней директивой предлагалось «сменить пехотой 1-ю Конную армию и вывести ее в резерв для отдыха и подготовки к решительному новому удару» [2].

Включительно по 10 августа между главкомом и командованием фронтов велись переговоры и переписка по организационной стороне передачи армий. Командующий Западным фронтом считал, что подчинение ему всех войск, действовавших против белополяков, сделает характер операций более решительным. Он просил управление передаваемыми ему армиями временно осуществлять через оперативный пункт, созданный силами и средствами штаба Юго-Западного фронта. «Это совершенно необходимо,— писал М. Н. Тухачевский 8 августа,— так как, с одной стороны, обстановка требует срочного объединения армий, а средств быстро установить с ними всестороннюю связь у нас нет» [3].

Командование Юго-Западного фронта, не возражая против передачи Первой Конной, 12-й и 14-й армий М. Н. Тухачевскому, вместе с тем телеграфировало главкому, что создание оперативного пункта повлечет за собой раздробление и парализацию штабного аппарата Юго-Западного фронта, выполняющего ответственную задачу по ликвидации Врангеля. А. И. Егоров и И. В. Сталин предлагали передачу армий приурочить к моменту организации оперативного пункта средствами Западного фронта. «Всякое другое решение вопроса,— говорилось в их телеграмме,— считаем вредным для дела вообще, в частности для достижения успеха над Врангелем» [4].

---

[1] См. Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Т. 3, М., Изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 336—337.

[2] ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 407, л. 44.

[3] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 500, л. 4.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 1928, лл. 1—4.

8 августа главком в своей телеграмме обещал рассмотреть все условия, выдвинутые командующим Западным фронтом. Однако ему казалось, что мнение М. Н. Тухачевского о необходимости быстрейшей передачи ему трех армий является неправильным. Первоочередной задачей главком считал вывод Конармии за пехотные части для отдыха и дальнейшего ее движения «в более выгодном направлении, которое к тому времени определится» [1].

Изучение хода всех операций Западного и Юго-Западного фронтов дает основание утверждать, что Главное командование хотя и ставило до 11 августа вопрос о передаче 12-й и Первой Конной армий, а затем и 14-й армии Западному фронту, но конкретного плана использования Конармии в операции по разгрому варшавской группировки противника еще не имело.

Недооценивал опасность, угрожавшую его войскам с люблинского направления, и командующий Западным фронтом. 10 августа, то есть во время разработки плана наступления на Варшаву, М. Н. Тухачевский полагал, что главные силы неприятеля концентрируются севернее Варшавы. «Для создания прочного левого фланга», действовавшего на люблинском направлении, М. Н. Тухачевский просил главкома передать ему пока хотя бы одну 58-ю стрелковую дивизию 12-й армии [2].

Мне думается, что на М. Н. Тухачевского в значительной степени влиял чрезмерный оптимизм члена РВС Западного фронта Смилги и начальника штаба фронта Шварца. Первый из них убеждал, что участь Варшавы уже предрешена, а второй представлял в эти дни главкому, а следовательно, и командующему фронтом ошибочные сведения о превосходстве сил Западного фронта над противником в полтора раза [3].

А между тем противник на варшавском направлении превосходил по численности наши войска почти в два раза. У нас на 300—400 километров отставали тылы и далеко позади находились резервы, застрявшие в ваго-

---

[1] История гражданской войны в СССР. Т. 5. М., Госполитиздат, 1960, стр. 154.
[2] ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 407, л. 70об.
[3] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 500, л. 17.

нах на разбитых железных дорогах. В этих условиях своевременная передача М. Н. Тухачевскому армий польского участка Юго-Западного фронта и разработка им новых целеустановок приобретали важнейшее значение.

Нависшая угроза на левом крыле Западного фронта была отмечена главкомом. 11 августа С. С. Каменев в разговоре по прямому проводу с М. Н. Тухачевским предложил поднять 12-ю и Первую Конную армии на север, опасаясь за сильно ослабленный левый фланг Западного фронта, после того как его главные силы стали группироваться к северу для обхода Варшавы. Командующий фронтом согласился с предложением главкома, считая возможным использование этих армий в главной операции[1].

Таким образом, 11 августа была достигнута окончательная договоренность об участии 12-й и Первой Конной армий в боях против основной, варшавской группировки неприятеля.

В тот же день главком отдал директиву Реввоенсовету Юго-Западного фронта. В ней указывалось на необходимость временно отказаться от овладения Львовским районом с тем, чтобы направить возможно больше сил для поддержки левого фланга Западного фронта, который переходил в решительное наступление на Варшаву. Предлагалось 12-й армии наносить главный удар на Люблин, а Первую Конную армию двинуть в район Грубешов — Замостье — Томашов[2].

К сожалению, эта директива не носила характера приказа, подлежащего немедленному выполнению. В конце ее главком просил командование Юго-Западного фронта дать свое заключение, то есть предоставил право РВС Юго-Западного фронта предварительно высказать свое мнение. Правда, следом он направил вторую директиву, которая в развитие первой требовала от 12-й армии немедленно приступить к выполнению своей новой задачи — двинуться на Люблин[3]. Но в ней ничего не говорилось о Конной армии.

---

[1] ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 506, л. 27.
[2] Там же, д. 407, л. 58.
[3] Там же, л. 57.

И все же это, хотя и запоздалое, решение еще могло быть вполне осуществимым, если бы его быстро реализовали. Однако в полевом штабе Реввоенсовета Республики при передаче директив в штабы фронтов шифр был искажен, и они стали известны командованию Юго-Западного фронта лишь во второй половине дня 13 августа.

А тем временем 12 августа командование Юго-Западного фронта вновь бросило Конармию в наступление на Львов, хотя уже не имело права использовать ее. Армия находилась в резерве по приказу главкома и только с его разрешения могла быть введена в бой. Нужно прямо сказать, что И. В. Сталин и А. И. Егоров рассчитывали после овладения Львовом перебросить Конармию для борьбы против Врангеля. Об этом свидетельствует и предложение, подписанное ими того же 12 августа.

«Складывающаяся боевая и политическая обстановка, — говорилось в этом документе, — вызывает необходимость рассмотреть вопрос о дальнейшем использовании 1-й Конной армии. Считаю вполне возможным:

1. Боевой участок, занимаемый ныне 1-й Конармией, передать 14-й армии вместе с частями 45-й и 47-й стрелковых и 8-й кавалерийской дивизий.

2. 1-ю Конармию, без одной кавдивизии, сосредоточить немедленно в районе Проскурова, где она, оставаясь в резерве фронта, составит маневренную группу для действий на случай выступления Румынии. Наиболее вероятным районом первоначальных действий румын можно считать участок Днестра Хотин — Сороки.

3. С другой стороны, сосредоточение 1-й Конармии в резерве фронта позволит базироваться на ней, как на ближайшем источнике для усиления конницей крымского участка.

4. Одну из кавдивизий (желательно 6-ю) нахожу необходимым начать перебрасывать по железной дороге в район Каховки безотлагательно. Прошу срочного ответа»[1].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 1937, лл. 1—3.

Эта телеграмма едва ли нуждается в комментариях.

Следует отметить, что главком, получив ее, проявил колебание. В надежде, что Западный фронт, может быть, все же справится со своей задачей собственными силами, он допустил возможность вывода Конармии в резерв и переброску одной из ее дивизий на крымский участок [1].

По-человечески С. С. Каменева легко понять. Главкома в равной степени тревожила судьба и польского и врангелевского фронтов, а сил не хватало. Но командующий Западным фронтом не согласился с предложением о переброске 6-й кавдивизии в Каховку, заявив, что не может пойти на ослабление Конармии, поскольку Юго-Западный фронт еще не ликвидировал противника. Он просил главкома немедленно подчинить ему Первую Конную, 12-ю и 14-ю армии.

Выполняя настойчивую просьбу М. Н. Тухачевского, в 3 часа 13 августа главком направил Реввоенсовету Юго-Западного фронта еще одну директиву № 4774/оп 1052/ш, в которой потребовал для развития решительного наступления Западного фронта с 12 часов 14 августа передать 12-ю и Первую Конную армии без 8-й кавдивизии в оперативное подчинение командующему Западным фронтом [2].

Днем 13 августа командование Юго-Западного фронта получило три директивы главкома. Вначале пришли две от 11 августа. Первая из них предлагала направить 12-ю армию в люблинском направлении, а Первую Конную сосредоточить в районе Грубешов — Замостье — Томашов. По ней главком ожидал заключения. Вторая — обязывала ускорить продвижение 12-й армии на Люблин.

Отвечая на эти директивы, Реввоенсовет Юго-Западного фронта телеграфировал С. С. Каменеву:

«Доношу, что ваши № 4738/оп, 1041/ш и № 4752/оп 1044/ш только что получены. Причина запоздания выясняется. Армии Юго-Западного фронта выполняют основную задачу овладения районом Львов — Рава-Русская

[1] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 500, лл. 162—168.
[2] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 189, л. 233.

и втянуты уже в дело. Для оказания содействия Мозырской группе 12-й армии приказано правым флангом наносить удар в общем направлении Красник — Янов для захвата в кратчайший срок переправ на Висле в районе Аннополь — Завихвост и на Сане в районе Развадув — Ниско. Изменение основных задач армиям в данных условиях считаю уже невозможным» [1].

Конечно, всякая перегруппировка крупных войсковых объединений, втянутых в бой, сопряжена с трудностями. Но ведь накануне, 12 августа, Реввоенсовет Юго-Западного фронта, уже дав приказ на наступление, предложил главкому вывести Конармию в резерв в Проскуров. Значит, возможности для этого существовали.

К 13 августа мало что изменилось. Первая Конная начала наступление лишь утром. 14-я и 6-я кавдивизии находились восточнее Радехова — Топорова и только завязали бой с арьергардами противника, отходившего на Буг. 4-я кавдивизия и Особая кавбригада выдвигались на реку Стырь в стыке между 14-й и 6-й кавдивизиями, а 11-я дралась за город Броды. При такой группировке Конная армия могла быть повернута на Грубешов, разумеется, обеспеченная сильным заслоном с юга соответствующей перегруппировкой 14-й армии. Это, вероятно, и намерен был сделать А. И. Егоров, предлагавший накануне вывести Конармию в Проскуров.

Ответ командования Юго-Западного фронта о невозможности изменить задачи передаваемым Западному фронту армиям скорее всего отражал те же тенденции использовать Конармию для овладения Львовом, а затем перебросить ее на Врангеля. Я помню, как Реввоенсовет Юго-Западного фронта на запрос о том, какое решение принял главком по нашей просьбе подчинить армию непосредственно главному командованию, ответил: «По-нашему, правильнее было бы снять вас на крымский участок» [2].

Если первые две директивы допускали возможность их обсуждения, то последний документ от 13-го числа категорически требовал передать 12-ю и Первую Конную

---

[1] ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 407, л. 70.
[2] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 189, лл. 104—105.

армии в подчинение командующему Западным фронтом. А. И. Егоров заготовил проект приказа. Но Сталин отказался подписать его. С. С. Каменеву он телеграфировал, что его последняя директива без нужды опрокидывает сложившуюся группировку сил Юго-Западного фронта, уже перешедших в наступление. По его мнению, эту директиву следовало бы дать «либо три дня назад, когда Конармия стояла в резерве, либо позднее, по взятии района Львова»[1].

После разъяснений заместителя Председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянского второй член РВС фронта Р. И. Берзин поставил свою подпись под приказом, который того же 13 августа был направлен войскам.

Но и этот приказ не прерывал Львовской операции Конармии. Он только передавал 12-ю и Первую Конную армии в состав Западного фронта. Не поставил нам 14 августа новой задачи и М. Н. Тухачевский.

Все это не могло не привести нас к заключению, что Первая Конная и 12-я армии подчиняются командзапу с целью координации действий всех советских войск на польском фронте, а задача наша остается прежней. Мы отдали распоряжение дивизиям продолжать наступление и форсировать Западный Буг. Командующему группой золочевского направления И. Э. Якиру приказали передать 8-ю червоноказачью дивизию командарму 14, а остальными силами продвигаться к реке Буг и захватить переправы на участке Петриче — Белый Камень.

В последние дни мы не знали обстановки на Западном фронте и поручили С. А. Зотову во что бы то ни стало связаться со штабом Юго-Западного фронта, чтобы получить исчерпывающую информацию.

Когда необходимые распоряжения были разосланы в войска, мы с К. Е. Ворошиловым принялись за некоторые текущие дела. Решения ожидал вопрос о порядке приема добровольцев, об экономической помощи населению освобожденных районов и другие.

Уже несколько дней начальники дивизий доносили, что к ним приходят жители и просят принять в Конар-

[1] ЦГАСА, ф. 102, оп. 3, д. 189, л. 233.

мию. Это было очень кстати. После понесенных больших потерь пополнение нам было крайне необходимо. Однако принимать добровольцев следовало с осторожностью. Этому учил нас горький опыт. На деникинском фронте под видом добровольцев к нам пробирались белогвардейцы и тайно творили гнусное контрреволюционное дело, разлагали бойцов.

Посоветовавшись, мы решили предоставить начдивам право принимать добровольцев в районах действий дивизий, а в тылу возложить это на начальника штаба армии. Бывших солдат разрешалось зачислять прямо в строевые части, а остальных маршевыми ротами направлять в штаб армии для обучения. «Но прием добровольцев непосредственно в действующие части, — указывалось в подготовленном нами приказе, — надлежит производить при участии представителей особых отделов дивизий и армии, дабы не проникли под видом добровольцев неприятельские агенты и вообще неблагонадежный элемент».

Уже давно мы собирались предпринять дополнительные меры экономической помощи трудовому населению освобожденных районов. Помню, Ворошилов часто говорил мне:

— Душа болит, когда вижу неубранные поля. А у крестьян сил не хватает, нет лошадей, вот урожай и гибнет.

В тот вечер Климент Ефремович с С. Н. Орловским составили от имени Реввоенсовета армии и разослали военкомам письмо, рекомендовавшее оказывать крестьянству широкую помощь. Письмо, в частности, предлагало создать в частях бюро коммунистического труда, которое бы организовывало субботники и воскресники. «Коммунистический труд, — указывалось в письме, — должен иметь целью содействие крестьянскому хозяйству. Подводная повинность затрудняет сбор урожая. Крайне важно, чтобы нашим даровым трудом хотя бы частично возместить крестьянству его потери... Трудовое население Галиции и Польши, которое мало знает о нас, должно видеть, что мы не только воюем, но и трудимся, строим, созидаем» [1].

---

[1] «Красный кавалерист», 16 августа 1920 г., № 211.

Из частей стали поступать тревожные сигналы о недовольстве бойцов тяжелым материальным положением их семей в тылу. Матери и жены в письмах к конармейцам жаловались на местные органы власти. Я предложил сообщить об этом Ростовскому, Екатеринодарскому[1], Ставропольскому и Царицынскому губисполкомам. Мы составили и послали им телеграммы, в которых говорилось: «Реввоенсовет просит прежде всего побеспокоиться о том, чтобы семьи бойцов и бойцы-инвалиды регулярно обслуживались согласно декретам. Кроме того, Реввоенсовет усиленно просит вас присылать ваши газеты в Поарм Конной, а также политсводки и вообще пользоваться всяким лишним случаем, чтобы информировать своих земляков — бойцов Конармии»[2].

Военкомам и партийным организациям было дано указание усилить разъяснительную работу среди конармейцев, объяснить, что трудности и лишения вызваны тяжелой войной, навязанной капиталистами, и только разгром врага позволит нам заняться мирным трудом и обеспечить свои семьи хлебом, солью, керосином, одеждой и обувью.

3

С утра 15 августа Конная армия продолжала развивать наступление. Противник упорно сопротивлялся на заранее подготовленных оборонительных позициях. Начальники 4-й и 6-й дивизий доносили, что польские аэропланы постоянно висят в воздухе и обстреливают наши войска из пулеметов, забрасывают их бомбами, нанося потери, особенно конскому составу.

Но сдержать порыв конармейцев было невозможно. Они сражались с отвагой, какой мы не видели даже в боях за Броды, и отвоевывали километр за километром.

К вечеру 14-я дивизия, преодолев большой лесисто-болотистый массив, отбросила конницу противника на левый берег Западного Буга в Добротвор. Южнее бригады 6-й кавалерийской ворвались в Буск и вели там

[1] Ныне Краснодарскому.
[2] ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 2, л. 393.

ожесточенный бой. 4-я дивизия, оказывая поддержку 6-й и ликвидируя оставшиеся в тылу разбитые группы противника, заняла район в 6—7 километрах северо-восточнее Буска. Успешно наступали к Западному Бугу 11-я кавалерийская дивизия и группа золочевского направления.

Однако все попытки форсировать Буг на плечах отступавшего неприятеля не увенчались успехом ни в Добротворе, ни в Буске. Западный берег Буга был более высоким. К тому же у мостов и бродов противник сильно укрепился. Основу его обороны составляли построенные еще в годы мировой войны бетонированные пулеметные гнезда, державшие переправы под перекрестным огнем.

Когда стало ясно, что форсировать Буг в районе Буск — Добротвор не удастся, мы решили попытаться это сделать в других местах. Начдиву 6 приказали ночью оставить в Буске заслон, а главными силами переправиться севернее города. 14-й кавдивизии было отдано распоряжение спуститься к югу от Добротвора и форсировать Буг в Каменке.

Из показаний пленных установили, что Буск оборонял 240-й полк 5-й пехотной дивизии. Кроме того, пленные говорили, что из Львова против Конармии выступила какая-то добровольческая группа Абрахама, в которую входили пехота и кавалерия. Словом, противник подбрасывал свежие силы.

Мы с полештармом перебрались в деревню Чаныж, поближе к штабам дивизий. Ночь провели беспокойно. Меня волновала мысль, а вдруг и ночью форсировать Буг не удастся.

Чуть заалел восток, а мы уже были на ногах. Полевой штаб армии, Особая бригада и эскадрон Реввоенсовета двинулись в село Адамы, откуда было удобнее руководить 4-й и 6-й дивизиями.

Еще в пути услышали гул артиллерийской стрельбы, доносившейся с Буга. И чем ближе подъезжали, тем шире он разрастался.

Адамы были забиты обозами 4-й дивизии. Через полчаса после нашего приезда туда прискакал Литунов. Увидев нас с Климентом Ефремовичем во дворе дома, занятого полештармом, бросил повод ординарцу и, прихрамывая, зашагал к нам.

— Что, ранены, Федор Михайлович? — с тревогой спросил Ворошилов.

— Да нет, — махнул рукой начдив. — С коня соскочил неудачно, подвернул ногу.

— Это ваши части бой ведут? — кивнул я головой в сторону Буга.

— Дерется шестая дивизия. А мои бригады — восточнее Буска. — Литунов помолчал, потом недовольно спросил: — Чего вы, товарищ командарм, придерживаете мою дивизию?

— Всему свой черед, — остановил я его, прислушиваясь к усилившейся артиллерийской канонаде. Потом повернулся к Ворошилову: — У Апанасенко, видно, жарко. Не проскочить ли к нему?

— По-моему, надо подождать донесения, — ответил Климент Ефремович.

Ждать мне не хотелось. И я уже собирался позвать ординарца с конем, когда из полештарма с несвойственной ему поспешностью вышел Зотов:

— Донесение из шестой! Дивизия форсировала реку в Побужанах и ведет бой на западном берегу.

— Отлично! Вот теперь и вам будет работа, — посмотрел я на Литунова. — Рысью ведите дивизию к Побужанам. Переправляйтесь и вместе с шестой расширяйте плацдарм. Приказ с дальнейшей задачей получите после.

— Ну вот и прорвали оборону на Буге, — сказал Ворошилов, прочитав донесение Апанасенко. — Молодцы. Настоящие герои! Реку-то форсировали вплавь!

— Да, это большая удача, — согласился я. — Теперь надо развивать успех шестой дивизии. Думаю, что Литунов сделает как нужно.

До позднего вечера на всем фронте Конармии кипел жестокий бой. Бригады 6-й дивизии в ожесточенной схватке разбили польские части на западном берегу Буга. Преследуя беспорядочно отходившего противника, вышли на рубеж Стрептов — Желехов, в 10—12 километрах к западу от Буга. В этом бою они захватили около 800 пленных, 18 пулеметов, много повозок с боеприпасами и продовольствием.

4-я дивизия, переправившись вслед за частями Апанасенко, атаковала противника правее 6-й, взяла в плен 200 человек и продвинулась на 8—10 километров.

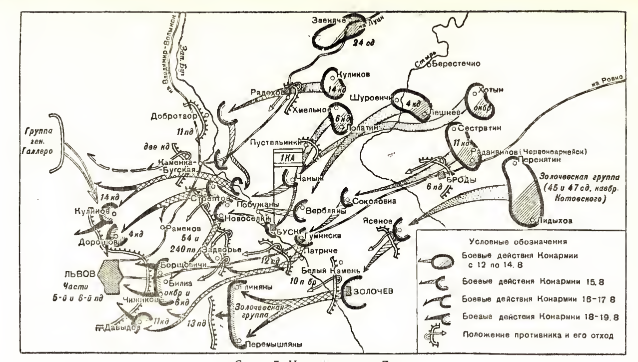

Схема 7. Наступление на Львов

К вечеру 16 августа 6-я и 4-я кавалерийские вышли на рубеж Стрептов — Неслухов — Лиско — Милятин, в 15 километрах от Львова. Правда, затем они были контратакованы 1-й польской кавалерийской, 5-й и 12-й пехотными дивизиями и отдельной кавбригадой, поддержанными крупными силами авиации. В результате тяжелого боя нашим соединениям пришлось потесниться к Бугу. Но они удержали плацдармы.

Удачно действовали 11-я дивизия и группа И. Э. Якира, продвигавшиеся в направлении Золочев, Белый Камень.

Решительное наступление Конармии подействовало на противника деморализующе. По показаниям пленных и данным агентурной разведки, в Львове вспыхнула паника. Из города начали эвакуироваться некоторые учреждения, семьи промышленников и офицеров. Польское командование экстренно перебрасывало к Львову резервы, сколачивало различные добровольческие отряды из представителей имущих классов и даже женские подразделения.

Мы хорошо понимали, что взять Львов будет нелегко. И все же у нас была надежда на успех. В наших руках оставалась инициатива. После хотя и небольшого отдыха войска имели высокое моральное состояние и крепкий боевой дух. У всех было одно стремление — во что бы то ни стало овладеть Львовом.

Паническое настроение буржуазии было нам на руку. Мы рассчитывали на активную поддержку львовских трудящихся и особенно галицийцев, которые с нетерпением ждали освобождения.

В этой обстановке Реввоенсовет решил отдать приказ на охват с трех сторон и атаку непосредственно города Львова.

4-й дивизии ставилась задача овладеть северной и северо-западной окраинами города, а затем преследовать противника в направлении Яворова. 6-я дивизия должна была захватить южную и юго-восточную части города и продолжать наступление на Городок. 14-й дивизии предстояло форсировать Буг в районе Каменки и наступлением на Куликов обеспечить армию от ударов с севера. 11-я дивизия имела задачей наступать на Миклашев — Подбережье уступом за 6-й дивизией, оказывать ей помощь и прикрывать левый фланг армии.

Особая бригада сосредоточивалась в Побужанах, чтобы действовать совместно с 4-й и 6-й дивизиями. Полештарм оставался в Адамах. Отсюда через оперпункт имелась телеграфная связь с основным штабом армии и командованием Юго-Западного фронта, через которое к нам должны были поступать указания командзапа.

Подписав приказ, я хотел отдохнуть, но в половине десятого вечера Зотов прислал связного. Оказывается, поступила директива командующего Западным фронтом № 0361/сек от 15 августа. В ней говорилось:

«Для сосредоточения сил на решающем направлении приказываю:

1. Командарму 12 сменить части 1-й Конной армии до района Топоров включительно, продолжая в то же время выполнять мою директиву № 0359/оп. сек. В подчинение командарма 12 с получением сего поступает кавгруппа Осадчего.

2. Командарму 1-й Конной с получением сего вывести из боя свои конные части, заняв участок от Топорова к югу частями 45-й и 47-й стрелковых дивизий. Означенным дивизиям поступить в подчинение командарма 14. Всей Конармии, в составе 4, 6, 11 и 14 кавдивизий, четырьмя переходами перейти в район Устилуг — Владимир-Волынский» [1].

Директива № 0361/сек была для нас первым приказом командующего Западным фронтом. Она прерывала Львовскую операцию Конной армии и изменяла направление наших действий. Мы обратили внимание, что документ не имел подписи члена Реввоенсовета фронта и по существующему тогда положению не мог быть принят к исполнению. Поэтому я сразу же связался с основным штабом армии и поручил С. К. Минину запросить разъяснения. Он ответил, что такой запрос уже сделан.

Как потом выяснилось, директиву подписали в 14 часов 35 минут 15 августа М. Н. Тухачевский и за члена РВС комиссар штаба фронта Буткевич [2]. Но при передаче ее в тот же день в 22 часа 58 минут из Минска подпись Буткевича по ошибке дежурного оперативного управления не была указана. Директива шла через штаб

---

[1] ЦГАСА, ф. 24, оп. 4, д. 304, л. 40.
[2] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 468, л. 251.

Юго-Западного фронта и была получена в основном штабе Конармии только в 18 часов 30 минут 16 августа [1]. Оттуда ее передали в наш оперативный пункт в Вербах, а затем автомобилем в 21 час 15 минут доставили в полештарм.

Все эти детали с передачей директивы указываются потому, что некоторые историки, достаточно не изучив документы, необоснованно утверждают, будто РВС Конармии затратил на переписку из-за формальностей два дня и этим, мол, задержал выполнение приказа командующего Западным фронтом.

Из приведенных же документальных сведений следует, что на передачу директивы из штаба Западного фронта в полештарм Конармии были затрачены сутки. Их нужно отнести за счет плохой организации связи между штабами фронтов и большой затраты времени на зашифровку и расшифровку оперативных документов, что, к сожалению, имело место и в последующие дни. Переписка и переговоры по директиве № 0361, как не оформленной в установленном порядке, совершенно не повлияли на сроки исполнения ее. Их вели С. К. Минин, главком и штаб Западного фронта в то время, как командование Первой Конной армии приняло директиву к руководству и за одной подписью М. Н. Тухачевского. Это видно хотя бы из того, что донесение командарма Конной командзапу о получении директивы было направлено раньше, чем на нее пришло подтверждение.

Совсем иные причины задержали выполнение приказа М. Н. Тухачевского о движении Конармии в район Владимир-Волынского. Чтобы понять их, нужно вспомнить, что все попытки главкома сменить Конармию пехотой и полностью вывести ее в резерв начиная с 6 августа не имели успеха. 13 августа он, разговаривая по прямому проводу с командующим Западным фронтом, заявил, что «Конармия и сейчас стоит перед стеной пехоты, которую ей до сих пор не удалось сокрушить» [2].

15 августа командующий Западным фронтом предложил сменить Конармию частями 12-й армии с севера до Топорова, а южнее Топорова — 14-й армией, передав ей 45-ю и 47-ю дивизии [3].

[1] ЦАКА, д. 54—681, л. 681 (шифр 1935 г.).
[2] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 500, л. 162.
[3] Там же, лл. 170—173.

Этот правильный замысел смены и нашел отражение в директиве № 0361. Однако он, к сожалению, оказался неосуществимым. К моменту получения директивы главные силы Первой Конной вели тяжелые бои, удерживая плацдармы на западном берегу Буга. Ее фронт составлял 45—50 километров. 45-я и 47-я стрелковые дивизии уклонились далеко к юго-западу, отстали от нашего левого фланга и не могли своевременно сменить нас южнее железной дороги Ровно — Львов. Но еще хуже сложилось положение на участке, который должны были занять войска 12-й армии. Командарм 12 поручал смену наших дивизий кавгруппе Осадчего. А такой кавгруппы не существовало. Она была расформирована еще в июле. Следовательно, на самом активном участке фронта протяженностью свыше 25 километров, где наши 4, 6 и 14-я кавдивизии сражались с контратакующим противником, Конармию никто не сменял. В такой обстановке она не могла выйти из боя, чтобы немедленно двинуться на Владимир-Волынский. Обнаружив ее отход, противник, без сомнения, тотчас же мог устремиться за нашими соединениями в никем не прикрытую брешь. Атакуя во фланг и тыл, польские войска получали возможность прижать к Бугу прежде всего 4-ю и 6-ю кавдивизии и разгромить их. Что это произошло бы именно так, мы убедились позже, узнав о приказе Пилсудского.

«В случае же движения на север Буденного, — писал он, — я приказал, чтобы вся наша конница, совместно с лучшей находившейся там пехотной дивизией, немедленно двинулись за Конной армией Буденного, стараясь во что бы то ни стало задержать ее в походе» [1].

Так, кстати, польские войска и действовали в последующем.

В 23 часа наштарм Конной Л. Л. Клюев донес во фронт и сообщил штабу 12-й армии, что кавгруппы Осадчего не существует и, следовательно, Конармия никем не сменяется [2]. И после этого Реввоенсовет Конармии продолжал изыскивать все возможности для отрыва от неприятеля, но не находил их. По нашему мнению, единственным выходом из создавшихся чрезвычайно сложных условий был разгром львовской группы

---

[1] Ю. Пилсудский. 1920-й год, стр. 123.
[2] ЦГАСА, д. 202—968, л. 141 (шифр 1935 г.).

противника, после чего Конармия могла получить оперативную свободу для выполнения директивы командующего Западным фронтом. В 1 час 30 минут 17 августа мы телеграфировали М. Н. Тухачевскому: «Директива № 0361/оп. сек. получена 16 августа в 21 час 14 мин. Армия в данный момент выйти из боя не может, так как линия Буга преодолена и наши части находятся на подступах к Львову, причем передовые части в 15 верстах восточнее города, и армии дана задача на 17 августа овладеть Львовом. По окончании операции армия двинется согласно директиве № 0361/оп. сек.»[1].

Ответа на это донесение мы не получили и, считая, что командующий фронтом согласился с нами, принимали все меры к разгрому неприятеля в Львовском районе.

4

Всю ночь 17 августа Конармия вела тяжелые бои. Крупные силы пехоты и кавалерии противника, беспрерывно контратакуя 4-ю и 6-ю кавдивизии, вынудили их оставить Неслухов, Стрептов и Лиско. С рассветом мы выехали в Побужаны, где сосредоточилась Особая кавбригада. Вызвав комбрига, я приказал ему переправиться через Буг и поспешить к Милятину на помощь 6-й дивизии.

Переправа все еще не была налажена. Многие преодолевали реку вплавь на подручных средствах. Другие шли по связанным, прогибавшимся жердям и держали за поводья плывших рядом лошадей. Лишь артиллерия, пулеметные тачанки да обозы медленно двигались через наспех исправленный мост.

Мы выехали на крутой западный берег реки и сразу же ощутили ритм напряженного боя. Гул артиллерийской стрельбы, казалось, несся со всех сторон, но особенно сильным был на западе и юго-западе.

Неслухов, расположенный западнее Милятина, ночью занял противник. Заметив, что шум боя удаляется к югу, мы прямо направились в это село. К полудню сюда же прибыл С. А. Зотов с группой командиров полештарма.

Донесения начдивов помогли представить положение

[1] ЦГАСА, ф. 255, оп. 4, д. 304, л. 40.

войск. 14-я дивизия после кровопролитного ночного боя овладела селом Руда, но форсировать Буг ни в Руде, ни в Каменке не смогла. Продолжать бой за переправы не имело смысла, так как это вело только к потере времени и большим жертвам. Поэтому мы приказали А. Я. Пархоменко главные свои силы переправить через Буг в Побужанах, затем обойти противника и атаковать его во фланг и тыл. В дальнейшем ему предстояло, наступая на Куликов, содействовать Литунову в овладении Львовом и обеспечивать армию от ударов с севера.

Большого успеха добились наши соединения на главном направлении. Несмотря на упорство врага и активность его авиации, 4-я дивизия на рассвете освободила Стрептов, а затем, перейдя в энергичное наступление, к вечеру овладела селом Печихвосты и перерезала железную дорогу Львов — Каменка. В бою было захвачено около 700 пленных, пулеметы и орудия. Части 6-й дивизии с утра отбросили противника из Неслухова и, продолжая наступление в районе Новоселки — Задворье, захватили 500 пленных, много оружия, обозы с боеприпасами и продовольствием. Уже к середине дня дивизия продвинулась от Задворье на 10 километров и заняла Ярычев. Словом, оба эти соединения выходили к Львову.

Наконец и 11-я дивизия форсировала Буг в Петричи, юго-восточнее Буска, и устремилась на запад. Противник, занимавший Буск, увидев у себя в тылу нашу конницу, начал отступать на юго-восток. Часть польских подразделений при отходе двинулась на Задворье, где была окружена и пленена 6-й кавалерийской дивизией.

Уверенно продолжали наступать и соединения группы И. Э. Якира[1]. Они переправились через Буг и овладели Золочевом, захватив в плен до 300 польских солдат.

Вечером Реввоенсовет Конармии отдал начдивам распоряжение продолжать выполнение боевых задач. Для непосредственного руководства войсками, наступавшими на Львов, мы с К. Е. Ворошиловым решили выехать на железнодорожную станцию Задворье.

[1] После овладения Золочевом 45-я и 47-я стрелковые дивизии стали именоваться группой львовского направления.

С. А. Зотов должен был переместить полевой штаб в Буск, установить телеграфную связь с основным штабом армии и после этого с оперативной группой тоже прибыть в Задворье.

Наши бронепоезда выдвигались к станции Красное, южнее Буска. Мы рассчитывали, что они поддержат огнем наступление армии на Львов. Но, к сожалению, использовать их непосредственно в борьбе за Львов нам не удалось. Колея железной дороги на правобережье Буга оказалась уже нашей, а времени для перешивки ее не было.

Утром 18-го, как и планировалось, мы в сопровождении эскадрона Реввоенсовета выехали в Задворье. Перед деревней поднялись на высотку, с которой был хороший обзор. На запад простиралась равнина с вырубками и полосками жнивья. К юго-западу, за железной дорогой, раскинулся большой лес, на опушке которого пристроилась маленькая деревенька Полоничи с одиноко возвышавшейся церковью. Из-за леса доносился грохот орудий да изредка прорывался дробный стук пулеметов. Мы стояли молча, разглядывая раскинувшуюся перед глазами, казалось, безжизненную панораму. Вдруг Ворошилов воскликнул:

— Поляки!

Я посмотрел в бинокль. Восточнее деревни Полоничи на равнину действительно выходила польская пехота. Немного дальше, на опушке леса, разворачивалась в боевой порядок конница.

— А это видите? — показал я Клименту Ефремовичу в сторону кавалеристов. — Там наши.

Не успели мы обменяться несколькими фразами, как конармейцы лавой ринулись в атаку. Косые лучи солнца зайчиками запрыгали по обнаженным клинкам. Загремело «ура» и вместе с конной массой покатилось на неприятельскую пехоту.

— Если поляки не сдадутся в плен, то их изрубят как капусту. Остановить атаку огнем уже невозможно, противник в панике, — сказал я, наблюдая за развернувшимися событиями.

Колонны пехоты начали рассыпаться, послышалось несколько неуверенных выстрелов, а затем мы стали свидетелями удивительной картины. Бросая винтовки, пехотинцы побежали навстречу конармейцам с протяну-

тыми вперед или поднятыми вверх руками. Те на всем скаку спрыгивали с лошадей и принимали поляков в объятия.

— Вот так-так! Не пойму, что там происходит, — недоумевал я.

— Надо поехать туда, — предложил Ворошилов.

Мы спустились с высоты и прямо полем направились к месту, где разыгралось это примечательное событие. Нам навстречу уже скакал помощник командира 2-й бригады 6-й дивизии М. И. Чумаков.

— Что это у вас происходит? — спросил я, когда он подъехал.

— Да видите, как получилось, целуются и обнимаются, словно друзья, а не враги, — кивнул он головой назад, где осталась бригада. — Поляки побросали винтовки, и нашим рубить их не за что, раз не сопротивляются.

— Давно бы им так поступить, — заметил Ворошилов.

Когда мы подъезжали к польским и русским бойцам, они стояли небольшими группками, улыбались, жестикулировали и тискали друг друга в объятиях. Нас сразу окружили плотным кольцом.

— Это товарищи Буденный и Ворошилов. Слышали о них? — указывали на нас конармейцы.

Поляки кивали и с любопытством, изучающе нас рассматривали. Потом по всему полю вдруг разнеслось многоголосое «ура» по случаю мирного исхода боя. Кричали все: и поляки, и конармейцы.

Когда немного успокоились, к нам подошел крепко сложенный, чуть сутулый солдат и под одобрительный шум присутствующих на ломаном русском языке заговорил:

— Я рабочий. Как почти все здесь, прошел мировую войну. Против Красной Армии нас не посылали, пока шляхта могла бросать на фронт обманутую молодежь. А теперь и до нас дошла очередь. Но мы не хотим воевать против братьев — русских рабочих и крестьян. Нам нужен мир, — и он поднял вверх руку со сжатым кулаком.

— Верно говорит солдат, — сказал Ворошилов. — Красная Армия вынуждена воевать с польскими войсками только потому, что буржуазное правительство Пил-

судского не хочет мира и стремится в союзе с Врангелем, с помощью международного капитализма, уничтожить Советскую Рабоче-Крестьянскую Республику...

Когда импровизированный митинг закончился, я предложил Чумакову:

— Отправьте польских солдат в тыл, а сами продолжайте выполнять свою задачу...

На станции Задворье мы встретили С. А. Зотова с оперативной группой. Он сообщил, что полевой штаб ночью перешел в Буск, связь с основным штабом и штабами дивизий установлена.

К тому времени две бригады 14-й дивизии переправились в Побужаны и атаковали неприятеля. Противник оставил Каменку и начал отходить на запад.

Но 4-й и 6-й дивизиям неприятель оказывал ожесточенное сопротивление. Свыше двадцати аэропланов беспрерывно летали над полем боя и бомбили, обстреливали наши боевые порядки. Большую опасность представляли польские бронепоезда. Под прикрытием их огня пехота противника настойчиво пыталась вклиниться в стык между 6-й и 4-й дивизиями. Чтобы ликвидировать эту угрозу и поддержать наступление передовых наших соединений, мы решили ввести в бой Особую кавалерийскую бригаду. Я вызвал комбрига К. И. Степного-Спижарного и приказал ему наступать вдоль железной дороги на Борщовичи.

Через полчаса бригада выступила. В голове колонны Сибирского полка двинулись и мы вместе с эскадроном Реввоенсовета.

Трудно было конармейцам пробираться вдоль железнодорожной насыпи. Укрывшийся в выемке бронепоезд обстреливал подступы к станции и деревне, прикрывая засевшую в окопах пехоту.

Попытка обойти станцию с юга в конном строю кончилась неудачно — лошади вязли в болоте. Тогда я посоветовал комбригу спешить Сибирский полк и направить его севернее дороги, а для поддержки наступления подтянуть артиллерию в боевые порядки.

Маскируясь кустарником, бойцы Сибирского полка подобрались к выемке и залегли. Вскоре подошла батарея. После первого выстрела вражеский паровоз зачихал и дал задний ход. Воспользовавшись этим, конармейцы бросились в атаку и овладели станцией.

В это же время Особый полк атаковал в конном строю и захватил деревню Борщовичи. Преследуя отступающего противника, бригада захватила поврежденный бронепоезд, взяла пленных. А к 16 часам с ходу овладела деревней Прусы, всего в 7 километрах от Львова.

Мы остановились на поросшей мелким кустарником высоте в двух километрах северо-западнее деревни. Отсюда хорошо наблюдались Прусы и железная дорога из Львова на Каменку, перехваченная 4-й кавдивизией. На западе угадывались очертания Львова, пока скрытого от нашего взора высокими, поросшими лесом холмами.

Южнее шел бой. Вела огонь артиллерия, к небу поднимались черные столбы дыма. Там наступала 6-я дивизия. Успех Особой кавбригады озадачил противника, и, опасаясь флангового удара со стороны Прусы, под прикрытием бронепоездов он начал отходить к Львову.

Мы уже решили возвращаться в полевой штаб, когда внимание привлекли события, разыгравшиеся километрах в трех севернее. С высоты, в бинокли, мы заметили колонны польской пехоты, двигавшиеся с запада. И тут же из леса появились наши кавалерийские части. Развернувшись, они с ходу бросились в атаку. Я думал, что неприятельская пехота сдастся в плен, как это было утром у деревни Полоничи. Но этого не произошло. Наоборот, пехотинцы пошли против конницы с винтовками наперевес. Они даже не стреляли.

Бой был скоротечным. Конная масса врезалась в боевые порядки врага, и через несколько минут все было кончено.

После выяснилось, что это отряд добровольческой группы Абрахама, сформированной из торговцев, чиновников, помещиков и отставных офицеров, попал под удар 4-й нашей дивизии. Не знаю, сколько времени потребовалось для сколачивания этого отряда, но прекратил он свое существование всего за несколько минут. Лишь небольшим группам противника удалось бегством спастись в лесу.

В тот день против Конной армии вели бои части 5, 6, 12, 13-й пехотных и 1-й кавалерийской дивизий, а также отдельные добровольческие отряды противника, поддержанные бронепоездами и авиацией. Но, несмотря

на численное превосходство и упорное сопротивление неприятеля, наши войска продвинулись вперед и к вечеру охватывали Львов полукругом, находясь в 6—9 километрах от города.

Вернулись мы в Борщовичи уже вечером. Начдив 6 донес, что командир 2-й бригады Д. Д. Коротчаев ранен и отправлен в Буск, но что его ранение, хотя и тяжелое, для жизни опасности не представляет. И. Р. Апанасенко отмечал мужество Д. Д. Коротчаева, умелое командование бригадой, точное выполнение всех приказов и распоряжений.

Мы с К. Е. Ворошиловым и С. А. Зотовым посоветовались и решили прекратить следствие по делу о допущенной Коротчаевым ошибке в бою под Лопатином и за проявленный героизм наградить его орденом Красного Знамени. Степан Андреевич тут же стал готовить приказ по армии.

5

На 19 августа был назначен штурм Львова.

А ночь накануне выдалась темная, душная. В хате было тесно и жарко. Я предложил Ворошилову отдыхать на свежем воздухе.

— Что может быть лучше, — весело отозвался Климент Ефремович.

— А я рекомендую вам отличное место, — предложил С. А. Зотов. — За огородом большая скирда свежей соломы...

Миновав огород, мы нашли скирду, возле которой расположился и эскадрон Реввоенсовета. По отлогой стороне поднялись наверх, разровняли солому и улеглись.

Стояла необычайная тишина. Умолкла артиллерия, сотрясавшая окрестности в течение всего дня, не слышно было ни одного винтовочного выстрела. Только где-то далеко, в районе 6-й дивизии, полыхало громадное зарево.

В стороне проскрипели повозки, стихли голоса часовых, и мы вскоре уснули.

Утром меня разбудила стрельба. Подняв голову, я осмотрелся. Эскадрона Десятникова у скирды не было. «Куда же бойцы девались? — удивился я и, оглянув-

шись в сторону речки, увидел, как к нам на скирду по пологому ее скату, согнувшись и озираясь по сторонам, поднимается польский солдат.

— Руки вверх! — крикнул я, выхватив из кобуры маузер.

Поляк поднял руки, потерял равновесие и упал на колени. Широко раскрытыми от ужаса глазами он смотрел на меня и что-то шептал посиневшими губами.

От моего крика проснулся Ворошилов и тоже схватился за оружие. Это еще больше напугало польского солдата. У него затряслись руки, по щекам покатились крупные слезы.

— В чем дело, Семен Михайлович? Где наши? — спросил Ворошилов.

— Лошадей водили поить. Вон от реки возвращаются.

— Вот комедия. Как же он попал сюда? — Потом повернулся к поляку: — Иди-ка, брат, сюда, садись.

Солдат немного пришел в себя, а когда увидел, что мы убрали оружие, подошел к нам и сел. Рядом с ним присели и мы.

— Как же ты здесь оказался? — спросил я неожиданного пленника.

Вначале он отвечал неохотно, потом все-таки разговорился. Рассказал, что принадлежал к отряду добровольческой группы Абрахама, разгромленному накануне 4-й дивизией. Отряду ставилась задача ударить в тыл Конармии, но все кончилось трагически.

— О, что там было, Езус, Мария! — восклицал поляк, качая головой. — Едын остался, — и поднял вверх палец.

Пленный оказался из торговцев, прежде на войне не был. Только читал в газетах «о храбрых польских солдатах и о трусливых, оборванных, голодных и плохо вооруженных большевистских бандитах».

— Ну а теперь что вы об этом думаете? — спросил Ворошилов.

— О, что там было, что там было! Едын остался! — снова принялся он причитать.

Солдат рассказал, как попал в Борщовичи. Ночью пытался пробраться в Львов, но это не удалось: кругом были красные. К утру подошел к Борщовичам. Когда бойцы Десятникова повели лошадей на водопой, решил, что наши уходят, и зашагал в деревню. Но заметив, что

Я. Т. Черевиченко

П. Л. Рудчук

Е. И. Кузнецова

К. С. Москаленко

П. Тоцкая

З. Патрикеева

Памятник на братской могиле
конармейцев в Ровно

они возвращаются, бросился к скирде, рассчитывая зарыться в солому и дождаться темноты.

— Прошу, пане офицеры, не стрелять в меня, — взмолился солдат. — У меня жена, дети, старики — мать и отец, — и вынул из кармана фотографию.

— Никто вас не думает расстреливать. — Я взял из его рук фотокарточку. На ней был запечатлен наш пленный в военной форме с женой и ребенком. — Офицеры вам врали, будто мы злодеи, а вы и верите.

— Что же тогда со мной будете делать?

— Отправим в тыл. А может, и домой отпустим. Как, Семен Михайлович? — посмотрел на меня Ворошилов.

— Пусть идет и расскажет о своем приключении да посоветует другим не попадаться на обман подлой пропаганды о большевиках.

Мы спустились со скирды. Поляк шел за нами, и его глаза радостно блестели.

— А позвольте спросить: с кем имею честь говорить? Кто вы такие, что даже можете отпустить меня? — торопливо заговорил он, останавливая Климента Ефремовича.

— Это — Буденный, а я — Ворошилов, — ответил тот и улыбнулся.

Солдат оторопел. Моргая глазами, он глядел на людей, о которых ему, видно, наговорили много страшного.

С удивлением смотрели на поляка и подошедшие наши бойцы, недоумевая, как он попал к нам на скирду. Я подозвал Десятникова:

— Отведите солдата к Зотову и скажите, что мы отпускаем его домой. Пусть обеспечит ему безопасность прохода...

Пока мы завтракали, пришел С. А. Зотов:

— Степной-Спижарный прислал шесть человек штатских. Говорят, что делегация рабочих из Львова. Просят допустить к Буденному.

— Интересно! А ну-ка давайте их сюда!

Через пять минут к нам вошли шестеро. Поздоровались, пристально осмотрели нас и, убедившись, что мы те, к кому их послали, предъявили документы.

Из них мы узнали, что это рабочие, главным образом с Львовского железнодорожного узла, трое — поляки, остальные — украинцы. К сожалению, у меня не

сохранилось фамилий этих смелых людей, настоящих революционеров-интернационалистов.

Старший из них — плечистый, в кожаной фуражке и синей засаленной тужурке — имел что-то вроде мандата. В нем говорилось, что делегация рабочих направляется в Конную армию от подпольного повстанческого комитета для согласования совместных действий.

— Трудящиеся Львова ждут Красную Армию и готовы оказать ей всяческую помощь в освобождении города, — сказал делегат.

— А как же вы пробрались к нам? Ведь вокруг Львова польские войска.

Мой вопрос смутил старшего делегата. Он был поляк и, может быть, подумал, что я не доверяю ему. На помощь поспешил смуглый галичанин лет сорока, говоривший на русском языке почти без акцента. После мы узнали, что он долгое время жил в Центральной России, участвовал в революционной борьбе вместе с русскими рабочими.

— О, пройти к вам оказалось не так сложно, — улыбнулся галичанин, показывая ровный ряд белоснежных зубов. — Мы катили по рельсам тележку со шпалами. Кто обратит внимание на рабочих, ремонтирующих путь?

— А какую помощь вы смогли бы нам оказать? — спросил Ворошилов.

— Или мы вам? — добавил я.

— Видите ли, у нас имеются боевые дружины — около трех тысяч рабочих, правда вооруженных коечем: винтовками, револьверами, охотничьими ружьями, бомбами... Мы готовы поднять восстание, но без вашей поддержки оно будет подавлено. В городе и вокруг него много войск Пилсудского, — ответил старший.

— В восстании могли бы участвовать и все десять тысяч человек, только у нас не хватает винтовок, — вмешался смуглый галичанин. — Вот если бы перебросить нам оружия...

— А как это сделать?

— Мы, товарищ Буденный, знаем здесь все тропки, — ответил старший. — Ночью можем провести немного ваших войск прямо в город.

Мы с Ворошиловым задумались. Рабочие предлагали

разумное решение, облегчающее выполнение нашей задачи.

— Хорошо. Реввоенсовет армии обсудит ваше предложение и сообщит вам свое мнение, — встал я из-за стола. — Степан Андреевич, отведите товарищам место для отдыха, позаботьтесь, чтобы их накормили...

А пока соединения армии продолжали наступать. 11-я и 6-я дивизии теснили противника к Львову. 4-я уже прижимала неприятельские войска к северо-восточным окраинам города.

Труднее было контратакованным 14-й дивизии и Особой бригаде. Степному-Спижарному пришлось даже оставить западную окраину деревни Прусы.

Разобравшись в обстановке, мы приказали начдиву 6 И. Р. Апанасенко одну бригаду оставить на занимаемом рубеже, а главные силы двинуть в Борщовичи. Оттуда вместе с Особой бригадой наступать через Прусы и овладеть восточной окраиной Львова. 11-й дивизии и оставшейся бригаде 6-й кавалерийской ставилась задача овладеть Львовом ударом с юго-востока. Части Ф. М. Литунова должны были охватить город с северо-востока.

Рассчитывая после овладения Львовом двинуться на север, как требовала директива командующего Западным фронтом, мы предложили командующему группой львовского направления И. Э. Якиру не позже рассвета 20 августа сменить Конармию в районе Львова. Специальным приказом Реввоенсовет объявлял благодарность личному составу 45-й стрелковой дивизии за мужество и умелое выполнение боевых задач при совместных действиях с нашими кавалерийскими соединениями. Эта небольшая по численности, но сильная высоким революционным духом дивизия показала себя стойкой и заслужила глубокое уважение конармейцев.

Хорошо мы узнали и высоко оценили командирский талант начдива 45 Ионы Эммануиловича Якира. Он отлично разбирался в сложных оперативных вопросах, проявлял разумную инициативу, творчески руководил дивизией и группой соединений, мужественно вел себя в самых тяжелых условиях, отличался большой скромностью. Позже мы рекомендовали его на должность командующего 12-й армией.

Весь день продолжался штурм ближайших подступов

к Львову. Бои отличались невиданным ожесточением и кровопролитностью. Конармейцы потеряли счет своим атакам. Но противник держался очень упорно и, не считаясь с потерями, отстаивал каждую позицию.

Обе стороны несли тяжелые потери. У нас выбыло из строя много командиров и комиссаров. Из всех дивизий тянулись к Буску повозки, перегруженные ранеными. В полештарм пришла горькая весть о гибели прославленного начальника 4-й кавалерийской дивизии Ф. М. Литунова.

Федор Михайлович находился в наступавших цепях, сам возглавлял атаки то одной, то другой бригады. Стремительный, вездесущий, с обнаженной шашкой в руке, он скакал перед фронтом частей, ободряя бойцов, заражал их своим бесстрашием, непреклонной решимостью и верой в победу.

Вражеская пуля оборвала его жизнь в момент, когда он ставил задачу на атаку 2-й бригаде и сам был готов первым устремиться вперед. Противник зловеще молчал. Раздался всего лишь один выстрел, и голова Федора Михайловича склонилась, обагряя алой кровью переднюю луку седла и гриву коня. Стоявшие рядом комиссар дивизии В. И. Берлов и командир бригады И. В. Тюленев бережно сняли с седла тело начдива и положили на пулеметную тачанку.

За свою жизнь я видел немало храбрых людей. Но не у всех лихая отвага сочеталась с организаторским талантом, с умением сплотить десятки, сотни и тысячи бойцов в четко действующий коллектив, подчиненный единой воле. Литунов же был человеком, сочетавшим личное мужество с выдающимися организаторскими способностями. Гибель его была тяжелой утратой не только для нас, но и для всей Красной Армии, так как он по праву считался одним из храбрейших и талантливых командиров среди военачальников, выдвинутых нашей партией из глубинных низов народа.

Помню, весной 1918 года Федор Михайлович стал одним из первых организаторов борьбы против белоказаков на Дону, вступил в ряды Коммунистической партии. Конный отряд Литунова скоро вырос в полк и под Царицыном вошел в состав 4-й кавалерийской дивизии. В этой дивизии он прошел трудный, но яркий боевой путь, командуя полком, затем бригадой и на

польском фронте — дивизией. Незаурядными командирскими способностями, отвагой и железной волей, человечностью и заботой о людях Федор Михайлович завоевал горячую любовь конармейцев. Его авторитет был незыблемым, за ним шли без оглядки.

Есть люди, о подвигах которых созданы легенды, порой настолько необыкновенные, что герой превращается в какого-то сверхчеловека. О Литунове не слагали сказаний. У него все было обычное, человеческое, присущее простым смелым людям. И поэтому он остался в сердцах людей как живой человек, как солдат революции, стойкий большевик, верный сын трудового народа, за интересы которого отдал свою светлую жизнь.

Солнце опускалось за львовские форты, когда тело начдива привезли в Борщовичи. Мне и сейчас тяжело вспоминать о минутах прощания. Угасал закат, его отблески последний раз освещали мужественное лицо Литунова, трепетно дрожали на эмали ордена Красного Знамени. Навсегда ушел из жизни человек, имя и подвиги которого оставались с теми, кто продолжал борьбу за торжество Советской власти.

Мы приказали отправить тело Федора Михайловича в оцинкованном гробу на родину — в Малую Таловую, Веселовского района, Ростовской области. Командование 4-й дивизией было временно возложено на И. В. Тюленева.

19 августа под стенами Львова погиб и другой верный сын нашей партии, заместитель начальника политотдела Конармии, главный редактор газеты «Красный кавалерист» пламенный оратор и опытный пропагандист И. Д. Перельсон.

6

К ночи напряжение боя стало понемногу спадать. Наши утомленные части прекращали атаки и устраивались на отдых. Чувствовалось, что и противник ослабел, хотя окончательно еще не сломлен. Главным препятствием для наступающих оставались бронепоезда с их мощным пулеметным и артиллерийским огнем. Маневрируя и укрываясь в выемках, они были почти неуязвимы. Стало ясно, что, только покончив с бронепоездами, Конармия обеспечит себе победу под Львовом.

За день наше положение улучшилось. В центре фронта 6-я и 4-я дивизии отбросили противника на 2—3 километра. На правом фланге 11-я дивизия продвинулась к юго-западным окраинам города, хотя левофланговые части 14-й дивизии оказались немного потесненными неприятельской конницей. В целом Конармия находилась в 5—7 километрах от Львова и охватывала его с трех сторон.

На следующий день мы решили воспользоваться предложением делегатов львовских рабочих. Условились, что К. Е. Ворошилов во главе спешенной 6-й кавалерийской дивизии ночью двинется к Львову путем, указанным рабочими, чтобы на рассвете при поддержке восставших трудящихся ворваться в город. В это время главные силы армии нанесут удар противнику с северо-востока и юго-востока. Артиллерия обрушится на неприятельские бронепоезда, чтобы парализовать их противодействие.

Однако нашему плану не суждено было осуществиться. В 21 час 15 минут 19 августа из Буска, из полевого штаба армии, доставили директиву командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского от 17 августа.

Из оперативной сводки, полученной одновременно с директивой, мы впервые узнали, что на варшавском направлении польские войска перешли в контрнаступление. Утром 16 августа ударная группировка противника из района Люблина атаковала нашу слабую, растянутую на широком фронте мозырскую группу Т. С. Хвесина и отбросила ее. На следующий день она заняла Седлец, Бяла-Подляска, продвинувшись к северу на 80 километров. Выяснилось, что все армии Западного фронта начали отступать от Вислы на восток еще утром 17 августа.

Для нас стало очевидным, что с движением в район Владимир-Волынского Конармия безнадежно опаздывала не только 19-го, но и раньше, когда получила первую директиву М. Н. Тухачевского. Даже начав движение 16 августа, наши соединения могли подойти к Владимир-Волынскому не раньше 20-го. А к этому времени противник уже продвинулся далеко на восток и занял линию Прасныш — Маков — Остров — Бельск — Брест. Разве могла Конармия предотвратить или сколько-нибудь ослабить контрудар неприятеля, если она находилась бы от Бреста в 140 километрах?

Противник упредил нас своим контрнаступлением. Главком, разговаривая с М. Н. Тухачевским в 1 час 18 августа, заявил, что момент перегруппировки 12-й и Первой Конной армий упущен и надо усиливать Брест с тыла. На следующий день признал это и М. Н. Тухачевский.

Директивой же от 17 августа командующий Западным фронтом требовал ликвидировать люблинскую группировку врага. 12-й армии он приказывал перейти в наступление на Холм — Любартов, а Конной армии напрячь все силы и во что бы то ни стало сосредоточиться в назначенный срок в район Владимир-Волынский — Устилуг, имея в дальнейшем задачей наступать в тыл ударной группировке противника.

Перед нами встала довольно сложная проблема. С одной стороны, мы видели, что положение наших войск на варшавском направлении действительно тяжелое, и сознавали всю свою ответственность. С другой стороны, простой расчет времени показывал, что задача, определенная нам директивой, явно невыполнима. Физически невозможно было в течение одних суток выйти из боя и совершить стокилометровый марш, чтобы 20 августа сосредоточиться в указанном районе. А если бы это невозможное и произошло, то с выходом к Владимир-Волынскому Конармия все равно не смогла бы принять участия в операции против люблинской группировки противника, которая, как уже говорилось, действовала в районе Бреста.

И кроме того, нам непросто было уйти из-под Львова. Уйди мы — и инициатива сразу переходила к противнику, что ставило польский участок Юго-Западного фронта в катастрофическое положение.

Силы львовской группировки противника, потрепанные Конармией, оставались еще достаточно мощными и активными. А нас по-прежнему никто не сменял. Одни наши малочисленные и измотанные боями 45-я и 47-я стрелковые дивизии были не в состоянии занять весь фронт Конармии. Надо иметь еще в виду, что группа И. Э. Якира действовала с открытым флангом, так как левофланговые войска 14-й армии далеко отстали.

В сложившейся к 19 августа обстановке, по нашему твердому убеждению, единственно правильным решением было продолжать наступление на Львов и какой

угодно ценой овладеть им. Это привело бы к разгрому львовской группировки неприятеля и укреплению Юго-Западного фронта. Больше того, захват Львова создавал угрозу правому флангу и глубокому тылу противника, оперировавшего против наших армий на варшавском направлении. В этом случае белопольское командование неизбежно вынуждалось на переброску значительных сил в Львовский район с севера, что, безусловно, должно было облегчить положение отступавших соединений Западного фронта.

После овладения Львовом мы рассчитывали создать не менее двух галицийских дивизий, оставить их и группу И. Э. Якира в качестве заслона, а самим двинуться по кратчайшему пути в северо-западном направлении на Рава-Русскую, Красностав, Люблин, имея в виду нанести удар противнику из-за левого фланга 12-й армии.

Все эти соображения мы решили сообщить М. Н. Тухачевскому и просить его указаний. Из Борщовичей в Буск срочно выехал командир штаба и оттуда в 23 часа 30 минут 19 августа направил в Минск через штаб Юго-Западного фронта донесение следующего содержания:

«К данному моменту части Конной армии подошли к г. Львов с юго-востока и востока на 6 вер. Противник, накопившийся перед Конной армией в огромных силах в составе 1-й и 2-й кавдивизий, 5, 6, 12 и 13-й пехотных дивизий, одного полка 11-й пехдивизии и гарнизона г. Львова, состоящего исключительно из добровольцев, при 8 бронепоездах, многочисленной артиллерии и нескольких эскадрильях самолетов, оказывает отчаянное сопротивление на всех подступах к г. Львову и даже переходит в контрнаступление, причем противник стягивает к Львову резервы, подвозя эшелонами по железной дороге. За 18 и 19 августа взять г. Львов не представилось возможным, но через два-три дня Львов должен быть занят частями Конной армии. Оставление Конной армией занимаемого участка и замену ее другой частью в данный момент и при данных условиях я считаю абсолютно невозможным и могущим катастрофически отразиться на всем фронте, ввиду того что противник, оперирующий против Конной армии, хотя и понес в боях 17 и 18 августа огромные потери в живой силе, однако не потерял активности и способности в

значительной мере повести наступление тот же час, как только Конная армия снимется с боевого участка. Группа же львовского направления, состоящая из 45-й и 47-й пехдивизий, не в состоянии удержать львовской группы противника, причем фланг 14-й армии отстал от нашего левого фланга на 60—70 вер. Донося о вышеизложенном, прошу ваших указаний, как поступить» [1].

Все же на случай, если командующий фронтом не согласится с нашим предложением, подготовили приказ на отход армии за реку Буг.

Всю ночь мы с Климентом Ефремовичем не спали, ожидая ответа из Минска. Он поступил около 6 утра. М. Н. Тухачевский подтвердил директиву о движении Конармии в район Владимир-Волынского.

Мы сразу же разослали в соединения заготовленный приказ. Он требовал, чтобы после отхода за Буг 4-я дивизия сосредоточилась в селе Руда, 6-я — в Адамах, 11-я — в Побужанах, а 14-я — в Холоюве. Для прикрытия оставленных рубежей каждая дивизия должна была выделить по полку. С подходом частей И. Э. Якира и после смены пехотой эти полки присоединялись к своим соединениям.

Во второй половине дня мы прибыли в Буск. Надо было позаботиться об обеспечении армии всем необходимым для действий в новом направлении. Начальник основного штаба армии Л. Л. Клюев получил задачу начать переброску материальных средств по железной дороге Ровно — Ковель, а гужевой транспорт с боеприпасами, продовольствием и фуражом выдвигать в Луцк и Владимир-Волынский.

Утром 21 августа, когда Конармия отошла уже за Буг, поступила телеграмма председателя Реввоенсовета Республики Троцкого Ворошилову. «Общая обстановка требует энергичного и немедленного содействия Конной армии Западному фронту, — писал он. — Поэтому РВС армии должен принять исключительные меры к самому срочному выполнению приказов командзапа по перемене направления действий армии из львовского направления на северо-запад. Обращаю особое внимание Реввоенсовета на то, чтобы занятие самого Львова не отразилось на сроке выполнения этих приказов, для чего должны

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 3, д. 105, л. 24об.

быть приняты все меры к тому, чтобы занятие большого города не произвело разлагающего влияния на войска»[1].

Этот документ — яркий образец противоречивости. С одной стороны, он требовал срочного выполнения приказов командзапа, а значит, и движения к Владимир-Волынскому, с другой — предупреждал, чтобы занятие большого города не разложило Конармию, то есть, по существу, санкционировал взятие Львова.

В тот же день К. Е. Ворошилов направил Троцкому, члену Реввоенсовета Республики Сталину и члену РВС Западного фронта Уншлихту обстоятельный доклад о причинах задержки с выполнением директивы командования Западного фронта на движение Конармии в район Устилуг — Владимир-Волынский.

«...В момент получения директивы командзапфронта от 15 августа № 0361/сек., — писал он, — армия вела жестокие бои, и снять армию не представлялось никакой возможности, так как противник немедленно же перешел бы в решительное наступление и ударил бы нам в тыл. Боевой участок Конармии занять было некому, как он остается незанятым и в данное время, так как малочисленность сорок пятой и сорок седьмой пехдивизий (группа Якира) не гарантирует прочности положения на этом участке. Реввоенсовет Конармии, изыскивая всяческие средства приступить к немедленному выполнению директивы командзапфронта № 0361 и не найдя их, решил добить живую силу противника на своем участке и, тем обеспечив левый фланг Запфронта и правый четырнадцатой армии, двинуться затем в указанный директивой пункт сосредоточения или же, если будет приказано, прямо на Люблин в тыл наседающему врагу. Ваше и повторное приказание командзапа о выполнении директивы № 0406 обязали нас оставить все и немедленно приступить к ее выполнению, что и сделано двадцатого августа... С отходом Конармии из Львовского района противник получает полную свободу действия не только в восточном, но и южном направлении.

В заключение позволю себе заметить, что, по моему глубокому убеждению, основанному на опыте, снятие Конармии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до семи

[1] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 468, л. 262.

дивизий противника, является крупнейшей ошибкой, чреватой значительными последствиями. Я не буду говорить о том, какое моральное действие оказывает подобный отход на армию. Вы это учтете сами, если вспомните огромные наши потери в последних боях, но я должен сказать, что, продолжая бои за овладение Львовом, мы не только служили бы магнитом для противника, но в то же время самой серьезной угрозой тылу его ударной группы, которой мы всегда смогли бы через Люблин нанести сокрушительный удар...»[1]

Об этом же я несколько позже писал Сталину. Решительно не одобряя поворот Конной армии с люблинского направления на Львов в июле, я вместе с тем считал еще более неверным шагом отвод ее от Львова, когда она стояла под стенами города.

☆

---

[1] Военно-научная библиотека Генерального штаба. Дело 33 4-го отделения Секретариата НКО СССР, лл. 1—2.

14. РЕЙД НА ЗАМОСТЬЕ

1

Ночь на 21 августа провели в Буске, в доме священника, на редкость добродушного и гостеприимного. Нас даже удивили его симпатии к большевикам. Узнав, что у нас плохо с продуктами и совершенно нет мяса, он сам предложил кое-что имевшееся в его хозяйстве из живности.

Утром мы с К. Е. Ворошиловым выехали верхом в Радехов, куда еще ночью переместился полевой штаб армии. В пути решили осмотреть двигавшиеся по той же дороге части 6-й кавалерийской дивизии.

Погода выдалась пасмурная. Моросил нудный дождик. Хмурыми были и лица людей. Чувствовалось, что настроение у них подавленное.

— Как, орлы, дела? — обратился я к проезжавшим мимо бойцам.

— Были орлы, да крылья подрезали, — буркнул светловолосый здоровяк с фиолетовым шрамом на щеке.

По рядам прошел глухой ропот. Мы тронули лошадей и поехали рядом с колонной.

— Что так невеселы? Или забыли, что вы конармейцы?

— Куда нас ведете, товарищ командарм? — вопросом на вопрос ответил тот же светловолосый.

— Куда-то по приказу свыше! — сверкнул белками глаз ехавший рядом с ним худой, скуластый парень.

Другой, широкоплечий, с пропитанной кровью повязкой на шее, без обиняков сказал:

— Мы вам верим, но тут творится что-то неладное.

Жестом я приказал раненому выехать из строя. Двигаясь дальше, мы с ним продолжили разговор.

— Бойцы пали духом и недовольны, — прямо заявил он. — Зачем отходим от Львова? Ведь взяли бы его! А то сколько крови пролито, и все зазря.

Что ответить ему? Как объяснить события, которые волнуют всех конармейцев? После небольшого раздумья я сказал:

— Мы с вами люди военные. Вы подчиняетесь нам, а Реввоенсовет армии — фронтовому командованию. Есть приказ фронта, и мы обязаны его выполнить. И если приказывают отходить, значит, так нужно для дела, для победы.

— Так приказ приказу — рознь, — возразил боец. — Вам дадут приказ сдаться в плен, вы же его не выполните?!

— Но мы не в плен идем, а бить врага, и именно в том месте, где сейчас нужнее. Вы же говорите, что верите нам. А Реввоенсовет армии верит высшему командованию, поставленному Советской властью. Какие же могут быть основания обсуждать приказы и выражать недовольство? Это не к лицу революционному бойцу! — с укором сказал Ворошилов.

Конармеец замолчал, в волнении перебирая поводья. После некоторого колебания заговорил о другом:

— Опять же, из дому дурные вести. Мы здесь за Советскую власть воюем, а там в Советы бывшие белогвардейцы пролезают да наших за горло берут. Хлеб по продразверстке под метелку гребут, а старики, жены и ребятишки с голоду воют. Как на это смотрит Реввоенсовет?

То, о чем говорил боец, не было для нас новостью. Мы знали, что об этом пишут некоторым бойцам родные, рассказывает кое-кто из вернувшихся после излечения.

— Не исключено, что в некоторые Советы на местах пробираются контрреволюционеры и вредят. Но большинство в Советах наши люди, преданные народной власти, — разъяснял я бойцу. — Есть там и коммунисты. Они выведут врагов на чистую воду. А наша задача разбить интервентов. В них главная опасность для наших семей и для Советской власти.

— А вы как думаете, товарищ Ворошилов? — боец пытливо глядел на Климента Ефремовича.

— Так же, как командарм. А насчет хлеба скажу вот что: в стране голод. Не обеспечим пайком пролетарские

центры и армию — погибнем: не выдержит ни фронт, ни тыл. Поэтому и вынуждена Советская власть брать излишки зерна на Дону и Кубани, там, где они есть.

— Да мы не против этого, но бабы голосят, мол, гребут безбожно, — не унимался конармеец.

— «Гребут», как вы говорите, у тех, кто не хочет честно отдать свои излишки, — продолжал внушать бойцу Ворошилов. — А вы знаете, что враги Советской власти закапывают зерно в ямы, даже выбрасывают в Дон, только бы не дать народу? Вполне возможно, что в этой борьбе за хлеб допускаются отдельные неправильные действия. Их немного, но контрреволюционеры раздувают слухи, чтобы повлиять на менее сознательных, ослабить нас на фронте, открыть путь в страну польским захватчикам и Врангелю.

— Вы давно на фронте? — спросил я конармейца.

— Под Царицыном начинал, в девятнадцатом году, товарищ командарм.

— Тогда вспомните, разве легче нам было в ту пору? Как с нашими семьями расправлялись белоказаки и деникинские офицеры! Мало того что хлеб, скот да землю отбирали, людей расстреливали, вешали, живыми закапывали, хутора и станицы сжигали. А мы не сдались — и победили. Ленин спасибо нам сказал. Так не стыдно ли нам, закаленным революционным бойцам, хныкать и поддаваться на провокации наших врагов?

Последние мои слова на бойца произвели впечатление. Встряхнул ли я его душу воспоминаниями о прошлом, подогрел ли в сердце пламя ненависти к врагу, ободрил ли похвалой великого Ленина — не знаю. Наверное, повлияло все вместе. Но конармеец на глазах преобразился, взгляд его повеселел.

— И передайте вашим товарищам, — добавил Ворошилов, — что Реввоенсовет армии уже послал председателям Советов на Дон, Кубань и в Ставропольскую губернию телеграммы с просьбой помочь семьям конармейцев.

— Вот за это спасибо, — улыбнулся боец, — теперь все ясно. У нас, понимаете, за последнее время многие комиссары из строя повыбывали и некому растолковать, что к чему. К тому же, чего греха таить, есть у нас бузотеры, которые вредными разговорами бередят душу.

— Ну вот и хорошо, что вы поняли. Теперь, товарищ, поезжайте в строй, — сказал Ворошилов. — Да не забудьте рассказать бойцам о нашем разговоре.

Беседа эта хорошо запомнилась мне. Она дала понять, насколько сильно отход ударил по моральному состоянию армии. Это и понятно. До последнего дня наши приказы требовали полного напряжения сил для овладения Львовом. Командиры, комиссары и коммунисты сумели поднять бойцов на выполнение этой трудной задачи. Было много сделано, наступление к Львову стоило нам больших жертв. Но когда город вот-вот уже должен был пасть, поступил приказ на отход. Конармейцы сразу не могли осознать, почему мы сами отдаем инициативу в руки противнику.

Надо помнить и то, что наши бойцы по сознательности коренным образом отличались от солдат царской армии, которых приучали не думать, а слепо повиноваться приказу. Воины революции и мыслили по-революционному. Они сами хотели все до конца понять, во всем разобраться.

В тот же день Реввоенсовет армии отдал распоряжение командирам и политработникам во время остановок и ночлегов, в беседах и на собраниях разъяснять личному составу, что отход армии вынуждается обстановкой на Западном фронте. Мы требовали так поставить политическую работу, чтобы каждый конармеец понял всю важность нашей новой задачи. Попутно предлагали развенчать слухи о «бедственном положении» семей конармейцев.

Помню, только мы пропустили 6-ю дивизию и повернули на Холоюв, как Ворошилов начал беспокойно ощупывать карманы своей тужурки.

— Нет часов! — сокрушенно проговорил он. — Ночью положил под подушку, а утром забыл взять.

Я знал, что эти часы — подарок ВЦИК — были для Климента Ефремовича очень дороги, и предложил послать за ними в Буск двух бойцов из сопровождавшего нас эскадрона Реввоенсовета. Кстати, проехали мы еще не так много. Поскольку в Буске могла быть разведка противника, И. М. Десятников направил туда добровольно вызвавшихся двух известных смелостью бойцов.

В Холоюве пробыли несколько часов. Осмотрели вступавшие в местечко полки 11-й кавалерийской диви-

зии, побеседовали с бойцами. Перед вечером направились в Радехов.

С. А. Зотов встретил довольно неприятной новостью. Оказывается, 45-я и 47-я стрелковые дивизии, сменившие Конармию под Львовом, были сбиты, и конница неприятеля устремилась за нами в открывшуюся брешь. К вечеру противник уже занял переправу через Буг в районе Добротвора, севернее Каменки, и распространялся в сторону Холоюва. Начдив 11-й кавалерийской вынужден был бросить на Добротвор бригаду Колпакова.

Несмотря на то что неприятель «садился нам на хвост», стремясь втянуть армию в бои, мы решили двигаться на север. Начдиву 11 приказали отбросить неприятельскую конницу за Буг и обеспечить левый фланг армии.

За многочисленными делами мы совсем забыли о бойцах, посланных за часами. Но в полночь они сами напомнили о себе. Усталые, с выбившимися из-под фуражек потными прядями волос, влетели в полештарм, и один из них, положив часы на стол, отрапортовал:

— Все в полном порядке, товарищ член Реввоенсовета. Часы, значит, нашлись, а к ним в придачу и два польских улана.

— Большое вам спасибо! — пожал им Ворошилов руки. — А о каких уланах вы говорите?

— Пленных привели, — и первый боец начал рассказывать о своих приключениях: — Приехали, стало быть, в Буск. Через огород прошли в дом священника. Все шло тихо, скромно. Но стоило батюшке увидеть нас, как у него волосы на голове зашевелились. «Откуда, говорит, рабы божьи, взялись?» — «Не пужайся, отвечаю, отец, не с того света. Часики тут наш начальник забыл». — А старик замахал на меня руками: «Тише, говорит. Не за себя боюсь, а за вас. Неудовольствие можете претерпеть: в городе поляки». Я удивился даже, не брешет ли старый, — очень спокойно в селе, и ничего подозрительного мы не видели. А дружок шепчет мне: «Кончай беседу, возвращаться надо». Ну, старик принес часы, на прощание угостил нас квасом, и мы двинули к речке, где лошадей оставили. Идем, видим: не обманул святой отец, присматриваются к нашим коням два улана. Сцапали мы их — и ходу.

— Устали? — участливо спросил Климент Ефремович.

— Может, трошки, — улыбнулся боец. — Дорога-то дальняя, ну и пленные мешали. Из-за них изрядно пешком топать пришлось.

— Тогда отдыхайте, а пленных передайте начальнику разведотдела товарищу Стройло, — проводил бойцов Ворошилов...

Весь следующий день главные силы армии продолжали двигаться в указанный нам район. Лишь 11-я кавалерийская дивизия в районе Добротвор — Каменка вела бои с переправившимися на восточный берег Буга передовыми частями вражеской конницы.

Положение сложилось серьезное. Правый фланг 14-й армии вместе с группой И. Э. Якира откатывался к Бугу. 12-я армия, ослабленная в предыдущих боях и растянутая на фронте 180 километров, не заняла предназначенный ей участок Первой Конной севернее Топорова. Поэтому противник беспрепятственно шел за нами.

В ночь на 23-е поступила директива командующего Западным фронтом. В ней указывалось, что сильно расстроенные советские армии на варшавском направлении повсеместно отступали на восток. Белополяки заняли Брест-Литовск и угрожали правому флангу 12-й армии. Изменившаяся обстановка меняла и наши задачи. Конармии предлагалось сосредоточиться не в указанном раньше, а в новом районе Стоянов — Сокаль — Добротвор и ждать распоряжений.

Мы как раз уже достигли названных пунктов и остановились.

Всю ночь 11-я дивизия вела тяжелый бой с наступавшим на Холоюв противником. Утром мы хотели двинуть на помощь Морозову Особую кавбригаду. Но новая директива М. Н. Тухачевского нарушила наши планы. Командующий фронтом приказывал нам нанести всеми силами короткий контрудар и восстановить положение, утраченное группой Якира.

Посоветовавшись, мы решили ударить на юго-запад вдоль фронта группы И. Э. Якира в направлении Жолкев — Городок. Быстро подготовили и отдали приказ. Начдиву 4 ставилась задача сосредоточиться в 5 кило-

метрах к западу от Кристинополя[1]. 6-я дивизия должна была двинуться на юг от Сокаля и захватить переправы через Западный Буг на участке Кристинополь — Беньков. 11-й дивизии предстояло очистить от противника весь правый берег Буга от Селец до Сокаля и перебросить на левобережье часть своих сил для непосредственной связи с группой И. Э. Якира. 14-я дивизия, составлявшая армейский резерв, оставалась в районе Горохова.

Первыми добились успеха части Ф. М. Морозова. После нескольких контратак они отбросили противника за Буг и установили связь с 45-й стрелковой дивизией. Вслед за тем 4-я кавалерийская нанесла поражение неприятельской кавалерии, которая накануне выбила из Кристинополя 72-ю бригаду 24-й стрелковой дивизии 12-й армии. Не встречая сопротивления, выдвигались в исходный район для наступления и полки 6-й дивизии.

Во второй половине дня из нашего основного штаба передали третью директиву командующего Западным фронтом. На этот раз М. Н. Тухачевский отменял контрудар перед группой И. Э. Якира. Конармии ставилась новая задача — перейти в решительное наступление в направлении Красностав, Люблин, в четырехдневный срок овладеть Красноставом, а затем двигаться в Люблинский район.

Больше всего нас удивила та часть директивы, где говорилось об «успешном» наступлении группы Якира. Мы-то имели с ней связь и хорошо знали, что она не только не наступала, а даже отошла к Бугу. Неужели командующий фронтом не получил наших донесений?..

Я приказал С. А. Зотову передать начдивам, чтобы наступление прекратили и ждали указаний. Кроме того, попросил связаться с Л. Л. Клюевым и узнать, переданы ли наши телеграммы командующему фронтом.

Связь с основным штабом установили быстро. Клюев сообщил, что наши донесения о наступлении польских войск на львовском направлении направлены М. Н. Тухачевскому через штаб Юго-Западного фронта. Затем он информировал нас о положении на Западном фронте. Советские войска там продолжали отступление. Исклю-

[1] Ныне Червоноград.

чительно тяжелое положение сложилось в правофланговых 4-й и 15-й армиях, отрезанных противником и прижатых к прусской границе. 3-я и 16-я армии, а также мозырская группа Хвесина отходили на рубеж Гродно — Липск — Свислочь.

Раздумывая над сообщением начальника основного штаба, мы все больше убеждались, что оказать помощь нашим отступавшим от Вислы войскам не можем. С выходом на люблинское направление Конная армия безнадежно запоздала, и все, о чем мы докладывали командующему Западным фронтом в донесении 19 августа, сбывалось. Подтвердились наши опасения об отступлении войск Юго-Западного фронта. Обнаружив отход Конармии, противник начал нас преследовать и уже вышел на реку Буг. Позже из захваченного приказа генерала Галлера стало известно, что наше движение от Львова противником было расценено как его крупный успех и использовано для повышения боевого духа войск. Мы же пока ничего не выиграли. Больше того, вместо двух дней, испрашиваемых нами для овладения Львовом, Конармия потеряла четверо суток.

Не трудно было представить, что в условиях отхода главных сил обоих фронтов наступление на Замостье — Красностав могло превратиться в обособленную операцию Конармии. Однако директиву требовалось выполнять, и мы немедленно начали готовить соединения к наступлению. Справедливости ради следует сказать, что М. Н. Тухачевский был против движения Конармии на Замостье и отдал директиву лишь по настоянию главкома [1].

2

Выполняя последнюю директиву, Реввоенсовет армии принял решение к исходу 25 августа выдвинуться на 25—30 километров в сторону Замостья и занять район Скоморохи — Варенж — Комаров. Поскольку нам предстояло действовать с открытыми флангами, оперативное построение войск избрали в форме ромба. 4-й кавалерийской дивизии предстояло наступать в голове, за ней

[1] См. Тухачевский М. Поход за Вислу. М., 1923, стр. 53.

справа, уступом назад, — 14-й, а слева — 6-й. 11-я кавалерийская — армейский резерв — имела задачу двигаться в хвосте армии.

Учитывая горький опыт действий в тылу противника в отрыве от обозов второго разряда и при недостатке продовольствия, боеприпасов, Реввоенсовет особо указывал начдивам на необходимость загрузить дивизионные обозы всем необходимым из расчета на несколько дней боя и постоянно иметь их вблизи соединений.

Бронепоезда Конармии перебрасывались на железнодорожные участки Ковель — Владимир-Волынский, Ковель — Холм. Армейские артиллерийские и продовольственные летучки направлялись в Луцк, откуда боеприпасы и продукты автомашинами можно было доставить в дивизии. Туда же перемещался оперативный пункт основного штаба, чтобы иметь бесперебойную связь с полештармом, со штабом фронта и соседними армиями. В Луцк и Владимир-Волынский передвигались и санитарные поезда.

Утром 25 августа армия пришла в движение. Часов в 12 мы с полевым штабом и Особой бригадой выехали в Тартаков. Моросил дождь, дороги быстро портились, и это вызвало серьезное беспокойство за обозы и артиллерию.

В течение дня наши дивизии почти не встречали сопротивления противника. Лишь у реки Хучва в районе Лащув — Угнев разъезды обнаружили неприятельскую пехоту и кавалерию.

В 20 часов Конармия сосредоточилась на реке Западный Буг в готовности на следующий день начать движение к Замостью. Справа от нас, восточнее Грубешова, находилась 44-я, а слева, на рубеже Кристинополь — Сокаль,— 24-я стрелковые дивизии 12-й армии.

Дождь не прекращался всю ночь, а к утру похолодало и разразился такой ливень, что в хате, где мы ночевали, промок потолок. Погода нам явно не благоприятствовала. На рассвете начдивы донесли, что дождь совершенно испортил дороги, движение обозов, а тем более артиллерии, стало невозможным.

Плохая погода и непролазная грязь вынудили нас приостановить наступление. До полудня нам удалось побывать в 14, 6 и 11-й дивизиях, побеседовать с бойцами, осмотреть обозы. А во второй половине дня мы со-

звали совещание старшего командного и политического состава, на которое были вызваны и Минин с Клюевым. Надо было посоветоваться, как лучше выполнить задачу нашими сравнительно небольшими силами и средствами.

Картина материального обеспечения частей, нарисованная в выступлениях командиров и политработников на совещании, была безрадостной. Оружие и боевая техника нуждались в ремонте, а производить его негде и некогда. Продовольствие и фураж поступали в крайне недостаточном количестве. Бойцы находились на голодном пайке. Лошади были сильно изнурены.

Тяжелое положение сложилось в частях с кадрами командного и политического состава. Выбыли из строя многие опытные комиссары и штабные работники, командиры бригад и полков. Заменившие их младшие командиры не были подготовлены к командной, политической и штабной работе в новых масштабах и нуждались в повседневных советах и помощи.

Совещание пришло к выводу о необходимости усилить партийно-политическую и культурно-воспитательную работу в частях. Было решено перевести членов партии из тыловых органов армии в боевые подразделения. По рекомендации совещания Реввоенсовет обратился в Политуправление Красной Армии, а также к московскому и петроградскому пролетариату с просьбой прислать в Конармию опытных политработников.

Много внимания было уделено улучшению медицинского обслуживания раненых и больных конармейцев. Нам не хватало медикаментов, перевязочных средств, врачебных инструментов, транспорта, постельных принадлежностей, подвижных госпиталей. Для раненых в госпиталях просто недоставало мест. Но главным бичом стали инфекционные болезни, которые порождались редкими банями, недоеданием, употреблением в пищу различной зелени.

А врачей не хватало. Известно, что большинство военных медиков с начала революции осталось в лагере белых. У нас работали лишь наиболее прогрессивная часть врачей, вставшая на сторону Советской власти, и некоторые медицинские работники, захваченные в плен вместе с белогвардейскими госпиталями. В конце гражданской войны Красная Армия пополнилась врачами выпуска 1919/20 г. Но и этого было недостаточно.

Каждому медработнику Конармии приходилось работать за троих. Начальник санслужбы армии Д. К. Дедов-Назрицкий, врачи Петров, Данилов, Рейтлингер, Сербинов, Французов, Очкин, Шмидт, Ишлонский, Гейналн, Ванеев, Гальперин, Желнковский, Мацкевич, Легов, Капланов и многие другие сбивались с ног. Трудно подобрать слова, в полной мере характеризующие героический труд наших врачей, фельдшеров, медицинских сестер, санитаров. Их работа была непрерывным подвигом. И все же им не хватало времени, чтобы оказать помощь всем пострадавшим. Кончался один обход, начинался другой. И зачастую так продолжалось до тех пор, пока врач не выбивался из сил или сам не заболевал.

Трудности работы медицинского персонала усугублялись большой подвижностью Конармии. Нередко оперировать приходилось прямо на колесах.

Большая часть забот о раненых и больных ложилась на плечи наших сестер милосердия, как их тогда называли. В подавляющем большинстве это были жены или сестры бойцов, командиров и политработников. Специального образования они не имели. Учились перевязывать и даже лечить прямо на фронте.

В армии хорошо знали Таисию Плотникову, Пелагею Тоцкую, Зинаиду Патрикееву, Елену Кузнецову, Марию Еремееву, Василису и Евдокию Чумаковых, Александру Волынскую, Неонилу Голубенко, Юлию Алексееву, Петрову-Круковскую и многих, многих других. В наступлении и обороне, в стужу и жару они были вместе с бойцами. Подвергаясь смертельной опасности, сестры милосердия перевязывали раненых под огнем противника и вытаскивали с поля боя. А нередко им приходилось отбиваться и защищать раненых от врага. Недаром у нас называли их сестрами-бойцами.

На совещании выяснилось, что в дивизиях собралось много раненых. Мы обязали начдивов выделить как можно больше повозок и всех раненых и больных доставить во Владимир-Волынский. Оттуда начальник санслужбы должен был эвакуировать их в тыловые госпитали.

Ночью участники совещания разъехались. К этому времени дождь перестал, подул ветер, очищая небо от облаков. Рассчитывая, что ветерок подсушит дороги, мы

распорядились, чтобы с началом дня дивизии приступили к выполнению своих задач.

Наступило утро 27 августа. Соединения армии вошли в соприкосновение с противником и вели бой на реке Хучва. 14-я дивизия вышла в район Модриниец — Мирче и захватила переправу у Теребиня. Переправа находилась в 6—8 километрах юго-западнее Грубешова, занятого противником.

В центре при подходе к Тышевцам разъезды 4-й дивизии завязали перестрелку с разъездами белогвардейской казачьей бригады есаула Яковлева. Казаки стали разбрасывать листовки, в которых содержался призыв к конармейцам переходить на сторону белых и бороться против большевиков «за самостийность» Дона и Кубани. В момент, когда, преследуя этих агитаторов, разъезды дивизии столкнулись в Тышевцах с бригадой Яковлева, около батальона польской пехоты перешло в наступление из Лащува. Хорошо, что подошли главные силы 4-й дивизии. 2-я бригада с ходу развернулась против пехоты, а белоказаков атаковала 1-я бригада. В коротком бою более 200 казаков было изрублено и около 100 взято в плен. Остальные бежали к Комарову, бросив 3 орудия, несколько пулеметов и около 200 лошадей. Пленные сообщили, что есаул Яковлев застрелился. Польская пехота тоже понесла большие потери и отошла.

6-я кавалерийская дивизия встретила упорное сопротивление в районе Жеплин — Пшеводув — Белз. Здесь при поддержке бронепоезда, который курсировал по ветке Угнев — Кристинополь, противник пытался нанести удар по левому флангу армии. Бой принял ожесточенный характер. Дивизия развернулась и, отражая настойчивые контратаки, медленно теснила польские части к югу.

К концу дня все наши соединения выполнили задачи. 14-я дивизия удерживала переправу через реку Хучва в районе Теребиня, 4-я овладела Тышевцами, 6-я и 11-я, отбросив противника к югу, вышли на рубеж Телятин — Новоселки — Гульча.

Постепенно стала вырисовываться группировка неприятельских войск, действовавших против Конармии. Пленные, захваченные в хуторе Теребинь, принадлежали 2-му полку 2-й пехотной дивизии легионеров. Они показали, что их соединение занимает район местечка Грабовец. Казаки, взятые в Тышевцах, сообщили, что

бригада Яковлева численностью до 750 сабель состояла из 1-го Терского и 2-го Сводного Донского казачьих полков, сформированных в польском городе Калиш из бывших солдат корпуса русского генерала Бредова. Польское командование направило бригаду в Тышевцы с разведывательными целями, рассчитывая установить силы нашей армии и направление ее движения. Казаки рассказали также, что в Замостье перебрасываются 10-я польская и 6-я петлюровская пехотные дивизии.

Ценные показания дали солдаты 13-й польской пехотной и 1-й кавалерийской дивизий, плененные 6-й кавдивизией. По их словам, оба эти соединения сведены в специально созданную для операций против Конармии группу генерала Станислава Галлера. Обе действовали против нас под Львовом. 1-я кавалерийская двинулась за Конармией сразу же, как только мы начали отходить из Львовского района, а 13-ю пехотную перебросили по железной дороге в район Угиев — Белз. Сопоставление дат переброски позволило установить интересную деталь: противник начал стягивать в район Замостья войска для борьбы против Конармии еще до того, как нам стало известно об этом направлении. Видно, не плохо работала польская разведка.

Полученные сведения заставили нас задуматься. Особенно беспокоили фланги армии. С юга нам угрожала группа Галлера, а с севера — 2-я пехотная дивизия легионеров. Опасность особенно возросла после отхода наших соседей — 44-й и 24-й стрелковых дивизий.

Пришлось двум своим дивизиям — 14-й и 11-й — специально поручить обеспечение флангов. Первой из них мы приказали двинуться на Коиюхи, а второй — в направлении Семержа. В центре две самые крупные и наиболее опытные дивизии — 4-я и 6-я — должны были наступать на северо-запад и к исходу 28 августа овладеть Чесниками и Комаровом, в 15—20 километрах восточнее Замостья.

3

Ночью мы донесли М. Н. Тухачевскому о сложившейся обстановке. Он потребовал от 12-й армии перейти в наступление и поддержать нас. А нам предложил передать командарму 12 Особую кавбригаду.

Последнего понять было никак нельзя. Нам приходилось действовать, по сути дела, в тылу противника, стягивавшего превосходящие силы. А тут вместо усиления армию ослабляли. Ведь лишившись Особой бригады, мы вынуждены были выводить в резерв одну из дивизий, что резко снизило бы ударную силу армии. Мотивируя этим, обратились к командующему фронтом с просьбой оставить нам Особую кавбригаду. Он с нами согласился.

Весь день 28 августа снова шел проливной дождь. Но, несмотря на ненастье и плохие дороги, наступление проходило успешно.

Бригады А. Я. Пархоменко отбросили с реки Хучва полк 2-й дивизии легионеров и заняли Конюхи. Передовые части 4-й дивизии внезапным налетом захватили в хуторе Переспа неприятельскую заставу, а затем разгромили до трех рот легионеров. К вечеру дивизия овладела Чесниками.

Снова наиболее жаркие бои выпали на долю 6-й дивизии. Пехота и конница противника, закрепившиеся в Лащуве и поддержанные сильным артиллерийским огнем, сопротивлялись довольно упорно. Но в конце концов не выдержали атаки и отошли. Развивая наступление, дивизия овладела Комаровом, где и расположилась на ночлег. В затылок ей, в деревню Зубовице, вышла Особая бригада, а к ночи туда переместился и полештарм.

Спокойнее других прошел день у Ф. М. Морозова. Его части без боя заняли Рахане — Семерж.

За день армия продвинулась на 25—30 километров, и связь с оставшимися на Буге соединениями 12-й армии была полностью потеряна. Отстали наши обозы и артиллерия, завязшие на болотистых проселках. Тем не менее мы решили продолжать наступление и приказали войскам к исходу 29-го выйти в район Замостья. Левой колонне — 6-й и 11-й дивизиям — предстояло овладеть Замостьем и, выбросив передовые части на 15 километров западнее его, перерезать железную дорогу у станции Завада. Правая колонна — 4-я и 14-я дивизии — должна была охватить местечко с северо-востока и севера, чтобы поддержать левую.

Поскольку с углублением в тыл противника усилилась опасность внезапных ударов по нашим тылам, Рев-

военсовет приказал начдивам подтянуть обозы ближе к войскам, пополнить части боеприпасами, вооружить всех ездовых винтовками, всегда иметь надежное охранение и круговую разведку, держать непрерывную связь с соседями и в случае нужды оказывать друг другу помощь, не ожидая распоряжений. Особое внимание обращалось на экономное расходование боеприпасов и продовольствия, ведь армейские базы снабжения оставались далеко позади, и не исключалось, что дивизии могли быть отрезаны от них.

Подготовив приказ, мы послали радиограммы командующему Западным фронтом и командарму 12, в которых вторично просили энергичным наступлением стрелковых дивизий сковать противника в районе Грабовец — Грубешов и группу генерала Галлера, угрожавшую нашему левому флангу.

На рассвете 29 августа начали поступать тревожные донесения из правой колонны. Врид начдив 4 И. В. Тюленев сообщал, что перед рассветом противник предпринял наступление и потеснил 1-ю бригаду. С помощью пришедшей на подмогу 2-й бригады положение сначала было восстановлено, но затем враг снова предпринял упорные атаки. Тяжелый бой вела и 14-я кавалерийская, которую со стороны Грабовца атаковала 2-я польская пехотная дивизия, поддержанная двумя бронепоездами.

Весьма сильное давление испытывали части А. Я. Пархоменко. Я приказал И. В. Тюленеву повернуть две бригады на северо-восток. Во взаимодействии с 14-й дивизией им предстояло контратаковать 2-ю пехотную дивизию противника и отрезать ей пути отхода на Грабовец.

Поручив С. А. Зотову следить за успешно наступавшей левой колонной и как можно чаще сообщать нам о ее действиях, мы с Ворошиловым отправились в 4-ю дивизию. К нашему приезду две ее бригады, достигнув железной дороги километрах в двенадцати от Замостья, повели наступление на Менчин и Хорышув-Польский. Лесисто-болотистая местность здесь лишила конармейцев маневренности и заставила действовать в пешем строю.

Противник, подтянув бронепоезда из Грубешова, буквально забросал наши части снарядами. Взрывы подни-

мали землю даже возле командного пункта начдива, который мы разыскали на опушке небольшой рощи. Наша же артиллерия, застрявшая в болоте, вынужденно молчала.

В таких условиях нельзя было надеяться на успех атаки спешенных частей, и я приказал И. В. Тюленеву частью сил прикрыться от ударов со стороны Замостья, а три полка посадить на лошадей и, перебросив к северу, в Завалюв, атаковать оттуда в конном строю.

Перелом наступил во второй половине дня. Скрытно переброшенные в Завалюв три полка И. В. Тюленева нанесли 2-й польской пехотной дивизии внезапный удар во фланг. Противник, бросив свои укрепления, начал откатываться к северу. Используя этот успех, перешла в контратаку и 14-я кавдивизия.

В Зубовице мы возвратились к вечеру. К большому удивлению, полештарма там не было. В деревне находились лишь обозы и два эскадрона Особой кавбригады. В доме, где размещался полевой штаб армии, лежал раненый комбриг К. И. Степной-Спижарный.

Константин Иванович рассказал, что в наше отсутствие польская конница из группы Галлера выбила части 44-й стрелковой дивизии из Тышовцев и прорвалась в тыл Конармии. Как только возникла опасность для Зубовице, С. А. Зотов свернул полештарм и выехал в Комаров. Особая бригада предприняла контратаку и отбросила конницу противника в Тышовцы. В этом бою и ранило комбрига.

Взяв с собой К. И. Степного-Спижарного, мы поехали разыскивать полевой штаб армии. Оставшемуся за комбрига Особой Е. И. Горячеву приказали установить тесную связь с начдивом 14 А. Я. Пархоменко и удерживать Зубовице.

В Комарове полештарма тоже не оказалось, он перешел в деревню Старо-Антоновка, что в 4—5 километрах севернее его. Окружившие нас жители наперебой рассказывали о страшных злодеяниях, чинимых белогвардейцами из бригады есаула Яковлева. Казаки устроили в Комарове жестокий погром. Они изнасиловали большинство женщин и девушек, вырезали 30 еврейских семей.

Зато с какой теплотой отзывались люди о наших бойцах, о комиссаре Бахтурове, который распорядился

оказать пострадавшим жителям медицинскую помощь!

В Старо-Антоновку приехали, когда на землю уже опустилась густая, словно осязаемая темнота. В пути мы попали под дождь и были очень рады, когда нашли С. Н. Орловского в сухой и теплой хате. В довершение всего на столе кипел самовар.

— Вот счастливчик, живет как в раю, — улыбнулся Ворошилов, снимая мокрый френч.

— Да, но прежде чем добраться до этого рая, мы чуть не попали в настоящий ад, — ответил Орловский.

Вскоре зашел Степан Андреевич Зотов. Он сообщил, что 6-я дивизия вышла на подступы к Замостью, но овладеть им не смогла. По пути, в Томашове, был разгромлен штаб какой-то петлюровской части. Взято около 200 пленных.

Ф. М. Морозов выполнил свою задачу. В местечке Шевня его передовые части потрепали остатки казачьей бригады Яковлева, взяли пленных, отбили у противника много лошадей и орудие.

Таким образом, только две наши дивизии выполнили задачу дня и вышли в район Замостья. А 4-я и 14-я, которым не удалось овладеть Грабовцом, на ночь расположились южнее его, в лесисто-болотистой местности, обстреливаемой вражеской артиллерией.

Изучив результаты боев, сведения, добытые разведкой, показания пленных и захваченные у противника документы, мы смогли не только уточнить группировку противника, но и уяснить намерения польского командования. С севера, из района Грабовца, над нашим правым флангом нависали крупная по численности, хорошо вооруженная 2-я дивизия легионеров и некоторые части 6-й пехотной петлюровской дивизии. В Замостье вели активную оборону части 10-й польской пехотной дивизии и остатки казачьей бригады есаула Яковлева. С юга и юго-востока наступала группа Галлера. Здесь же находилась 9-я бригада 5-й пехотной дивизии.

Из захваченного приказа генерала Галлера мы узнали, что его группа имеет задачу ударить по левому флангу и тылу Первой Конной армии и во взаимодействии с другими польскими войсками разгромить ее. Пленные польские солдаты утверждали, что Конную армию скоро окружат и уничтожат.

А один заявил:

— Советские войска под Варшавой разгромлены. Полностью пленены две ваши армии.

Вначале мы не верили пленным, думали, что они пересказывают пропагандистские измышления, распространяемые в войсках для подъема морального духа. Но вскоре поняли — в их показаниях была значительная доля правды.

Л. Л. Клюев передал по радио оперативную сводку. В ней сообщалось, что 4-я армия, 3-й Конный корпус Г. Д. Гая и две стрелковые дивизии 15-й армии, отрезанные от главных сил Западного фронта, оказались вынужденными 26 августа перейти границу Восточной Пруссии. Соединения 15, 3, 16-й армий и мозырской группы с большими потерями отступили на восток. На фронте 12-й армии было без перемен, а 14-я вела тяжелые бои в районе города Буск.

Словом, обстановка для нас была безрадостной. Конармии приходилось действовать в тяжелых условиях погоды и местности, с ограниченным количеством боеприпасов и продовольствия, а главное — фактически в оперативном окружении превосходящих сил противника. Но задача овладеть Красноставом не отменялась, и мы приняли решение 30 августа продолжать наступление, надеясь еще на помощь 12-й армии.

Освободившись от неотложных дел, перед рассветом легли отдохнуть. Утомительные поездки в дивизии, холодный душ под дождем, казалось, сделают свое дело, но сон не шел. В голове роились тревожные мысли о тучах, которые сгущались вокруг армии. Мысленно я представлял себе наших уставших, насквозь промокших бойцов, пересчитывавших остатки патронов. Что-то принесет им новый день?

4

К утру дождь перестал, но небо, затянутое мутно-серым маревом, продолжало хмуриться. Мы с Климентом Ефремовичем в сопровождении эскадрона Реввоенсовета выехали к Морозову. Хотелось на месте ознакомиться с обстановкой и решить, направлять ли 11-ю дивизию на помощь 6-й или совместно с Особой бригадой двинуть против группы генерала Галлера.

Штаб Морозова разместился в Беловоле, южнее Замостья. Федор Максимович доложил, что ночь прошла спокойно. Две его бригады пока находились в районе Липско — Лабуие, а третья выступила из Комарова на Бархачев.

Предложив ему ждать указаний, мы двинулись к И. Р. Апанасенко. Но отъехали совсем немного, когда нас догнал связной из 3-й бригады Морозова. Комбриг Краснов доносил, что противник перешел в наступление и захватил Комаров.

Это был первый тревожный сигнал. Враг вышел нам в тыл. Я приказал передать начдиву, чтобы он немедленно выбил белополяков из Комарова, а затем развернул дивизию фронтом на юго-восток для обеспечения левого фланга армии.

Надо было торопиться, и мы решили проскочить в штаб 6-й дивизии напрямик через хутор Вепржец. В хуторе жители предупредили, что дальше в лесу стоят польские войска. И действительно, только мы миновали Вепржец, как из леса стала выходить вражеская пехота. За кустарником нас не заметили, а мы видели, как возле леса приземлился аэроплан. К нему бросились солдаты. Летчик высунулся из кабины и, размашисто жестикулируя, описывая руками круги, начал что-то рассказывать. Мы не могли его слышать, но по характерным жестам поняли, что он сообщает о своих наблюдениях с воздуха, об окружении Конной армии польскими войсками.

Я подозвал И. М. Десятникова:

— Направьте к Морозову связного. Пусть сообщит о встреченной нами пехоте.

Мы повернули назад, чтобы проехать в 6-ю дивизию другой дорогой. И уже минут через сорок были в хуторе Пневек у И. Р. Апанасенко.

Он тоже порадовать ничем не мог. Все его бригады наступали на Замостье, но безрезультатно.

Упорная оборона противника в Замостье, появление неприятельской пехоты южнее его и вероятное ее движение на соединение с замостьевским гарнизоном создавали угрозу изоляции 6-й дивизии от главных сил армии. Особенно такая опасность возросла с вынужденным отклонением 11-й кавдивизии на юго-восток к Комарову.

Сообщив И. Р. Апанасенко о появлении противника у Вепржеца и о положении у Морозова, я приказал

оттянуть находившиеся за Замостьем две бригады, закрепиться на рубеже восточнее местечка и войти в огневую связь с 4-й кавдивизией.

Из Пневека поспешили в полевой штаб армии. Необходимо было срочно доложить новую обстановку командующему фронтом, выяснить положение 12-й армии.

В Старо-Антоновке нашим глазам предстала мрачная картина. Дома, которые занимал полештарм, лежали в развалинах. Дворы были усеяны трупами лошадей комендантского эскадрона. На улице, изрытой воронками, валялись разбитые повозки.

Зотова и Орловского разыскали на северной окраине деревни. Они рассказали, что после нашего отъезда противник занял Комаров и сразу же открыл по Старо-Антоновке сильный артиллерийский огонь, причем в основном по той части деревни, которую занимал полештарм. При первых же взрывах погибли часовой у денежного ящика и ординарец Ворошилова, кинувшийся спасать лошадей. Несколько бойцов комендантского эскадрона оказались раненными. Артобстрел повредил радиостанцию. Расследованием, которое провел С. Н. Орловский, было установлено, что ночью в Комаров ушел родственник местного ксендза. Он-то, как затем показали пленные, и дал белополякам сведения о размещении полештарма.

Оставаться в Старо-Антоновке было небезопасно. Противник мог повторить артиллерийский налет или ночью прорваться из Комарова. Решили перебраться на север, поближе к 4-й дивизии.

Перед отъездом всем начдивам дали указание оставаться на местах, вести круговую разведку и держать между собой локтевую связь. Поскольку путь в тыл был отрезан, распорядились подтянуть обозы ближе к частям, разгрузить их от обмундирования, выдав его на руки бойцам, максимальное количество повозок выделить для раненых и больных.

В Невирков, к новому месту размещения полештарма, выехали в кромешной темноте, под проливным дождем. Не видно было ни зги, только по слуху определялось направление движения лошадей, шлепавших по сплошной жидкой грязи. Часто повозки попадали в ка-

навы, и тогда бойцы ощупью пробирались к ним, понукали коней, кричали и ругались.

В одном месте лошадь Ворошилова остановилась. Я подъехал к нему:

— В чем дело, Климент Ефремович?

— Не идет моя Волга, топчется на месте, — ответил он и снова начал понукать.

— Стойте, видно, впереди какое-то препятствие, — догадался я.

Ординарцы посветили, и Ворошилов ахнул, увидев, что его лошадь стоит на краю крутого обрыва.

Последние два километра дорога шла через сырой, заболоченный лес. И было похоже, будто мы с завязанными глазами пробираемся через неизведанные дебри, полные всевозможных подстерегавших нас ловушек.

Но вот наконец лес кончился, и впереди замерцали редкие, чуть видимые огоньки Невиркова. Дома для полештарма были уже приготовлены заранее высланными квартирьерами, и через несколько минут мы с Ворошиловым сидели в теплой комнате, довольные тем, что неприятное путешествие закончилось, можно посушить одежду и заняться делами.

Скоро у нас собрались Зотов, Орловский, Бородулин и комиссар полештарма Дижбит. Требовалось всесторонне обсудить наше незавидное положение. На юге и юго-востоке группа генерала Галлера заняла Тышовцы, Комаров, Вульку Лабиньску, отрезав нам пути сообщения со своим тылом и 12-й армией. На севере 2-я дивизия легионеров и части 6-й петлюровской дивизии удерживали Грабовец. 10-я пехотная дивизия прочно занимала Замостье.

Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что наибольшую опасность для армии представляет группа Галлера. Отсюда и решение: двумя дивизиями — 14-й и 11-й — прикрыться со стороны Грабовца и Замостья, а на юг, против Галлера, повернуть 4-ю и 6-ю. Только разгром его соединений мог развязать нам руки для наступления на Красностав.

В два часа ночи разъезды, возглавляемые командирами — работниками полештарма, повезли приказ в войска. Приказ предписывал 14-й дивизии сменить 4-ю южнее Грабовца, а 11-й вместо 6-й занять рубеж восточнее и северо-восточнее Замостья. Затем 6-я дивизия из

района Замостья, а 4-я — от Грабовца должны были нанести одновременный удар по Комарову. Особая бригада имела задачу удерживать позиции севернее Комарова, чтобы прикрыть развертывание 4-й дивизии.

От командиров и комиссаров соединений требовалось разъяснить бойцам, что враг намеревается зажать армию в кольцо и только успешное выполнение задач позволит сорвать этот замысел.

На 4-ю дивизию возлагались в этой операции наиболее сложные задачи и особенно большие надежды. Поэтому было естественно наше желание укрепить ее командование. Начальником дивизии Реввоенсовет назначил находившегося в резерве одного из наиболее опытных и отважных командиров — С. К. Тимошенко. А назначение командиром 3-й бригады Б. С. Горбачева, хорошего организатора, мужественного человека, награжденного двумя орденами Красного Знамени, и возвращение во 2-ю бригаду несомненно талантливого военачальника И. В. Тюленева рассматривалось как усиление основного бригадного звена.

Перегруппировка должна была закончиться к рассвету, а времени оставалось совсем мало. Тревожные мысли не покидали меня. «Успеют ли дивизии занять исходное положение?» — думал я, шагая по комнате.

По виду легко было понять, что Ворошилов волнуется не меньше. Пытаясь отвлечься, пробовал читать, но сосредоточиться не удавалось. Это видно было по тому, как он то и дело подымал голову и оглядывался на узкое, слезящееся под дождем окно. Наконец не выдержав, Климент Ефремович бросил книжку на стол:

— Да когда же это кончится? Льет и льет? Грязища непролазная, а бойцы и без того устали... Лошади изнурены до предела...

Беспокоились мы не напрасно. Дивизии еще не закончили перегруппировку, когда, упредив нас, противник сам перешел в наступление.

Позже из захваченных вражеских документов мы узнали, что 30 августа командующий 3-й польской армией генерал Сикорский отдал приказ на окружение и разгром Конармии в районе Замостья. Замысел его был прост. Генерал Галлер и командир 2-й дивизии легионеров полковник Жимерский должны были встречным ударом с юга и севера соединиться, захватить переправу на

реке Хучва у Вербковице и окончательно отрезать нам пути отступления. Одновременно 10-я дивизия генерала Желиговского переходила в наступление из Замостья на Грубешов, чтобы разъединить силы нашей армии.

И вот, выполняя приказ Сикорского, ночью против Особой бригады перешли в наступление галлеровские пехотные части из Комарова и от деревни Провале. Силы противника превосходили наши во много раз, но конармейцы держались стойко и отбивали одну атаку за другой.

В середине ночи в бригаде кончились снаряды, на исходе были патроны, и оба полка — Особый и Сибирский — вынуждены были начать отход на север.

К северу и востоку от Комарова на несколько километров раскинулось поросшее осокой и мелким кустарником сплошное болото. Многодневные ливни затопили все дороги и тропы, скрыли под водой зыбкую трясину. Через это гиблое место бригаде и пришлось отступать.

Под огнем вражеской артиллерии, по пояс в топкой жиже вели бойцы своих коней, тащили на себе пулеметы, волокли орудия. Лошади выбивались из сил, и тогда ничто не могло заставить их идти. Иногда они проваливались в трясины и жалобно ржали. Все же к пяти утра конармейцы преодолели болотистую полосу и вышли на высоты южнее Невиркова и Котлице.

11-я дивизия вела тяжелый бой в районе Лабунька — Бархачев, отбивая атаки противника со стороны Комарова. А в это время польская пехота, которую мы с Ворошиловым видели накануне, перешла в наступление на север и, соединившись с замостьевским гарнизоном, отрезала две бригады 6-й дивизии, находившиеся западнее Замостья.

Вскоре и на 14-ю дивизию нажал противник из Грабовца. Понятно, что в положении, в котором мы оказались, думать о разгроме группы Галлера уже не приходилось. Впору было отбивать атаки превосходящих сил противника да удержать коридор между Невирковом и Грабовцом. Для этого требовалось собрать наши силы в кулак. Мы приказали А. Я. Пархоменко оттянуть две бригады с левого фланга к Замостью и во что бы то ни стало сдержать натиск грабовецкой группы. Особая бригада получила задачу закрепиться на новом рубеже и не допустить прорыва противника на север.

Отбросить вражеские части, вышедшие нам в тыл, и расчистить путь армии на восток могла только еще не связанная боями 4-я дивизия. Мы решили выехать туда и лично поставить задачу С. К. Тимошенко.

Дождь лил как из ведра, и, казалось, ему не будет конца. Узкая, грязная лесная дорога замедляла движение и растянула эскадрон Десятникова на сотни метров.

Преодолев лес и выехав на открытое поле, мы сразу же ощутили беспокойный пульс близкого боя. На юго-западе, между Комаровом и Замостьем, грохотала артиллерия, трещали пулеметы, слышались крики «ура».

В Чесниках находились 1-я бригада и штаб 4-й дивизии. С. К. Тимошенко доложил, что его 3-я бригада сосредоточилась в Стаброве, где скопились обозы почти всех дивизий. Имелась связь с бригадой 6-й дивизии и с Морозовым. Тимошенко получил сведения, что части 6-й дивизии, отрезанные западнее Замостья, успешно пробиваются к армии.

Информировав начдива об оперативной обстановке, я приказал ему 3-ю бригаду пока оставить в Стаброве для прикрытия обозов и для связи с 6-й дивизией, а две другие бригады выводить на шоссе Замостье — Грубешов и расчищать путь на восток.

— К ночи во что бы то ни стало доберитесь до Хорышова-Русского. Там свяжетесь с четырнадцатой дивизией. По мере продвижения проталкивайте за собой армейские обозы, — наставлял я Семена Константиновича.

А тем временем события стремительно развивались. Еще мы находились в 4-й дивизии, когда противник атаковал Невирков. Особая бригада отошла немного севернее, к деревне Конюхи, а нашему полевому штабу пришлось спешно, под огнем вражеской артиллерии, уходить в Менчин.

Но не успел штаб разместиться, как и Менчин атаковала пехота уже грабовецкой группы, просочившаяся где-то между частями 14-й дивизии. Отбиваясь от врага, полештарм укрылся в лесу западнее Менчина, откуда С. А. Зотов и прислал донесение.

— Семен Константинович, — подозвал я начдива. — Немедленно отправьте в Менчин полк. Поставьте ему задачу разгромить пехоту, занявшую деревню. Да поторопитесь с выступлением к Хорышову-Русскому.

От Тимошенко направились в 11-ю дивизию. Морозова и Бахтурова в штабе не было. Они находились у хутора Бархачев, где конармейцы отбивали очередную атаку.

Начдива нашли на крыше крайней хаты Бархачева. Он осматривал в бинокль местность, да так внимательно, что не заметил, как мы подъехали. За домами и в небольшом саду укрылись бойцы штабного эскадрона. Противник обстреливал деревню. Иногда снаряды падали совсем близко, пугая лошадей.

— Слазь с крыши, герой, пока снарядом не снесло! — крикнул я.

— Пустяки. Всякая пуля летит, да не всякая разит, — спрыгнул на землю начдив, искренне радуясь нашему приезду.

— Ему что: сам забрался повыше, на сухое место, а бойцов в воду положил, — пожимая Морозову руку, улыбнулся Ворошилов.

— Мокрому дождь не страшен, — отшутился Федор Максимович.

— Что-то ты сегодня пословицами говоришь, — заметил я. — Расскажи лучше, как дела.

— Противник жмет с юга и запада, у Комарова и Замостья, — сразу приняв серьезный тон, доложил начдив. — Он превосходит нас в артиллерии, снарядов не жалеет. Местность, видите, топкая, наступать трудно, вот и пытается выкурить нас огнем. Здесь пока держимся, хуже на левом фланге. Там посуше, для конницы удобнее, вот уланы и давят, думают прорваться.

— Федор Максимович, обстановка сложилась так, что нам придется идти назад, на соединение с войсками фронта. Сейчас армия зажата в кольцо. Будем пробиваться к Грубешову по большой дороге. Четвертой дивизии уже поставлена задача расчищать путь. Приказ на отход получишь позже. А пока здесь и в Вульке Лабиньской оставь заслоны. Главные свои силы отводи к Ярославцу, там свяжешься с Апанасенко...

К полудню части 11-й дивизии отошли в Ярославец. Туда же направились и мы с Ворошиловым.

К нашему приезду отрезанные две бригады 6-й дивизии прорвались на участке севернее Замостья и вышли в район Ситно — Стабров, где находилась и 3-я бригада. Здесь все пока обстояло хорошо.

А из Бархачева пришло тревожное донесение. Обнаружив отход 11-й дивизии, противник сбил оставленные ею заслоны, захватил Чесники и продолжал распространяться к дороге Замостье — Грубешов. Дальнейшее продвижение его на север грозило разрезать армию на две части, изолировать 6-ю и 11-ю дивизии от 4-й и 14-й. Этого нельзя было допустить. Удар в направлении Чесники, Невирков, Котлице и освобождение этих пунктов от противника мы возложили на 6-ю дивизию.

Часа в четыре дня дивизия подошла к Чесникам, занятым уланами. Атакой в конном строю 2-я и 3-я бригады отбросили вражескую конницу. Но дальше, продолжая наступление, в лесу перед Невирковом они попали под артиллерийский огонь. Снаряды падали густо, валили деревья, поднимали фонтаны грязи. Пришлось лошадей отвести в безопасное место, а Невирков атаковать в пешем строю.

Враг сопротивлялся с отчаянной решимостью, большой урон причиняли конармейцам установленные на крышах пулеметы. Две атаки результата не дали. Только когда деревня оказалась в полукольце, белопольская пехота отошла к югу.

Оставив в Невиркове бригаду, 6-я дивизия продолжала наступать на Котлице. Там обошлось легче. Противник, связанный боем с Особой бригадой за деревню Конюхи, сильного сопротивления не оказал.

Мы с Ворошиловым в сопровождении эскадрона Реввоенсовета побывали в Невиркове. Приказали Апанасенко закрепиться в освобожденных пунктах, на ночь выставить усиленное охранение.

Убедившись, что у него все в порядке, поскакали в 4-ю дивизию. С северо-запада доносились стрельба, крики «ура». Там вели бой бригады С. К. Тимошенко. Коридор, в котором мы оказались, так сузился, что вверху слышалось характерное шуршание снарядов, летевших и с юга, и с севера.

И днем-то дождь не переставал, а теперь хлестал такой ливень, что перед глазами стояла сплошная завеса воды.

Между деревней Конюхи и Завалювом натолкнулись на три крестьянские телеги. Две запряженные в них лошади стояли, а одна лежала. Под телегами, тесно прижавшись друг к другу, сидели люди.

— Ба, да это же наши артисты! — вглядевшись, воскликнул Ворошилов. — Вот так встреча.

Подъехав и склонившись с седла, я заглянул под одну из телег. Там оказались женщины, артистки армейского театра. Промокшие и озябшие, размазавшие грим по посиневшим лицам, они имели довольно жалкий вид. По расширенным глазам и испуганным взглядам можно было понять, что дрожали они не только от холода, но и от страха перед доносившимися со всех сторон звуками боя и перед пролетавшими вверху снарядами.

— Как же вы здесь очутились, культурные силы? И нравится ли вам этот концерт? — спросил я артисток, спрыгивая с коня. Спешился и Ворошилов.

Женщины, узнав нас, заговорили разом:

— Семен Михайлович, Климент Ефремович, помогите нам.

Услышав разговор, из-под соседней телеги вылез рослый мужчина.

— Какая же вам помощь нужна? Смотрите, какие у вас рыцари! — кивнул Ворошилов на богатыря артиста.

— Что касается меня, то я имею честь принадлежать к трагикам и соответственно своей профессии люблю все драматическое, но, разумеется, не опасное для жизни, — пробасил здоровяк, и его на вид хмурое лицо озарилось приятной улыбкой.

Через минуту все артисты покинули свои убежища и столпились около нас. Вперед вышел руководитель группы. От него мы и узнали, какие обстоятельства их сюда забросили.

— Сегодня утром мы давали концерт в деревне Конюхи, — рассказывал он. — Все было спокойно, как вдруг появляется товарищ Горячев, говорит: «Противник наступает. Кончайте свою комедию и быстренько тикайте, иначе вам будет драма в одном действии». Спрашиваем: «А куда тикать?» — «Садитесь, говорит, на повозки и жмите в Менчин, там полевой штаб армии». Вот мы и поднажали, а попали в эту стихию. Лошади устали, вороной же в виде протеста вовсе улегся.

— Ну что, товарищи, поможем артистам? — обратился Ворошилов к обступившим нас бойцам эскадрона.

И моментально на плечах прозябших женщин появились одеяла или просто попоны. У одного нашлась лишняя старая шинель, другой нес сапоги, которые ему «все равно тесны», третий делился куском хлеба.

Я приказал И. М. Десятникову выделить людей и лошадей, чтобы доставить артистов до ближайшей деревни в безопасное место. Прощаясь с нами, трагик спросил:

— Как вы думаете, Семен Михайлович, каков будет финал этой героической эпопеи?

— Победным! — уверенно ответил я. — А вы разве сомневаетесь?

— Нет. Просто хотел укрепиться в своем мнении, — и хитро улыбнулся.

Уже когда были в пути, Ворошилов оглянулся:

— Тяжел труд артистов в фронтовых условиях. Страшно, а надо смеяться, в желудке пусто, но песню пой, поднимай настроение бойцов. Силой своего искусства они тоже сражаются с врагами революции.

С этим нельзя было не согласиться. Да и не только искусством защищали они наше общее дело. Я сам не раз видел, как наши самодеятельные артисты и профессионалы, прервав концерт, шли в бой с винтовками в руках...

Хорышова-Русского достигли в сумерках. Село было занято противником. В лесу западнее его стояла одна из бригад 4-й дивизии в конном строю. Подъехали ближе и на невысоком холме увидели С. К. Тимошенко с группой командиров. Начдив что-то говорил, показывая рукой в сторону противника.

— В чем дело? Или решили в поле ночевать? — спросил я, приблизившись к высотке.

— Два раза уже атаковали, да все неудачно. В селе крупный противник,— ответил Тимошенко.

— И что теперь намерены делать? — поинтересовался Ворошилов.

— Приказал выбросить на фланги пулеметы. Под их прикрытием сам поведу бригаду в атаку.

— Правильно, — одобрил я. — Все равно мимо этого села у нас дороги нет. Врага надо разбить во что бы то ни стало, у бойцов необходимо укрепить уверенность в своих силах, в победе.

Проезжая перед строем, я шуткой ободрил конармейцев, а когда начдив доложил, что к атаке все готово, подал команду:

— Шашки к бою! За мной, марш, марш!

Ряды заколыхались и двинулись. На флангах рванули вперед пулеметные тачанки и, на ходу развернувшись, полоснули очередями по окраине Хорышова. Противник ответил ружейными залпами и дробным стуком пулеметов. Ухнуло орудие, взвизгнул и с треском где-то позади разорвался снаряд, потом второй, третий.

Я оглянулся и с удовольствием отметил, что конармейцы не дрогнули. Лава упрямо катилась к селу.

— Ура-а-а! — прозвучал рядом голос Ворошилова.

— Ура-а-а! — загудел мощный бас Тимошенко.

— Ура-а-а! — разлился половодьем боевой клич конармейцев.

И вот уже противник совсем близко. Вижу: пехотинцы начали метаться, бросать позиции, убегать за хаты и постройки. В стороне, присев у забора, стрелял из револьвера офицер. Миг — и налетевшая волна сбила забор, накрыла им офицера.

Конармейцы ворвались в село. Стрельба постепенно начала гаснуть и наконец совсем прекратилась. Хорышов-Русский был очищен от врага. Бригада захватила несколько десятков пленных, пулеметы, походные кухни и повозки с продовольствием.

— Вот теперь можно и отдохнуть, обсушиться. Только будьте архибдительны, — предупредил я, прощаясь с С. К. Тимошенко. — За ночь постарайтесь подтянуть сюда и остальные свои бригады.

Ночевать решили в полевом штабе армии, в Менчине. В Завалюв, расположенный на полпути туда, въезжали вслепую, когда уже спустилась непроницаемая темень.

— Не плохо бы обсушиться, — предложил Ворошилов.

— Пожалуй, — согласился я. — Может, и дождь перестанет.

— Ваня, подыщи-ка хату, да побыстрее! — крикнул Климент Ефремович ординарцу.

Шпитальный убежал, а мы тем временем выделили группу бойцов из эскадрона Десятникова для разведки

дороги в Менчин. Кругом слышалась стрельба, и в темноте можно было нарваться на противника.

— Осмотри дорогу и быстрей возвращайся.

— Не волнуйся, Семен Михайлович, все будет как надо, — успокоил меня командир взвода Ф. И. Афанасьев, назначенный старшим разведки.

Федор — мой старый товарищ. Мы вместе служили еще в Северском драгунском полку. Я знал его как опытного и умного разведчика.

Не дождавшись Шпитального, мы пошли в первый попавшийся дом. Ворошилов потянул на себя скрипучую дверь.

В комнате стоял полумрак, трудно было рассмотреть лица множества стоявших и сидевших людей. Окутанный сизой пеленой табачного дыма, лениво мерцал фитиль в плошке на табурете.

— Товарищи, может, вы перейдете в другую хату, а мы здесь обсушимся, — сказал Ворошилов.

— Чего вы за нами ходите? Весь вечер не даете покоя, — сердито шагнул к двери широкоплечий боец, приняв нас за кого-то, кто, видимо, уже пытался выселить их.

— Вам же русским языком объяснили, что хата занята, — спокойно урезонивал кто-то.

— Да чего там говорить. Гони их, Петро, в шею! — посоветовал голос из темного угла. — Какой нахальный народ.

— Кого это вы гнать собираетесь? — вышел я из-за спины Климента Ефремовича.

— Простите, не призна-али, — заикнулся Петро и, попятившись назад, опрокинул табуретку. Плошка упала на пол, и фитиль погас. В углу зашуршала солома, с лавки грохнулось пустое ведро и с шумом покатилось нам под ноги.

— Тихо! Не двигаться! — остановил бойцов Ворошилов, ощупью пробираясь вслед за мной к окну.

Зажгли свет. В хате действительно было полно народу — артиллеристов 4-й дивизии. Мы сняли одежду, выжали ее.

Через несколько минут вбежал командир 4-го конартдива Смешко — старый артиллерист, мой земляк, сражавшийся против белогвардейцев с 1918 года.

— Здравия желаю! — приветствовал он нас. — От хлопцев узнал о вашем визите.

— А это что, не бомбы ли? — хлопнул Ворошилов рукой по вздувшимся карманам Смешко.

— Это вам, — улыбаясь, вытащил он две краюхи хлеба. — Небось голодны.

Прошло с час. Вернулся Федор Афанасьев, и мы отправились в Менчин.

5

Попытки противника расчленить Конармию и разгромить по частям успеха не имели. Но положение оставалось угрожающим. Наши дивизии оказались зажатыми между двумя вражескими группировками в коридоре шириной всего 12—15 километров в районе Свидники — Хорышов-Польский — Чесники — Невирков — Хорышов-Русский. Причем польские войска нажимали не только с юга и севера, но и с запада, со стороны Замостья. А на востоке, захватив переправы на реке Хучва, противник отрезал нас от войск Западного фронта.

Надежда на помощь 12-й армии окончательно испарилась, мы даже не представляли, где она находится. Связь с нашим основным штабом и с командованием фронта установить не удавалось.

Ожесточенные бои 30 и 31 августа принесли большие потери и измотали Конармию. Люди выбились из сил. Лошади настолько устали, что буквально валились с ног. Обозы были переполнены ранеными, боеприпасы кончались, медикаментов и перевязочных средств вообще не осталось.

В таких условиях продолжать наступление на Красностав — Люблин против превосходящих сил противника означало обрекать Конармию на верную гибель. Обстановка властно требовала отводить ее на соединение с войсками Западного фронта. И Реввоенсовет отдал приказ с утра 1 сентября начать отход в общем направлении на Грубешов. Снова оперативное построение армии избрали в форме ромба, в центре которого решили расположить обозы и полештарм. В авангарде предстояло наступать 4-й дивизии, получившей задачу овладеть районом Теребинь — Грубешов и захватить переправы через Хучву. Уступами справа и слева долж-

ны были двигаться 6-я дивизия без одной бригады и 14-я, а в арьергарде — 11-я дивизия и бригада 6-й. Особая бригада оставалась в нашем резерве и следовала с полештармом.

Утром с Ворошиловым выехали к Тимошенко. Его дивизии отводилась самая ответственная роль, и хотелось находиться там, где мы могли быть всего нужнее.

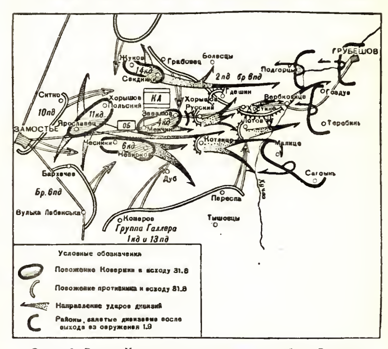

Схема 8. Выход Конармии из окружения в районе Замостья

Начдива встретили на юго-восточной окраине Хорышова-Русского. Верхом на коне он осматривал в бинокль примыкавший к дороге лес, в котором шел бой. Рядом стоял начальник штаба дивизии И. Д. Косогов.

— Как дела? — спросил я, здороваясь. — Есть ли успех?

— Пока нет, — ответил Семен Константинович. — Двинулись мы двумя колоннами, и обе встретили сопротивление. Левая вот тут, у леса, прижата сильным огнем.

Противника, вероятно, не больше двух батальонов, но у него много пулеметов.

— Это какая здесь бригада?

— Третья, Горбачева. Я ему приказал пробиться любой ценой. И он пробьется, товарищ командарм, будьте уверены.

— Ну а с правой колонной что?

— Там труднее. Вторая бригада остановлена сильным огнем белополяков из Лотова. Место там болотистое, и прорваться можно только через плотину. Послал Тюленеву батарею.

Я поднес к глазам бинокль, осмотрел местность впереди:

— Сделаем так, Семен Константинович. Первую бригаду двиньте в обход леса на Хостине. Это хотя и трудное направление, но для нас единственный путь отхода. Туда уже движутся тылы. Захватите переправу в Вербковице и исправляйте мосты.

Пока мы разговаривали, Ворошилов успел забраться на полуобгорелый сарай и осмотреть в бинокль лес, где атаковала 3-я бригада. Возвращался повеселевший:

— У Горбачева-то полный порядок. Лес в его руках.

— Ну и отлично. — Я повернулся к начдиву: — Поезжайте, Семен Константинович, в третью бригаду и тяните туда первую. А мы с Климентом Ефремовичем поедем к Тюленеву.

Вблизи Лотова, у маленького хуторка, увидели комбрига в весьма неприглядном виде. Он весь, с ног до головы, был забрызган грязью, даже к его русой волнистой шевелюре прилипли кусочки земли и стебли перегнившей травы.

— Иван Владимирович, что с вами? Где вы так разукрасились? — с сочувствием осматривал я измазанного комбрига.

— Ползать приходится. Пытался к Лотову вывести двадцать второй полк болотом с фланга, но ничего не вышло, людей засасывает. Придется еще раз атаковать прямо в лоб, через плотину.

— Ну что ж, давайте, Иван Владимирович, раз другого выхода нет, — вынужден был согласиться я. — Атакуйте, а мы подумаем, как вам помочь.

Сюда должны были подойти передовые части 6-й дивизии. Их мы и рассчитывали направить на помощь И. В. Тюленеву.

Поблизости находилась высота. Мы поднялись на нее, чтобы осмотреть местность и проверить, подходит ли 6-я.

С высоты открывался великолепный обзор во все стороны. Мы видели, что 3-я бригада Тимошенко уже преодолела лес и в конном строю атаковала Хостине, раскинувшееся на дороге к переправе у Вербковице. Из Завалюва по шоссе и полю к Хорышову-Русскому валом катилась темная масса обозов. Юго-восточнее местечка Грабовец, в полосе 14-й дивизии, грохотала артиллерия. Гул артиллерийской канонады доносился и с запада, из-за Менчина. Там вел бой арьергард армии — 11-я кавалерийская дивизия.

А вот и колонны 6-й дивизии. Они только вытягивались от Невиркова по проселку на Котлице.

— Что-то запаздывает Апанасенко, — заметил Ворошилов.

— Да, по времени он должен уже пройти Котлице, — отозвался я, рассматривая деревню Хонятыче к югу от Лотова. Здесь мое внимание привлекли колонны конницы.

— Климент Ефремович, смотрите, противник! — воскликнул я, показывая рукой в ту сторону. — Не меньше дивизии.

В это время у Лотова загремело «ура». Это 21-й полк во главе с комбригом И. В. Тюленевым и командиром полка В. В. Коробковым в конном сомкнутом строю бросился через дамбу и, несмотря на губительный огонь польских пулеметов, ворвался в деревню.

Наблюдая за атакой, мы на несколько минут отвлеклись от польской конницы. А когда вновь обратили на нее внимание, она стояла на прежнем месте в колоннах, стояла и смотрела, как бригада 4-й дивизии громила пехоту в Лотове. Оказать своим помощь уланы не могли — их отделяло от села широкое болото.

Со стороны Хорышова-Русского из леса вытягивалась артиллерийская батарея. Это ее Тимошенко послал на помощь Тюленеву, но, как видно, она безнадежно опоздала.

Мы вскочили на коней и помчались к артиллеристам. Впереди верхом ехал начальник артиллерии армии Г. И. Кулик.

— Что же вы, Григорий Иванович, так долго, — укоризненно сказал Ворошилов.

— Грязища непролазная. Застряли, Климент Ефремович.

— Давайте быстрее на высоту, — показал я Кулику. — Есть для вас интересная работа.

Артиллеристы выскочили на гребень, откуда как на ладони виднелись колонны улан.

— А ну-ка, Иван Емельянович, покажи свое искусство, — обратился я к командиру батареи Мирошниченко. — Смотри, стоят, словно на параде.

— Сейчас мы им устроим «парад». — Мирошниченко побежал к одному из орудий и сам стал наводить его на цель. Потом послышалась его басовитая команда, и одновременно ухнули два орудия.

Взрывы произошли в самой середине неприятельских колонн. Ряды смешались, и конница покатилась на юг, в лощину, подступавшую к большому лесу. А вслед им неслись и неслись снаряды.

Мы поскакали к Хорышову-Русскому. По шоссе здесь двигались обозы, полки Особой бригады и полевой штаб армии. Сплошной бесконечной лентой тянулись повозки, санитарные линейки с ранеными, походные кухни. Мы приближались к переправам на реке Хучва.

На некоторое время наступила относительная тишина. Не слышно было артиллерийского гула и треска пулеметов. Но в полдень неприятель напомнил о себе. Над 6-й дивизией и обозами появились самолеты.

Скоротечный бой произошел в местечке Хостиние, где путь нам преградила вражеская пехота. 22-й полк И. В. Тюленева ударом во фланг быстро смял противника. В атаке отличился командир 1-го эскадрона Тихон Бондаренко. Он первым ворвался в расположение врага и зарубил офицера. Уже будучи раненным, Тихон пленил расчет пулемета, который преграждал путь нашей коннице. За этот подвиг Т. Бондаренко был награжден орденом Красного Знамени. Кстати, в Конармии служила сестрой милосердия его жена Зинаида, тоже отважный человек.

Вышибая по пути неприятельские «пробки», части

4-й дивизии вышли к Хучве и захватили Вербковице. Бежавший противник не успел разрушить мост, и дивизия, а за ней обозы и полештарм перешли на восточный берег реки. Армия выходила из окружения.

Успешно выполняли свои задачи и остальные соединения. 14-я дивизия прочно обеспечила правый фланг армии и с боем отходила на линию Подгорцы — Волковые. Передовые части левофланговой 6-й дивизии, отходившие южнее, отбросили польскую пехоту с переправ через Хучву у Конопне и Вороновицы и установили связь с 44-й стрелковой дивизией в Тышовцах. Арьергард Конармии — 11-я дивизия в бою с подошедшим к Хорышову-Русскому противником захватила около двухсот пленных и заняла рубеж Заборцы — Гдешин — Хостине. Начдиву Морозову было приказано вечером перейти в наступление и отбросить неприятеля на запад, а утром следующего дня переправиться через Хучву в Вербковице.

В Богородице мы приехали часам к шестнадцати. С. А. Зотов уже разместил полештарм и теперь принимал меры, чтобы установить связь с дивизиями.

Я спросил его, что слышно о 12-й армии.

— Со штабом и командующим связи еще нет, — ответил Степан Андреевич. — Но у нас только что был боец из сто тридцать второй бригады сорок четвертой дивизии. Вот донесение комбрига.

Ворошилов взял из рук Зотова испещренную мелким почерком бумагу и начал читать.

Командир 132-й бригады сообщал, что его полки второй день вели в Грубешове кровопролитный бой. На рассвете противник ворвался на северо-западные окраины города. Бригада понесла большие потери. Ранены три комбата, восемь командиров рот и взводов. Тяжело ранен комиссар бригады Михайловский.

— Михайловский? — повторил Ворошилов. — Так вот куда он попал!

Мне понятно было его волнение. Климент Ефремович хорошо знал Михайловского и даже просил назначить его в Конармию.

— Надо, Семен Михайлович, помочь им, и побыстрее, — обратился ко мне Ворошилов.

На помощь 132-й стрелковой бригаде мы тут же направили две бригады 4-й кавдивизии.

В Грубешов выехал начальник оперативного отдела полевого штаба армии В. Р. Бородулин. Ему поручалось связаться по прямому проводу с основным штабом армии и передать Л. Л. Клюеву распоряжение срочно перебросить во Владимир-Волынский патроны, снаряды, продовольствие, фураж и выдвинуть туда оперативный пункт штарма.

4-я кавдивизия вновь доказала свою высокую боеспособность, а С. К. Тимошенко подтвердил репутацию толкового военачальника. Несмотря на усталость, после того как они протаранили кольцо окружения, две бригады рысью двинулись к Грубешову и с ходу навалились на противника. Враг обратился в бегство. Преследуя его, конармейцы взяли до 1000 пленных, захватили много пулеметов, винтовок и три тяжелых орудия.

Итак, план польского командования, рассчитанный на окружение и уничтожение ненавистной ему красной конницы, провалился. Наша армия расчистила себе путь на восток и соединилась с войсками Западного фронта. Благодаря мужеству и поразительной выносливости конармейцев мы выдержали все невзгоды и испытания. Дивизии не только организованно вышли из окружения и сохранили всю материальную часть, но и нанесли противнику значительный урон. Только в боях 1 сентября неприятель потерял около 700 человек убитыми и ранеными, а также свыше 2000 пленными.

Мы тоже понесли значительные потери. Смертью храбрых пали десятки замечательных бойцов, командиров и комиссаров. И что самое обидное, даже ценой этих жертв мы не могли оказать помощи войскам Западного фронта. Наступление Конармии на Замостье превратилось в обособленную операцию, обреченную на неудачу.

☆

15. ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

1

Польское командование не могло смириться с провалом своих планов окружения и разгрома Первой Конной армии. Оно считало, что не все еще потеряно.

И вот 2 сентября, подтянув свежие силы, при поддержке большого количества артиллерии и авиации противник начал наступление, особенно настойчивое на флангах. Три дня шли ожесточенные бои. Наши дивизии не только сдержали натиск, но и отбросили польские войска, захватив ряд населенных пунктов на западном берегу Хучвы.

Но соединения 12-й армии под давлением белополяков отошли за Буг. Неприятель охватывал наши фланги. Севернее нас он овладел переправой в Городило и развил наступление на юго-восток, а южнее польская кавалерия двинулась к Крылову.

Опасность оказаться отрезанной от переправ и зажатой между реками Хучва и Буг заставила нас отходить. 6 сентября под прикрытием сильных заслонов дивизии двинулись на восток, чтобы к рассвету следующего дня переправиться за Буг и занять оборону по его правому берегу.

С. А. Зотов ночью выехал во Владимир-Волынский. Он должен был телеграммой или по прямому проводу доложить М. Н. Тухачевскому об обстановке у нас, а также разыскать штаб 12-й армии и выяснить положение ее войск. Утром вслед за Зотовым к Владимир-Волынскому двинулись полевой штаб и Особая бригада.

К нашему приезду Степан Андреевич успел связаться с основным штабом армии. Л. Л. Клюев сообщил, что

получена директива командзапа о смене Конармии 7-й стрелковой дивизией.

На следующий день к нам во Владимир-Волынский прибыли С. К. Минин и Л. Л. Клюев. На состоявшемся заседании Реввоенсовета начальник штаба доложил, что для пополнения дивизий имеется шесть запасных полков по 500 сабель и 1000 лошадей, закупленных нашей ремонтной комиссией.

Труднее было с материальным обеспечением. Из доклада С. К. Минина стало ясно, что в армейских базах обмундирования на весь личный состав армии не хватало, продовольствия и фуража оставалось мало. Боеприпасы имелись в достаточном количестве, но для подвоза их недоставало транспорта.

Реввоенсовет посчитал нужным командировать С. К. Минина и Л. Л. Клюева к командующему Западным фронтом и к главкому с заявкой на все необходимое. Кроме того, мы решили направить на Кавказ комиссара полевого штаба Дижбита с письмом к Г. К. Орджоникидзе.

«Глубокоуважаемый товарищ и друг Григорий Константинович, — писали мы ему. — Зная ваше дружеское и трогательно сочувственное отношение к 1-й Конармии, Революционный военный совет армии обращается к вам с просьбой оказать помощь, которая вполне в ваших силах... В предстоящие холодные осенние и зимние месяцы недостаток теплого обмундирования может почувствоваться особенно больно и подорвать боеспособность армии. Вот почему, испрашивая у центра обычное обмундирование, мы, помня ваше дружеское обещание, обращаемся к вам с просьбой достать для армии и через нашего представителя военкома штаба тов. Дижбита переслать двадцать тысяч кавказских бурок. Эта помощь от вас, из родных для Конармии мест, в высокой степени подымет настроение и боевой дух конармейцев...» [1]

В случае вывода Конармии на длительный отдых Реввоенсовет считал необходимым просить главкома разрешить мне поездку на Кубань и Дон для привлечения в ряды Конармии казаков.

---

[1] ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 2, л. 1.

9 сентября Минин и Клюев уехали в Бердичев, а мы с Климентом Ефремовичем занялись текущими делами.

Днем встречали прибывших к нам 400 политбойцов-добровольцев. В основном это были московские рабочие.

Ворошилов побеседовал с ними, а затем состоялся митинг. Выступая от имени Реввоенсовета, я приветствовал добровольцев и рассказал о боевом пути Конармии. В заключение выразил уверенность, что они будут цементировать ряды конармейцев, в боях проявят самоотверженность и отвагу.

После митинга добровольцы построились в колонну и с революционными песнями направились на фронт.

В тот день к нам приехали врид командарма 12 Н. Н. Кузьмин и член Реввоенсовета армии С. И. Аралов. Я встречался с ними впервые.

Николай Николаевич Кузьмин произвел на меня впечатление добродушного жизнерадостного человека. Он был членом партии с 1903 года. До революции окончил математический факультет Петербургского университета и преподавал математику в средних учебных заведениях. Активно участвовал в революционной работе, сидел в тюрьме, отбывал ссылку. С победой Советской власти находился на редакторской работе, а в дни гражданской войны последовательно занимал должности комиссара штаба Юго-Западного фронта, члена Реввоенсовета Балтийского флота, члена РВС 6-й и 12-й армий. А вот теперь, после ранения Восканова, временно исполнял должность командарма 12. У него имелся большой опыт партийной деятельности и, что было редко в то время, высшее образование. Я слышал, что Николай Николаевич проявил незаурядные способности как журналист, писал стихи.

Об С. И. Аралове мне было известно, что он из бывших офицеров. До 1918 года был активным меньшевиком-интернационалистом. Но затем вступил в партию большевиков и с тех пор служил революции. До назначения в 12-ю армию заведовал оперативным отделом Наркомата по военным и морским делам, был членом Реввоенсовета Республики. Чувствовалось, что Семен Иванович знал и любил военную работу, тепло и сердечно отзывался о бойцах и командирах 12-й армии. Он сказал, что все их соединения понесли большие потери.

— Вы поймете, почему мы не могли поддержать наступление Конной армии на Красностав — Люблин, — говорил Аралов, — если узнаете, что у нас в седьмой и сорок четвертой дивизиях половина бойцов не имела винтовок. И сейчас армия растянута на широком фронте, действует в сложных условиях местности. Отрицательно сказалась неудача на варшавском направлении. Развязав себе руки, противник оказывает сильное давление на наш правый фланг.

Распрощались мы дружески. Н. Н. Кузьмин заверил нас, что приложит все силы, чтобы сменить Конармию, но он считал, что лучше и быстрее это сделает не 7-я, а 44-я дивизия, которая находилась ближе к нам.

После отъезда гостей мы провели совещание руководящего состава дивизий и бригад. Начдивы, комбриги и комиссары доложили о состоянии частей и соединений. Их выступления показали, насколько тяжелым было положение. В 11-й дивизии, например, осталось всего 1180 активных бойцов, причем 718 из них потеряли лошадей. Самая крупная — 6-я дивизия — насчитывала 4000 сабель. Но здесь вышли из строя почти все командиры полков и уцелело лишь четыре командира эскадрона. Из 150 пулеметов годными было только 60.

Командиры и комиссары говорили о том, что артиллерия, пулеметные тачанки, транспорт, оружие до предела изношены, конский состав изнурен. Слушая их, я отметил про себя, что сейчас частям нужен отдых, как никогда раньше.

К. Е. Ворошилов сообщил о мерах, принятых Реввоенсоветом для материального обеспечения войск и для укомплектования дивизий личным составом. Он дал также указания об усилении партийно-политической работы в частях. Я в своем выступлении подвел итоги боев в районе Замостья, сделал разбор действий дивизий и бригад.

Используя временное затишье, 10 сентября начальники и комиссары дивизий провели собрания командного и политического состава и познакомили с решением армейского совещания.

По инициативе партийных организаций в свободных от боя частях и учреждениях армии состоялись субботники помощи населению.

Нас сменить не успели, и вместо отдыха 12 сентября армия снова втянулась в бои.

Утром противник перешел в наступление. На участке 4-й дивизии польская пехота при поддержке артиллерии переправилась через Буг у села Выгоданка и повела атаки в сторону Лудина. 6-ю кавдивизию атаковала конница. Захватив переправу у Млинова, она стала распространяться на Паромов. Вскоре оказались втянутыми в бой 11-я и 14-я дивизии.

А соединения 12-й армии продолжали отступать. Возникла угроза потери железной дороги Владимир-Волынский — Ковель. Нам пришлось срочно выдвигать к северо-западу, в полосу 12-й армии, Особую кавбригаду.

Ковельское направление прикрывали 25-я, 7-я стрелковые дивизии и три бронепоезда. Они не смогли сдержать натиск противника, и Н. Н. Кузьмин просил нас направить к Ковелю кавалерийскую дивизию. А мы не могли этого сделать, поскольку резерва не имели. Послали туда два свои бронепоезда.

К ночи атаки неприятеля на Буге в основном были отбиты.

На следующий день подошла наконец 44-я стрелковая дивизия. Мы отдали приказ 4-й и 6-й кавалерийским пока оставаться на занимаемых рубежах, а 11-й и 14-й — сдать свои участки и отходить за реку Стырь.

Казалось, все начинает устраиваться как надо. Но во второй половине дня нам пришлось поволноваться. Комбриг Особой Степной-Спижарный донес, что стрелковые части отходят и скоро оставят Владимир-Волынский. А в городе находилось вещевое имущество 12-й армии — несколько тысяч комплектов обмундирования и сапог. С Н. Н. Кузьминым связаться не удалось, да у него, видимо, не было транспортных средств. Поэтому мы поручили Морозову, Пархоменко и Степному-Спижарному послать под охраной Особой бригады все свободные подводы и забрать оставленное имущество. Обмундирование удалось вывезти прямо из-под самого носа противника.

К вечеру город заняли польские войска.

Ночью от Степного-Спижарного пришло новое тревожное донесение. Он сообщал, что бронеотряды противника захватили Ковель и развивают наступление на юго-восток вдоль железной дороги Ковель — Ровно.

Выход неприятеля к Ковелю создал угрозу не только правому флангу, но и тылу Конармии. Поэтому решили дивизии оттянуть к реке Стырь, а самим с полевым штабом перейти в Луцк.

Мы все еще не могли выполнить приказ о выходе в резерв. Части 44-й стрелковой не сменяли наши 4-ю и 14-ю дивизии. По-прежнему не было связи с командующим 12-й армией. Пришлось соединиться с фронтом по прямому проводу, доложить обстановку и просить указаний.

М. Н. Тухачевский сообщил, что Реввоенсовет фронта принял решение отвести Конармию в район Ровно для пополнения и подготовки к новому удару. «Я считаю, — говорил он, — что Кузьмин имеет полную возможность сменить ваши части и обязан это сделать во что бы то ни стало, так и передайте ему от меня. Пусть он надавит на начдива 44-й, который все время неправильно информирует нас о Конармии и бегает где-то по тылам. Приступайте к выполнению вашей новой задачи и ознакомьте с ней Кузьмина» [1].

Как раз в это время к нам приехал Н. Н. Кузьмин. Узнав о разговоре с командзапом, он насупился:

— Дорогие товарищи, вы напрасно считаете, что я вас не хочу сменять. Давно отданы все распоряжения.

— Так в чем же дело? — спросил Ворошилов.

— Тяжело нам. Армия ведет бои на широком фронте.

— Николай Николаевич, мы не хотим с вами ссориться, — заметил я. — Но ведь что выходит: вы обещаете сменить Конармию, а не сменяете. Вот и пришлось звонить во фронт, выяснять, как быть.

Н. Н. Кузьмин задержался у нас довольно долго. Мы советовались, как быстрее выполнить приказ М. Н. Тухачевского и как сделать, чтобы 12-я армия удержала занимаемый ею рубеж. Уезжая, Николай Николаевич заверил, что он побывает в 44-й дивизии и добьется, чтобы она немедленно сменила наши части.

В ночь на 15 сентября поступила еще одна директива командующего Западным фронтом. Она снова требовала от командарма 12 сменить нас. А нам предлагалось отвести дивизии в район города Ровно, приводить их в порядок и готовиться к активным действиям.

---

[1] ЦГАСА, д. 294—290, л. 345 (шифр 1935 г.).

На рассвете 44-я стрелковая наконец начала сменять наши 6-ю и 11-ю дивизии. Соединения Конармии направились в указанный им район сосредоточения. К исходу дня бригады Ф. М. Морозова подошли к переправе через Стырь у Луцка, а части И. Р. Апанасенко выдвинулись на шоссе Млинов — Ровно. 4-я и 14-я дивизии на ночлег расположились в районе Олыки.

И опять не обошлось без неприятностей. Сменившие нас стрелковые части, видно, приняли наш отход за отступление и тоже начали отходить. Противник воспользовался этим. Его конные части и подвижные отряды на автомашинах стали прорываться между нашей пехотой. Арьергардам 6-й и 11-й кавдивизий пришлось сдерживать наседавшего неприятеля.

Вечером С. А. Зотов и С. Н. Орловский направились с полевым штабом в Ровно. Мы с К. Е. Ворошиловым тоже покинули Луцк, чтобы ночевать на станции Олыка. И вовремя. На следующий день броневики противника ворвались в Луцк.

Утром поехали к С. К. Тимошенко. У него узнали, что ночью 44-я стрелковая дивизия прошла через расположение наших войск и двинулась на северо-восток.

Так, планомерный отход Конармии в район Ровно сорвался. Чтобы остановить противника, пришлось занять оборону по реке Стубла. 4-я и 6-я дивизии прикрыли наши фланги, удерживая шоссе Луцк — Ровно и дорогу Млинов — Ровно. В центре, между ними, оборонялись 14-я и 11-я дивизии.

Отдав распоряжения, мы поехали в Ровно. Город встретил невообразимой суматохой. Группы красноармейцев и жителей толпились на улицах. Куда-то спешили всадники, повозки, санитарные линейки. И все это шумело, кричало, толкалось. К станции с ревом неслись автомашины, груженные военным имуществом. Оказалось, что из Ровно эвакуировались тыловые органы и базы 12-й армии.

Настроение и у нас, и у работников полевого штаба было неважное. Мы окончательно потеряли надежду смениться. Расстроенная, обессиленная, 12-я армия отходила по всему фронту. Как выяснилось, из четырех дивизий, которые в нее входили, штаб армии имел связь только с одной. Перед нами вставала незавидная перспектива вести бои в Ровно-Дубненском районе, изры-

том окопами, опутанном колючей проволокой, а значит, неудобном для действий конницы.

Весь день 16 сентября соединения армии сдерживали превосходящие силы противника, рвавшиеся к Ровно. Особенно тяжелая обстановка сложилась на шоссе Луцк — Ровно у Клевани, где оборонялась 4-я дивизия, и южнее ее, в районе деревни Рочище, в 14-й дивизии.

Конармейцы С. К. Тимошенко потеряли счет вражеским атакам и только благодаря поддержке бронепоездов и бронеавтомобилей смогли удержать занимаемый район.

Позиции 14-й кавалерийской атаковали две вражеские дивизии, поддержанные аэропланами. Главный удар пришелся по 3-й бригаде Д. И. Рябышева, но она сражалась героически. Вышло из строя большинство командиров и комиссаров, а конармейцы так и не отступили ни на шаг.

Целый день шел бой и в районе Сатриева на реке Стубла, где оборонялись части Ф. М. Морозова.

Чтобы облегчить положение 4, 14 и 11-й дивизий, начдиву 6 было приказано со следующего утра перейти в наступление по шоссе на Луцк в северо-западном направлении, во фланг атакующему неприятелю.

Ночью приехал начальник политического отдела армии Вардин. Он привез интересные новости. Прежде всего Вардин сообщил, что ведутся переговоры с Польшей и похоже на то, что мир скоро будет заключен.

— А вот это совсем свежее, — подал он Клименту Ефремовичу лист бумаги с напечатанным на машинке текстом.

— «Мы, военнопленные поляки, — начал читать Ворошилов, — находящиеся на сборном пункте города Бердичева в числе ста шестидесяти семи человек, на общем собрании, заслушав доклад представителя политотдела штарма Первой Конной тов. Ягельника о текущем моменте и ведении войны Польши против Советской России, постановили:

Англии, Франции и Америке объявить самый энергичный протест против наталкивания на войну польского рабочего и крестьянства с Советской Россией. Мы не хотим войны с Советской Россией. Мы требуем немедленного заключения мира. Мы желаем жить в дружеских отношениях и мирно исполнять свой труд сов-

местно с рабочими и крестьянами России. И обещаем Ревкомитету Польши на каждые его воззвания и требования встать с оружием в руках как один, как кирпичная стена, для защиты Рабоче-Крестьянского Революционного Комитета Польши и совместно с советскими российскими войсками вступить в бой против лакеев иностранного капитала и угнетателей рабочих и крестьян Польши...

Председатель Дрожанский. Секретарь Асиер.

От имени присутствующих Иондрас»[1].

— Это очень важно, — проговорил Климент Ефремович, кончив читать. — Ну а теперь рассказывайте, что еще нового у вас в Бердичеве. Когда будет пополнение?

— Пополнение поступает. Люди в основном хорошие. Значительная часть обстрелянная, уже побывавшая на войне. Прибыли сибирские казаки, правда, некоторые из них воевали на стороне Колчака. В общем всего тысячи четыре наберется, и в пути, на подходе, не меньше. Политическую работу с новичками ведем, а вот боевой подготовкой заниматься некому. Клюев с Мининым уехали. а Лецкому одному тяжело. Поступает оружие и обмундирование. С лошадьми хуже. Из того, что просили у главкома, где-то в пути только небольшое количество...

После доклада Вардина пришли к выводу, что если армии будет предоставлен отдых, то или мне, или Ворошилову придется выехать в Бердичев и основательно заняться подготовкой пополнений.

2

Наступление 6-й дивизии пришлось отменить. Поступила директива командующего фронтом, требовавшая для более спокойного отдыха и пополнения сосредоточить Конармию в районе Житомир — Бердичев.

— Хорошо сказать сосредоточить, но как это сделать? — взглянул я на Ворошилова. — Кто сменит наши части?

Обсудив обстановку, решили днем обороняться, а ночами отходить под прикрытием заслонов.

Об этом решении телеграфировали во фронт. Но просили командующего, пока мы будем сдерживать про-

[1] ЦГАСА, д. 276—838, л. 155 (шифр 1935 г.).

тивника, принять меры к созданию общего фронта 12-й и 14-й армий где-нибудь на Горыни или Случи.

В 14 часов 17 сентября был отдан приказ по армии. 4, 6 и 11-й дивизиям предстояло отойти на рубеж Александрия — Ровно — Здолбунов — Мизоч. 14-я отводилась на пополнение за реку Горынь, к местечку Корец. Туда же перемещались полевой штаб армии и обозы 2-го разряда. Особая бригада составляла резерв Реввоенсовета и сосредоточивалась в 10—12 километрах к западу от Ровно, чтобы быть готовой в случае необходимости оказать поддержку на любом участке фронта.

Бронепоезда Конармии получили задачу поддерживать дивизии во время боев на реке Устье, а затем через Здолбунов отходить к Шепетовке. Броневики выдвигались по шоссе на Клевань с целью прикрыть отход армии.

Договорились, что Климент Ефремович отправится в Бердичев и займется подготовкой пополнений, а со мной для руководства армией останется Вардин.

Сразу же после подписания приказа К. Е. Ворошилов и С. Н. Орловский уехали в основной штаб армии. С. А. Зотов должен был после рассылки приказа свертывать полевой штаб для перемещения в Корец. Но случилось непредвиденное.

Выяснилось, что к ночи станции Ровно и Здолбунов не успели разгрузиться. Пришлось задержать дивизии на реке Стубла до рассвета 18-го.

Только в 22 часа мы с Зотовым и Вардиным покинули Ровно. Ночь была лунная. Машина, охая на ухабах, медленно продвигалась на восток. Ехали невероятно долго — дорога ко всему прочему оказалась забитой колесным транспортом.

На рассвете недалеко от Гощи переехали Горынь. Примерно в четырех километрах от реки, в хуторе Терентиев, остановился Зотов с оперативной группой, а Вардин с отделами полевого штаба отправился в Корец.

События развивались не совсем так, как хотелось бы. До 11-й и 14-й дивизий наши распоряжения не дошли, и они начали отход к реке Устье. Противник обнаружил это и двинулся по пятам за ними. Около трех часов ночи он подошел к Ровно и ворвался в город, занятый всего только 2-й бригадой 4-й дивизии. Несколько часов длился жестокий уличный бой.

Когда враг занял важнейшие пункты и дальнейшее сопротивление стало безнадежно, комбриг И. В. Тюленев стал выводить полки на рубеж Шпанов — Бармаки, куда отходили главные силы 4-й дивизии.

Получив донесение об этом, я приказал С. К. Тимошенко в течение дня сдерживать противника заслонами, а к ночи отвести дивизию за реку Горынь, разрушить за собой все переправы и закрепиться на рубеже Александрия — Тучин.

Ф. М. Морозову предстояло под прикрытием броневиков отводить части за Горынь на рубеж Гоща — Завозов. Южнее его, до города Острог, восточный берег реки должна была занять 6-я дивизия. Особая бригада отходила к местечку Корец, а 14-я дивизия — на Рогачев.

Когда определилось положение дивизий и были отданы все распоряжения, оперативная группа выехала в Корец. Там уже имелась телеграфная связь с Бердичевом и штабом фронта, а с дивизиями — посредством постов летучей почты. К сожалению, связаться с 12-й и 14-й армиями не удалось.

А события на фронте продолжали развиваться с головокружительной быстротой. Две польские группировки, начавшие наступление — первая из района Грубешова, а вторая со стороны Брест-Литовска и Влодавы, после овладения Ковелем, Владимир-Волынским и Луцком соединились на реке Стырь и наносили теперь четко определившиеся удары по трем направлениям: на Сарны, Ровно и Дубно. Наши 12-я и 14-я армии продолжали отступать.

В этих условиях немедленный наш отход с Горыни мог привести к еще более тяжелым последствиям. На плечах Конармии противник получал возможность выйти на линию Коростень — Бердичев — Казатин и оттуда нанести удары по флангам наших соседей. Поэтому, как ни тяжело было усталым, ослабленным дивизиям, я решил временно обороняться на Горыни, пока будет создан общий фронт 12-й и 14-й армий. Телеграмму о своих соображениях и предложениях отправил в Минск.

Утром 19 сентября Вардин уехал в 14-ю дивизию. А я оставался в полевом штабе, ожидая сообщений Ворошилова из Бердичева и распоряжений фронта.

В 9 часов Зотов принес телеграмму М. Н. Тухачевского. Михаил Николаевич передавал в оперативное

подчинение Конармии 24-ю и 44-ю стрелковые дивизии 12-й армии и требовал занять ими рубеж обороны по Горыни, а кавалерийские части выводить в район Житомира.

В целом решение это было, безусловно, правильным. Но, к сожалению, мы все еще не имели связи с 12-й армией и не знали, где находятся ее соединения. К тому же я сомневался в способности ослабленных боями 24-й и 44-й дивизий прикрыть весь фронт, занимаемый Конармией. Считая, что директиву эту командующий отдавал до получения моего донесения, я связался с Ворошиловым, сообщил ему свои соображения и просил переговорить с М. Н. Тухачевским.

Утром 20 сентября из основного штаба было передано содержание разговора по прямому проводу между К. Е. Ворошиловым и командующим фронтом. Ворошилов затронул все вопросы, которые я просил его доложить. Смысл ответа М. Н. Тухачевского сводился к тому, что нашу армию нужно выводить на отдых. Он рекомендовал прикрыть подчиненными нам стрелковыми дивизиями дороги на Житомир и Шепетовку и вывести из боя, хотя бы вначале, две кавалерийские дивизии, чтобы пополнить их в более спокойной обстановке. Командующий фронтом обещал ускорить переброску пополнений.

Связь с 44-й дивизией вскоре была установлена. Оперативный отдел ее штаба прибыл в Корец, а все три бригады выдвигались к Горыни на смену 4-й и 11-й кавалерийских дивизий.

Но 24-я еще рано утром прошла город Острог и направилась к Изяславу. Вслед за ней через Горынь переправилась неприятельская конница и начала охватывать левый фланг Конармии. Я приказал И. Р. Апанасенко двинуться на Острог, разбить противника, овладеть переправой и установить связь с 24-й стрелковой дивизией.

В 14 часов был отдан боевой приказ по армии. 44-й дивизии предлагалось занять и упорно оборонять рубеж по восточному берегу Горыни от Котова до Бугрина. 4-я кавалерийская после смены должна была двинуться на пополнение в район Чуднова, 35 километров северо-западнее Бердичева. Части Ф. М. Морозова

оставались пока на своих позициях, имея в виду, что им предстоит выйти в армейский резерв.

24-я стрелковая дивизия получила задачу восстановить утраченное положение и занять оборону по Горыни от Бугрина до Острога включительно, имея тесную связь вправо с 44-й стрелковой дивизией и влево с правым флангом 14-й армии. 6-й кавдивизии подтверждалась задача разгромить противника в Остроге и оказать помощь 24-й стрелковой дивизии в закреплении на указанном ей рубеже.

На два дня — 22 и 23 сентября — на фронте Конармии установилось затишье. Лишь изредка на западном берегу Горыни происходили незначительные стычки разведывательных отрядов да, пользуясь ясной погодой, высоко в небе пролетали аэропланы.

Две бригады 44-й стрелковой дивизии без помех заняли полосу С. К. Тимошенко, а 131-я Таращанская выходила на смену 11-й кавдивизии. Ф. М. Морозов временно оставил на Горыни одну бригаду да подчиненными ему автобронеотрядами удерживал шоссе на Новоград-Волынский. Главные же силы дивизии отошли в ближайший тыл и стали приводить себя в порядок.

24-я стрелковая дивизия, которой предстояло сменить 6-ю кавалерийскую, не имела боеприпасов. Я распорядился выслать для нее из Бердичева 100 тысяч патронов и передать ей часть боеприпасов 6-й кавдивизии.

Так, постепенно соединения 12-й армии закреплялись на Горыни. А Первая Конная, как выяснилось, выводилась в резерв главкома для подготовки к борьбе против другого врага — Врангеля. В телеграмме С. С. Каменева Реввоенсовету армии говорилось:

«С 24 часов 26 сентября 1-я Конная армия в составе всех входящих в нее конных частей переходит в мой резерв и в мое непосредственное подчинение. Имея в виду использовать всю силу грозной Конной армии для окончательной ликвидации Врангеля, рассчитываю, что она в полной мере оправдает надежды, возлагаемые на нее Рабоче-Крестьянской Республикой...» [1]

Утром 26 сентября по указанию командования фронта 24-я и 44-я стрелковые дивизии снова перешли в рас-

---

[1] ЦГАСА, д. 248—263, л. 2 (шифр 1935 г.).

поряжение командующего 12-й армией. Кончилось наше участие в войне с белополяками.

С. А. Зотов с полевым штабом направился по шоссе в Новоград-Волынский, а моя машина свернула к местечку Ярунь. Там по проселку двигались колонны 4-й дивизии.

За станцией Орепы мы обогнали запорошенные пылью колонны и остановились. С гордостью и нежностью вглядывался я в усталые, опаленные солнцем, знакомые и дорогие лица бойцов. Мимо проезжали, покачиваясь в седлах, солдаты армии революционного народа, и они казались мне не простыми людьми, а богатырями, достойными бессмертной славы.

Многих героев-конармейцев уже не было в наших рядах. Одни пали смертью храбрых, и война разбросала их могилы по украинской земле. Другие выбыли из строя контуженными или тяжело раненными. Но оставшиеся в живых были полны решимости и дальше сражаться, пока страна не добьется своего права на мирную жизнь и счастье. Эта решимость читалась на лицах людей.

— Как дела, друзья? — спросил я бойцов.

— Все в порядке, товарищ командарм!

Шли лихие эскадроны, всхрапывали боевые кони. Легкий ветерок колыхал знамена полков, под которыми насмерть рубились с врагом вот эти загорелые, похудевшие, совсем юные и поседевшие люди разных характеров, но одной судьбы, одного страстного желания отстоять власть Советов. И все они были для меня родными, каждого хотелось обнять и расцеловать.

— Спасибо, товарищи, за ваши геройские подвиги! — приветствовал я эскадроны.

— Ура! — гремело в ответ.

Конец 2-й книги

СОДЕРЖАНИЕ

☆

Семен Михайлович Буденный
ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ
(Книга вторая)
М., Воениздат, 1965, 392 стр.,+1 вкл. + 3 нак.

Редактор *Аристов В. И.*
Художник *Васильев В. В.*
Технический редактор *Кузьмин И. Ф.*
Корректор *Мурашко С. Н.*

* * *

Сдано в набор 4.6.64 г.
Подписано к печати 8.5.65 г.

Г-24644.
Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$ — $12^{1}/_{4}$ печ. л. = 20,09 усл. печ. л. + 1 вкл. $^{1}/_{16}$ печ. л.=0,103 усл. печ. л. + 3 нак. $^{3}/_{8}$ печ. л. = 0,615 усл печ. л. 21,094 уч.-изд. л.
Тираж 115.000 экз. ТП 65 г. № 83
Изд. № 3/5532 Цена 85 коп. Зак. № 291

* * *

1-я типография
Военного издательства
Министерства обороны СССР
Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 85 коп.